

ISSN 1813-7083

2024 – № 1

**СИБИРСКИЙ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ**

Барнаул – Иркутск – Кемерово – Новосибирск – Томск

2024 – № 1

СИБИРСКИЙ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

Барнаул – Иркутск – Кемерово – Новосибирск – Томск

СИБИРСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Основан в 2002 г. Выходит 4 раза в год

Сибирское отделение РАН
Институт филологии Сибирского отделения РАН
Алтайский государственный университет
Иркутский государственный университет
Кемеровский государственный университет
Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирский государственный университет
Томский государственный педагогический университет
Томский государственный университет

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Чл.-корр. РАН, д-р филол. наук, проф. И. В. Силантьев (ИФЛ СО РАН) – главный редактор; канд. филол. наук А. А. Озона (ИФЛ СО РАН) – зам. главного редактора; канд. филол. наук В. А. Горбунова (ИФЛ СО РАН) – ответственный секретарь

Д-р филол. наук, проф. Т. А. Бакчиев (ГУ Национальная академия «Манас», Кыргызская Республика); канд. филол. наук, доц. Т. И. Белица (НГУ); д-р филол. наук, проф. Н. С. Болотнова (ТГПУ); д-р филол. наук, проф. Э. Вайда (Западно-Вашингтонский университет, США); д-р филол. наук, проф. Л. И. Горбунова (ИГУ); д-р филол. наук, проф. В. З. Демьянков (ИЯ РАН); д-р филол. наук, доц. Д. В. Долгушин (ИИ СО РАН); д-р филол. наук, проф. М. Я. Дымарский (РГПУ им. А. И. Герцена); д-р филол. наук, доц. О. Д. Журавель (НГУ); д-р филол. наук, доц. И. Е. Ким (ИФЛ СО РАН); д-р филол. наук, проф. Л. Г. Ким (КемГУ); д-р филол. наук В. Л. Кляус (ИМЛИ РАН); канд. филол. наук А. М. Лаврентьев (Лионский университет, Франция); д-р филол. наук, проф. Т. И. Печерская (НГПУ); д-р филол. наук, проф. Дж. Руйе-Уиллоуби (Университет Кентукки, США); д-р филол. наук, проф. Е. К. Скрибник (Мюнхенский университет, Германия); канд. ист. наук, доц. С. Г. Суляк (Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко, Республика Молдова); канд. филол. наук, доц. М. Б. Ташлыкова (ИГУ); д-р филол. наук, проф. Т. А. Трипольская (НГПУ); д-р филол. наук, доц. И. В. Тубалова (ТГУ); д-р филол. наук, проф. Л. Ю. Фуксон (КемГУ); д-р филол. наук, проф. Т. В. Чернышова (АлтГУ); д-р филол. наук, проф. М. А. Черняк (РГПУ им. А. И. Герцена); канд. филол. наук, доц. О. Н. Юрченкова (ТГПУ)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Д-р филол. наук, проф. Т. Е. Автухович (Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, Республика Беларусь); акад. РАН А. Е. Аникин (ИФЛ СО РАН); д-р филол. наук, проф. Т. А. Демешкина (ТГУ); д-р филол. наук, проф. Л. И. Журова (ИИ СО РАН); чл.-корр. РАН, проф. Н. В. Корниенко (ИМЛИ РАН); д-р филол. наук, проф. Е. В. Лукашевич (АлтГУ); д-р филол. наук, проф. Э. Малэк (Лодзинский университет, Польша); д-р филол. наук, проф. М. А. Осадчий (Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина); д-р филол. наук, проф. С. Ж. Тажибаева (Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, Республика Казахстан); д-р философии по антропологии, проф. С. А. Ушакин (Принстонский университет, США); д-р филол. наук, проф. Л. Харвилаhti (Финское литературное общество, Финляндия)

Журнал индексируется в БД Scopus, Web of Science Emerging Sources Citation Index (ESCI), Russian Science Citation Index (RSCI), Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-77938 от 04.03.2020

Институт филологии СО РАН, ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090
sibphilology@mail.ru

Официальный сайт журнала: <http://www.philology.nsc.ru/journals/spj/index.php>

СОДЕРЖАНИЕ

Фольклористика

Макаров С. С. (Москва, ИМЛИ РАН)	
Первая запись якутского эпоса в контексте традиции	9
Арбачакова Л. Н. (Новосибирск, ИФЛ СО РАН)	
Гора Сюрюгу и молочное озеро в эпосе шорцев	23
Голованева Т. А., Тирон Е. Л. (Новосибирск, ИФЛ СО РАН)	
Национальные имена, личные песни и семейные предания как способы трансляции семейно-родовой истории в культуре коряков-чавчуменов	35

Литературоведение

Волков И. О., Жиликова Э. М. (Томск, ТГУ)	
И. С. Тургенев – читатель поэмы Овидия «Метаморфозы»	52
Козлов А. Е. (Новосибирск, ИФЛ СО РАН, НГПУ)	
Повесть Н. Д. Ахшарумова «Граждане леса» в контексте философско-эстетической борьбы 1860-х годов	67
Филичева В. В. (Санкт-Петербург, ИРЛИ РАН)	
Произведения Ф. М. Достоевского в прижизненных альманахах и детских периодических изданиях	82
Шкерин В. А. (Екатеринбург, ИИиА УрО РАН)	
О прототипической основе повестей Д. Н. Мамина-Сибиряка «Доброе старое время» и «Верный раб»	95
Каяниди Л. Г. (Смоленск, СГУ)	
Генезис архетипического дионисийского сюжета у Вячеслава Иванова	109
Непомнящих Н. А. (Новосибирск, ИФЛ СО РАН)	
Рассказ А. И. Макаровой-Мирской «Камлание»: историко-литературный комментарий	123
Обатнина Е. Р. (Санкт-Петербург, ИРЛИ РАН)	
Паратекст в художественной системе Алексея Ремизова	133
Прозорова Н. А. (Санкт-Петербург, ИРЛИ РАН)	
«Из писем с дороги» О. Ф. Берггольц: история текста и проблема цикла	148
Буханова Е. Д. (Томск, ТГУ, СибГМУ)	
Повесть А. Г. Битова «Человек в пейзаже» (1983): сюжет ментальных блужданий в поисках сущности искусства и смысла бытия	164

Языкознание

Стручкова Я. В. (Якутск, СВФУ)	
Анатомическая лексика в якутской оронимии	177
Шенцова И. В. (Новосибирск, ИФЛ СО РАН)	
Семантика и функции шорских маркеров подобия в сфере компаративности	192

Плотников И. М. (Новосибирск, ИФЛ СО РАН)	
Коммуникативная вариативность типовой синтаксической структуры движения в сургутском диалекте хантыйского языка	207
Ружа О. А. (Новосибирск, НГПУ)	
Интерпретационный потенциал оценочных выражений <i>по-детски</i> и <i>по-взрослому</i> : выбор говорящего	223
Габышева Л. Л. (Якутск, СВФУ)	
Метафора дыма: реконструкция культурных смыслов (на материале якутской лингвокультуры)	236

Рецензии

Дербишева З. К. (Томск, ТГУ)	
Рецензия на книгу: Тюттешева Е. В., Байыр-оол А. В., Озонова А. А., Шагдурова О. Ю., Тазранова А. Р., Федина Н. Н., Кошкарева Н. Б., Невская И. А., Шенцова И. В., Горбунова В. А., Стручкова Я. В. Жизненное пространство и духовный мир человека через призму языков Сибири / Отв. ред. Н. Б. Кошкарева, Е. В. Тюттешева; Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т филологии. Новосибирск: Академиздат, 2021. 300 с.	248

Научная жизнь

Лоцилов И. Е. (Новосибирск, ИФЛ СО РАН)	
Игошева Т. В. (Санкт-Петербург, ИРЛИ РАН)	
Международная научная конференция «Жизнь и судьба Николая Заболоцкого (1903–1958): к 120-летию со дня рождения»	253

2024 – No. 1

SIBERIAN
JOURNAL
OF PHILOLOGY

Barnaul – Irkutsk – Kemerovo – Novosibirsk – Tomsk

SIBERIAN JOURNAL OF PHILOLOGY

Founded in 2002. Published quarterly.

Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Altai State University
Irkutsk State University
Kemerovo State University
Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk State University
Tomsk State Pedagogical University
Tomsk State University

EDITORIAL BOARD

Igor V. Silantev, Corresponding member of the RAS, Doctor of Philology, Prof., Institute of Philology of the SB of the RAS, Novosibirsk, Russian Federation – *Editor-in-Chief*; Aiiiana A. Ozonova, Candidate of Philology, Institute of Philology of the SB of the RAS, Novosibirsk, Russian Federation – *Deputy Editor-in-Chief*; Viktoiriya A. Gorbunova, Candidate of Philology, Institute of Philology of the SB of the RAS, Novosibirsk, Russian Federation – *Executive Secretary*; Talantaaly A. Bakchiev, Doctor of Philology, Prof., Manas National Academy, Bishkek, Kyrgyz Republic; Tatyana I. Belitsa, Candidate of Philology, Assistant Professor, Novosibirsk State University, Russian Federation; Nina S. Bolotnova, Doctor of Philology, Prof., Tomsk State Pedagogical University, Russian Federation; Edward J. Vajda, PhD in Slavic Linguistics, Prof., Western Washington University, USA; Ludmila I. Gorbunova, Doctor of Philology, Prof., Irkutsk State University, Russian Federation; Valeriy Z. Demyankov, Doctor of Philology, Prof., Institute of Linguistics of the RAS, Moscow, Russian Federation; Dmitriy V. Dolgushin, Doctor of Philology, Assistant Professor, Institute of History of the SB of the RAS, Novosibirsk, Russian Federation; Mikhail Ya. Dymarskiy, Doctor of Philology, Prof., Herzen University, Saint Petersburg, Russian Federation; Olga D. Zhuravel, Doctor of Philology, Novosibirsk State University, Russian Federation; Igor E. Kim, Doctor of Philology, Assistant Professor, Institute of Philology of the SB of the RAS, Novosibirsk, Russian Federation; Lidiya G. Kim, Doctor of Philology, Prof., Kemerovo State University, Russian Federation; Vladimir L. Klyaus, Doctor of Philology, A. M. Gorky Institute of World Literature of the RAS, Moscow, Russian Federation; Aleksey M. Lavrentyev, Candidate of Philology, Lumiere University Lyon 2, France; Tatyana I. Pecherskaya, Doctor of Philology, Prof., Novosibirsk State Pedagogical University, Russian Federation; Jeanmarie Rouhier-Willoughby, Doctor of Philology, Prof., University of Kentucky, USA; Elena K. Skribnik, Doctor of Philology, Prof., Ludwig Maximilian University of Munich, Germany; Sergey G. Sulyak, Candidate of History, Assistant Professor, Pridnestrovian State University, Moldova; Marina B. Tashlykova, Candidate of Philology, Assistant Professor, Irkutsk State University, Russian Federation; Tatyana A. Tripolskaya, Doctor of Philology, Prof., Novosibirsk State Pedagogical University, Russian Federation; Inna V. Tubalova, Doctor of Philology, Assistant Professor, Tomsk State University, Russian Federation; Leonid Yu. Fukson, Doctor of Philology, Prof., Kemerovo State University, Russian Federation; Tatyana V. Chernyshova, Doctor of Philology, Prof., Altai State University, Barnaul, Russian Federation; Mariya A. Chernyak, Doctor of Philology, Prof., Herzen University, Saint Petersburg, Russian Federation; Oksana N. Yurchenkova, Candidate of Philology, Assistant Professor, Tomsk State Pedagogical University, Russian Federation

EDITORIAL COUNCIL

Aleksandr E. Anikin, Academician of the RAS, Institute of Philology of the SB of the RAS, Novosibirsk, Russian Federation; Tatyana E. Avtukhovich, Doctor of Philology, Prof., Yanka Kupala State University of Grodno, Belarus; Tatyana A. Demeshkina, Doctor of Philology, Prof., Tomsk State University, Russian Federation; Ludmila I. Zhurova, Doctor of Philology, Institute of History of the SB of the RAS, Novosibirsk, Russian Federation; Natalya V. Kornienko, Doctor of Philology, Corresponding member of the RAS, A. M. Gorky Institute of World Literature of the RAS, Moscow, Russian Federation; Elena V. Lukashevich, Doctor of Philology, Prof., Altai State University, Barnaul, Russian Federation; Eliza Malek, Doctor of Philology, Prof., University of Lodz, Poland; Mikhail A. Osadchiy, Doctor of Philology, Prof., Pushkin State Russian Language University, Moscow, Russian Federation; Saule Zh. Tazhibaeva, Doctor of Philology, Prof., L. N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan; Sergey A. Oushakine, PhD in Anthropology, Prof., Princeton University, USA; Lauri Harvilahti, Doctor of Philology, Prof., Finnish Literature Society, Finland

Institute of Philology
Nikolaeva St., 8, Novosibirsk, 630090, Russian Federation
sibphilology@mail.ru
<http://www.philology.nsc.ru/journals/spj/index.php>

CONTENTS

Folklore

- Makarov S. S.**
The first record of the Yakut epic in the context of folklore tradition 9
- Arbachakova L. N.**
Mount Surgu and the Milk Lake in the Shor epic 23
- Golovaneva T. A., Tiron E. L.**
National names, personal songs, and family narratives as ways of transmitting family and ancestral history in Koryak-Chavchuchen culture 35

Literature

- Volkov I. O., Zhilyakova E. M.**
Ivan Turgenev as a reader of the poem *Metamorphoses* by Ovid 52
- Kozlov A. E.**
“Grazhdane lesa” (“Citizens of the forest”) by Nikolay Akhsharumov in the context of the philosophical and aesthetic struggle of the 1860s 67
- Filicheva V. V.**
The works of F. M. Dostoevsky in lifetime almanacs and children’s periodicals 82
- Shkerin V. A.**
About the prototypical basis of the novels of D. N. Mamin-Sibiryak “Good Old Times” and “Faithful Slave” 95
- Kaianidi L. G.**
The genesis of the archetypal dionysian plot by Vyacheslav Ivanov 109
- Nepomnyashchikh N. A.**
Historical and literary commentary on the short story “Kamlan’e” by A. I. Makarova-Mirskaya 123
- Obatnina E. R.**
Paratext in the artistic system of Alexei Remizov 133
- Prozorova N. A.**
“From the Letters from the Road” by O. F. Bergholtz: the history of the text and the problem of the cycle 148
- Bukhanova E. D.**
The short story of A. G. Bitov “Man in the landscape” (1983): the plot of mental wanderings in searching for the essence of art and of the meaning of being 164

Linguistics

- Struchkova Ya. V.**
Anatomical vocabulary in Yakut oronymy 177
- Shentsova I. V.**
Semantics and functions of Shor similarity markers in the field of comparativity 192

Plotnikov I. M.	
Communicative variation of the typical syntactic structure of motion in the Surgut dialect of the Khanty language	207
Ruzha O. A.	
Interpretative potential of the evaluative expressions <i>po-detski</i> (childishly) and <i>po-vzrosloму</i> (maturely): the choice of a speaker	223
Gabysheva L. L.	
Smoke metaphor: reconstruction of cultural meanings (a case study of Yakut linguoculture)	236

Reviews

Derbisheva Z. K.	
The review of the monograph: “The living space and the spiritual world of man through the prism of the languages of Siberia,” written by Tyuntesheva E. V., Bayyr-ool A. V., Bayyr-ool A. V., Ozonova A. A., Shagdurova O. Y., Tazranova A. R., Fedina N. N., Koshkareva N. B., Nevskaya I. A., Shentsova I. V., Gorbunova V. A., Struchkova Ya. V. and edited by N. B. Koshkareva and E. V. Tyuntesheva, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Akademizdat, 2021, 300 p.	248

Scientific life

Loshcholov I. E., Igosheva T. V.	
International scientific conference “The life and fate of Nikolai Zabolotsky (1903–1958): on the 120th anniversary of his birth”	253

Научная статья

УДК 398.224

DOI 10.17223/18137083/86/1

Первая запись якутского эпоса в контексте традиции

Семен Семенович Макаров

Институт мировой литературы имени А. М. Горького
Российской академии наук
Москва, Россия

others3@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5751-5967>

Аннотация

Исследуется первая запись якутского героического эпоса, выполненная А. Ф. Миддендорфом в 1840-е гг. от анонимного сказителя и ставшая известной под названием «Эриэдэл Бэргэн», в аспекте ее локальной атрибуции. В работе привлекается репрезентативный материал из записей текстов якутского эпоса, а также других жанров повествовательного фольклора народов Сибири (якутские, русские, эвенкийские сказочные и мифологические сюжеты). Структурные и семантические признаки текста позволяют установить его близость к данным центрально-якутской эпической традиции, в частности к вариантам, записанным позднее в окрестностях Амгинской слободы, Мегино-Кангаласского и Ботурусского улусов. Выявлены некоторые локально-специфичные мотивы и «общие места» якутского героического эпоса, апробированы принципы их дифференциации и исследования. Присутствующий в тексте олонхо международный сюжет о подмененной невесте выглядит ранним заимствованием скорее из эвенкийской традиции, нежели из русского сказочного фольклора.

Ключевые слова

героический эпос, якутский фольклор, собрание фольклора, олонхо, народы Сибири, Эриэдэл Бэргэн, А. Ф. Миддендорф

Для цитирования

Макаров С. С. Первая запись якутского эпоса в контексте традиции // Сибирский филологический журнал. 2024. № 1. С. 9–22. DOI 10.17223/18137083/86/1

The first record of the Yakut epic in the context of folklore tradition

Semen S. Makarov

A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation

others3@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5751-5967>

Abstract

The paper considers the first text of the Yakut heroic epic, recorded by A. Middendorf in the 1840s from an anonymous storyteller, later known as “Eriedel Bergen.” An attempt is made to determine the specific features of the text in terms of its local attribution. The study also provides an opportunity to discuss concrete historical and methodological observations. For a more comprehensive analysis, the author has used a representative sampling of records of the Yakut epic and other genres of narrative folklore of the peoples of Siberia, including Yakut, Russian, and Evenki fairy tales and mythological stories. The structural and semantic features of the recording were revealed that demonstrate the similarity to the texts of the Central Yakut epic tradition, in particular, to the variants recorded later near the Amginskaya Sloboda, Megino-Kangalassky, and Boturussky uluses of Yakutia. The analysis has identified some locally specific motifs and “common places” of the Yakut heroic epic, with the principles of their differentiation and study tested. It is suggested that the traditional international plot about the swapped bride, present in the text of the olonkho, appears to have originated from Evenk folklore rather than Russian fairy tales. A conclusion is made that the local specificity in Yakut epic tales is primarily evident in the specific motifs of the “exterior” plan while having a minimal effect on the core plot elements that remain broadly consistent across the genre’s various “dialect” versions. It would be considerably valuable in the future to map or catalog them.

Keywords

heroic epic, Yakut folklore, collecting of folklore, Olonkho, peoples of Siberia, Eriedel Bergen, Alexander von Middendorff

For citation

Makarov S. S. The first record of the Yakut epic in the context of folklore tradition. *Siberian Journal of Philology*, 2024, no. 1, pp. 9–22. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/86/1

Введение

Эпический сюжет о богатыре Эриэдэл Бэргэне известен как самая ранняя запись якутского героического эпоса (Миддендорф, 1878, с. 808–819) и именно в этом качестве чаще упоминается в литературе. В то же время содержательные и структурные особенности самого текста все еще не получили подробного рассмотрения. В изучении этого знаменательного источника по якутскому фольклору остаются лакуны, относящиеся к истории его фиксации, связям сюжета с локальными повествовательными традициями. Цель настоящей статьи состоит в попытке исследования этого источника в контексте имеющихся записей якутского эпоса и определения специфичных черт текста, информативных в аспекте его территориальной атрибуции. Попутно мы коснемся вопросов об ареальном распределении некоторых мотивов и образов якутского эпического и сказочного фольклора, а также о взаимных внутренних связях повествовательных традиций народов Восточной Сибири.

Материалом исследования послужили более шестидесяти текстов олонхо, зафиксированных в разное время в различных районах якутской традиции, а также записи мифологической и сказочной прозы народов Якутии. Определенные сведения были также извлечены из научных изложений сюжетов олонхо, полные тексты многих из которых еще не опубликованы [Емельянов, 1980].

Из истории записи и публикации источника

Записанный Миддендорфом текст представляет собой довольно характерный сюжет якутского эпоса, повествующий о путешествии героя-богатыря, преодолевающего в пути разнообразные препятствия физического и магического плана и обретающего в конце предназначенную ему невесту.

Насколько можно судить, запись была сделана незапланированно в условиях исследовательской поездки, предположительно, весной 1844 г. Существует мнение о том, что записи фольклора велись Миддендорфом непосредственно в Якутске [Мостахов, 1982, с. 120]¹. Вероятно, это верно в отношении образцов хоро-водных и некоторых иных песен, имеющихся в коллекции собирателя. В то же время представляется, что это не относится к тексту рассматриваемого олонхо, равно как и к примерам некоторых обрядовых инвокаций. Сам собиратель замечает, что записи фольклора ему подчас приходилось вести «в неблагоприятных условиях», «в первобытном лесу», что он услышал приводимое сказание «в шалаше» (Миддендорф, 1878, с. 808).

Подготовленная Миддендорфом публикация текста имеет своеобразную структуру. Часть сказания была транскрибирована и опубликована собирателем на якутском языке (в доступной ему мере) с подстрочным переводом на немецкий и русский (в разных версиях работы). Она содержит в изложении Миддендорфа 349 слов, в расшифровке, данной чуть позже Э. К. Пекарским (учитывая предложенные им написания и вставки), – 349 слов (Эриэдэл Бэргэн, 1911, с. 473–474)². Этот фрагмент текста представляет собой типичное для якутского эпоса вступление, содержащее описание страны героя, его жилища и имущества, а также один из вариантов «завязки» действия. Остальная часть текста (все основное действие сюжета) была приведена собирателем в пересказе на немецком и русском языках. Эта часть текста не воспроизводилась в последующем в печати и содержит в русском варианте 1 095 слов. Миддендорф также снабдил публикацию «сборником слов» – своеобразным конкордансом из 203 выражений, встречающихся в записанном им тексте (Миддендорф, 1878, с. 813–818).

Следует полагать, изначально объем записанного оригинального текста был больше, чем в публикации. У нас нет возможности проверить это предположение, так как местонахождение полевых материалов Миддендорфа на сегодняшний день неизвестно. Сведения о них были утрачены еще в начале прошлого века [Пекарский, 1908, с. 047], не обнаруживается прямых ссылок на них и в публикациях советского периода, нет уверенности в том, что они все еще существуют. Высказывалось мнение, согласно которому экспедиционные записи ученого могли храниться в последние годы его жизни среди материалов семейного архива Миддендорфов в Эстляндской губернии (ныне – Эстония) [Там же, с. 047–048]. Ин-

¹ См. также: YakutskHistory – Миддендорф А. Ф. URL: <http://www.yakutskhistory.net/наука/миддендорф/> (дата обращения 27.11.2022).

² Написания через дефис считались нами как единые слова.

формантом Миддендорфа, рассказавшим ему олонхо, иногда указывается сказитель К. Слепцов из Западно-Кангаласского (ныне – Хангаласского) улуса [Библиография олонхо, 1982, с. 11], что, однако, является ошибкой.

Таким образом, исходные сведения о записи весьма скудны: мы можем установить лишь некоторые обстоятельства и примерную дату осуществления записи. В то же время исследовательский маршрут ученого периода его работы в Сибири довольно подробно изучен.

Миддендорф прибыл на п-ов Таймыр в марте 1843 г. вместе со специалистом по геодезии В. В. Вагановым и другими членами экспедиции: «Он прошел по низким тундрам полуострова от Дудинки, через верховья реки Пясины к Хатанге, затем пересек полуостров по меридиану по реке Верхняя Таймыра, озеру и реке Нижняя Таймыра... Уже в феврале – марте 1844 года ученые проводят наблюдения над вечной мерзлотой в Якутске и его окрестностях. Отсюда экспедиция направилась через Амгу, долину реки Алдан и хребет Джугджур, к становищу Удское и Шантарским островам. Осенью и зимой 1844–1845 годов Миддендорф исследовал бассейн Зеи, а затем долину Амура и вернулся в Иркутск» [Лебедев, Есаков, 1971, с. 366–367].

Из числа местного населения в экспедиции из Якутска до Шантарских островов Миддендорфа сопровождали два казака и два якута [Явловский, 2004, с. 53], служившие, очевидно, проводниками и переводчиками. Без их помощи, судя по всему, тексты на местном языке не могли бы быть записаны и переведены. Этот факт может служить объективным обстоятельством, ограничивающим регион наших поисков, несмотря на то, что сам собиратель впоследствии отмечал, что «якутов встречал как на глубоком Севере Таймырского края, так и на отдаленнейшем юго-востоке Сибири, даже на Амуре, область которого в то время принадлежала Китайской империи» (Миддендорф, 1878, с. 758).

Параллели сюжетных элементов

Сюжет рассматриваемого олонхо можно условно представить как единство четырех смысловых звеньев: «Начальное вредительство и отправление в путь», «Приключения героя в пути (встреча с препятствиями)», «Прибытие в мир других людей. Испытание героя», «Женитьба героя на подмененной невесте и последующее разоблачение обмана». Каждая из этих частей находит более или менее точные соответствия в текстах других олонхо. Абсолютных совпадений в отношении целого сюжета мы не обнаружили (впрочем, это было бы редким явлением для устной традиции), однако весьма близкие соответствия находятся в самозаписи, оставленной чиновником и любителем устной традиции, автором одних из первых дошедших до нас письменных очерковых и фольклорных текстов на якутском языке А. Я. Уваровским [Böhtlingk, 1851, S. 79–95]. Помимо общей сюжетной канвы, повествующей о богатыре-одиночке, не знающем своего происхождения, но обретающем в конце семью и окружение, очевидную схожесть обнаруживают сцены седлания коня и сборов героя в поход, преодоления им препятствия в пути (горы, в которой проделывается ущелье). Заметную роль в обоих сюжетах играет и старуха *симэхсин*³, прислуживающая, согласно текстам, в доме родителей будущей невесты богатыря. Все это наталкивает на мысль о том, что эти сюжеты, вероятно, восходят к общей традиции, точнее, к одному протовари-

³ Значение слова связывают с др.-тюрк. **jumyshchi* ‘работник, слуга’ (БТСЯЯ, с. 409).

анту. Определенная трудность состоит в том, что текст Уваровского не удается достаточно надежно локализовать ⁴.

Весьма близкие параллели ко второму сюжетному ходу (история о подмененной невесте) обнаруживаются на довольно отдаленной периферии якутской эпической традиции – в олонхо эссеистских якутов (Красноярский край) (см. «Хотой Бёгё», «Ини бии» (Хотугу..., 2019, с. 87–88, 212–235)). Рассмотрение этих записей отсылает нас к малоисследованной еще проблеме взаимодействия различных фольклорных традиций в регионе. Остановимся на дистрибуции связанных с названным сюжетом мотивов несколько подробнее.

История о соперничестве старухи-служанки с юной красавицей, которая в повествовательном плане несет в себе главную ценность эпического мира – возможность продолжения рода, выглядит вполне закономерным шагом в развитии сюжетного разнообразия олонхо. Излишне говорить о том, что типологически повествования о противостоянии пожилой (мачехи, свекрови и т. д.) и молодой женщин являются частотными и популярными во всем мировом фольклоре. В системе персонажей якутского эпоса молодая девушка (*күө*), невеста героя, и старуха-скотница *симэхсин* занимают полярные позиции ⁵. Уже само это соотношение образов, кажется, несет в себе соответствующий сюжетопорождающий потенциал. В то же время сюжеты о противоборстве невесты и служанки за внимание жениха в якутском фольклоре исторически, по-видимому, являются заимствованными.

В олонхо, записанном Миддендорфом, старуха запугивает домочадцев рассказом о якобы встреченном ею грозном исполине, приехавшем сватать дочь хозяев и, вероятно, убивать остальных людей. Она устраняет (делает невидимой) подлинную невесту до того, как ее увидит жених. Следующим шагом коммуникативного «трюка» старухи становится собственно подмена, включающая перемену облика и последующий брак мнимой невесты с богатырем. Примечательно, что своеобразным фольклорным «фоном» этого сюжета выступают проникшие в якутский фольклор из русской традиции международные сказочные типы ATU 403, в якутской версии – «Царь Кёх» («Күөх ыраахтаабы») ⁶, ATU 404 – «Де-

⁴ Известно, что детство Уваровского до достижения им 5 лет прошло в Жиганске, расположенном на севере Якутии. В последующем он жил и работал преимущественно в Якутске, но также совершал много поездок по области. В связи с этим отнесение его «Олонхо» к конкретной локальной традиции якутского эпоса представляет определенную трудность.

⁵ Совпадая по гендерному признаку, они, однако, разведены по другим характеристикам. *Симэхсин* олицетворяет собой отжившее, но в то же время вечное (заметим, в целом ряде вариантов она лишена смерти) женское начало в его хозяйственно-бытовой ипостаси. Погруженная в нескончаемую грязную рутину в хлеву и на подворье, она фактически являет собой домашнего «духа» и еще и в этом качестве противостоит невесте как агенту, убавляющему благосостояние родительского дома. В своей маргинальности, приниженности практически до животного состояния (она входит в юрту через «собачий» вход, спит в ногах у хозяев, подбирает с пола непотребные остатки еды, оборачивается паршивым теленком, мышью и др.), *симэхсин* оттеняет чистоту, статусность и молодость эпической красавицы.

⁶ Служанка во время поездки отравляет царевну и выковыривает ее глаза. Зап. в 1957 г. от А. И. Слепцова, с. Улахан-Чистай, Момского района Якутии (Якутские сказки, 1967, с. 201–202).

вушка-мотылек» («Үрүмэччи Куо») ⁷ и АТУ 407 – «Старуха Бэйбэрикээн с пятью коровами» («Бизэ ынахтаах Бэйбэрикээн эмээхсин») ⁸, также содержащие комплекс мотивов с ложной невестой. Вероятно, они уже бытовали в якутском фольклоре на момент осуществления первой записи олонхо. Однако непосредственно сюжет о подмене девушки-невесты ее служанкой, как кажется, является более ранним заимствованием из эвенкийской традиции. Весьма схожие сюжеты в первой половине XX в. были записаны Г. М. Василевич среди дальневосточных и алдано-зейских эвенков (см. (Сборник..., 1936, с. 165–166; ИФЭ, 1966, с. 260–263)). В эвенкийских текстах обращает на себя внимание характерная лапидарность стиля, свойственная архаической мифологической прозе, в них также присутствует явный этиологический заряд, утраченный в якутских адаптациях. В последних, в свою очередь, акцент несколько смещается с содержания событий на повествовательный план – появляется композиционная градация, организуемая нарративной моделью с троекратным повторением (дух настоящей невесты три ночи стучится в жилище новобрачных (запись Миддендорфа); герой, вероятно, три раза спрашивает невесту-служанку о несовершенствах ее кожи – та отвечает, что это ссадины от металлических украшений и т. д. (мотив узнавания, растянутого во времени, см. есеейские тексты)). С предполагаемым источником заимствования якутские варианты роднит способ наказания ложной невесты – после разоблачения обмана ей отрезают голову. Заметим, что при этом в обеих версиях отсутствует мотив наказания ложной жены через разрывание лошадыми и превращения ее останков в некоторые неприглядные растения или мелких гадов (Березк. К. 32G), имеющийся в сказочных текстах (Якутские сказки, 1964, с. 175, 194). Эти признаки указывают на то, что сюжеты о браке с обманной невестой в якутском эпосе и сказках, довольно близкие в структурном отношении, могли быть результатом независимых случаев заимствования, имевших источниками различные этнические традиции.

В целом эпизоды с участием *симэхсин* в традиции олонхо были известны в довольно широком ареале. Как правило, старуха-служанка первой встречает героя в стране других людей, пугается его вида, ареалом активного бытования этого мотива представляется центральная Якутия. Впрочем, зафиксирован он и в вилюйской группе улусов и прилегающих к ней районах. В одном из вариантов *симэхсин*, например, вспоминает о своей молодости и высказывает желание выйти замуж (Кулдус Бөбө, 2009, стк. 4060–4117); в этом ареале традиции она также нередко подсказывает хозяевам способ испытания героя с использованием камня-валуна у входа в жилище, который при положительном исходе должен расколоться под богатирем (см., например: (Тон Саар..., 2004, стк. 1595–1870)); встречается образ *симэхсин* в вариантах эпоса и на северо-востоке, и в южных районах Якутии.

Информативным в исследовании «диалектной» специфики текста в записи Миддендорфа выглядит и другой содержащийся в нем сюжетный элемент – вариант реализации «вредительства», когда страну героя внезапно (обычно утром или

⁷ Дочь мачехи переодевается в одежду сводной сестры и выходит замуж за охотника. Зап. в 1940 г. от М. Е. Порядиной, 1 Морукский нас. Мегино-Кангаласского района (Якутские сказки, 1967, с. 218–219).

⁸ Жених отлучается в пути. Демоница убивает невесту и принимает ее облик. Сюжет содержит мотивы: Березк. К. 32А, К. 32G. Зап. В 1937 г. от М. П. Дмитриева, 4 Мальджаргарский нас. Орджоникидзевогo района (ныне – Хангаласского улуса Якутии) (Якутские сказки, 1964, с. 156–166).

днем, т. е. в «зените» благоденствия) посещает представитель враждебного мира. Подобные сюжеты были записаны в разное время в центральной Якутии. В олонхо «Эриэдэл Бэргэн» запись аналогичного фрагмента несколько неполная: не удается вполне восстановить, кем является посещающий страну героя персонаж, кому принадлежит убиваемый и приносимый в дальнейшем в жертву скот, что конкретно побуждает богатыря отправляться в путь и т. д. (см. (Миддендорф, 1878, с. 810–811)), однако сам характерный мотив, реализующий подобную «завязку» повествования, определяется достаточно надежно, что приближает нас к ответу на рассматриваемый вопрос.

Особенности формульного языка

Несколько более детальную атрибуцию текста позволяет провести анализ стилистических оборотов, встречающихся в записи. Мы исходим из довольно очевидного предположения, что речевые формы, на которые опирается сказитель в процессе устного рассказывания, в целом всегда являются более консервативной частью традиции, нежели сюжетно-мотивное наполнение вариантов.

В ходе анализа текст был разбит на 61 отдельный фрагмент, представляющий собой либо номинативный комплекс (словосочетания из имени и определения разной степени распространенности) (35 ед.), либо фразовое единство (21 ед.). Некоторый объем материала заняли также неполные (дефектные в письменной передаче) предикативные выражения (6 ед.) и сравнения, употребляющиеся вне связанных словесных групп (3 ед.). Многие составляющие текст выражения имеют традиционный характер. Не находят буквальных соответствий в других записях олонхо лишь 13 выражений из фрагмента текста на якутском языке.

Для того чтобы увеличить число сравниваемых единиц и, соответственно, несколько повысить показательность исследования, мы предприняли реконструкцию исходного вида выражений из части текста, данной в русском пересказе. С некоторой долей достоверности это удалось сделать для 10 выражений, среди них 2 номинативных сочетания, 7 полных фраз и 1 сравнительный оборот; три выражения в полученных списках повторяются дважды⁹.

Можно было ожидать, что большее единообразие в традиции будет наблюдаться в среде элементарных номинативных сочетаний – имен устойчивых элементов жанровой картины мира. Однако в действительности мы видим довольно широкую представленность в разных ареалах и более сложных конструкций, выражающих характерные эпические мотивы.

Большинство этих выражений, по нашим наблюдениям, локализуется в центральной части Якутии, точнее, в правобережье Лены, в так называемом Лено-Амгинском междуречье, одном из мест исторического расселения якутов. Локально-специфичными предстают, например, некоторые выражения зачина. Рассмотрим фразу *сиртэн тутулуктаах, халлаантан ситимнээх* (Миддендорф, 1878, с. 808–809) / ‘с опорой на земле [и] с связью с небом’ (говорится о герое)¹⁰. «Негативная» форма этого выражения – *халлаантан ситимэ суох, сиртэн тутулуга суох* / ‘не имеющий связи с небом [и] опоры на земле’ – обнаруживается

⁹ Имеется в виду выражение *барбыт кыһынын кырыатынан билэн, сайынын самырынан билэн* / ‘поехал [герой], узнавая зиму по инею, а лето – по дождям’.

¹⁰ Здесь и далее перевод наш. – С. М.

в тексте олонхо М. Н. Андросовой-Ионовой «Потомки Юрюнг Айыы Тойона» (Ботурусский улус, 1890-е гг.) (Үрүн Айыы..., 1911, с. 404).

Дальнейшее рассмотрение подтверждает связь исследуемой записи с традициями этого же региона. Об изгородях и стойле на подворье героя говорится: *былыттан быһа сүүрэн киирбит быыстаах...* Күннээх халлаантан хайа сүүрбүтүн курдук хаһаалаах... (Миддендорф, 1878, с. 808–809) / ‘с изгородью, [будто] спустившейся прямо с облака... со стойлом, будто спустившимся прямо с солнечного неба’. Это «общее место», судя по другим записям олонхо, достаточно четко локализуется в том же регионе Якутии, ср.: (Өлүү Үөдүлбэ, 1911, с. 443; Кулун Куллустуур, 1985, стк. 243–248; Дыырай Бэргэн, 2009, с. 40) и др.

О подворье героя в тексте Миддендорфа говорится: *хомурах хоммотох тусаһалаах* / ‘с двором, на котором не появлялись (букв. ‘не ночевали’) сугробы’ – два случая соответствия в нашей выборке: (Нюргун Боотур..., 1947, с. 110; Кулун Куллустуур, 1985, стк. 6727–6729).

Подобные выражения встречаются и среди кратких номинативных сочетаний. Обратим в этом плане внимание на выражения: *сулумах ох* (Миддендорф, 1878, с. 811) / ‘стрела с обыкновенным железным острием’ (Пек., стб. 2333), букв. ‘легкая стрела’ – находит соответствия в (Кыыс Дэбилийэ, 1993, с. 242); *сиэттэ сиичтээх* [сэттэ сиктээх?] *сири иһит* (Миддендорф, 1878, с. 811) / ‘[кожаный сосуд] *сири исит* с семью швами’ – ср.: *сэттэли сириэн сииктээх...* *сэттэ сири иһит* / ‘семь [сосудов] *сири исит* со швами в семи местах’ (Күлкүл Бөбө, 1909, с. 260), *сэттэ сириэн салбааһыннаах симэхтээх сири иһит* / ‘украшенный [сосуд] *сири исит* с соединениями [кожи] в семи местах’ (Элик Боотур, 1910, с. 313); *манайкаан аллаах* / ‘шустряк, пострел’ (вероятно, диал.). Последние примеры, по нашим данным, также были зафиксированы только в бывшем Ботурусском улусе.

В центральных районах Якутии (включая право- и левобережье Лены) были зафиксированы также определение *алла-булла* / ‘пышный, толстый (?)’ – всегда применительно к богатырскому коню: *атах* / ‘нога’ (Элик Боотур, 1910, с. 350), *кутурук* / ‘хвост’ (Ала Булкун, 1994, стк. 5318–5319; Мүгүлү Бөбө, 2010, стк. 1572–1573), сравнение (*араҕас*) *алаас сыһы саҕа* / ‘размером с (желтую) поляну’ – об обеденном столе (*остуол, далбар*) (Өлбөт Бэргэн, 1908, с. 116; Элик Боотур, 1910, с. 312; Оҕо Тулаайах, 1911, с. 439) (последний текст записан в Намском улусе), а также выражение ‘с *бар*-зверем у [верхушки] главной коновязи, с кукушкой у [верхушки] средней коновязи’ / *бастын сэргэтигэр бар кыллаах, орто сэргэтигэр кэбэ кыллаах*, описывающее подворье героя, варианты обнаруживаются в: (Кулун Куллустуур, 1985, стк. 234–239; Дыырай Бэргэн, 2009, с. 41; Төрүөт Бэргэн, 2013, стк. 127–135) и др.

Отдельно следует отметить характерную вербализацию некоторых мотивов из части текста в русском пересказе. В теме, описывающей мир других людей, говорится о том, что в изобильной стране, куда приехал герой в поисках невесты, «у телят и жеребят были золотые и серебряные намордники» (Миддендорф, 1878, с. 812). Это выражение, обозначающее весьма яркий, но частный мотив, можно было бы считать уникальным, своего рода *hapaх legomenon*, но оно, однако, находит соответствия в текстах, записанных в 1880-е гг. от сказителя из бывшего Ботурусского улуса Н. А. Абрамова-Кыната. В олонхо «Шаманки Уолумар и Айгыр», в частности, находим: *...көмүс үрүүлээх көңүл үөскээбит, алтан томторуктаах... барбарбыт* (Удаѣаттар, 1908, с. 171) / ‘обладающие серебряными намордниками свободно [здесь] размножились, обладающие медными на-

мордниками... [здесь] выросли’¹¹. Примечательно, что среди исполняемых им олонхо, согласно данным анкеты, также значится сюжет «Эриэдэл Мэргэн», однако, насколько известно, текст не был записан. В целом следует признать, что именные формулы, встречающиеся в записи Миддендорфа, не являются достаточно показательными в плане исследуемого нами вопроса. Например, имя героя Эриэдэл Бэргэн часто своеобразно коррелирует в олонхо с богатырским именем Эр Соготох, встречающимся в довольно широком ареале (см. [Анисимов, 2016, с. 77–78]).

В качестве другого ареально ограниченного «общего места» может быть рассмотрено выражение «[Герой] злобно ходил туда и сюда и от гнева проваливался в землю по колена...» (Миддендорф, 1878, с. 813). Оригинальный текст реконструируется, приблизительно, как: *тон сири тобугар дылы тобулута түстэ, ириэнэх сири изччэбэр дылы ибилитэ түстэ*. В традиции это выражение более характерно для типических сцен, гиперболизированно описывающих бег богатырского коня. В данном случае, вероятно, имеет место актуализация изначального смысла: выражение стало вполне органично использоваться для описания богатырского гнева. Этот частный переход произошел, судя по имеющимся материалам, в районе бывшей Амгинской слободы – единственное совпадение обнаруживается в олонхо У. Г. Нохсорова (Дыырай Бэргэн, 2009, с. 61–62). В этой же записи находит соответствие фраза из текста Миддендорфа «[богатырь] выдавил при этом [при внезапном выходе из жилища] половину юртовой стены» (Миддендорф, 1878, с. 815–816) – ср. *Киирбит аанын булар дьаабыта суох / Омуннаахтык кыыһырда, / Олорор сириэн / Балаҕан аҥаар эркинин / Тоҕо көтөн табыста* (Дыырай Бэргэн, 2009, с. 129) / ‘[Герой] вспыхнул от чрезмерной ярости [и], не найдя в спешке входной двери, прямо у места, где сидел, выскочил наружу, снеся при этом одну из стен юрты’.

Отметим, наконец, схожую роль также комплементарного в сюжетном отношении мотива и «общего места» олонхо, в котором говорится о том, как «...от столба до постели разостлали ему [герою] рысьи шкуры с лапами и хвостами...» (Миддендорф, 1878, с. 817). Чаше определение «с лапами и хвостами» (т. е. цельная) в олонхо используется применительно к шкурам медведя или лошади. В целом эту деталь предметного мира эпоса следует «прочитывать» как элемент избытка: ходить по разостланным цельным шкурам или отдыхать на них – знак зажиточной жизни, а также почесть, оказываемая гостю в богатом доме. Оригинальный вид выражения помогают представить фрагменты: *Сиэтэн киллэрээри сэрэгэ төрдүттэн / Таһара маҕанатыгар диэри / Тыстаах баттахтаах / Тиһэх эһэ тириитэ диэрэ дэпсэ олбох кээһэн...* (Бүдүрүйбэт, 2012, стр. 7824–7828) / ‘Намереваясь вести [гостя] под руки от основания коновязи до главного столба [юрты], разостлав настил из цельных шкур трехлетних медведей...’; *дьиэ ааныттан бастыҥ оронго диэри тыстаах батахтаах манчык таба тириитин үттэл ууран биэрдилэр* (Элик Боотур, 1910, с. 356) / ‘от входной двери до почетной лавки положили настил из цельных шкур оленей-приманчиков’. Большинство вариантов этого выражения было зафиксировано на территории современного Таттинского и Мегино-Кангаласского улусов («Үрүҥ Айыы Тойон ыччаттара», «Ньургун Бөбө» и др.), что позволяет также представить этот регион в целом «эндемичным» для него.

¹¹ См. также: (Өлбөт Бэргэн, 1908, с. 117).

Заключение

Итак, настоящее исследование, задуманное с целью определения возможной территории фиксации первой анонимной записи якутского эпоса, дает возможность обсудить наблюдения и конкретно-исторического, и методологического плана.

Проанализированные стилистические и сюжетные признаки олонхо «Эриэдэл Бэргэн» в записи А. Ф. Миддендорфа позволяют ограничить вероятное место его фиксации Лено-Амгинским междуречьем, территорией современного Мегино-Кангаласского, Амгинского и Таттинского улусов Якутии (частью центрально-якутской или приленской традиции олонхо), с более вероятной локализацией в окрестностях бывшей Амгинской слободы. Сюжетные соответствия, обнаруживаемые позднее в значительном отдалении от этого региона, на территории Красноярского края, вероятно, следует рассматривать как несвязанные случаи заимствования из эвенкийской традиции. Параллели в сказочном фольклоре выглядят независимыми фактами заимствования из русской традиции и, вероятно, не являясь непосредственными прототипами для исследованного эпического сюжета.

В заключение заметим, что локальная специфичность в олонхо, по-видимому, проявляется в большей степени в мотивах-описаниях «экстерьерного» плана и в меньшей степени затрагивает узловые сюжетобразующие элементы, во многом единые для жанра в различных его «диалектных» изводах. Картографирование или иная их каталогизация может иметь большое научное значение в будущем.

Список литературы

Анисимов Р. Н. Сравнительный анализ эпических антропонимов Вилюйской традиции // Вестник СВФУ им. М. К. Аммосова. Серия «Эпосоведение». 2016. № 4. С. 74–91.

Библиография олонхо: Методические рекомендации / Сост. Д. С. Макаров. Якутск: Изд-во ЯГУ, 1982. 67 с.

Емельянов Н. В. Сюжеты якутских олонхо. М.: Наука, 1980. 375 с.

Лебедев Д. М., Есаков В. А. Русские географические открытия и исследования с древнейших времен до 1917 года. М.: Мысль, 1971. 516 с.

Мостахов С. Е. Русские путешественники-исследователи Якутии: XVIII – нач. XX в. Якутск: Якут. кн. изд-во, 1982. 191 с.

Пекарский Э. К. Миддендорф и его якутские тексты // Зап. Вост. отд-ния Императорского Русского археологического общества. СПб., 1908. Т. 18. С. 044–060.

Явловский П. П. Летопись города Якутска от основания до настоящего времени (1632–1914). Якутск: Якутский край, 2004. Т. 2: 1801–1914 гг. 352 с.

Список источников и словарей

Березк. – *Березкин Ю. Е., Дувакин Е. Н.* Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам. Аналитический каталог. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/index.htm> (дата обращения 02.01.2023).

БТСЯЯ – Большой толковый словарь якутского языка: В 15 т. / Под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2011. Т. 8. 572 с.

ИФЭ – Исторический фольклор эвенков. Сказания, предания / Зап., пер. и коммент. Г. М. Василевич. М.; Л.: Наука, 1966. 399 с.

Миддендорф А. Ф. Путешествие на север и восток Сибири. В 2 ч. СПб., 1878. Ч. 2, отд. 6: Север и восток Сибири в естественно-научном освещении. Коренные жители Сибири. IV. С. 571–833.

Пек. – Словарь якутского языка / Сост. Э.К. Пекарский. 2-е изд. М.: Изд. АН СССР, 1958–1959. Т. 1–3. 3858 стб.

Сборник материалов по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору / Сост. Г. М. Василевич; под ред. Я. П. Алькора. Л.: Изд-во ИНС ЦИК СССР, 1936. Вып. 1. 290 с.

Якутские сказки. В 2 т. / Подгот. Г. У. Эргис. Якутск: Якут. кн. изд-во, 1964. Т. 1. 304 с.; 1967. Т. 2. 281 с. (на якут. и рус. яз.)

Ала Булкун: якутское олонхо / Т. В. Захаров. Якутск: Сахаполиграфиздат, 1994. 101 с. (на якут. яз.)

Бүдүрэйбэт сүһүөхтээх Мүлдү Бөбө: олонхо / И. А. Николаев. Якутск: Бичик, 2012. 253 с. (на якут. яз.)

Дьырай Бэргэн: олонхо / У. Г. Нохсоров. Якутск: Бичик, 2009. (на якут. яз.)

Кулдус Бөбө: олонхо / И. М. Харитонов. Якутск: Бичик, 2009. 195 с. (на якут. яз.)

Кулун Куллустуур: олонхо / И. Г. Тимофеев-Теплоухов. Подгот. текста Э. К. Пекарский, Г. У. Эргис. М.: Наука, 1985. 605 с. (на якут. и рус. яз.)

Күлкүл Бөбө оҕонньор Силирикээн эмээхсин икки // Образцы народной литературы якутов, собранные Э. К. Пекарским. СПб., 1909. Ч. 1, вып. 3. С. 195–280. (на якут. яз.)

Кыыс Дэбилийэ: олонхо / Н. П. Бурнашев. Новосибирск: Наука, 1993. 326 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока)

Мүгүлү Бөбө: олонхо / Г. М. Тарасов // Горнай олонхолоро. Якутск: Бичик, 2010. С. 15–150. (на якут. яз.)

Нюргун Боотур Стремительный: олонхо / К. Г. Оросин. Якутск: ЯКГИЗ, 1947. 410 с. (на якут. и рус. яз.)

Оҕо Тулааһа: олонхо / Образцы народной литературы якутов, собранные Э. К. Пекарским. СПб., 1911. Ч. 1, вып. 5. С. 427–440. (на якут. яз.)

Өлбөт Бэргэн // Образцы народной литературы якутов, собранные Э. К. Пекарским. СПб., 1908. Ч. 1, вып. 2. С. 113–147. (на якут. яз.)

Өлүү Үөдүлбэ: олонхо // Образцы народной литературы якутов, собранные Э. К. Пекарским. СПб., 1911. Ч. 1, вып. 5. С. 441–452. (на якут. яз.)

Тон Саар бухатыыр: олонхо / С. Н. Каратаев. Якутск: Бичик, 2004. 237 с. (на якут. яз.)

Төрүөт Бэргэн: олонхо / Н. П. Старостин. Нөөрүктээйи: Якутский край, 2013. 160 с. (на якут. яз.)

Удаҕаттар Уолумар Айгыр икки: олонхо // Образцы народной литературы якутов, собранные Э. К. Пекарским. СПб., 1908. Ч. 1, вып. 2. С. 148–194. (на якут. яз.).

Үрүн Айыы Тойон ыччаттара: олонхо // Образцы народной литературы якутов, собранные Э. К. Пекарским. СПб., 1911. Ч. 1, вып. 5. С. 401–426. (на якут. яз.)

Хотугу сахалар олонхолоро: олонхо / Подгот. С. Д. Мухоплева, Н. В. Павлова. Якутск: Бичик, 2019. 301 с. (на якут. яз.)

Элик Боотур Ньыгыл Боотур икки, Р. Александров (Тимофеев). Боотурусский улус, Жулейский нас., 1896 г. // Образцы народной литературы якутов, собранные Э. К. Пекарским. СПб., 1910. Ч. 1, вып. 4. С. 311–395. (на якут. яз.)

Эриэдэл Бэргэн // Образцы народной литературы якутов, собранные Э. К. Пекарским. СПб., 1911. Ч. 1, вып. 5. С. 473–474. (на якут. яз.)

Böhtlingk O. Über die Sprache der Jakuten: Theil 1, Einleitung. Jakutischer Text. Jakutische Grammatik. St. Petersburg: Buchdr. der K. Akademie der Wissenschaften, 1851. LIV, 397 S.

ATU – Uther H.-J. The Types of International Folktales: In 3 vols. Helsinki: Suomalainen Tiedekatemia, 2004.

References

Anisimov R. N. Sravnitel'nyy analiz epicheskikh antroponimov Vilyuyskoy traditsii [Comparative analysis of epic anthroponyms of Vilyuisky region]. *Vestnik of North-Eastern Federal University. Series "Epic studies"*. 2016, no. 4, pp. 74–91. (in Russ.)

Bibliografiya olonkho. Metodicheskie rekomendatsii [Bibliography of Olonkho. Guidelines]. D. S. Makarov (Comp.). Yakutsk, YaSU, 1982, 67 p. (in Russ.)

Emel'yanov N. V. *Syuzhety yakutskikh olonkho* [Plots of the Yakut olonkho]. Moscow, Nauka, 1980, 375 p. (in Russ.)

Lebedev D. M., Esakov V. A. *Russkie geograficheskie otkrytiya i issledovaniya s drevneyshikh vremen do 1917 goda* [Russian geographical discoveries and research from ancient times to 1917]. Moscow, Mysl', 1971, 516 p. (in Russ.)

Mostakhov S. E. *Russkie puteshestvenniki-issledovateli Yakutii: 18 – nach. 20 v.* [Russian travelers-explorers of Yakutia: 18th – early 20th centuries]. Yakutsk, Yakut. kn. izd., 1982, 191 p. (in Russ.)

Pekarskiy E. K. Middendorf i ego yakutskie teksty [Middendorf and his Yakut texts]. In: *Zapiski Vostochnogo otdeleniya Imperatorskogo Russkogo arkheologicheskogo obshchestva* [Notes of the Eastern Branch of the Imperial Russian Archaeological Society]. St. Petersburg, 1908, vol. 18, pp. 044–060. (in Russ.)

Yavlovskiy P. P. *Letopis' goroda Yakutska ot osnovaniya do nastoyashchego vremeni (1632–1914)*. [Chronicle of the town of Yakutsk from its foundation to the present (1632–1914)]. Yakutsk, Yakutskiy kray Publ., 2004, vol. 2: 1801–1914, 352 p. (in Russ.)

List of sources and dictionaries

Ala Bulkun: yakutskoe olonkho. T. V. Zakharov. Yakutsk, Sakhapoligrafizdat, 1994, 101 p. (in Yakut).

Berezkin Yu. E., Duvakin E. N. *Tematicheskaya klassifikatsiya i raspredelenie fol'klorno-mifologicheskikh motivov po arealam. Analiticheskiy katalog* [Thematic classification and distribution distribution of folklore-mythological motifs by areal. Analytical catalog]. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/index.htm> (accessed 02.01.2023).

Böhtlingk O. Über die Sprache der Jakuten: Theil 1, Einleitung. Jakutischer Text. Jakutische Grammatik. St. Petersburg, Buchdr. der K. Akademie der Wissenschaften, 1851, LIV, 397 p.

Bol'shoy tolkovyy slovar' yakutskogo yazyka: V 15 t. [Big explanatory dictionary of the Yakut language: In 15 volumes]. P. A. Sleptsov (Ed.). Novosibirsk, Nauka, 2011, vol. 8, 572 p.

Buduruibet suhuekhtekh Muld'u Bege: olonkho. I. A. Nikolaev. Yakutsk, Bichik, 2012, 253 p.

Dyyray Bergen: olonkho. U. G. Nokhsorov. Yakutsk, Bichik, 2009, 333 p. (in Yakut)

Elik Bootur N'ygyt Bootur ikki: olonkho. In: *Obraztsy narodnoy literatury yakutov, sobrannye E. K. Pekarskim* [Samples of Yakut folk literature collected by E. K. Pekarsky]. St. Petersburg, 1910, pt. 1, iss. 4, pp. 311–395. (in Yakut)

Eriedel Bergen: olonkho. In: *Obraztsy narodnoy literatury yakutov, sobrannye E. K. Pekarskim* [Samples of Yakut folk literature collected by E. K. Pekarsky]. St. Petersburg, 1908, pt. 1, iss. 5, pp. 473–474. (in Yakut)

Istoricheskiy fol'klor evenkov. Skazaniya, predaniya [Historical folklore of the Evenks. Tales, legends]. G. M. Vasilevich (Comp.). Moscow, Leningrad, Nauka, 1966, 399 p. (in Evenki and Russ.)

Khotugu sakhalar olonkholoro: olonkho. [Epic tales of Northern Yakuts]. S. D. Mukhopleva, N. V. Pavlova (Comps.). Yakutsk, Bichik, 2019, 301 p. (in Yakut)

Kuldus Bege: olonkho. I. M. Kharitonov. Yakutsk, Bichik, 2009, 195 p. (in Yakut).

Kulkul Beghe ogonn'or Silirikeen emeekhsin ikki. In: *Obraztsy narodnoy literatury yakutov, sobrannye E. K. Pekarskim* [Samples of Yakut folk literature collected by E. K. Pekarsky]. St. Petersburg, 1911, pt. 1, iss. 3, pp. 195–280. (in Yakut)

Kulun Kullustuur: olonkho. I. G. Timofeev-Teplovkhov. E. K. Pekarskiy, G. U. Ergis (Comps). Moscow, Nauka, 1985, 605 p. (in Yakut and Russ.)

Kyys Debiliye: olonkho. N. P. Burnashev. Novosibirsk, Nauka, 1993, 326 p. (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East]) (in Yakut and Russ.)

Middendorf A. F. *Puteshestvie na sever i vostok Sibiri. V 2 ch.* [Journey to the North and East of Siberia. In 2 pts.]. St. Petersburg, 1878, vol. 4: Sever i vostok Sibiri v estestvenno-nauchnom osveshchenii. Korennye zhiteli Sibiri [North and East of Siberia in natural science coverage. Indigenous people of Siberia], pp. 571–833. (in Russ.).

Mugulu Bege: Olonkho. G. M. Tarasov. In: *Gornay olonkholoro* [Epic tales of Gornyi district]. Yakutsk, Bichik, 2010, pp. 15–150. (in Yakut)

Nyurgun Bootur Stremitel'nyy: Olonkho. K. G. Orosin. Yakutsk, YakGIZ, 1947, 410 p. (in Yakut and Russ.)

Ogo Tulaayakh: Olonkho. In: *Obraztsy narodnoy literatury yakutov, sobrannye E. K. Pekarskim* [Samples of Yakut folk literature collected by E. K. Pekarsky]. St. Petersburg, 1911, pt. 1, iss. 5, pp. 427–440. (in Yakut)

Olbet Bergen: Olonkho. In: *Obraztsy narodnoy literatury yakutov, sobrannye E. K. Pekarskim* [Samples of Yakut folk literature collected by E. K. Pekarsky]. St. Petersburg, 1908, pt. 1, iss. 2, pp. 113–147. (in Yakut)

Oluu Uedulbe: Olonkho. In: *Obraztsy narodnoy literatury yakutov, sobrannye E. K. Pekarskim* [Samples of Yakut folk literature collected by E. K. Pekarsky]. St. Petersburg, 1911, pt. 1, iss. 5, pp. 441–452. (in Yakut)

Sbornik materialov po evenkiyskomu (tungusskomu) fol'kloru [Collection of materials on Evenki (Tungus) folklore]. G. M. Vasilevich (Comp.). Leningrad, Izd. INS TsIK SSSR, 1936, iss. 1, 290 p. (in Evenki and Russ.)

Slovar' yakutskogo yazyka [Dictionary of the Yakut language]. E. K. Pekarskiy (Comp.). 2nd ed. Moscow, AN SSSR, 1958–1959, vols. 1–3, 3858 cols.

Tong Saar Bukhatyyr: Olonkho. S. N. Karataev. Yakutsk, Bichik, 2004, 237 p. (in Yakut)

Toryot Bergen: olonkho. N. P. Starostin. Neerukteeyi, Yakutskiy kray, 2013, 160 p. (in Yakut)

Udaghattar Uolumar Aygyr ikki: olonkho. In: *Obraztsy narodnoy literatury yakutov, sobrannye E. K. Pekarskim* [Samples of Yakut folk literature collected by E. K. Pekarskiy]. St. Petersburg, 1908, pt. 1, iss. 2, pp. 148–194. (in Yakut)

Urung Aiy Toyon ychchattara: olonkho. In: *Obraztsy narodnoy literatury yakutov, sobrannye E. K. Pekarskim* [Samples of Yakut folk literature collected by E. K. Pekarskiy]. St. Petersburg, 1911, pt. 1, iss. 5, pp. 401–426. (in Yakut)

Uther H.-J. *The Types of International Folktales: In 3 vols*. Helsinki, Suomalainen Tiedeakatemia, 2004.

Yakutskie skazki [Yakut folktales]. G. U. Ergis (Comp.). Yakutsk, Yakut. kn. izd., 1964, vol. 1. 304 p.; 1967, vol. 2. 281 p. (in Yakut and Russ.)

Информация об авторе

Семен Семенович Макаров, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук (Москва, Россия)

Scopus Author ID 57203182372

RSCI Author ID 877161

Information about the author

Semen S. Makarov, Candidate of Philology, Senior Researcher at the A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Scopus Author ID 57203182372

RSCI Author ID 877161

Статья поступила в редакцию 24.01.2023;

одобрена после рецензирования 21.03.2023; принята к публикации 21.03.2023

The article was submitted on 24.01.2023;

approved after reviewing on 21.03.2023; accepted for publication on 21.03.2023

Научная статья

УДК 398.224 (=512.31)

DOI 10.17223/18137083/86/2

Гора Сюрю и молочное озеро в эпосе шорцев

Любовь Никитовна Арбачакова

Институт филологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия
anzass@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9570-6505>

Аннотация

Рассматривается известная в саяно-алтайском эпосе мифическая гора *Сюрю* / *Сюмер* / *Сюгюр* с молочным озером *сүттүг көл*. Хотя эта гора не является родовой в представлении шорцев, она играет важную роль в шорских эпических произведениях, воплощая целый ряд представлений о вечности, месте блаженства и временного упокоения богатырских душ и духов-помощников алып. Гора *Сюрю* и молочное озеро – это то райское место, где трава и листья не вянут, они всегда живые.

В шорских героических сказаниях и шаманских мистериях мифическая гора и молочное озеро – это также сакральное место для очищения и лечения эпического героя, его помощника-коня и духов-помощников шаманов. Кроме этого, гора – это место возрождения и перерождения погибших душ богатырей и духов-помощников алып, которые обитают там до тех пор, пока в нужный момент сказители не призовут их.

Ключевые слова

героический эпос шорцев, гора Сюрю / Сюмер, молочное озеро, сказители, алыпы, шаманы, духи-помощники

Для цитирования

Арбачакова Л. Н. Гора Сюрю и молочное озеро в эпосе шорцев // Сибирский филологический журнал. 2024. № 1. С. 23–34. DOI 10.17223/18137083/86/2

Mount Surgu and the Milk Lake in the Shor epic

Lyubov N. Arbachakova

Institute of Philology
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation
anzass@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9570-6505>

Abstract

This work examines the beliefs of the Shor people about the mythical Mount Surgu/Sumer/Sugur with the süttüg-köl (a milk lake) at the foot. This mythical mountain is well known

© Арбачакова Л. Н., 2024

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2024. № 1. С. 23–34
Siberian Journal of Philology, 2024, no. 1, pp. 23–34

in the Sayano-Altaic epic. The analysis focuses on the examples of twenty Shor heroic tales recorded by N. P. Dyrenkova, A. I. Chudoyakov, D. A. Funk, L. N. Arbachakova, and others. Mount Surgu and the milk lake cannot be regarded as ancestral places for the Shor people, as an ancestral mountain is a mountain near the residence of the people. The epic life of an alyp (giant or bogatyr) does not feature rituals at the foot of Mount Surgu and the Milk Lake. Instead, the spirit helpers of alyp are sent there for repose. Mount Surgu and the Milk Lake are heavenly places where grass and leaves do not wither, as they are eternal. Moreover, it is the place of purification from all evil, the place of rebirth, and the resurrection of the lost souls of bogatyr or spirit helpers of alyps. It is the place where the horse (alyp's assistant) and the spirits-helpers will go. When necessary, alyp can summon his horse from this place. Once the narrator accomplishes the epic, he sends the horse to Mount Surgu to graze. Similarly, the narrator sends his spirit helper to this heavenly place. To summarize, the Shor heroic epic and shamanic mysteries associate the mythical mountain and milky lake as a sacred dwelling place for both the alyps' and shamans' spirit helpers.

Keywords

Shor heroic epic, Mount Surgu, Milk Lake, story-tellers, alyps, shamans, spirits-assistants

For citation

Arbachakova L. N. Mount Surgu and the Milk Lake in the Shor epic. *Siberian Journal of Philology*, 2024, no. 1, pp. 23–34. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/86/2

Введение

Мировая Гора и молочное озеро у тюрков Южной Сибири

Культовым горам и рекам посвящено множество исследований тюркских фольклористов, культурологов и антропологов. Н. С. Майнагашева считает, что важнейшими опорными универсалиями в эпосе хакасов и шорцев являются «земля, вода (*чир-суз*) и тесно связанные с ними образы горы, степи, юрты, коновязи. Они обладают яркой национально-культурной спецификой и отражают представления этих народов о Вселенной и о “своем” мире, в них зафиксированы представления о месте человека в мире» [Майнагашева, 2017, с. 27].

В Краткой энциклопедии символов отмечено, что представления о «мировой горе» сформировались уже в древних цивилизациях (Северная Африка, Передняя Азия). Мировая гора – место связи с творцом. «Имеющая своим истоком образ Меру мировая Гора в центральноазиатских традициях и у ряда алтайских народов (Сумер, Сумур, Сумбур и т. п.) нередко представляется как железный столб (иногда железная Гора), который находится посреди земного диска и соединяет небо и землю, вершиной своей касаясь Полярной звезды»¹.

«Монголы и калмыки представляют себе ее трех- или четырехъярусной; у сибирских татар Мировая Гора имеет семь ярусов; якутский шаман в своем мистическом путешествии также взбирается на семиярусную гору. Ее вершина упирается в Полярную Звезду, “пуп Неба”. Буряты говорят, что Полярная Звезда прикреплена к ее вершине... Имена горы Сумбур, Сумур или Сумер явно указывают на индийское влияние, где Мировая Гора имеет название Меру» [Жерносенко, 2015]. В теософском словаре в названии мировой горы *Сумер* «приставка су

¹ Краткая энциклопедия символов. URL: <http://www.symbolarium.ru/index.php> (дата обращения 05.03.2023).

подразумевает восхваление и возвеличение предмета или имени собственного, следующего за ней»².

У казахов есть легенда о Мировой Горе Хан Тенгри: «Отделив Небо и Землю, Тенгри, чтобы произвести потомство, и сам разделился на мужчину и женщину. Женщину-богиню он назвал Тенгри Умай и поселил ее на вершине горы Сумеру, в небесной выси, там, где рядом с Небесной горой находится молочное озеро – Сутколь. Молоко матери Тенгри Умай – это звездная дорога, Млечный путь, который протекает по всему Небу и впадает в молочное озеро – Сутколь»³. Постоянный атрибут Мировой Горы – находящееся на ней Молочное Озеро – космогонический Млечный путь, отраженный в сознании людей.

В эпических произведениях южно-сибирских народов присутствуют горы-прародители: богатыри могли произойти от духа горы, или их отец является горой, а матерью – озеро. Например, в алтайском сказании «Кан-Алтын» богатырь Кан-Алтын считает гору Сюмер отцом, а озеро Ак Сют матерью: *Пүткен-чыккан алтайы – / Алты талалу / Ак Сүмер тайка адалу полтыр, / Алты коолду / Ак сүткөл энелү эмтир* 'Его алтаем, где он появился-родился, / Была с шестью сторонами / Ак-Сюмер-гора – его отец, / Было с шестью заливами / Ак-Сют-озеро – мать его' [Алтайские героические сказания..., 1997, с. 300–301, стк. 62–66].

В хакасском героическом сказании «Алтын-Арыг» богатырка Пис-Тумзух родилась внутри Белой Скалы и погибает внутри этой скалы: *Алты хурлыг Ах Хаяда / Чада төрүн сыххабын* 'В Белой Скале с шестью уступами / Сама по себе я родилась и вышла [из нее]' [Алтын-Арыг, 1988, с. 62, 303]. По мнению В. Е. Майногашевой, Белая Скала, в которой рождаются Пис-Тумзух, а позже и дева-богатырка Алтын-Арыг и ее конь, является как бы «материнской утробой, что восходит к очень древним воззрениям о скалах как священных тотемических центрах и отражает существование культа горы у предков хакасов» [Там же, с. 502].

В бурятских улигерах (сказаниях) раннего типа также часто фигурирует образ одушевленной горы, которая становится пристанищем погибшего богатыря и хранит его тело до определенного времени [Бурятский героический эпос, 1991, с. 24].

В нашей статье на примерах двадцати шорских героических сказаний в записи Н. П. Дыренкова, А. И. Чудоякова, Д. А. Функа, Л. Н. Арбачаковой и др. мы рассматриваем представления шорцев об известной в саяно-алтайском эпосе мифической горе Сюрю / Сюмер, у подножья которой находится *сүттүг көл* – молочное озеро.

З. С. Казагачева отмечала, что слово *сюмер* в алтайском эпосе представлено и как «...топонимическое понятие. В эпосе “Кан Алтын” это название родовой горы в паре с названием родového озера (Сют-Көл) богатыря» [Казагачева, 2002, с. 226]. Другая алтайская исследовательница Т. М. Садалова отмечает, что *Сюмер* в алтайском фольклоре также является и «мифологической горой – отцом героя, а матерью – молочное озеро (*Сют Кёл*)»⁴.

² Теософский словарь. URL: <https://gufo.me/dict/theosophy/%D1%81%D1%83%D0%BC%D0%B5%D1%80%D1%83?ysclid=levbewioj7427729193> (дата обращения 05.03.2023).

³ Гора Хан Тенгри. URL: <https://e-history.kz/ru/kazakhstanika/show/12032> (дата обращения 05.03.2023).

⁴ Садалова Т. М. О мифологическом пространстве «Алтай» в эпосе «Гэсэр». Выступление на Международной конференции, посвященной 300-летию издания «Гэсэра», 10–

В историко-этнографическом хакасском словаре В. Я. Бутанаева название горы варьируется: *Сүбүр таг* / *Сүмүр таг*. «Сумеру – мифическая вершина земли у бурханистов (где якобы находится священная береза “пай-хазын”)» [Бутанаев, 1999, с. 123].

Общетюркскому названию горы *Сүмер* в тюркских языках Сибири соответствует шорское имя горы *Сүргү* с различными диалектными вариантами произношения – *Сүмер* / *Сүрге* / *Сүбүр* / *Сүргүм* / *Сүргем* / *Сүрүм* / *Сүрги* / *Сүрен*.

Таким образом, варианты названия мифической «мировой горы» у всех саяно-алтайских народов созвучны, оно закреплено в виде следующих основных фонетических вариантов: *Сүмер* (алтайцы); *Сүбүр* / *Сүмүр* (хакасы), *Сүргү* / *Сүрге* / *Сүбүр* / *Сүрен* / *Сүмер* (шорцы). Монголам, бурятам и калмыкам «мировая гора» известна под названием *Сүмбэр* или *Сүмэр*.

1. Представления шорцев о родовой горе и горе Сюргию / Сюмер / Сюргю

В шорских сказаниях, на наш взгляд, образ горы Сюргию (Сюбю / Сюмер) несколько отличается от образа «мировой горы», и эта гора не является родовой для шорцев. В зачине шорских героических сказаний окружающее пространство и владения алып описываются в виде горы, степи, моря (реки), коновязи, дворца-*өрге* и т. д. При этом родовая гора является географическим, хозяйственным и культурным центром эпического пространства богатырей. Как правило, у подножья горы на берегу реки пасутся бесчисленные стада, живет многочисленный народ. На горе водятся промысловые животные и птицы. На свою (родовую) гору *аргалыг сын*, хребет со многими перевалами, которые *ат ашпас* ‘ни один конь не перевалит’, только хозяин-алып может отправиться на охоту. Так же, как и в реальной жизни шорцев, на этих горах шаманами проводились обряды, посвященные духам окружающих гор и рек.

В Южной Сибири представления о Мировой Горе тесно связаны с бурханизмом. В. Я. Бутанаев в книге «Бурханизм тюрков Саяно-Алтая» подробно описал эти священные места. Согласно его описанию, гора Сумеру *Сүбүр таг* расположена в самом центре Солнечного мира, на ее вершине находится Молочное Озеро *Ах Сүт Көл*, а рядом с ним растет священная береза *пай хазың* или другое дерево, например священный тополь *пай тирек*» [Бутанаев, 2003, с. 109].

Шорский эпос складывался в течение многих столетий в тесном контакте с эпическими традициями других южносибирских тюркских народов. Он испытал на себе все культурные, в том числе и религиозные влияния соседних народов.

Шорское название горы *Сүргү* / *Сүрге* могло произойти от *сүгүр* «остроконечный» через метатезу *р – г* и может, в принципе, интерпретироваться как «остроконечная гора»; в этом значении слово *сүгүр* имеется и в хакасском языке. Название восходит к общетюркскому *сүбүр – сүмүр*, при этом произошла ассимиляция срединного -б- в -г- и метатеза *р – б*. Отметим также, что в художественном плане подробных описаний горы Сюрге и Молочного Озера в шорском эпосе нет.

Хотя гора Сюргию не является родовой в представлении шорцев, она играет важную роль в шорских эпических произведениях, воплощая целый ряд представлений о вечности и месте упокоения или (временного) обитания душ богаты-

13 августа 2016 г., Хухота, Китай. URL: <https://tengrifund.ru/o-mifologicheskomo-prostranstve-altaj-v-epose-geser.html?ysclid=levcbi4vic230875955> (дата обращения 05.03.2023).

рей: Гора Сюргю / Сюмер / Сюгюр и молочное озеро – это то райское место, где трава и листья не вянут, они вечные. Кроме того, гора – это и место очищения от всего злого, место перерождения и воскрешения погибших душ богатырей и духов-помощников алып.

2. Гора Сюмер – место обитания богатырского коня

В концовках шорских героических сказаний в «общем месте» *Прощание алыта с конём* говорится о том, что богатырь отправляет своего коня на гору Сюмер / Сюгюр / Сюргю, чтобы он там, отдыхая, щипал траву, пил молоко или воду. Конь отпускался алыпом на волю только после завершения им всех своих богатырских подвигов. Но перед тем как отправить своего коня, алыпу необходимо было расседлать его, т. е. снять седло и узду: *Ийги аттың эзерин ал таиштадылар, Поктерги таг чилеп жүдүлер, Күмүш чүгеннерин наштаң шурдулар* ‘С двух коней золотые седла сняли, – словно гору свалили! Серебряную уздечку с головы сняли’ (пер. наш. – Л. А.) [Шорский героический эпос, 2018, с. 97].

После этого алыпом произносится заклинание, которое является эпической формулой: *Сүттүг көлдең суг ижар, Сүргү тагдаң от отталар!* ‘Из молочного озера воду пейте, с горы Сюргю травой кормитесь!’

В записях Н. П. Дыренковой наименования горы и озера иные. Например, в сказании «Ак Кан»: *Сарыг көлдең суг ижар, Сүбүр тагдаң от отталар!* ‘Пейте воду из желтого озера, кормитесь травой с горы Сюбюр!’ [Шорский фольклор, 1940, с. 152–153; 234–235].

Для сравнения приведем вариант этого же сказания в записи от представителя верхне-томской сказительской школы Д. К. Турушпанова: *Сүттүг көлдең сүт ижар, – тедир, – / Сүргү тагдаң от отталар!* ‘Из молочного озера молоко пейте! – сказали, – / На горе-Сюргю траву щиплите!’ (рукопись сказания «Мерет сар аттыг Мерет Оолак», стк. 2517–2518).

Варианты произношения шорского названия горы незначительно варьируются представителями мрасской сказительской школы: *Сүргү / Сүрге / Сүбүр*. Современный сказитель В. Е. Таннагашев произнес или сам записал это слово по-разному: *Сүргем / Сүрүм / Сүрен* и т. д.: *Сүргем тайга төзүңге парып, / Ыш қылғаңнап-кел, от отталар. / Сүт көлдин қажынға пар-келип, / Сүт суг иш-келип* ‘К горе Сүргем придя, / Трижды щипнув, травы поешьте. / К молочному озеру придя, / Молочную воду попейте’ [Шорские героические сказания..., 2015, с. 266–267]; *Сүрүм тага парып келип, / Ыш қылғанап от отталаар! / Сүтүг көлдің қажынға парып, / Суг иш-келип* ‘Теперь же к горе Сүрюм идите, / Трижды щипая, траву ешьте. / К молочному озеру отправляйтесь, / Там, трижды глотая, воду пейте’ [Алып Кускун..., 2011, с. 128–129]; *Сүрең тағдың қажынға парып, – тедир, – / Ыш қылғанапкел, от оталар. / Сүт көлдең қажынға паркелип, / Ыш ортам / Сүт ишкелип, ноо, чөраар* ‘К горе Сүрен придя, [Ак Кан] говорил: / «Трижды щипнув, траву ешьте, / К молочному озеру придя, / Трижды отхлебнув, / Молоко пейте, гуляйте»’ [Фольклор шорцев, 2010, с. 144, 179].

В записях А. И. Чудоякова и Д. А. Функа названия гор незначительно варьируются *Сүрге / Сүргү: Сүрге тайгаа пар келип, / Ыш қылғаңнапкел, от чии, / Сүт талайға пар келип, / Ыш қамыштап, суг иш* ‘К горе Сүрге придя, / Трижды отпробовав, траву ешь, / К молочному морю придя, / Трижды глотнув, воду пей’ [Шорские героические сказания, 1998, стк. 2426–2429]; *Сүргү тага парып, / Ыш қылғанап, өлең отталаар, / Сүт көлдуң қажына парып, / Ыш қамыштап, суг ижаар!*

‘К горе Сюрюгу придя, / Трижды щипнув, травы поешьте. / К молочному озеру придя, / Трижды зачерпнув, воду пейте!’ (пер. наш. – Л. А.) [Шорский героический эпос, 2018, с. 97].

Сказитель кондомской школы В. И. Токмашов название горы произносит с использованием твердых гласных: *Сывыр сыртаң от оттаар! / Сырт көлердең суз ижаар!* ‘На склонах (горы) *Сывыр* паситесь! / Из озера *сырт* воду пейте!’ (пер. уточнен нами. – Л. А.) [Токмашов, 2019, с. 110–111].

Отпуская коней на гору Сюрюгу, хозяин наказывает им вернуться по его свисту, иногда по трем свисткам, как в сказании «Мерет сар аттыг Мерет Оолак»: *Сүттүг көлдең сүт ижар, – тедир, – / Сүргү тагдың от отталар! – тедир. – / Качен түшите үш қада сыгырыбыс, / Үш қада қыйгырбыссабыс, / Пистиң алыбыска келерзар* ‘Из молочного озера молоко пейте! – сказали, / – На горе-Сюрюгу траву щиплите! – сказали, / – Когда-нибудь трижды свистнем, / Трижды крикнем, / К нам прискачите’ (рукопись сказания «Мерет сар аттыг Мерет Оолак», стк. 2517–2518). Иногда конь должен появиться не просто по свисту алып, а еще и по его топоту, как в сказании «Кан Олак»: *Пир тевинип, пир сыгырып, қычырзавыс, / Пистиң алднa нас тураар!* ‘Когда мы, топнув, свистнув раз, вас позовем, Предстаньте сразу перед нами’ [Токмашов, 2019, с. 110–111].

В исполнении современного сказителя В. Е. Таннагашева встречается более развернутый вариант этой формулы: *Эзе, ақ қор адым, – тедир, – / Сүргү тагга парып, – тедир, – / Үш қылғанап-келип, от отта! – тедир. – / Сүт көлдең қажынга парып, / Үш қада мастан-келип, суз иш! – теп-келип* ‘Эзе, светлокаурый мой конь, – он сказал, – / На Сюрюгу-гору ступай, / Там, трижды щипнув, траву ешь! / На берег молочного озера отправляйся, / Там, трижды хлебнув, воду пей!’ [Сказания шорского кайчи В. Е. Таннагашева, 2015, стк. 1570–1574].

Конь алып утоляет голод и жажду, трижды щипнув траву, трижды хлебнув воды. Обращает внимание троекратное повторение действия, которое напоминает некий обряд. Например, в сказании «Кюн Кёк» сестру Ай Толая воскрешает старушка, живущая у подножья горы в берестяном жилище: *Куртияқ кижи үш эбире нас-келди, / Парып, түўстең суз сузыб-алып, / Үш қада нурғур-кел, / Үш қада тебинизе-бергени: / Чатчитқан Күн Кёкк печези / Ийги қараан ажыбысты* ‘Старушка три раза гроб обошла, / Из туюска воды зачерпнула, / На девушку три раза плеснула, / Три раза подпрыгнула: / В гробу лежавшая Кюн Кёк-сестра / Оба глаза свои открыла’ [Там же, стк. 1268–1273].

В бурятском героическом эпосе «Аламжи Мэргэн» есть подобное описание того, как табуны, пасущиеся на склонах Алтая и пьющие воду из большого озера, плодятся и становятся более упитанными: *Гульдхалдажи байбал-даа. / Ехэ сагаа нуураа / Эрье дээрэн абааши / Уналажи, уналажи / Бэртхэжи байбал-даа. / Урайнхиһаан байнал / Улам үлүү болоол-даа, / Эртэ байһан юумэнһээн / Энхэн олон болоол-даа* ‘Табуны пригнали / К большому белому озеру, / Там их поили / И пересчитывали. / Табуны расплодились / Больше прежнего, / Стали жирней / Больше прежнего’ [Бурятский героический эпос, 1991, стк. 5066–5074; 5067–5074].

3. Гора Сюрюгу / Сюмер / Сюрюгу – райское место покоя

В кондомском эпосе мировая гора не имеет наименования, но по описанию напоминает гору Сюмер и молочное озеро: ‘То была земля, в которой листья [рас-
тущих (там)] деревьев не блекли, (там) выросшая гора золотой была, текущее мо-

ре белым айраном разливалось... имеющий черный разум человек не найдет, даже подземные айна не найдут!» [Шорский фольклор, 1940, с. 21].

Богиня Умай (*Ымай-идже*, т. е. Мать Умай), по мнению В. Я. Бутанаева, живет в *Ымай чирі* (земля Умай), находящейся «на горе Пулай-сын среди вечноцветущих деревьев, где не вянут зеленые травы и не замерзают текущие реки. Там вещает золотая кукушка величиной с конскую голову, сидящая на вершине золотистенной священной березы» [Бутанаев, 2003, с. 179].

Именно в это райское место и отправляется главный помощник алып – его конь, а также духи-помощники шамана. В нужный момент алып может призвать своего коня, которого он отпускает на гору Сюбюр / Сюрю / Сюмер пастись. Сказитель, на наш взгляд, отправляет, таким образом, и своего эпического духа-помощника в райское место, т. е. в место временного упокоения.

В конце сказания Мерет Оолак, в исполнении Д. К. Турушпанова алып, отпустив своего коня пастись на гору Сюрю, вокруг своего дворца поставил надежную железную изгородь: *Эбире полза, тебир шедени иштеп, / Ыстўнең полза, куш чабалы кирбес, теп / Алтыннаң айна чабалы кирбес, теп* 'Вокруг железное ограждение (ограду) сделал, чтобы сверху плохая птица не влетела, чтобы снизу злой дьявол не вошел' (рукопись сказания «Мерет сар аттыг Мерет Оолак»). Иначе говоря, алып и сам отгораживается от внешнего мира, закрыв свое жилище так, чтобы никто не вошел. По версии А. В. Рыжкина, главный герой алып, отправив коня в то мифическое место, также отгородился, закрылся от всех: *Алып қынап кирбезин, тепкелип, / Эбире кел шеденген полтур* 'Чтобы чужие алыпы, притесняя, не вошли, / Вокруг он загородился' (рукопись сказания «Ак Сагал»).

В более ранней записи Н. П. Дыренковой алып также надежно отгораживает свои владения, а затем укрывается в своем дворце от внешнего мира: *Чел қақпасқа сықсындылар; таң шаппасқа пектендилер* 'Чтобы ветер не дул, заслонились, чтобы холод не проник, загородились' [Шорский фольклор, 1940, с. 235]. Возможно, в этом прослеживается некий элемент обряда захоронения, когда сказитель в иносказательной форме через изображение действий алыпы укрывает или прячет себя как исполнителя, «отправителя» эпоса. Каждый раз, начиная сказывать эпос, он призывает коня и сам пробуждается (воскресает), а в конце повествования он должен провести обряд упокоения, захоронения духов эпоса и духа коня-помощника до следующего своего исполнения, которое может и не наступить. В настоящее время шорских сказителей не осталось и, по представлениям народа, их духи-помощники до поры до времени находятся в священном потаенном месте, до тех пор, пока не появится новый сказитель, подобно тому, как в бурятских улигерах раннего типа часто фигурирует «образ одушевленной горы, которая становится пристанищем погибшего богатыря и хранит его тело до определенного времени...» [Бурятский героический эпос, 1991, с. 24].

4. Гора Сюрю – место силы богатырей

Помимо того что гора Сюмер / Сумеру в саяно-алтайских сказаниях является местом упокоения (успокоения) душ и духов, она известна эпическим героям как место, где после посещения Нижнего мира или непосредственного контакта с его представителями алыпу необходимо было пройти обряд очищения.

В. Я. Бутанаев отметил, что богатыри, отпустив своих коней на гору *Сумеру*, сами тоже для очищения поднимались на эту гору, где окуривали себя дымом богородской травы *ирбен* и умывались водой из озера *Ах Сут Көл*: «Подобная про-

педура была необходима для очищения от нечистого духа “айна-чиктін чызы” и для возвращения светлых мыслей. Кони, участвовавшие в боевых походах богатырей, отпускались пастись на пастбище горы Сумеру и на водопой к озеру “Ах Сут Кӧл”. Чистый ветер священной горы уносил прочь запахи нечисти» [Бутанаев, 2003, с. 109].

В мифическом мире шаманов в молочном озере можно почерпнуть нужное лекарственное снадобье: *Сүттүг кӧлдүн эмчи тартыб-одурар* ‘Из молочного озера лекарство тяни’ (рукопись шаманского обряда «Эски чурт»). В бурятском улигере воспета вода с ее универсальными свойствами. О ней говорится как о живой воде – букв.: вечная черная вода (*мунхын хара уһан*), воскрешающая мертвых, исцеляющая больных, укрепляющая силы уставших. Такая вода бьет ключом на вершине высокой горы, рядом растут дерево и целебная трава [Бурятский героический эпос, 1991, с. 25].

В алтайском камлании шаман прощается со своим духом-гусем, выполнившим службу, и отправляет его в те же мифические места: на озеро или гору: *Сүт ак кӧлдӧн сугат тарт, казым, Сүрү туудан јемит тарт, казым* ‘С молочно-белого озера воду пей, гусь мой, На острой горе корм находи, гусь мой’ [Баскаков, Яимова, 1993, с. 60].

То же самое происходит с телеутским шаманом, который, вернувшись домой, обращается к гусям: *Сүт ак кӧлдӧн сугат ал, Сүрү туудан темзу ал* ‘Из молочно-белого озера пейте, С горы Сюрюн еду берите’ [Функ, 1997, с. 189].

На наш взгляд, гора – это место для очищения и лечения эпического героя и его помощника-коня, там же очищаются и излечиваются духи-помощники шаманов. В. Я. Бутанаев отметил, что во время обряда очищения при окурировании богородской травой читали заклинание: «Алас-Алас! Умывшись водой из Молочного озера на горе Сумеру, пусть человек очистится от злых сил! Пусть “үзүты” вернуться в свой мир! Алас-Алас!» [Бутанаев, 2003, с. 97]. После очищения, лечения и восстановления утраченных сил духи-помощники или богатырские кони могли приступить к своим деяниям.

В шаманизме молочное озеро и гора Сюрюм (Сюрге / Сюгюр / Сюмер), возможно, считаются местом, где обитают духи-помощники шамана. Аналогичным образом при исполнении шорских героических сказаний у сказителя есть главный дух-помощник, а у эпического богатыря – его конь, который сопровождает алыпя от рождения до завершения его жизни, поэтому он также может считаться его духом-помощником (двойником). Видимо, поэтому в конце сказывания конь, выполнив свою службу, так же как и шаманские духи-помощники, отправляется к месту постоянного обитания всех духов для восстановления сил или для повторного перерождения. Сказитель с помощью *кая* (горлового пения) и музыкального инструмента отправляет алыпя на коне по разным мирам. Однако часто он сам лично наблюдает всю жизнь в мире богатырей и передает увиденное своим слушателям, а шаман при помощи бубна, как на ездовом животном, тоже отправляется в другие миры или места, например на место проживания пациента или по следам злого духа, вызвавшего заболевание.

Таким образом, гора Сюгюр / Сюмер / Сюгюр с молочным озером не является для шорцев родовой горой, так как обычно родовой считалась гора, которая находится недалеко от места проживания народа. Обряд кропления *шачыг* также проводится шаманами на берегу местных рек и гор. В жизни алыпя у подножья горы Сюмер и молочного озера не проводятся обряды, туда отправляются для восстановления сил или для повторного перерождения духи-помощники алыпя.

В шорских героических сказаниях и в шаманских мистериях мифическая гора и молочное озеро – это сакральное место обитания духов-помощников богатыря-алыпа и духов-помощников шамана. В нужный момент сказители и шаманы могут их призвать. Кроме того, это место очищения (возрождения) алыпа и его коня, а также духов-помощников шамана.

Список литературы

- Алтайские героические сказания: Очи-Бала. Кан-Алтын. Новосибирск: Наука, 1997. 668 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 15)
- Алып Кускун. Шорское героическое сказание / Вступ. ст., сост., пер. Л. Н. Арбачаковой. Новосибирск: Офсет, 2011. 133 с. (на шор. яз.)
- Алтын-Арыг. Хакассский героический эпос. М.: Наука, 1988. 592 с.: ил. (Эпос народов СССР)
- Баскаков Н. А., Яимова Н. А. Шаманские мистерии Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1993. 122 с.
- Бутанаев В. Я. Хакасско-русский историко-этнографический словарь. Абакан: Хакас. кн. изд-во, 1999. 237 с.
- Бутанаев В. Я. Бурханизм тюрков Саяно-Алтая. Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2003. 260 с.
- Бурятский героический эпос / Сост. М. И. Тулохонов. Новосибирск: Наука, 1991. 312 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока)
- Жерносенко И. А. Мифологема Мировой Горы как культуuroобразующий концепт сакральных ландшафтов Алтая // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2–3. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=23847> (дата обращения 05.03.2023).
- Казагачева З. С. Алтайские героические сказания «Очы-Бала», «Кан-Алтын». (Аспекты текстологии и перевода). Горно-Алтайск, 2002. 352 с.
- Майнагашева Н. С. Отражение национального образа мира в эпосе хакасов и шорцев. // Вестник СВФУ им. М. К. Аммосова. Серия: Эпосоведение. 2017. № 4 (08). С. 17–28.
- Садалова Т. М. О мифологическом пространстве «Алтай» в эпосе «Гэсэр». Выступление на Международной конференции, посвященной 300-летию издания «Гэсэра», 10–13 августа 2016 г., Хухота, Китай. URL: <https://tengrifund.ru/o-mifologicheskom-prostranstve-altaj-v-epose-geser.html?ysclid=levcbi4vic230875955> (дата обращения 05.03.2023).
- Сказания шорского кайчи В. Е. Таннагашева / Отв. ред. Е. Н. Кузьмина; сост., подгот. текстов и пер. Л. Н. Арбачаковой. Новосибирск: НГУ, 2015. 318 с.
- Токмашов Б. И. Каан Оолак. Богатырское сказание на шорском языке с переводом на русский язык. Новокузнецк: Новокузнецкий полиграфкомбинат, 2019. 149 с.
- Фольклор шорцев / Сост. Л. Н. Арбачакова. Новосибирск: Наука, 2010. 608 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 29)
- Функ Д. А. Телеутское шаманство: традиционные этнографические интерпретации и новые исследовательские возможности / Отв. ред. Л. П. Потапов. М., 1997. 268 с.
- Шорские героические сказания: Кара Кан, Кара Сабак / Сост., пер. Л. Н. Арбачакова. М.: Ин-т перевода Библии, 2015. 280 с.

Шорский героический эпос / Сост., подгот. шорских текстов к изданию, предисл. и коммент., прилож. Д. А. Функа. Томск: Изд-во ТГУ, 2018. Т. 5, ч. 1: Шорский эпос в самозаписях сказителя-кайчи В. Е. Таннагашева. 236 с.

Шорские героические сказания / Вступ. ст., подгот. поэтического текста, пер., коммент. А. И. Чудоякова; музыковед. ст. и подгот. нотного текста Р. Б. Назаренко. Москва; Новосибирск: Наука, 1998. 463 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 17)

Шорский фольклор / Зап., пер., вступ. ст., примеч. Н. П. Дыренковой. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. 448 с.

Список рукописей шорских героических сказаний и камланий

«Мерет сар аттыг Мерет Оолак» («Мерет Олак, имеющий волшебного / чудесного? коня», стк. 2517–2518). Зап. в 1984 (?) г. Павлючик от Д. К. Турушпанова в Междуреченске (с. Карай), Архив сектора фольклора народов Сибири ИФЛ СО РАН (Фонд Л. Н. Арбачаковой).

«Ақ Сағал» («Ак Сагал»). Зап. в 1998 г. Л. Н. Арбачаковой от А. В. Рыжкина. Фоноархив сектора фольклора народов Сибири ИФЛ СО РАН (Фонд Л. Н. Арбачаковой).

Обряд «На покойников». Зап. в 1997 г. Л. Н. Арбачаковой, Р. Б. Назаренко (2 диктофона) от шаманки Е. Г. Тодьяковой (девичья фамилия Лабышева, 1927–2003?). Домашний архив Л. Н. Арбачаковой.

References

Altayskie geroicheskie skazaniya: Ochi-Bala. Kan-Altyn [Altay heroic tales Ochybala, Kan-Altyn]. Novosibirsk, Nauka, 1997, 668 p. (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East]; Vol. 15)

Altyn-Aryg. Khakasskiy geroicheskiy epos [Altyn Aryg. Khakas heroic epos]. Moscow, Nauka, 1988, 592 p., ill. (Epos of People USSR [Epic of the peoples of the USSR])

Alyp Kuskun. Shorskoe geroicheskoe skazanie [Alyp Kuskun. Shor heroic tale]. L. N. Arbachakova (Intr., comp., transl.). Novosibirsk, Ofset, 2011, 133 p. (In Shor)

Baskakov N. A., Yaimova N. A. *Shamanskie misterii Gornogo Altaya* [Shaman mysteries of Mountaious Altai]. Gorno-Altaysk, 1993, 122 p.

Butanaev V. Ya. *Burkhanizm tyurkov Sayano-Altaya* [The Burkhanism of Turks of Sayan-Altai]. Abakan, 2003, N. F. Katanov Khakas State University, 260 p.

Butanaev V. Ya. *Khakassko-russkiy istoriko-etnograficheskiy slovar'* [Khakass-Russian ethnographical dictionary]. Abakan, Khakas. kn. izd., 1999, 237 p.

Buryatskiy geroicheskiy epos [Buryat heroic epic]. M. I. Tulohonov (Comp). Novosibirsk, Nauka, 1991, 312 p. (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East])

Fol'klor shortsev [Folklore of the Shor people]. L. N. Arbachakova (Comp.). Novosibirsk, Nauka, 2010, 608 p. (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East]; Vol. 29)

Funk D. A. *Teleutskoe shamanstvo: traditsionnye etnograficheskie interpretatsii i novye issledovatel'skie vozmozhnosti* [Teleut shamanism: traditional ethnographic in-

terpretations and new research possibilities]. L. P. Potapov (Ed. in Ch.). Moscow, 1997, 268 p.

Kazagacheva Z. S. *Altayskie geroicheskie skazaniya "Ochy-Bala," "Kan-Altyn."* (*Aspekty tekstologii i perevoda*) [Altay heroic tales "Ochy-Bala," "Kan-Altyn." (Aspects of textology and translation)]. Gorno-Altaysk, 2002, 352 p.

Maynagasheva N. S. Otrazhenie natsional'nogo obraza mira v epose khakasov i shor-tsev [The reflection of the national image of the world in the epic of Khakass and Shor peoples]. *Vestnik of North-Eastern Federal University. Series "Epic studies."* 2017, no. 4 (08), pp. 17–28.

Sadalova T. M. *O mifologicheskom prostranstve "Altay" v epose "Geser."* *Vystuplenie na mezhdunarodnoy konferentsii, posvyashchennoy 300-letiyu izdaniya "Gesera," 10–13 avgusta 2016 g., Khukhota, Kitay* [On the mythological space "Altay" in the epic "Geser." Speech at the International Conference dedicated to the 300th anniversary of the publication of "Geser," August 10–13, 2016, Huhota, China]. URL: <https://tengrifund.ru/o-mifologicheskom-prostranstve-altaj-v-epose-geser.html?ysclid=levcbi4vic230875955> (accessed 05.03.2023).

Shorskie geroicheskie skazaniya: Kara Kan, Kara Sabak [Shor heroic tales: Kara Kan, Kara Sabak]. L. N. Arbachakova (Comp. and transl.). Moscow, Institute for Bible Translation, 2015, 280 p.

Shorskie geroicheskie skazaniya [Shor heroic epic stories]. A. I. Chudoyakov (Intr., text prep., transl. and comment.), R. B. Nazarenko (musicological art. and prep. of musical text). Moscow, Novosibirsk, Nauka, 1998, 463 p. (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East]); Vol.17).

Shorskiy fol'klor [Shor folklore]. N. P. Dyrenkova (Record., transl., intr., notes). MOSCOW, Leningrad, AN SSSR, 1940, 448 p.

Shorskiy geroicheskiy epos [Shor heroic epic]. D. A. Funk (Comp., prep. of the Shor texts for publ., foreword, and comments). Tomsk, TSU, 2018, vol. 5, pt. 1: *Shorskiy epos v samozapisyakh skazitelya-kaychi V. E. Tannagasheva* [Shor epic in the self-recordings of the narrator-kaichi V. E. Tannagashev], 236 p.

Skazaniya shorskogo kaychi V. E. Tannagasheva. [The tales of the Shor storyteller V. E. Tannagashev]. E. N. Kuzmina (Ed. in Ch.), L. N. Arbachakova (Comp., text prep., and transl.). Novosibirsk, NSU, 2015, 318 p.

Tokmashov B. I. *Kaan Oolak. Bogatyrskoe skazanie na shorskom yazyke s perevodom na russkiy yazyk* [Kaan Oolak. The Bogatyr tale in the Shor language with translation into Russian]. Novokuznetsk, Novokuznetskiy poligrafkombinat, 2019, 149 p.

Zhernosenko I. A. Mifologema Mirovoy Gory kak kul'turoobrazuyushchiy kontsept sakral'nykh landshchastov Altaya [The mythologem of the world mountain as a culture-forming concept of sacred landscapes]. *Modern problems of science and education.* 2015, no. 2–3. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=23847> (accessed 05.03.2023).

List of manuscripts of Shor heroic epic and shaman texts

"*Meret Olak, imeyushhiy volshebnogo/chudesnogo konya*" [Meret Olak, who has a magic/miraculous? Horse], lines 2517–2518). Recorded in 1984 (?) by Pavlyuchik from D. K. Turushpanov in Mezhdurechensk (Karay village), Archive of the Department of Folklore of the Peoples of Siberia, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Fund of L. N. Arbachakova).

Ak Sagal. Recorded in 1998 by L. N. Arbachakova from A. V. Ryzhkin. Phono-archive of the Department of Folklore of the Peoples of Siberia, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Fund of L. N. Arbachakova).

Obryad "Na pokoynikov" [Rite "For the dead"]. Recorded in 1997 by L. N. Arbachakova, R. B. Nazarenko. (with two tape recorders) from the shamaness E. G. Todyakova (maiden name Labysheva, 1927–2003?). Home archive of L. N. Arbachakova.

Информация об авторе

Любовь Никитовна Арбачакова, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)

Information about the author

Lyubov N. Arbachakova, Candidate of Philology, Senior Researcher, Department of the Folklore of the Peoples of Siberia, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

Статья поступила в редакцию 22.11.2023;

одобрена после рецензирования 12.12.2023; принята к публикации 12.12.2023

The article was submitted on 22.11.2023;

approved after reviewing on 12.12.2023; accepted for publication on 12.12.2023

Научная статья

УДК 39(571.66)=551.3, 398.8, 784.4, 811.551.3

DOI 10.17223/18137083/86/3

Национальные имена, личные песни и семейные предания как способы трансляции семейно-родовой истории в культуре коряков-чавчуменов

**Татьяна Александровна Голованева¹
Екатерина Леонидовна Тирон²**

^{1,2} Институт филологии

Сибирского отделения Российской академии наук

Новосибирск, Россия

¹ gta-77@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4980-8150>

² krupich_katja@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9012-0476>

Аннотация

Проанализированы характерные для корякской культуры способы трансляции семейно-родовых ценностей, сохраняющих свою актуальность даже в условиях утраты национального языка и ассимиляции этноса. До настоящего времени у потомков коряков-чавчуменов и коряков-нымыланов (в том числе родившихся от смешанных браков) помимо официальных имен есть национальные, выбор которых обусловлен представлениями о реинкарнации, верой в перерождение предка в ком-либо из потомков. Знаковые события жизни предков отражаются в семейных преданиях и сохраняют свою значимость для потомков рода. Память о предках также поддерживается исполнением их личных песен, которое в обрядовых ситуациях воспринимается как способ общения с ними. В статье приводятся нотировки и ссылки на аудио- и видеозаписи песен.

Ключевые слова

северо-восточные палеоазиаты, коряки, чавчумены, коренные народы Камчатки, корякский фольклор, семейные предания, национальное имя, историческая память, музыкальная традиция коряков, личные песни, этномузыкология

Для цитирования

Голованева Т. А., Тирон Е. Л. Национальные имена, личные песни и семейные предания как способы трансляции семейно-родовой истории в культуре коряков-чавчуменов // Сибирский филологический журнал. 2024. № 1. С. 35–51. DOI 10.17223/18137083/86/3

© Голованева Т. А., Тирон Е. Л., 2024

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2024. № 1. С. 35–51
Siberian Journal of Philology, 2024, no. 1, pp. 35–51

National names, personal songs, and family narratives as ways of transmitting family and ancestral history in Koryak-Chavchoven culture

Tatiana A. Golovaneva¹, Ekaterina L. Tiron²

^{1,2} Institute of Philology
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

¹ gta-77@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4980-8150>

² krupich_katja@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9012-0476>

Abstract

The paper explores how the Koryak culture preserves and transmits family and ancestral values despite challenges such as assimilation, language decline, and economic structure transformations. Until the 1920s, the Chavchoven and Nymylan Koryak descendants, even those from mixed marriages, possessed both national names and names recorded in official documents. The choice of name is conditioned by the idea of reincarnation that implies the soul of an ancestor to be reborn in a descendant. The recollection of older relatives can be preserved by performing their personal songs. In the context of rituals, such a performance of ancestors' songs is regarded as a form of communication with them. This study analyzes the compositional and harmonic features of personal songs of relatives performed by N. S. Kuznetsova-Kerguvie (Nutejewyt, 1949–2023). The paper provides the notes of the songs accompanied by links to audio and video illustrations. Family narratives under analysis offer a comprehensive account of the life histories of ancestors, reflecting traditional Koryak cultural practices such as matchmaking, bride kidnapping, conspiracy, and marriage under the law of levirate. The peculiarity of family narratives lies in the specifics of their functioning: they are the heritage of a narrow family circle. The enduring relevance of borderline life situations experienced by ancestors persists within the descendants of the family, thereby ensuring their transmission from one generation to the next.

Keywords

North-Eastern Paleosiates, Koryaks, Chauchovens, indigenous peoples of Kamchatka, Koryak folklore, family narratives, national name, historical memory, musical tradition of Koryaks, personal songs, ethnomusicology

For citation

Golovaneva T. A., Tiron E. L. National names, personal songs, and family narratives as ways of transmitting family and ancestral history in Koryak-Chavchoven culture. *Siberian Journal of Philology*, 2024, no. 1, pp. 35–51. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/86/3

Памяти Нутэжэв'ыт
(29.01.1949–11.11.2023)

Введение

В настоящее время пристальное внимание исследователей уделяется изучению традиционной культуры народов РФ и исчезающих языков. Чавчулены и нымыланы, две субэтнические группы коряков, по большей части проживают на территории Камчатского края, небольшие поселения есть в Магаданской области [Хаховская, 2018; 2023]. Актуальность исследования автобиографических рассказов, семейных преданий и личных песен чавчуленов и нымыланов обусловлена тем фактом, что к 20-м гг. XXI в. в силу объективных социально-ис-

торических процессов коряжский этнос оказался почти полностью ассимилированным.

Цель статьи – проанализировать характерные для коряжской культуры способы трансляции семейно-родовых ценностей, которые сохраняют свою актуальность до настоящего времени.

Материалом исследования послужили личные песни и семейные предания, записанные Т. А. Головановой и Е. Л. Тирон в 2019 и 2020 гг. от носителя чавчуженской культуры Надежды Семеновны Кузнецовой-Кергужье (национальное имя *Нутэуэв'ыт*, в девичестве Нутенеут, в первом браке Кергужье, во втором – Кузнецова). Н. С. Кузнецова-Кергужье родилась в конце января 1949 г. в районе гор *Тыг'эйнуэю* 'зовущие горы', по документам ее записали уроженкой с. Верхние Пахачи.

Надежда Семеновна причисляла себя к *чаучу*, по-русски называла себя чукчанкой. Необходимо отметить, что нередко коряки-чавчужены считают себя чукчами (слово «чукча» производное от *чаучу*), а коряками они называют оседлых коряков-нымыланов. Тот язык, на котором говорила наша информантка, по лингвистической классификации определяется как коряжский, одним из его опорных диалектов является чавчуженский [Жукова, 1972, с. 3].

Несмотря на кардинальные изменения бытового уклада, утрату национального языка и смешанные браки, потомки чавчуженов и нымыланов вплоть до 20-х гг. XXI в. сохраняют связь с этническими корнями. Эта связь отчетливо проявляется в традиции исполнения личных песен предков, в сохранности сюжетов семейных преданий, а также в устойчивой практике использования национальных (чавчуженских или нымыланских) имен.

Национальные имена: реинкарнация предков и мистическая предопределенность

Национальные имена чавчуженов и нымыланов не записаны в паспортах, но эти имена до сих пор являются несомненной реальностью и используются в семейном и дружеском общении. Имя воспринимается как один из главных маркеров этнической самоидентификации человека. В семьях коряков-чавчуженов до настоящего времени проводят обряд поиска имени для новорожденного при помощи камешка-*аняпель* [Хаховская, 2018, с. 172]. Н. И. Тынэтэгин¹ рассказал, что «по чавчуженскому обычаю, новорожденному ребенку не придумывают, а находят имя. <...> Все вспоминают и называют имена родственников: “Давайте имя того нашего родственника назовем, он когда еще умер! Давно не было его”. Бабушки, родственники, родители – все подсказывают. Это правильно. Нельзя придумывать какие-то посторонние имена. Надо знать тех людей, чьи имена ты называешь. И вот произносят одно за другим имена умерших людей, а потом, вроде бы, шевельнулся камень. Если все признали, что камушек-*аняпель* качнулся, значит, нашли имя. Бывает, что только произнесешь какое-то имя, и камушек сильно начинает качаться. “Ага, вот кто, оказывается, к нам пришел!” Вот так и находят имя» [Культура..., 2023, с. 121].

¹ Тынэтэгин Николай Иванович (национальное имя *Тынэтэгын*), 1937–2020, родился и жил в с. Таловка Пенжинского района Коряжского национального округа (ныне Камчатского края), носитель чавчуженского диалекта коряжского языка, потомственный оленевод.

Обряд поиска имени обусловлен представлениями о реинкарнации, согласно которым душа предка перерождается в ком-либо из потомков. В устной традиции коряков устойчиво бытуют рассказы о перерождении: *Ынняж уанжо гымнан тэтогаг'ын Ылюк. Инна гымнин уавакык Ылюк. Чемэт нанжыльг'игым, жонпыу ыннин Г'ив'эв'уэ, Ыльжут то Г'элле гымнан жонпыу тыкогэтанувоунав' маннуку тыколувоунав'. Тыкэв'увоу, тэжын гыммо ыллаэгым. Ыньыг'ан гымнин четжэюнкы чатжаёнувоу. То уанжо тыкмижатык г'ам, нувоу ныннаейык аняпэляжа. Лыгума ныг'эйуэв'ын Ылюк. Ыуын, ыннинычгин ылла – Ылюк. Чемэт гымнан жонпыу ыннею ынпыжлавоунажо чанэчг'у тыколувоунав', гымнин ынниву то ыгчаё! Ыуын, ычгин ылла тэтогаг'ын Ылюк!* 'И вот я родила Клюк. Инна, моя дочка – [перерожденная] Клюк. Пока я была беременная, все время я к Ивэвнэ, Кэлькуту и Элле ² с большой любовью относилась. Я чувствовала [себя так], как будто я их мать. Вот такое у меня было состояние. Когда я родила, начали искать имя при помощи гадательного камня-аняпель. И тогда позвали ³ Клюк. Оказывается, мама [у Ивэвнэ, Кэлькута и Эллы] – Клюк. Вот почему я все время к этим старикам, к моим дядям и тете, с такой любовью относилась! Оказывается, я их маму Клюк родила!' (интервью с Н. С. Кузнецовой) ⁴. Родственники подмечали в характере или физическом облике ребенка черты того предка, душа которого в нем переродилась. Кроме того, к ребенку относились как к тому старшему родственнику, душа которого в нем переродилась, и могли обращаться, используя соответствующие термины родства (например, *ымма* 'мама', *чачамэ* 'старушка').

Корякская традиция допускает и другой вариант имянаречения. Имя могли найти, ориентируясь на сны или события, которые считали символическими. У нашей рассказчицы два имени: русское имя Надежда и чавчуженское *Нутэуэв'ыт* 'тундра-женщина' (*нутэнут* 'тундра' + *уэв* 'женщина'). Надежда Семеновна переводила свое имя как «от земли женщина».

Рождение *Нутэуэв'ыт* было сопряжено с мистическими событиями, которые в контексте традиционной культуры воспринимались как закономерные. Когда мама нашей рассказчицы была в положении, то ходила в тундру за дикоросами, там она часто слышала голос поющей девушки, а иногда – плач ребенка. В недоумении молодая женщина *Муллиуэ* обратилась за советом к своей тете. Старшая родственница истолковала ей, почему так происходит: *Муллиуэ* родит девочку и назовет ее *Нутэуэв'ыт*. После того как верное объяснение было найдено, голоса прекратили преследовать беременную женщину. Согласно сюжету данного семейного предания, тундра действует как олицетворенное женское существо, что обусловлено анимистическими взглядами коряков на природу. Надежда Семеновна воспринимала тундру как место своей силы. Даже в преклонном возрасте наша рассказчица старалась каждый день ходить в тундру. Тундра не только никогда ее не пугала, но, напротив, именно там *Нутэуэв'ыт* чувствовала себя под защитой.

² Взрослые дети *Ылюк* в прошлом перерождении.

³ Рассказчица имеет в виду обряд поиска имени новорожденного *ныннаейык* 'имя искать', который включает гадание при помощи камня *аняпель* и ритуальное вызывание души для перерождения [Горбачева, 2004, с. 60–61; Культура..., 2023, с. 120–122].

⁴ Здесь и далее перевод с корякского Т. А. Голованевой.

Личные песни в репертуаре *Нутэуэ'ыт* как проявление культа предков

В корякской культуре память о предках поддерживается не только вербально, но и в процессе исполнения *жулибул* – личных песен старших родственников. От Н. С. Кузнецовой-Кергуйе записаны личные песни трех поколений ее родственников: дедов, родителей и их детей. На исполнение песен младших родственников, даже если его представитель уже перешел в категорию ушедших, в корякской традиции существует строгий запрет. Видимо поэтому для обозначения песен старших родственников используется корякский термин *пэни-нэлг'ин жулибул* ‘песня предков’. При исполнении чужой песни обязательным было называние имени человека (автора этой песни) до или непосредственно в начале пения. Звучание личной песни являлось подтверждением связи с предком. Считалось, что песня исполняется (или не исполняется) именно по его желанию [Тиرون, 2020, с. 43].

Отметим, что в категорию родственников у коряков попадают не только кровные, но и сводные родственники. Это довольно много людей, учитывая то, что в поколении дедов Надежды Семеновны была распространена традиция двоеженства, а в семьях рождалось много детей. Во время интервью мы попытались построить родовое древо, чтобы разместить на нем личные песни, которые она исполняет. Остановившись на 182-х персонах, мы записали далеко не всех родственников, 64 из них оказались старшими родственниками. Отметим феноменальную память Надежды Семеновны, которая помнила чавчувенские и русские имена всех этих людей. Показательно, что чавчулены и нымыланы тщательно отслеживают родство, так как браки допускаются как минимум между пятиродными родственниками.

В зафиксированном репертуаре Надежды Семеновны имеется пять личных песен ее старших родственников: песня мужа, Владимира Атувьевича Кергуйе (*Бэргув'ье*; 1948–1981, род. в с. Ачайваам Олюторского района, вместе жили в с. Средние Пахачи), песня матери Анны Райлинкававовны Мулины (*Муллиуэ*; 1921–1990⁵), песня дяди по отцовской линии Владимира Лектигининовича Килькута (*Жилькут*; 1920–1989), песня двоюродного дяди по материнской линии Лектыле Владимира Степановича (*Лэжтылэ*; ок. 1940 – нач. 1970-х гг., жил в с. Верхние Пахачи, когда Надежда Семеновна там училась в интернате), песня деда по отцовской линии Лектыгыйнына (*Лэжтыгыйнын*, род. в конце XIX в.)⁶.

По словам исполнительницы, ей запомнились песни тех людей, с которыми в течение жизни происходило наиболее тесное общение. Они вместе проводили промысловые чавчувенские праздники, на которых личные песни звучали из уст самих авторов или других родственников⁷. В репертуаре Н. С. Кузнецовой-Кер-

⁵ Предки Н. С. Кузнецовой-Кергуйе, о которых далее пойдет речь, родились и жили в окрестностях с. Верхние Пахачи Олюторского района Корякского национального округа.

⁶ Нотные примеры см. ниже.

⁷ Н. С. Кузнецова-Кергуйе непосредственно участвовала в проведении чавчувенских обрядов и праздников, документальным подтверждением этого являются видеокассеты из домашнего архива, на которых зафиксировано живое бытование оленеводческой традиционной культуры в 1990-е гг. в Олюторском районе Корякского автономного округа. На основе видеоматериалов и интервью с Надеждой Семеновной была подготовлена статья, посвященная зимнему оленеводческому празднику *Пэжыттин* [Тиرون, 2023].

губы преобладают песни мужчин, которые пели гораздо чаще женщин, в быту и на праздниках. Имеется только одна женская песня, принадлежащая матери (см. пример 1).

Пример 1. Личная песня Мулины⁸
Example 1. Personal song of *Mulina*

♩ = 132

3,8

8 А - э - э а - эй йа - эй!

3,9

8 Г'эй г'а - а э - а э г'эй!

Пример 2. Личная песня Лектыгыйнына
Example 2. Personal song of *Lektygyjnyun*

♩ = 125

4,0

8 Г'э - а э - э - э - а!

3,4

8 Г'э а - э - эй!

3,9

8 Г'э - а эа - эй!

2,7

8 Г'э - э а - э г'эа - эй!

⁸ В нотках представлены только начальные фрагменты личных песен Н. С. Кузнецовой. Ссылки на полное видео и аудио образцов см. в размещенных рядом с примерами QR-кодах.

Родного дедушку по отцовской линии Лектыгыйнына наша рассказчица не застала в живых (см. пример 2). Его личную песню она слышала от трех его сыновей: дяди Эллы, дяди Килькута и своего отца Койматке. Все другие песни она переняла непосредственно от самих авторов личных песен.

Для всех личных песен предков в исполнении Надежды Семеновны характерно использование многократно повторенных слоговых распевов⁹. Основную функцию выполняют гласные *о*, *а*, *э*. Встречаются также два согласных *г'* и *й*, которые выполняют композиционную функцию и маркируют слоговые границы. Согласный *г'* выполняет исключительно начальную функцию, часто выделяет начало строки. Он появляется только перед гласной, так как в соответствии с фонетическими закономерностями корякского языка не может занимать финальную позицию [Жукова, 1972, с. 11]. Согласный *й* маркирует конец слога и строки, а также начало слога. Основу песни составляют именно распевные слоги, формируя своеобразную «бестекстовую» песенную поэзию.

Ю. И. Шейкин пишет о комбинировании тембровых звуков *о ~ я ~ а* и формирующихся из них тембровых словах *оао*, *ооа*, *ооа*, *оа*, *оаяя* и *оая* в личных песнях коряков [Шейкин, 2002, с. 261]. Пение на тембровые слоги, по его мнению, является признаком архаической стадии фольклора [Там же, с. 6]. Очевидно, что тембровые слова корякских личных песен произвольны и еще не оформлены в самостоятельные лексемы, более значимым является уровень слога. Подчеркнем, что формирующиеся тембровые слова корякских песен не являются междометиями, так как не используются в обыденной речи и непесенных формах.

Отметим, что такие «бестекстовые» личные песни в повседневной речи на русском языке и при публикации в нотных сборниках часто называют «личные мелодии», акцентируя мелодическую сторону песни, противопоставляя «песне» как жанру с поэтическим текстом. При практически полном отсутствии вербального ряда – основного носителя содержания музыкального произведения, все его функции передаются музыкальному компоненту.

Композиционная форма всех напевов имеет двустрочную структуру АВ, в песне Лектыле – с повтором второй строки (АВВ). Строки каждого типа более-менее выровнены по протяженности. Звукоряды песен предков диатоничны и включают от 3 до 6 ступеней в амбитусе от ч. 4 до м. 7: в песне Мулины – три ступени в амбитусе ч. 5 (*Fis-h-cis*), в песне Килькута – четыре ступени в амбитусе ч. 5 (*Cis-e-fis-gis*), в песне Кергуйе – пять ступеней в амбитусе м. 6 (*e-g-a-h-C²*), в песне Лектыле – пять ступеней в амбитусе м. 7 (*c/des-F-g-a-b*), в песне Лектыгыйнына – шесть ступеней в амбитусе м. 6 (*D-es-f-g-as-b*). Финальный тон, как правило, находится в нижней зоне звукоряда. Некоторые образцы были исполнены Надеждой Семеновной в сопровождении бубна, которое практически идентично ритмической составляющей мелодии голоса. Интонационно каждый напев выделен использованием скачков в мелодии, пунктирным ритмом (прямым или обратным), синкопированностью, игрой периодичного и непериодичного метра, кроме того, используются тембровые приемы (например, «рычащее» глиссандо в начале строк в личной песне самого древнего предка – Лектыгыйнына). В целом мелодика личных песен довольно проста и легка для запомина-

⁹ В нымыланской традиции зафиксированы личные песни, в которых вербальный текст играет более значимую роль, чем слоговые распевы [Тирон, 2021].

ния, по-видимому, именно такие песни предков устойчиво сохраняются в кругу семьи и исполняются потомками.

Личная песня для каждого чавчувена является своеобразным музыкальным паспортом, по которому другие идентифицируют человека. При жизни человек сам исполняет свою песню, а когда он уходит, память о нем сохраняется не только в воспоминаниях, но и через исполнение его личной песни. В обрядовых ситуациях исполнение песен предков воспринимается как способ общения с ними.

Остановимся на личной песне самой *Нутэнэв'ыт* (см. пример 3). 11 ноября 2023 г. Надежда Семеновна «ушла к верхним людям». Теперь ее песня перешла в категорию песен предков. По рассказам Надежды Семеновны, у нее очень долго не было своей личной песни, да и песни предков она не исполняла. Собственная личная песня «пришла» к нашей исполнительнице в 57 лет, после сильнейшего землетрясения на Камчатке в 2006 г. Поселок Корф, в котором проживала в то время Надежда Семеновна, оказался в самом эпицентре.

Согласно чавчувенской традиции появление личной песни не воспринимается как акт творчества ее автора, считается, что песня приходит сама. Для констатации факта появления песни Надежда Семеновна использовала такие чавчувенские выражения как *булибул гэллин* 'песня пришла', *гауволэн аһаһьяк* 'он(а) начал(а) петь'. Для обозначения собственной личной песни используются термины *гымнин булибул* 'моя песня' и *чининкин булибул* 'личная песня', усиливающие семантику личной принадлежности песни.

Пример 3. Личная песня Нутэнэут
Example 3. Personal song of Nuteneut

♩=157

8 А - г'э - э - э - э - г'э - эй! 4,7

8 А - э а - э - эй! 5,1

8 А - э - г'э - ки - э! 4,3

8 Г'э - а - э - г'эй! 6,9

Личная песня Надежды Семеновны исполняется на распевные слоги междометий, как и песни ее предков. Строение строфы напева включает пять строк разной протяженности, границы которых маркируются межстроковыми дыха-

тельными паузами. После экспозиции пятистрочного напева следует его многократное варьирование. Необходимо отметить, что наиболее узнаваемые интонационные ячейки появляются в начале строк, а концы строк являются наиболее варьируемыми. Интонационная узнаваемость напева достигается при использовании в мелодии скачков, пунктирного и синкопированного ритма. Ладозвукоряд напева диатоничен и включает шесть ступеней в амбитусе м. 6: *F g as b c des*, наиболее широкие зоны имеют ступени средней части звукоряда (*g as b*). Конечный тон является нижним звуком звукоряда. Этномузыковеды отмечали мелодическую близость личных песен одной семейно-родовой традиции, поскольку зачастую личная песня складывается на основе мелодий песен предков [Танимото, 2010, с. 96]. На материале личных песен из репертуара Надежды Семеновны интонационной близости установить не удалось, близость личных песен предков проявляется скорее в композиционном и ладовом устройстве напевов. На наш взгляд, каждый напев интонационно и ритмически выделен и индивидуален. Личная песня самой Надежды Семеновны даже в композиционном плане отлична от песен ее предков.

В традиционной культуре коряков личная песня выполняет множество функций, через понимание которых раскрываются особенности картины мира данного этноса, понимание жизни и смерти, значение культа предков, процессы идентификации личности и рода в традиционном обществе, для человека также важны сакральный и терапевтический эффекты музицирования [Тиرون, 2020].

История рода в семейных преданиях о сватовстве

В отличие от личных песен, исполнение которых отмечается в северных архаических музыкальных традициях [Шейкин, 2002, с. 255–287], семейные предания как устный повествовательный жанр являются общераспространенными и рассматриваются как отдельный вид устного рассказа. «Подобные истории обычно не выходят за пределы семьи. Их рассказывают родным, друзьям, соседям» [Кляус, 2016, с. 88]. Сюжеты семейных преданий нередко повествуют о (пред)брачных испытаниях предков. Такая тематическая предопределенность обусловлена тем, что брачный союз воспринимается как одно из наиболее значимых событий в жизни, а также необходимое условие появления потомков. В традиционных этнических культурах заключение брачного союза сопряжено с целой серией ритуальных действий. В то же время в этнографической литературе о коряках брачные обычаи описаны довольно схематично [Горбачева, 2004, с. 53].

Семейные предания, рассказанные Надеждой Семеновной, являются ценным источником, отражающим свадебные традиции коряков-чавчуменов. Историю своей семьи она начинает с тех времен, когда познакомились ее бабушка и дедушка. Прадед рассказчицы, богатый чавчужен *Йинилив* устроил состязание на оленьих упряжках. Мудрый *Йинилив* пообещал, что самому удачливому гонщику достанется в жены его дочь, семилетняя красавица *Кыев'уэв'ыт*. Выиграть состязание мог только умелый оленевод, поскольку северные олени очень пугливы и плохо поддаются дрессировке. Если будущий зять – мастер в оленеводстве, значит, дочь будет обеспечена, будут благополучны и ее дети. Самым быстрым оказался *Ылмажач*. Пусть он не был богатым, но мастерством превосходил всех остальных. Победитель увез *Кыев'уэв'ыт* в свою семью, повзрослев,

она стала ему второй женой¹⁰. Так, девочка с детства привыкала к обычаям семьи своего будущего мужа. Старшие женщины любили ее как дочку и обучали вести хозяйство. Всю свою жизнь *Ырмаҕач* и *Кыев'уэ'ыт* прожили вместе, забывая друг о друге до глубокой старости.

Совсем иначе сложилась судьба *Муллиуэ*, мамы нашей рассказчицы. Будучи пятнадцатилетней девушкой, она влюбилась в учителя-ительмена. Молодой учитель тоже полюбил *Муллиуэ*, однако родители девушки не позволили ей выйти замуж за ительмена, воспринимая его как чужого. Резкое противопоставление своего и чужого характерно для традиционной культуры в целом, вне зависимости от ее этнической специфики [Краюшкина, 2019, с. 4]. Молодой учитель так тяжело переживал отказ, что, сев на пароход, покончил жизнь самоубийством. Спустя время у *Муллиуэ* родился сыночек *Рультылькут*, которому родители девушки были очень рады, ведь ребенок в чавчуженской семье всегда принимается как свой.

Надежда Семеновна рассказывала эту историю без малейшего намека на осуждение. Она понимала свою маму, которую захватили чувства к молодому учителю, в то же время понимала и ее родителей, которые так сильно любили свою дочь, что не могли допустить и мысли, что она выйдет замуж за чужого, который увезет ее далеко от них.

Через некоторое время родители отдали *Муллиуэ* замуж за старика: *Уйуэ амин апыулока когайматын, мэткэ уйуэ агайматка* 'Не спрашивали ее, хочет или не хочет [замуж]'. Однако *Муллиуэ* была такой непокорной, что старик *Омрыльжот*, пожив с ней некоторое время, решил поискать женщину с более покладистым характером: *То уано элэг'улин выг'аёк эльг'а ынкэмит валг'ын, то гэв'уыволэн: «Яво г'ам, ҕок уэяу мыпэлагаг'ын ыннин ёчгыэльг'апэл'ың, уаен мальгыятапычг'ын эльг'а мэкмитын!»* 'Потом присмотрел он женщину по своему возрасту и подумал: «Ну что ж, тогда оставляю эту вздорную девчонку, а ту, более взрослую женщину, возьму [в жены]!»' Надежда Семеновна, рассказывая семейное предание о замужестве мамы, воссоздавала реплики героев семейной истории, эмоционально откликаясь на давно минувшие события. Проживая сюжеты семейных преданий, рассказчик «вспоминает» о том, чего никогда не видел своими глазами, но знает об этом по рассказам близких ему людей. Достоверность таких рассказов о жизни старших родственников, с точки зрения потомков, абсолютна и не подлежит ни малейшему сомнению.

Как свидетельствуют сюжеты о сватовстве, даже в пределах традиции есть диапазон допустимого для проявления индивидуальности. Так, Надежда Семеновна рассказала семейное предание о своей тете *Тэв'лят*, которую в молодости полюбил парень *Альба* из села Ачайваям. Ее родители были против этого брака, они не хотели, чтобы дочка уезжала из Пахачей. И всё же *Альба* воспринимался ими как свой. Он действовал согласно традициям: задумал похищение невесты. Зимней ночью притащил на себе собачью нарту, на которой увез свою любимую в отдаленное стойбище. Казалось бы, решительный, индивидуальный поступок, но, тем не менее, он совершен в рамках традиции, именно поэтому родители

¹⁰ Надежда Семеновна с сожалением рассказывала истории о старших родственниках, оставшихся бездетными в результате ранних браков. Она сетовала: «Раньше ведь не понимали! Думали, если начались [месячные], то уже настоящая женщина!» Обычай установления ранних браков характерен для разных традиционных культур, генетически не связанных между собой, и сохраняет актуальность до настоящего времени, в частности, в мусульманских странах [Мамадиев, 2020].

девушки *Тэв'лят* признали право ачайваямского парня жениться на их дочери. Решение родителей относительно судьбы дочери обусловлено не их произвольным выбором, а традиционным укладом.

В конце 1950-х гг., когда Надежда Семеновна училась в интернате в с. Верхние Пахачи, она бывала в семье *Лектыле* – родного брата *Тэв'лят*, двоюродного дяди нашей рассказчицы по материнской линии. В те годы он был красивым парнем, который недавно женился на *Клюуэ*. Молодая семья заботилась о своей двоюродной племяннице. *Нутэуэв'ыт* хорошо запомнила дядину песню с яркой интонацией восходящей «мажорной» сексты (см. пример 4).

Пример 4. Личная песня Лектыле
Example 4. Personal song of *Lektyle*

♩ = 151

8 3,5
О - г'о - г'о - г'а - г'о - г'а!

8 4,6
О - а - о - г'а - г'о - ой!

8 4,6
Э - йа-г'э - г'а - г'э - эй!

В корякских семейных преданиях начала ХХI в. отражен древний обычай левирата, согласно которому молодой мужчина должен был жениться на вдове своего старшего родственника [Горбачева, 2004, с. 55]. Отец нашей рассказчицы, *Койматкэ* (1917 г. р.), после смерти своего старшего брата взял его жену с тремя дочерьми. Отдав дань традиции, *Койматкэ* получил возможность пойти за собственными чувствами и женился на *Муллиуэ*: *Уйуэ эчи ван эйылкэ, чинин уикит гэлэг'улинэт, гауволэнат юнэтык* 'В этот раз никто насильно не отдавал, молодые сами нашли друг друга, начали вместе жить'. У *Муллиуэ* и *Койматкэ* один за другим родились три сына, но все они умерли во младенчестве. Когда родилась *Нутэуэв'ыт*, ее мама *Муллиуэ* даже не надеялась, что девочка выживет, поэтому не стала шить детский меховой комбинезон-*кэйкэй* и положила новорожденную в меховой чулок-*памъялуын*. *Койматкэ*, вернувшись из табуна, узнал о том, что у него родилась доченька. Отец стал ругать маму за то, что она, отчаявшись, не хотела ухаживать за новорожденной. Об истории своего рождения Надежда Семеновна вспоминала с душевной теплотой. Несмотря на все жизненные перипетии, она сохранила свою детскую шапочку, ту самую, которую мама сшила ей в январе 1949 г. в яранге на просторах пахачинской тундры (см. фото).

Надежда Семеновна Кузнецова показывает свою детскую шапочку *пэнкэн*, которая бережно хранится в семье. Средние Пахачи, 2022 г.

Фото Т. Кергувье

Nadezhda Semyonovna Kuznetsova shows her children's hat *penken*, which has been carefully kept in the family. Srednie Pakhachi, 2022.

Photo by T. Kergouvie

Женская судьба Надежды Семеновны складывалась совсем не просто, возможно и потому, что она пошла наперекор традиции. Дедушка *Ырмаҗач* присмотрел для своей любимой внучки, в то время уже восьмиклассницы, хорошего жениха: доброго, трудолюбивого парня *Кэлэв'ыи*, который тайно был влюблен в *Нутэнуэв'ыт*. Дедушка был уверен (и не без оснований!), что именно с *Кэлэв'ыи* его внучка будет счастлива. Как велела традиция, дедушка поставил для молодоженов отдельный полог и велел им жить вместе, как муж и жена¹¹. Согласно обычаям, жених мог силой овладеть невестой, если она окажется слишком строптивой, после этого девушка становилась его женой. Однако *Кэлэв'ыи* настолько любил *Нутэнуэв'ыт*, что не хотел проявлять никакого насилия по отношению к девушке.

Взросление *Нутэнуэв'ыт* пришлось на период смены традиционного уклада. Она решила поступить по-своему. *Нутэнуэв'ыт* отказалась выходить замуж за нареченного жениха, сказав ему: *Анам ыыйым ынык мыҗлаволэнняк, мыев'уйуэ г'ам тыкуг'энбэчг'этың!* 'Наверное, за тебя не выйду замуж, потому что не хочу!' В 1960-е гг. браки уже совершались не только по велению старших, но и по

¹¹ Традиция устанавливать отдельный полог для молодоженов описана в [Горбачева, 2004, с. 54].

собственному выбору молодых, поэтому отказ выходить замуж за нареченного жениха был возможен. *Кэлэв'ыи* долго оставался неженатым и сохранил любовь к своей невесте на долгие годы. А *Нутэуэв'ыт* полюбила русского парня, но отец и дядя *Кулькут* не могли допустить, чтобы их чавчувенская красавица вышла замуж за чужого: *Еукинэв' элвэлг'инэв' мучгин юнэттумгу! Ынней мэлгы-таньно еккинэв' быём г'ынэкмитги!* 'Ни к чему эти [чужие], ведь не наш он! Эти русские ни за что не возьмут тебя!' Как объясняла нам Надежда Семеновна: *Нано мыев' элвэлг'инэв', еукинэв'!* 'И всё потому, что чужой, нельзя!'.

В тот момент судьбу молодой *Нутэуэв'ыт* решал не только отец, но и дядя *Кулькут*, родной брат отца. Надежда Семеновна призналась, что всегда воспринимала дядю как второго отца, настолько активное участие он принимал в воспитании племянников. Вспоминая дядю Килькута, Надежда Семеновна исполнила его личную песню (см. пример 5).

Пример 5. Личная песня Килькута
Example 5. Personal song of Kil'kut

♩=223 4,0

Г'ой - йо - йой, йо - йой, йо - йой!

3,7

Э - г'э - г'э - г'эй, г'эа - эй!

3,5

Эй - йа - йа - йа, э - (ы - а) - эй!

3,4

Ой - йо - йо - йо, ой!

Позже *Нутэуэв'ыт* вышла замуж за Владимира Кергувье, почти не зная своего будущего мужа. Это был не только ее личный выбор. *Бэругув'е* жил в с. Ачайваям, работал в составе агиткультбригады, ездил с концертами в оленеводческие звенья. Бывая в Средних Пахачах, он тайком наблюдал за *Нутэуэв'ыт*. Он знал, что по традиции для совершения брака необходимо получить согласие старших мужчин – отца и дядьев невесты. Решив жениться на *Нутэуэв'ыт*, он, не спрашивая ее согласия, сразу пошел к ее отцу. Отцу будущий зять очень понравился: жених из богатого чукотского рода, с собственными оленями! Получив согласие старших мужчин, *Бэругув'е* нашел подход и к самой *Нутэуэв'ыт*. Смог убедить ее, что их брак будет крепким, однако в семье Надежды

и Владимира Кергувье было беспокойно. Периоды семейного благополучия сменялись тяжелыми днями. Владимир, будучи пьяным, в приступах ревности страшно избивал свою жену, причем даже тогда, когда она была беременной. Они прожили вместе десять лет. *Кэргув'ье* трагически погиб, утонул в реке. Характер у него не был простым. Энергичный, легкий на подъем человек, но, когда выпивал, становился совершенно другим: *Тыттэль эв'г'уемтэв'илг'ын, яҕам уано тыттэль нымитҕин имьеҕык ымыу! Кымэуһупэллэҕэтин тыттэль нымэлҕин! <...> То в'ыйин уанко икв'ичик, тэҕын нэкуллиһын, яҕам элвэлг'ин г'уемтэв'илг'ын кунг'эһиу!* 'Да ведь такой хороший человек, мастеровой! К детишкам очень добрый! <...> А вот когда напьется, словно наизнанку его выворачивает, словно не человек становится!'. Надежда Семеновна исполнила личную песню своего мужа, наполненную светлыми, восходящими интонациями в начале строк, уверенностью пунктирного ритма (см. пример 6).

Пример 6. Личная песня Кергувье¹²
Example 6. Personal song of Kerguv'e

♩ = 94

4,2

8 Бон - ҕал на - по - рэ - на!

3,4

8 Га - г'э - - - эй!

3,3

8 О - г'о - - ан!

3,2

8 Э - г'э - а - эй!

Надежда Семеновна понимала, что обычаи, которые были для нее когда-то привычными, уже мало кто помнит. Рассказывая о жизни своих старших родственников, она обращала пристальное внимание на особенности традиционного уклада. Старалась вспомнить подробности, ничего не пропустить.

¹² В первой строке песни присутствуют семантически значимые чукотские слова *бонҕал* 'прежде, заранее, сначала' (перевод Е. П. Прониной) и *напорэна* – форма I сослагательного наклонения непереходного глагола *порэлявык, порэчавык* 'радоваться': *нһы-порэ-нат* 'они бы порадовались'.

Заключение

В семейных преданиях чавчуевки Н. С. Кузнецовой-Кергуйе отражены характерные для корякской культуры обычаи сватовства: похищение невесты, заключение союза по сговору, вступление в брак по закону левирата. Особенность семейных преданий заключается в специфике их функционирования: они являются достоянием узкого семейного круга. Для жанра характерна презумпция достоверности изображаемых в текстах событий. Пережитые предками пограничные жизненные ситуации сохраняют свою значимость для потомков этой семьи и передаются из поколения в поколение.

Представителям миноритарного сообщества коряков-чавчуевов удастся сохранять связь с этническими корнями, несмотря на критическое состояние национального языка и кардинальное изменение хозяйственного уклада. Вплоть до настоящего времени в корякской культуре трансляция семейно-родовых ценностей поддерживается за счет исполнения личных песен старших родственников, веры в реинкарнацию и наречения новорожденных именами предков.

Список литературы

- Горбачева В. В. Обряды и праздники коряков. СПб.: Наука, 2004. 152 с.
- Жукова А. Н. Грамматика корякского языка: Фонетика. Морфология. Л.: Наука, 1972. 322 с.
- Кляус В. Л. «Ты меня хочешь замуж? Надо мне купить кого – платье купить!..» (Об одном семейном предании китайских русских Трехречья, КНР) // Традиционная культура. 2016. № 3 (63). С. 88–98.
- Краюшкина Т. В. Представления восточных славян Дальнего Востока России об иноплеменниках (на материале прозаических жанров устного народного творчества) // Вестник Том. гос. ун-та. 2019. № 58. С. 34–51.
- Культура камчатских коряков-чавчуевов второй половины XX века по воспоминаниям Н. И. Тынэтэгина / Сост. Т. А. Голованева. 2-е изд. Новосибирск: СО РАН, 2023. 252 с.
- Мамадиев Б. Б. Фетвы улемов мусульманских стран о ранних браках и многоженстве // Россия и мусульманский мир. 2020. № 1 (315). С. 85–98.
- Танимото К. Мир звуков в анимизме и шаманизме (пер. с англ. Ю. И. Шейкина) // Вестник Арктического гос. ин-та искусств и культуры. 2010. № 3. С. 95–98.
- Тирон Е. Л. Личные песни коряков: представления современных носителей традиции // Сибирский филологический журнал. 2020. № 1. С. 36–48. DOI 10.17223/18137083/70/2
- Тирон Е. Л. Песни нымыланки *В'алят* (по материалам Комплексной экспедиции 1991 года) // Сибирский филологический журнал. 2021. № 3. С. 22–37. DOI 10.17223/18137083/76/2
- Тирон Е. Л. Мифологические представления и фольклор зимнего оленеводческого праздника Пэгы́ттин коряков-чавчуевов // Кунсткамера. 2023. № 1 (19). С. 55–74.
- Хаховская Л. Н. Культура этнолокального сообщества (коряки села Верхний Парень). М.; СПб.: Нестор-История, 2018. 280 с.
- Хаховская Л. Н. Традиционное летоисчисление эвенов и коряков Магаданской области (в связи с современными этническими праздниками встречи Ново-

го года) // Вестник Северо-Восточного научного центра ДВО РАН. 2023. № 3. С. 88–101.

Шейкин Ю. И. История музыкальной культуры народов Сибири: сравнительно-историческое исследование. М., 2002. 718 с.

References

Gorbacheva V. V. *Obryady i prazdniki koryakov* [Rites and feasts of Koryaks]. St. Petersburg, Nauka, 2004, 152 p.

Khakhovskaya L. N. *Kul'tura etnolokal'nogo soobshchestva (koryaki sela Verkhniy Paren')* [Culture of the ethnolocal community (Koryaks of the village of Verkhny Paren)]. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriya, 2018, 280 p.

Khakhovskaya L. N. Traditsionnoe letoisчисlenie evenov i koryakov Magadanskoj oblasti (v svyazi s sovremennymi etnicheskimi prazdnikami vstrechi Novogo goda) [Traditional chronology of Evens and Koryaks in Magadan oblast (in connection with the modern ethnic New Year holidays)]. *Bulletin of the North-East Scientific Center, Russia Academy of Sciences Far East Branch*. 2023, no. 3, pp. 88–101.

Klyaus V. L. “Ty menya khochesh' zamuzh? Nado mene kupit' kogo – plat'e kupit'!..” (Ob odnom semeynom predanii kitayskikh russkikh Trekhech'ya, KNR) [“Do you want to marry me? You must first buy a garment for me!” (About a certain family narrative among Chinese Russians of Trekhech'e, China republic)]. *Traditional Culture*. 2016, no. 3 (63), pp. 88–98.

Krayushkina T. V. Predstavleniya vostochnykh slavyan Dal'nego Vostoka Rossii ob inoplemennikakh (na materiale prozaicheskikh zhanrov ustnogo narodnogo tvorchestva) [Representations of the Eastern Slavs of the Russian Far East about foreigners (A case study of oral folk prose genres)]. *Tomsk State University Journal*. 2019, no. 58, pp. 34–51.

Kul'tura kamchatskikh koryakov-chavchuchenov vtoroy poloviny 20 veka po vospominaniyam N. I. Tynetegina [The culture of the Kamchatka Koryaks-Chavchuvens of the second half of the 20th century according to the memoirs of N. I. Tynetegina]. T. A. Golovaneva (Comp.). 2nd ed. Novosibirsk, SB RAS, 2022, 252 p.

Mamadiev B. B. Fetvy ulemov musul'manskikh stran o rannikh brakakh i mnogo-zhenstve [Fatwas of the ulema of Muslim countries on early marriages and polygamy]. *Russia and the Moslem World*. 2020, no. 1 (315), pp. 85–98.

Sheykin Yu. I. *Istoriya muzykal'noy kul'tury narodov Sibiri: sravnitel'no-istoricheskoe issledovanie* [History of musical culture of the peoples of Siberia: Comparative historical research]. Moscow, 2002, 718 p.

Tanimoto K. Mir zvukov v animizme i shamanizme [The World of sounds in animism and shamanism]. Yu. I. Sheikin (Transl. from English). *Vestnik Arkticheskogo gosudarstvennogo instituta iskusstv i kul'tury*. 2010, no. 3, pp. 95–98.

Tiron E. L. Lichnye pesni koryakov: predstavleniya sovremennykh nositeley traditsii [Personal songs of the Koryaks: representations of modern carriers of tradition]. *Siberian Journal of Philology*. 2020, no. 1, pp. 36–48. DOI 10.17223/18137083/70/2

Tiron E. L. Mifologicheskie predstavleniya i fol'klor zimnego olenevodcheskogo prazdnika Pegýttin koryakov-chavchuchenov [Mythological beliefs and folklore of the winter reindeer herders' festival Pegyttyn of Koryaks-Chauchuvens]. *Kunstkamera*. 2023, no. 1 (19), pp. 55–74.

Tiron E. L. Pesni nymylanki V'alyat (po materialam Kompleksnoy ekspeditsii 1991 goda) [Songs of the Nymylan woman V'alyat (based on the materials of the

Complex Expedition to Kamchatka in 1991)]. *Siberian Journal of Philology*. 2021, no. 3, pp. 22–37. DOI 10.17223/18137083/76/2

Zhukova A. N. *Grammatika koryakskogo yazyka: Fonetika. Morfologiya* [Grammar of the Koryak language. Phonetics. Morphology]. Leningrad, Nauka, 1972, 323 p.

Информация об авторах

Татьяна Александровна Голованева, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)

Scopus Author ID 57221804668

Екатерина Леонидовна Тирон, кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник сектора фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)

WoS Researcher ID E-4761-2017

Information about the authors

Tatiana A. Golovaneva, Candidate of Philology, Senior Researcher, Department of the Folklore of the Peoples of Siberia, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

Scopus Author ID 57221804668

Ekaterina L. Tiron, Candidate of Art History, Senior Researcher, Department of the Folklore of the Peoples of Siberia, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

WoS Researcher ID E-4761-2017

Статья поступила в редакцию 21.12.2023;

одобрена после рецензирования 19.01.2024; принята к публикации 19.01.2024

The article was submitted on 21.12.2023;

approved after reviewing on 19.01.2024; accepted for publication on 19.01.2024

Научная статья

УДК 821.161+82-221

DOI 10.17223/18137083/86/4

И. С. Тургенев – читатель поэмы Овидия «Метаморфозы»

Иван Олегович Волков¹
Эмма Михайловна Жияякова²

^{1, 2} Томский государственный университет
Томск, Россия

¹ wolkoviv@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6317-8397>

² emmaluk@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9259-0436>

Аннотация

Впервые разрабатывается проблема восприятия И. С. Тургеневым творчества Овидия. Подвергаются анализу читательские пометы русского писателя, оставленные на страницах оригинального издания поэмы «Метаморфозы» из его личной библиотеки. Реконструируемая картина чтения Овидия позволяет существенно расширить и углубить представление об отношении И. С. Тургенева к древнеримской литературе и Античности вообще. Писатель не только погрузился в разветвленную сюжетную и образную структуру «Метаморфоз», которая определила сам жанр, но и проник в смысловую организацию поэмы, которая должна была сформировать точное понимание превращений как мировоззренческого принципа.

Ключевые слова

И. С. Тургенев, Овидий, «Метаморфозы», Античность, библиотека писателя, пометы
Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00549, <https://rscf.ru/project/22-28-00549/>

Для цитирования

Волков И. О., Жияякова Э. М. И. С. Тургенев – читатель поэмы Овидия «Метаморфозы» // Сибирский филологический журнал. 2024. № 1. С. 52–66. DOI 10.17223/18137083/86/4

© Волков И. О., Жияякова Э. М., 2024

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2024. № 1. С. 52–66

Siberian Journal of Philology, 2024, no. 1, pp. 52–66

Ivan Turgenev as a reader of the poem *Metamorphoses* by Ovid

Ivan O. Volkov¹, Emma M. Zhilyakova²

^{1,2} Tomsk State University
Tomsk, Russian Federation

¹ volkoviv@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6317-8397>

² emmaluk@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9259-0436>

Abstract

This paper is the first attempt to address the problem of the perception of the Ovid's creative work by Ivan Turgenev. The analysis and interpretation covers the reader's notes left by the Russian writer on the pages of the original edition of the poem *Metamorphoses* from his personal library. The largest number of notes is found in the first book, which is the starting point of the entire poem presenting the formation of the world. In the epic picture of overcoming the chaos and the emergence of the cosmos, it is man who is of exclusive interest to Turgenev. Ovid explores man and his existence in constant movement and transition. This issue becomes more tangible when intertwined with the themes of love and nature. Turgenev directs his attention to the portrayals of Daphne being chased by Phoebus and Syringa burdened by Pan's affection. It is the problem of the defining greatness of the gods and the metamorphosis of man taken as punishment that Turgenev emphasizes in the sixth book. He dwells on the episode of the contest between Pallas and Arachne. The theme of man's punishment for a crime specifically captured Turgenev's interest through the example of individual stories in the second and eighth books. Of particular interest to Turgenev was nature. He considered its intricate relationship with the realm of emotions and personal experiences rather than focused only on its landscape form. The subject of nature, as depicted in Orpheus' singing, is also of interest to Turgenev.

Keywords

Ivan Turgenev, Ovid, *Metamorphoses*, Antiquity, Turgenev's library, notes

Acknowledgments

The research was supported by the Russian Science Foundation grant (project no. 22-28-00549), <https://rscf.ru/project/22-28-00549/>

For citation

Volkov I. O., Zhilyakova E. M. Ivan Turgenev as a reader of the poem *Metamorphoses* by Ovid. *Siberian Journal of Philology*, 2024, no. 1, pp. 52–66. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/86/4

Овидий вошел в круг чтения И. С. Тургенева очень рано, соседствуя с древними греками на уровнях домашнего обучения и пансионного образования. Знакомство произошло не без посредничества французских переложений, среди которых в его библиотеке сохранился четырехтомник «Метаморфоз» 1744 г. в переводе П. Дю Рье¹. Еще одно дошедшее до наших дней издание также представляет собой эпическую поэму, но уже на языке оригинала². То, что библиотека писателя сохранила в своем составе именно «Метаморфозы», очень знаменательно. Хотя, конечно, Тургенев знал и другие сочинения Овидия, созданные до и после. Например, «Скорбные элегии» прочно вошли в его цитатный словарь (Тургенев, 2014, с. 54). Однако именно «Метаморфозы» составили особый пласт художест-

¹ ОГЛМТ. Ф. 1. Оп. 3. ОФ. 325/4048–4051.

² Там же. ОФ. 325/1970–1971.

венно-эстетического восприятия Овидия, проявившийся сначала в обширной читательской рефлексии, а затем и в яркой творческой интерпретации.

Суть мифологической поэмы Овидия – в поэтическом воссоздании подвижного, богатого духовного облика древней греческой цивилизации как идеального образа для поэта августовской эпохи. Универсальное содержание греческих мифов оживает в поэме «не в сфере культа или политики, а в любовном и поэтическом вдохновении» [Альбрехт, 2004, с. 723]. Мотив «превращения» утверждал идею развития как закон существования мира. Концепция бесконечного творения и взаимной переходности легла в основу эпической поэмы, в которой каждый эпиллий выражал чувство независимости и разнообразие мира.

Тургенев, чей метод изображения жизненных коллизий сочетал верность и правдивость в создании характера («Подобные лица жили, стало быть, имеют право на воспроизведение искусством») и одновременно выявление общечеловеческих смыслов («бессмертие человеческой жизни – в глазах искусства и истории») (Тургенев, 1994, с. 132), высоко оценил универсальность овидиевых «превращений». В 1850-е гг. в его философско-эстетических рассуждениях звучит идея жизни как «универсальной целостности, движущейся во времени и пространстве по своим внутренним законам» [Жилякова, 2004, с. 75]. Чрезвычайно показательно в этом отношении его письмо к П. Виардо от 28 июля 1849 г., где дается практически перифраза концептуальной основы «Метаморфоз» – превращения как сущностная черта всего окружающего: «Тысячи миров, в изобилии разбросанных по самым отдаленным глубинам пространства, суть не что иное, как бесконечное распространение жизни, той жизни, которая находится везде, проникает всюду, заставляет целый мир растений и насекомых без цели и без надобности зарождаться в каждой капле воды. Это произведение непреодолимого, невольного, бессознательного движения, которое не может поступать иначе; это не обдуманное творчество» (Тургенев, 1982, с. 423). «Бесконечное распространение жизни» у Тургенева точно выражает овидиеву мысль об изменениях, которые утверждают единство мира в его богатстве и разнообразии.

Уже упомянутое двухтомное издание «Метаморфоз» (1804–1807) на латинском языке было предметом пристального внимания русского писателя во время пребывания в Берлинском университете. Датировать момент чтения позволяет чернильный автограф на форзаце первого тома: «J. ab Turgeneff. XDCCCXXXVIII». Указанный 1838 г. вообще открыл писателю философию и искусство Западной Европы в огромном масштабе, «Метаморфозы» Овидия же представили ему, с одной стороны, энциклопедическое собрание мифов Древней Греции, соединенных с живописной композицией, а с другой – собственно античный эпос, в котором темы любви, жизни и смерти в тесных связях между собой воплотили идею неуклонного изменения и развития жизни.

Судя по оставленным читательским знакам, «Метаморфозы» были проштудированы Тургеневым от начала и до конца. Наибольшее количество помет содержится в первой книге, где дана исходная точка всей поэмы – становление мира. Но Тургенева в эпической картине преодоления хаоса и возникновения космоса волнует не творящая единая сила бога и природы, а исключительно человек. Первый штрих он ставит напротив строки, в которой говорится о рождении людей:

Так земля, что была недавно безликой и грубой,
Преобразясь, приняла людей небывалые обличья (I, 88) ³.

При этом его интересует рождение человека именно как метаморфоза, а не акт божественного творения, внимание писателя привлекает процесс как будто бы самостоятельного и произвольного возникновения человеческой жизни из земли в смене форм, но единстве материала. И далее он отмечает характеристику, данную начальному существованию людей, которая открывает новый эпизод, повествующий в обратной градации о последовательной смене четырех веков:

Первым век золотой народился, не знавший возмездий,
Сам соблюдавший всегда, без законов, и правду, и верность (I, 89–90).

Тургенев, вероятно, считает всю неоднозначность использования Овидием мифа о «золотом веке». Это поэтическое определение намекает и на тоску по идеалу в противопоставлении «чистоты жизни первобытных людей современному падению нравов» [Беркова, 1959, с. 450], и ироническое превращение духовного в материальное, когда в эпоху Августа «с помощью золота можно приобрести всё» [Альбрехт, 2004, с. 716]. При этом писатель делает акцент на этической самостоятельности человека, не требующей вмешательства извне. Он подчеркивает независимость и право людей на самоопределение, потому вследствие естественности разумного устройства земного мира им выделено противоположное состояние в небесном царстве – отчеркнуты границы отрывка о восстании и сокрушении гигантов (ст. 151–162):

Не был, однако, земли безопасней эфир высочайший:
<...>

Но и это ее порожденье
Вовсе не чтит богов, на убийство свирепое падко,
Склонно насилье творить. Узнаешь рожденных от крови! (I, 151–162)

Последняя строка этого фрагмента снова обращает взгляд Тургенева на проблему существования человека и организации общества. Вместе с тоном повествования его рефлексия принимает драматический характер – новой пометой он выделяет звучащее в адрес людей (преступление Ликаона) разочаровывающее гневное обвинение в попрании человеческого достоинства, внешне оформленное как неуважение к Юпитеру, и наступающее за ним неизбежное возмездие:

Пусть по заслугам и казнь понесут! Таков приговор мой (I, 243).

Разворачивающуюся далее картину хаоса, который в тотальной гибели всего живого должен привести к новому порядку, Тургенев специально никак для себя не выделяет, однако он останавливается на предваряющем мировой потоп намерении божества заново определить облик людей:

Он обещает явить – чудесным рождением – племя (I, 252).

³ Русский текст дается в переводе С. В. Шервинского по изданию: Овидий *Метаморфозы*. М.: Худож. лит., 1977. 429 с. В отдельных случаях, что особо оговаривается, использован перевод А. А. Фета по изданию: Овидий *XV книг Превращений*. М., 1887. 793 с. В скобках даны номера книги и стиха.

И в этом обновлении его интересует идущее прямо от автора риторическое обобщение относительно человеческой природы, в котором мифологическое сплетается с действительным:

*То-то и твердый мы род, во всяком труде закаленный,
И доказуем собой, каково было наше начало!* (I, 414–415).

«Каменное» происхождение человеческого рода дает поэту повод не без гордости заговорить о свойстве современной ему личности, становящейся в постоянной деятельности, и Тургенев мог принять его заключение как нечто универсальное, позволяющее уже с собственных позиций соотнести античное с типологией и ценностной шкалой XIX в. Сосредотачиваясь на гуманистической составляющей первых страниц «Метаморфоз», писатель пока не допускает в сферу своего преимущественно этико-философского восприятия конкретику мифа. Оставаясь на уровне обобщения, он, например, не отмечает специально историю Девкалиона и Пирры – единственных, кто спасся после потопа и дал начало новому народу. Но для писателя важно в теме рождения и существования людей обозначить аспект высшей воли как организующей и руководящей силы, которая определяет характер взаимодействия и отношений между богами и смертными и расставляет существенные приоритеты в положении последних. Тургенев отмечает заданную Овидием разумную необходимость в том, чтобы над человеком была сила, обуздывающая его как в губительных движениях в сторону равного себе, так и в попытках преодолеть свою природу – совершить метаморфозу против своего естества.

Проблема человека и его существования в постоянном движении и переходности получает в чтении Тургенева большую конкретность оформления в тесном переплетении с двумя важнейшими для Овидия темами – любви и природы. В первой книге им отмечены два рассказа о превращениях как неизбежном следствии любви. При этом Тургенев из сюжетной канвы вычленяет именно метаморфозу – момент слияния испытывающего отчаяние человека с миром природы, избавление от страдания в вечности. Прежде всего в пределы его внимания попадают женские образы: это Дафна, преследуемая Фебом, и лесная нимфа Сиринга, обремененная любовью Пана. В обоих случаях героини защищают свое девство и сами просят избавления от поругания через превращение, т. е. единственным для них способом сохранить себя оказывается отказ от человеческой природы. Понимая этот закон защиты или отстаивания индивидуальности, Тургенев отмечает явление девушек уже в новом состоянии – для Дафны это лавр, а для Сиринги тростник:

Богу покорствуя, лавр склонил, как будто кивая (I, 567).

Но не девический стан, а болотный тростник обнимал он (I, 706).

Метаморфоза не могла не указать писателю и на противоречивость совершаемого перехода, поскольку спасение в физическом плане не приносит освобождения от гонителя, а, напротив, навсегда с ним соединяет. Лавр становится атрибутом Феба, символизируя триумф, а тростник делается принадлежностью Пана через вырезанную из него пастушью свирель. Но во внимании Тургенева драматичность снимается тем, что происходящая метаморфоза оправдывается ввиду общей закономерности движения мира в его божественно-природном устройстве. Эту закономерность писатель уловил в гармонии и легкости, с которой происходит превращение, – переход человека преподносится Овидием как совершенно

согласное и что-то мгновенное. Примечательно, что Тургенев в последней строке дополнительно подчеркивает слово «*calamos*» (тростник). Возможно, так им поставлен акцент на музыкальность тростника, своеобразное изобретение духового инструмента как еще одна метаморфоза с выражением идеи бессмертной красоты.

Схожие друг с другом истории Дафны и Сиринги разделены у Овидия более обширным повествованием о несчастьях Ио. Находясь в одном текстовом пространстве с рассказом о возлюбленной Юпитера, создавая контекст, они, во-первых, в созвучии оказываются своеобразным прологом к нему, а во-вторых, становятся примером благополучного исхода страданий с доказательством необходимости смягчить судьбу девушки. Именно в такой логике Тургенев прочитывает этот отрывок, о чем очень емко свидетельствует проведенная им горизонтальная черта на полях. Писатель специально отмечает лишь последнюю строку, означающую конец повествования об Ио с окончанием всех ее перипетий. После истории двух превращений (в лавр и тростник) он обращается к эпической по своему содержанию мысли Овидия о том, что спасенной деве предназначено великое будущее:

Ныне богиня она величайшая нильского люда (I, 747).

Далее в ходе чтения поэмы Тургенев в каждой книге будет выбирать рассказы, перекликающиеся и объединенные между собой содержанием этико-философской концепции Овидия, а также особенностями поэтики. В этом отношении огромное значение для него имела трагическая история о Фазтоне. Пометы Тургенева полностью обнимают повествование о сыне Феба, причем во внимание писателя попадает не только разрушительный полет по небу, но и его последствия. Свое чтение этого эпизода он начинает с того, что помечает, но не исправляет ошибку в употреблении глагола: «*repello*» (отталкивать) вместо «*refellō*» (опровергать) в им же отчеркнутой строке:

*Срам такой говорить и ничем нельзя опровергнуть*⁴ (I, 759)

Не совершая привычного вмешательства в текст, Тургенев таким образом оставляет перспективу для размышления над точностью смысла в речи Фазтона, т. е. как именно герой воспринимает нанесенное ему оскорбление. Значение выделенного писателем момента в том, что именно он дает завязку последующей катастрофы. В необходимости дать отпор, опровергнуть клевету Эпафа (сына Ио), кроется желание восстановить достоинство полубога, которое скоро перерастает в жажду сделаться практически богоравным. Этот вопрос о соотношении порывов человеческого духа и надличностных сил чрезвычайно занимал писателя, поэтому центром его рефлексии становится эпитафия на могиле Фазтона:

Здесь погребен Фазтон, колесницы отцовской возница:

Пусть ее не сдержал, но, дерзнув на великое, пал он (II, 327–328).

Выделяя «самоутверждение через сверхчеловеческий подвиг» [Ошеров, 1977, с. 27], Тургенев останавливается именно на самом дерзании, на высоком порыве личности, которая «в столкновении с непреложными законами мироздания» [Там же] гибнет, но не лишается своего героического ореола, напротив, гордая попытка самостояния оставляет по себе глубокий след. До этого момента писатель отмеча-

⁴ Перевод А. А. Фета.

ет трагическое предчувствие и разрушительное действие самонадеянного поступка Фаэтона – через исправление опечаток и подчеркивания неправильных словоупотреблений. Все косвенные пометы – это попытка Тургенева очистить повествование от искажений, чтобы прочесть историю Фаэтона в полном – эпико-драматическом – виде.

Примечательное исправление делает Тургенев в отрывке, где показана реакция отца на гибель сына – сожалея, Феб отказывается от управления светоносной повозкой и гневно призывает других богов испытать на себе стремительную силу ее движения. Ключевой для писателя стала строка, обличающая слабость вышних обитателей и, как следствие, оправдывающая неумелость Фаэтона:

Если же нет никого, и в бессилье признаются боги (II, 289).

В этом стихе Тургенев пытается устранить предполагаемую ошибку в слове «бог». Он меняет параллельные формы множественного числа: с *Dei* на *Dii*, ориентируясь на более ранние издания, в которых был принят второй вариант, хотя никаких различий в смысле при этом не возникает. Но через такое уточнение он в целом акцентирует ропот Аполлона по поводу той смертельной кары, которую Юпитер обрушил на Фаэтона и которую отец считает несправедливой и незаслуженной, поскольку из всех существ, даже среди высших, лишь один возница мог справиться с огненной колесницей. Тургенев снова внимателен к проявлению личностного протеста против установленного порядка, и в его рефлексии на первый план выходит богоборчество, определенное глубоким внутренним переживанием – скорбью по сыну. Чувства Феба очеловечиваются Овидием, и сам образ за счет испытываемого героем страдания становится более осязаем и доступен сочувствию. Словно в противовес психологическому напряжению Аполлона, Тургенев следом выделяет невозмутимо-сосредоточенное поведение Юпитера, уверенного в своей высшей власти. Он подчеркивает стих, в котором «*всемогущий отец обходит огромные стены*», проверяя целостность небесного мира после сокрушительной скачки Фаэтона.

В качестве еще одного важного следствия гибели гордого юноши писатель отметил поэтическую метаморфозу, случившуюся с его сестрами, сокрушающимися в неутешном горе. Оплакивая участь брата, они постепенно и против своей воли становятся деревьями. Тургенева в этом превращении интересует яркая лирическая деталь, он подчеркивает двойную метафору, связанную с символическим выражением печали:

*Стынет под солнцем янтарь, который прозрачной рекою
Принят и катится вдаль в украшение женам латинским* (II, 365–366).

От сравнения слёз с древесной смолой внимание писателя переходит и останавливается на претворении сестринской скорби в янтарь – драгоценный элемент женского наряда. При этом предмет роскоши в облике римлянки вместе с человеческой тоской заключает в себе и собственно память о Фаэтоне, а цвет камня и его свечение служат вечным напоминанием о гибельном пламени солнца. Так Тургенев обозначает своеобразное рассеивание, растворение жизни и смерти юноши в человеческом мире, высокая скорбь легко и плавно переходит в привычную радость обывателя.

На примере истории Кефала и Прокриды Тургенева заинтересовала тема трагической случайности в жизни двух любящих людей и символического преодоления ее после смерти. В этой части поэмы он делает четыре пометы с преимуществ-

венным акцентом на женском образе. Первым отчеркиванием писатель выделяет появление Прокриды в горестном повествовании ее мужа:

*Звали Прокридой ее. Была же – ты слышал, быть может,
Об Орифии? – сестрой похищенной той Орифии (VII, 694–695).*

И далее он вносит два грамматических исправления, меняя ошибочные формы местоимений на верные. В первом случае – это изменение мужского рода на женский в стихе: «Pater ~~hunc~~ **hanc** mihi iunxit Erechtheus» (Эрехтей съединил меня с **нею**). А во втором он исправляет родительный падеж на дательный: «Hei ~~mei~~ **mihi**! conclamat» («Горе, – воскликнула, – **мне!**»). Эти пометы, конечно, идут по касательной тургеневского интереса, но они показательны уже одним своим наличием. Всё то же стремление к точности смысла в его усвоении помогают в истории взаимного испытания супружеской верности выдвинуть на первый план исключительно Прокриду и ее нечаянную гибель. Такую логику поддерживает и заключает последнее отчеркивание Тургенева:

Всё же со светлым лицом умерла, успокоившись будто (VIII, 863).

Если смотреть на рефлексию Тургенева в целом, то в логике всего сюжета очевидна градация в его выделении разных изображений: счастье – страдание – смерть. Последнее в восприятии оказывается центральным ввиду своей двойственности: и трагическое, и примиряющее. У Овидия указание на светлое лицо Прокриды призвано сменить тональность, перевести ужас смерти в посмертную красоту, которая снимает тягостное впечатление – героиня в вечности преодолевает страдания своей судьбы. Позже этот прием передачи «отпечатка смерти», который дает дополнительную характеристику образу и конфликту, писатель будет использовать в собственных произведениях, но поэтическое преображение Овидия он переосмысляет в русле постоянства и неотменяемости жизненной драмы. У Прокриды же все раны оказываются «залечены» именно в результате эстетической метаморфозы.

Характер любой метаморфозы, решающей судьбу людей, определен у Овидия властью и величием богов. Человек не свободен в своем существовании, чувствуя постоянное присутствие высшей силы и понимая поэтому, что должен соизмерять собственные движения с тем, как они будут восприняты внешней волей. В качестве подтверждения неизменного действия этого закона поэт дает изображения, в которых человек наказывается за свое неверие, сомнение в силе божества, а также гордыню или неистовство. Такие сцены составляют практически половину от всего богатого содержания поэмы, которое было отмечено явным вниманием Тургенева. Как постановку проблемы определяющего величия богов и метаморфозы, принятой за наказание, писатель в шестой книге (эпизод соревнования Паллады и Арахны) полностью выделил повесть «стародавних времен», вытканную богиней. Эпическое полотно сначала разворачивает мысль о непреложной власти олимпийцев и верховенстве Юпитера, а затем в качестве назидания для человека выводится множественное изображение следствий «безумной дерзости». Но ткань Паллады имела для Тургенева и самостоятельное поэтическое значение – как эпическая эмблема или живописная метафора, которой пользовался в первую очередь Гомер, разворачивая масштабную картину через описание одного предмета. Именно в качестве одухотворяющей детали, обобщенно выводящей к пространству богатой и наполненной жизнью древнегреческой

культуры, писатель подчеркивает финальный штрих искусства Паллады – лозу оливы:

Как подобало ей, труд своею закончила ветвью (VI, 102).

Сила превращений и их божественная природа обозначена Тургеневым в двух стихах восьмой книги, где дан антагонизм искреннего изумления перед сверхъестественным и бравады безверия:

Смолкнул на этом поток. Всех бывших тронуло чудо.

*На смех поднял доверчивых только богов поноситель*⁵ (VIII, 613–614).

Отмеченные строки занимают важное – пограничное – положение между двумя эпизодами, по-разному развивающими родственную мысль. С одной стороны, они итожат повествование о том, как Нептун превратил дочь Гипподама в целый остров, а с другой – начинают историю Филемона и Бавкиды, которая должна разрушить сомнения и подтвердить, сколь «велико всемогущество неба».

В этом русле Тургенев дважды обратился к торжеству Вакха. Сначала он выделил слова, провозглашающие победу божества над оскорбившими его своим неверием Миниадами:

Стала тогда уже всем действительно ведома Фивам

Вакха божественность (IV, 416–417).

Три дочери Миния, пренебрегшие празднеством Вакха, испытали его недовольство дважды: прежде работа (шитье), которую они не захотели оставить, превратилась в виноградную лозу, а затем и сами девушки были обращены в летучих мышей. Далее Тургенев подчеркивает еще более назидательную и многосоставную картину, но тоже через заключающие ее строки. Он отмечает стихи, в которых проявлено мрачное настроение божества, только что свершившего возмездие:

Не удовольствован Вакх. Он эти поля покидает,

С хором достойнейших жен удаляется к Тмолу родному (XI, 85–86).

Вакх наказал менад, превратив их в дубы, в отместку за то, что те в сладострастии и ненависти растерзали Орфея, который отверг притязания опьяненных дев. В обоих случаях метаморфозам подвергаются женские образы, но в принципиально отличных состояниях. Тургенев, беря схожие эпизоды из разных книг, словно сопоставляет их по принципу развития и усложнения смысла. В первом отрывке торжество виноградного бога абсолютное и связано исключительно с утверждением своего статуса в мире людей, второй же содержит противоречие, поскольку преступление совершают именно вакханки, т. е. смертные, ставшие почитательницами его культа. Своей прихотью человек сделал бога своеобразным соучастником преступления, очернил его ореол. Неслучайна здесь и смена интонации – в облике Вакха явно доминирует уже недовольство, близкое к негодованию. Эта неоднозначность, очевидно, не только прочитывается Тургеневым в качестве способа изображения (параллель и контраст), но и воспринимается им в общеполитическом плане как амбивалентность существования.

Тема наказания человека за преступление – зависть, жадность, стяжательство – особенно заинтересовала Тургенева на примере отдельных историй во второй

⁵ Перевод А. А. Фета.

и восьмой книгах. Двойным отчеркиванием на полях он отмечает строки, изображающие превращение Аглавры в камень по воле Гермеса:

И затвердело лицо; изваяньем сидела бескровным.

Сам был и камень не бел: ее мысли его потемнили (II, 831–832).

Тургенев акцентировал способ наказания Аглавры за то, что она встала на сладострастном пути бога, прельщенного красотой ее сестры Герсы. Кроме того, он прочитывал в этой метаморфозе след предшествующего действия гнева Афины, которая стала свидетелем возможного поругания и наслала на девушку яд зависти. Превращение в камень, сопровождаемое символическим изменением его цвета, выдвигает вперед авторский способ осмысления человеческого проступка – через метафору указать на нравственную деградацию, которая ложится вечным отпечатком, свойство характера в метаморфозе становится ярким признаком материала.

Другую особенность в изображении наказания у Овидия выделил Тургенев в истории Эрисихтона, пометив штрихом самое ее начало. За надругательством над божеством – вырубкой дуба в священной роще Цереры – в проступке героя кроется еще более тяжкое злодеяние – намеренное убийство обитающей в дереве нимфы. Влекомый иступленным желанием сокрушить дуб, Эрисихтон не принимает ни одного возникающего перед ним знака даже остановиться, даже самого яркого – когда «из рассеченной коры заструилась кровь». По силе испытываемого человеком неистовства следует и наказание – неутолимый голод, заставивший продать даже дочь Автолику. В составе эпизода Тургенев отчеркнул только заключительные строки, связанные с образным прочтением воздаяния Цереры:

Члены свои раздирать, зубами грызть Эрисихтон

Начал: тело питал, убавляясь телом, – несчастный! (VIII, 877–878).

Забирая всю историю Эрисихтона в рамку, писатель в двух последних стихах акцентировал парадоксальность бремени героя, обращенного на него самого: невозможность насытить тело, которое тут же подвергается постепенному разрушению. В то же время финальная часть мифа, ассоциативно связанная с мифологическим же символом свернувшейся в кольцо змеи (ураборос), которая кусает себя за хвост, могла служить Тургеневу философской иллюстрацией в понимании закономерности жизни и смерти, взаимосвязанности двух бытийных категорий.

Отдельным вниманием Тургенева отмечено повествование о героях. Писатель остановился на странствиях Персея и Геркулеса. Первого он примечает почти с самого его появления, отчеркивая строки, которые изображают героя парящим в воздухе с головой Горгоны:

Так, на просторе несясь, гоним несогласием ветров,

Он и туда и сюда, дождевой наподобие тучки (IV, 620–621).

Объектом рефлексии оказывается поэтическое описание Персея, создаваемое как через прямое сравнение его полета с движениями природного мира, так и за счет метафорического сопоставления перипетий его судьбы с бурной стихией. Тургенев точно улавливает изобразительное мастерство Овидия, когда на портретное изображение накладываются пейзажные штрихи, и в результате оно приобретает осязаемую философскую направленность. В русле этого интереса он отметил отрывок с превращением Атланта в горный хребет, сделав ударение именно на описательный момент:

С бездной созвездий своих на нем упокоилось небо (IV, 661).

Тургеневу важно в природно-мифологической метаморфозе установить лирический компонент, благодаря которому совершающиеся изменения осмысляются в новом качестве: гнев титана и встреченное им ужасное лицо Горгоны сменяются картиной звездного неба. Это утверждение законов вечного и прекрасного над всем живущим. Сразу после неба с «бездной созвездий» писатель отчеркнул начало истории, связанной с освобождением Андромеды, но он снова выделяет не столько сюжетный фрагмент, сколько лирическое отступление повествователя, который таким образом делает органичными переходы в эпической канве. Чертой на полях отмечена лишь одна строка:

Вот заключил Гипподам в темницу извечную ветры (IV, 662).

Тургенев делает явной пейзажную составляющую, которая обозначает смену состояний, перетекания ночи в новый день и плавно перемещает Персея в другое пространство.

Последняя помета в истории деяний Персея уже не связана собственно с ним, а обращена на царя Полидекта, который отправил героя за головой медузы. Тургенев отчеркивает слова эпического повествователя в его адрес, не столько служащие предостережением, но более подготавливающие читателя к ожидаемому возмездию – превращению в камень:

Непримиримый, и нет неправому гневу предела (V, 245).

Повествование о Геркулесе получило менее развернутую рефлексию читателя, Тургенев сосредоточился на моментах потенциальной смерти и вознесения героя. В первом случае он выделил строки, которые рассказывают о предстоящем убийстве кентавра на переправе через Эвен:

*Но для тебя, Несс лютый, любовь к той деве причиной
Гибели стала, – ты пал, пронзенный крылатой стрелой* (IX, 101–102).

Этот эпизод дан от лица всеведущего повествователя и ведет далее к действительной картине гибели Несса, покусившегося на честь Деяниры – жены Геркулеса: его настигает стрела, пропитанная ядом Лернейской гидры. Будучи своеобразной ремаркой, комментарием к позднейшим событиям, слова автора во внимании Тургенева важны не в связи с коварством кентавра. Они раскрываются в роли роковой завязки, неизбежно ведущей к смерти самого героя, поскольку именно отравленная кровь Несса станет ее причиной. Писатель выделил стихи, являющиеся перспективой судьбы Геркулеса, причем в тех же самых координатах – смерть, к которой привела безудержная любовь. И далее Тургенев обращается к реакции Юпитера на кончину героя:

*В четвероконной вознес к блестящим звездам колеснице*⁶ (IX, 272).

Он ведет линию своего интереса к посмертной славе, которая даруется в награду за подвиги. Геркулес оказывается достоин божественной благодати именно благодаря тому, что стал «освободителем земли». В апофеозе героя Тургеневым прочитывается еще и поэтическая составляющая, с помощью которой Овидий

⁶ Перевод А. А. Фета.

подходит к осмыслению вообще человека и его свершений, остающихся в вечности.

Еще один значительный пласт в поэме Овидия для Тургенева составила природа, но не в одиночном пейзажном виде, а в способах ее взаимодействия с миром чувств и переживаний. Точный пример дает уже первая в этой череде помета, обращающая внимание на тему земледелия:

Первой Церера кривым сошником целину всколыхнула (V, 341).

В песне Каллиопы властительница урожая и плодородия оказывается важнейшим божеством, которое дает и организует жизнь в простоте и привычности существования, в том числе человеческого. Творящая сила Цереры – это символ созидającego начала всей природы. От смыслов всеобщего повествование переходит к драматической персонификации, т. е. богиня, олицетворяющая первородную стихию, наделяется свойствами смертного, из которых главным оказывается глубоко личное переживание. Тургенев считывает этот переход, поэтому отмечает ниже стихи, выражающие внутреннее смятение Цереры в связи с пропажей Прозерпины:

*В ужасе мать между тем пропавшую дочь понапрасну
Ищет везде на земле* (V, 438–439).

Наблюдая за разрастанием психологической мотивировки в образе Цереры, писатель выделил и сопутствующий ему фон, обозначенный словом «interea» (между тем). Его заинтересовала другая метаморфоза – превращение нимфы Киа-неи в водный поток:

Льется вода, и уж нет ничего, что можно схватить бы (V, 437).

За этим изменением тоже стоят причины душевного, эмоционального порядка – скорбь по поводу похищения Прозерпины и сожаление о своем бессилии в попытке помешать вероломству Плутона. Овидий сопровождает превращение метафорой, в которой проливаемые нимфой слезы уподобляются течению воды. Коротким штрихом Тургенев выделяет не только Киа-нею как действующее лицо драмы Цереры, но еще и слезы как способ непосредственной передачи внутреннего состояния и, следовательно, обнажения истины человеческого самочувствия. Он примечает их именно как прием в разной его функциональности. Например, в трагической истории Прокны и ее сестры Филомелы писатель отметил исключительно «слезный» момент, действующий в том же направлении, но с иной этической направленностью – маскировка Тереем совершённого злодеяния:

Было нельзя не поверить слезам (VI, 566).

Природа, открывающаяся в пении, делается предметом тургеневского интереса в рамках образа Орфея. Чтение этого сюжета писателем вообще избирательно. Он не отмечает специально ни повествование о путешествии в подземное царство, ни рассказ о счастливом обретении Эвридики, лишь косвенно им затронут момент гибели героя. Прежде всего Орфей волнует Тургенева в качестве певца, олицетворяющего силу искусства, которое, в свою очередь, оказывается средством провозглашения творчества самой природы. Мысль Овидия о внутренней связи и зависимости поэтического (в широком смысле) дара с миром природы была важнейшей для Тургенева, давшего в своих произведениях художественное во-

площение этого эстетического принципа. На первых страницах десятой книги «Метаморфоз» писатель ставит небольшой штрих чернилами – напротив строк:

*Некий был холм, на холме было ровное плоское место;
Всё зеленело оно, муравую покрытое* (X, 87).

Эти стихи, описывающие место, на котором Орфей исполняет свою песню, служат введением в картину оживотворения природного мира. Здесь не случайно на полях стоит указание: «Arbores motae», т. е. «Движение деревьев». В сферу внимания Тургенева попадает своеобразный перечень растительного мира – с первыми звуками струн открывается галерея деревьев, название каждого из которых сопровождается индивидуальным определением и характеристикой. После эпического явления деревьев, кажущегося бесконечным, эстетически развивающего идею разнообразия, внутренней взаимосвязанности и величия природного мира, Тургенев переходит к истории о Гиацинте, нечаянно погубленном Фебом. Писатель подчеркивает последнюю строку этого отрывка, – где утверждается мысль о свойствах молодости и обновления, заключенных в природе и превращаемых человеком с помощью силы искусства:

Славят торжественно там Гиацинтии – праздник весенний (X, 219).

Словно в сопоставление с этой строкой, Тургеневым уже в предпоследней книге поэмы выделен стих противоположного пейзажного содержания:

На бугорок и на ветви глядит с их грузом осенним (XIV, 660).

Однако осенняя пора у Овидия демонстрирует полноту природной жизни, ее своеобразный пик, который и олицетворяют собой спелые плоды растений. Тургенев воспринимает эту картину вне отрыва от любовного сюжета, с которым она метафорически связана, – Вертуми, вздыхающий по Помоне, находит в природном мире (вяз и лоза) отражение необходимости и закономерности человеческого и призывает возлюбленную следовать вечному примеру.

Таким образом, Тургенев во время комментированного чтения поэмы Овидия всецело погрузился в разветвленную поэтическую структуру «Метаморфоз», раскрывшую ему проблематику самого жанра. Через поставленные им образные и тематические акценты писатель точно проник в смысловую организацию поэмы, которая в последовательном восприятии сформировала точное понимание превращений как мировоззренческого принципа и как способа осмысления человека.

Список литературы

Альбрехт М. фон. История римской литературы. М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 2004. Т. 2. С. 708–1390.

Беркова Е. А. Овидий // История римской литературы. М.: АН СССР, 1959. Т. 1. С. 436–462.

Жилякова Э. М. «Зеленоватое море больших дорог...» (И. С. Тургенев и Вергилий) // Европейские исследования в Сибири: Материалы Всерос. науч. конф. / [Редкол.: М. Я. Пелипась (отв. ред.) и др.]. Томск: Изд-во ТГУ, 2004. Вып. 4. С. 72–91.

Ошеров С. А. Поэзия «Метаморфоз» // Овидий Метаморфозы. М.: Худож. лит., 1977. С. 5–27.

Список источников

- Овидий. *Метаморфозы*. М.: Худож. лит., 1977. 429 с.
- Овидий. *XV книг Превращений*. М., 1887. 793 с.
- Орловский объединенный государственный литературный музей И. С. Тургенева (ОГЛМТ). Ф. 1. Оп. 3. ОФ. 325/1970–1971.
- Орловский объединенный государственный литературный музей И. С. Тургенева (ОГЛМТ). Ф. 1. Оп. 3. ОФ. 325/4048–4051.
- Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 18 т. М.: Наука, 1982. Т. 1. 607 с.; 1994. Т. 10. 542 с.; 2014. Т. 15, кн. 2. 763 с.

References

- Albrecht M. von *Istoriya rimskoy literatury* [History of Roman literature]. Moscow, Greko-latinskiy kabinet Yu. A. Shichalina, 2004, vol. 2, pp. 708–1390.
- Berkova E. A. Ovidiy [Ovid]. In: *Istoriya rimskoy literatury* [History of Roman literature]. Moscow, AS USSR, 1959, vol. 1, pp. 436–462.
- Oshero S. A. Poeziya “Metamorfoz” [The poetry “Metamorphoses”]. In: *Ovidiy. Metamorfozy* [Ovid. Metamorphoses]. Moscow, Khudozh. lit., 1977, pp. 5–27.
- Zhilyakova E. M. “Zelenovatoe more bo’shikh dorog...” (I. S. Turgenev i Vergiliy) [“The greenish sea of high roads...” (I. S. Turgenev and Virgil)]. In: *Evropeyskie issledovaniya v Sibiri: Materialy Vseros. nauch. konf.* [European Studies in Siberia: Proceedings of the All-Russian Sci. Conf.]. M. Ya. Pelipas (Ed.). Tomsk, TSU Publ., 2004, vol. 4, pp. 72–91.

List of sources

- Orlovskiy ob”edinennyy gosudarstvennyy literaturnyy muzey I. S. Turgeneva [Oryol United State Literary Museum of I. S. Turgenev]. Fund 1, Inventory 3, OF. 325/1970–1971.
- Orlovskiy ob”edinennyy gosudarstvennyy literaturnyy muzey I. S. Turgeneva [Oryol United State Literary Museum of I. S. Turgenev]. Fund 1, Inventory 3, OF. 325/4048–4051.
- Ovidiy. *Metamorfozy* [Ovid. Metamorphoses]. Moscow, Khudozh. lit., 1977, 429 p.
- Ovidiy. *XV knig Prevrashcheniy* [15 books of Transformations]. Moscow, 1887, 793 p.
- Turgenev I. S. *Poln. sobr. soch. i pisem: V 30 t. Pis'ma: V 18 t.* [Complete works and letters: In 30 vols. Letters: In 18 vols.]. Moscow, Nauka, 1982, vol.1, 607 p.; 1994, vol. 10, 542 p.; 2014, vol. 15, bk. 2, 763 p.

Информация об авторах

Иван Олегович Волков, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия)

Эмма Михайловна Жиякова, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия)

Information about the authors

Ivan O. Volkov, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Russian and Foreign Literature, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation)

Emma M. Zhilyakova, Doctor of Philology, Professor, Department of Russian and Foreign Literature, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation)

*Статья поступила в редакцию 16.03.2023;
одобрена после рецензирования 21.06.2023; принята к публикации 21.06.2023
The article was submitted on 16.03.2023;
approved after reviewing on 21.06.2023; accepted for publication on 21.06.2023*

Научная статья

УДК 821.161.1+82.0

DOI 10.17223/18137083/86/5

Повесть Н. Д. Ахшарумова «Граждане леса» в контексте философско-эстетической борьбы 1860-х годов

Алексей Евгеньевич Козлов

Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирск, Россия

alexeykozlov54@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0016-9546>

Аннотация

На материале аллегорической (фантастической) повести «Граждане леса» рассматриваются вопросы синтеза сюжетов и мотивов в русской беллетристике. Автор произведения Н. Д. Ахшарумов полемизирует со своими современниками на страницах повести.

В статье с опорой на сюжетологический метод показаны некоторые «силовые линии» интертекста, среди которых художественная литература («Что делать?», «Преступление и наказание», «Подлиповцы», «Песнь о Гайавате»), научные трактаты (Ж.-Л. Бюффон, Ш. Фурье, Ч. Дарвин, В. Вундт) и научно-популярные компиляции (А. Брем, М. Петри), а также средневековые сюжеты романа о лисе, адаптированные для читателя Нового времени И. В. Гёте.

Отдельное внимание уделяется мифопоэтическому анализу: ветхозаветным аллюзиям повести, вмещающим в себя и космогонические сюжеты о созидании некоторой цивилизации, и эсхатологические, в центре которых гибель гражданского общества.

Ключевые слова

русская литература XIX века, Ахшарумов, Достоевский, Всемирный труд, повести о лисе, антиутопия, вторичность и альтернативность

Благодарности

Исследование выполнено в рамках реализации гранта № 23-78-01115 Российского научного фонда

Для цитирования

Козлов А. Е. Повесть Н. Д. Ахшарумова «Граждане леса» в контексте философско-эстетической борьбы 1860-х годов // Сибирский филологический журнал. 2024. № 1. С. 67–81. DOI 10.17223/18137083/86/5

© Козлов А. Е., 2024

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2024. № 1. С. 67–81
Siberian Journal of Philology, 2024, no. 1, pp. 67–81

“Grazhdane lesa” (“Citizens of the forest”) by Nikolay Akhsharumov in the context of the philosophical and aesthetic struggle of the 1860s

Alexey E. Kozlov

Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk, Russian Federation

alexeykozlov54@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0016-9546>

Abstract

The paper addresses the issues of plot and motif synthesis in Russian fiction by analyzing the allegorical (fantastic) novel “Grazhdane lesa” (“Citizens of the Forest”) by Nikolay Akhsharumov. Throughout the pages of the story, Akhsharumov engages in polemics with renowned writers of his era, including Leo Tolstoy, Fedor Dostoevsky, and Nikolay Chernyshevsky. Some levels of the intertext have been revealed and are discussed in the paper. The examples include modern literature works, scientific treatises, and popular science compilations. The focus is also on the medieval plots of the novel about the fox adapted for the New Age reader by I. V. Goethe in his “Reineke Fuchs” (“Reynard the Fox”) translated into Russian by Mikhail Dostoevsky in 1848. Starting from generalized, stereotyped ideas about Siberia and the Far East, Akhsharumov ignores the rich ethnographic tradition. He creates a dystopia, the central conflict of which is between Lazarus, the symbol of enlightenment and liberal democracy, and the animal world. Special attention is paid to the Old Testament allusions, for the mythopoetics of the novel delves into both the cosmogony plots about the creation of a specific civilization and the eschatological plots centered on the death of a civil society. Akhsharumov considers this motif to be crucial, especially since he was once closely associated with the Petrashevsky circle. Finally, the novel is examined from the point of view of literary failure. In particular, a conclusion is drawn that the synthesis of the contexts under consideration was not organic, resulting in a weightier and unacceptable piece of work for contemporaries.

Keywords

Russian literature of the 19th century, Akhsharumov, Dostoevsky, Vsemirnyy trud, novels about the fox, dystopia, recurrence and alternativity

Acknowledgments

The research was funded by the Russian Science Foundation (RSF), project no. 23-78-01115

For citation

Kozlov A. E. “Grazhdane lesa” (“Citizens of the forest”) by Nikolay Akhsharumov in the context of the philosophical and aesthetic struggle of the 1860s. *Siberian Journal of Philology*, 2024, no. 1, pp. 67–81. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/86/5

Повесть Н. Д. Ахшарумова «Граждане леса», названная в первой редакции сказкой, была опубликована в 1867 г. в журнале «Всемирный труд» (№ 4–6). Представляя собой бестиарную дистопию [Русские утопии, 1995; Русский проект..., 2014, Философский век, 2000], произведение демонстрировало несостоятельность проектов по исправлению мира: бывший каторжник и золотоискатель Лазарь¹, овладев животным языком по методу Робертсона, пытается создать

¹ При вероятной отсылке к сюжету «Преступления и наказания» (романа, который Н. Д. Ахшарумов высоко оценил в критическом отзыве для журнала «Всемирный труд»)

коммуны из лесных зверей, но погибает, будучи не в силах побороть животные инстинкты «граждан». Идейным оппонентом Лазаря выступает хитрый и предприимчивый лис Модест Елисеич², сначала прилежно изучающий основы нового общежития, а потом предающий своего восторженного учителя.

Литературным событием повесть, диссонирующая с традиционным сюжетным репертуаром русской журнальной беллетристики, не стала, отзывы практически не вызвала. Согласно воспоминаниям В. П. Авенариуса, достоверность которых невозможно проверить, о повести комплиментарно отзывался «записной» критик журнала Н. И. Соловьев. Убежденный почвенник, начинавший свой путь в «Эпохе» и «Отечественных записках», Соловьев использовал «достоевское» слово для характеристики «Граждан леса»: он назвал их «капитальнейшей вещью» глубоко социального значения³. Менее снисходительным был А. С. Суворин. Давая краткий очерк литературно-критической деятельности Ахшарумова (неоднократно вызывавшей недоуменные вопросы современников), критик писал:

Скажем еще раз: критика становится в тупик перед таким произведением, как «Жители⁴ леса». Что это такое? Сатира на кабинетные утопии Лазаря, лишенные практичности, или вообще на государственное устройство, так как в конце концов община все-таки распадается, несмотря на совершенно уже практическое управление Елисеича? Сатира на суеверие, так как поклонение «великой мухе» изображено в самом карикатурном виде, или вообще отрицание необходимости каких бы то ни было религиозных верований для народа, так как никакой другой религии, кроме этого поклонения великой мухе, в лазаревой общине не было, и так как это поклонение умышленно противопоставлено рациональному устройству общины? Думал ли автор представить в лице Елисеича какого-нибудь известного политического интригана⁵, или должны мы верить автору, что он и впрямь просто захотел потешить читателей сказочкой, вдохновившись помещенным в том же журнале книжки журнала трактатом об умственной жизни животных⁶? Но этот трактат – серьезный трактат...⁷

В литературоведении традиционно обращалось внимание на полемику Н. Д. Ахшарумова с современниками: Н. Г. Чернышевским и Ф. М. Достоевским. И утопический фаланстер, реализованный в «Четвертом сне Веры Павловны»,

имя героя может быть связано и с поэмой О. Барбье «Лазарь», читаемой и обсуждаемой петрашевцами. «Граждан леса» сближает с текстом Барбье скептический взгляд на цивилизацию и отрицание гуманизма как универсальной и безусловной ценности.

² Выбор номинации в данном случае заставляет вспомнить упомянутого в романе «Отцы и дети» критика демократического издания: «Ах, какую удивительную статью по этому поводу написал Елисеич! Это гениальный господин!» (Тургенев И. С. Отцы и дети // Тургенев И. С. Полн. собр. соч.: В 30 т. М.: Наука, 1980. Т. 7. С. 162). Обычно не вступавший в литературную полемику Ахшарумов мог в данном случае отомстить своему оппоненту Г. З. Елисееву за резкую рецензию (см. ниже).

³ Авенариус В. П. Вечер в редакции // Литературный факт. 2024. № 1.

⁴ Надо – «Граждане леса».

⁵ Здесь могут быть разнообразны прототипы: от упомянутого Г. З. Елисеева до М. В. Буташевича-Петрашевского. Петрашевский ушел из жизни в 1866 г., в 1867-м о его смерти стало известно в Петербурге.

⁶ В журнале «Всемирный труд» публиковалась статья М. Петри «Умственная жизнь животных» (1867. № 6).

⁷ [Суворин А. С.] Библиография и журналистика // Голос. 1867. № 177. С. 1.

и откровение, явленное Раскольникову в Сибири, в равной мере вызывали скепсис автора [Володина, Сумарокова, 2015; Рейтблат, 2020; Козлов, 2021]. О Чернышевском он, в частности, писал: «Явился роман “Что делать?”, в котором всё было сказано сразу, без оговорок, в один прием, и все вопросы, смущавшие человечество в течение долгих веков, решены окончательно»⁸. Далее критик демонстрировал утопичность и иллюзорность такого представления. Отметим, что и художественные произведения Ахшарумова – роман «Мудреное дело», опубликованный в журнале «Эпоха», и повесть «Натурщица» – представляют своего рода антидот утопическим проектам современника⁹.

Более продолжительна и насыщена история соперничества Ахшарумова и Достоевского. Еще в 1850 г. Ахшарумов опубликовал в «Отечественных записках» повесть «Двойник», которая вызвала едкую оценку современников, назвавших автора «Двойником господина Двойникова»¹⁰. В дальнейшем критики неоднократно проводили параллели между произведениями Ахшарумова и Достоевского, отдавая пальму первенства последнему [Martinsen, Maiorova, 2016]. Так, в частности, Н. А. Добролюбов и А. А. Григорьев сравнивали «Униженных и оскорбленных» с романом Ахшарумова «Чужое имя», а Г. З. Елисеев назвал сюжет «Натурщицы» *добродушной, безобидной, веселой, игривой чепухой и галиматей*, противопоставив ей *чепуху и галиматью кроважидную*, якобы представленную романом «Преступление и наказание»¹¹. В 1867 г. сам Ахшарумов отозвался на роман Достоевского критической статьей (Всемирный труд. 1867. № 3), в которой признался в сильном произведенном на него эстетическом впечатлении. Пытаясь спорить и полемизировать с Достоевским, критик счел антропологически недостоверными его главных героев и неубедительным аллегорический финал произведения [Володина, Сумарокова, 2015]. Логично предположить, что публикуемая в следующем номере сказка, или аллегорическая повесть, стала своеобразной попыткой вступить в диалог и дискуссию уже не на идеологическом, а на эстетическом уровне. В «Гражданах леса», как отмечалось исследователями, совпадают и место действия: *Сибирь* (у Ахшарумова – Дальний Восток, о котором он не имел сколько-нибудь точных представлений); и социальная функция героя: *ссылный*; и притчевый сюжет: *века Авраама и стад его*. Симптоматичны и имя героя – *Лазарь*, и его портрет, в котором угадываются черты Родиона Раскольникова.

⁸ Ахшарумов Н. Меж двух огней, роман в 3-х частях М. В. Авдеева // Всемирный труд. 1869. № 1. С. 35.

⁹ В повести «Натурщица» Ахшарумов вводит в повествование пылкий монолог современной неким писателем женщины:

– Палач! – отвечала она. – Делай со мной, что хочешь, только не думай, что тебе это даром пройдет! Я найду судей, которые нас рассудят... Я выставлю, опозорю тебя... Я потащу тебя туда, куда ты меня толкаешь!..

– Куда же это?

– На площадь! На эшафот! К столбу позорному... Куда поведут жену, уморившую мужа, мать, погубившую детей, туда за нею и ты пойдешь.

(Ахшарумов Н. Натурщица. Юридическая фикция // Отечественные записки. 1866. Т. 164. С. 570).

В этих словах отчетливо прочитывается охранительная тенденция.

¹⁰ [Некрасов Н. А.] От редакции «Современника». Литературные объяснения // Современник. 1850. № 11. С. 100.

¹¹ [Елисеев Г. З.] Русская литература. Журналистика // Современник. 1866. № 2. С. 43.

Ахшарумов о Раскольникове	Описание героя повести
Голодная мысль набросилась на этот отвратительный кусок пищи с неудержимой жадностью, и, несмотря на то, что его при этом почти непрерывно тошнило, он дал ей полную волю. Что за беда? Ведь это не дело ещё, это только простой расчёт и прикидка, не обязывающие его ни к чему [Ахшарумов, 2019, с. 148].	Голодная мысль, хватаясь за всё, что попало, часто, назло его воле, упорно работала над такими вопросами, которые при другой обстановке, вероятно, и в голову не пришли бы... (№ 6, с. 3) ¹².

В своем произведении Ахшарумов задается вопросом, созвучным тому, что был сформулирован в первой части романа Достоевского: «Разве породы не изменяются под влиянием обстоятельств?» (№ 5, с. 13). Однако мир людей, где герой был некогда оскорблен и унижен, практически не становится сюжетным пространством, вместо него на первый план выдвинут бестиарий. Конфигурации этого мира и его тотальная антропологическая недостоверность заставляют добавить к названным контекстам «Подлиповцев» Ф. М. Решетникова. Смешение животных инстинктов и простейших ментальных операций, продемонстрированные Решетниковым, и сама «плохопись» как стихийный реалистический метод [Созина, 2009] отразились и на обрисовке характеров, и на стилистике повести Ахшарумова, которая значительно отличается от иных текстов писателя тотальным «небрежением» литературным словом [Лихачев, 1984]. С прозой Решетникова «Гражданин леса» сближает и социальная проблематика: «неведомый» мир русского крестьянства по басенной логике отражается в мире животного социума [Вдовин, 2016].

Отдельного внимания поэтому заслуживают бестиарные контексты произведения, реконструкция которых осложняется «бродячим» характером рассматриваемых сюжетов. Тем не менее методологически целесообразно дифференцировать научную и научно-популярную литературу, на которую опирался писатель в своем произведении. Один из таких источников назван Сувориным: это статья М. Петри «Умственная жизнь животных», представляющая собой компиляцию «Происхождения видов» Ч. Дарвина, «Начал общей психологии» Г. Спенсера и «Общей психологии» В. Вундта. Спенсер и Дарвин оказали решающее влияние на Ахшарумова в 1860-е гг., определив эклектический синтез его романтических и реалистических позиций. Предлагаемый учеными эволюционизм, понимаемый как «новый пантеизм», открывал принципиально новые возможности для художественных экспериментов [Русский реализм..., 2020]. Трактат В. Вундта «Душа человека и животных», поставивший теоретический вопрос об обучении животных человеческому языку и аргументировавший невозможность такого рода обучения, входил в круг чтения и конспектирования Ахшарумова ¹³. Другие прецедентные тексты, переведенные Н. Н. Страховым, – «Жизнь птиц» и «Жизнь

¹² Здесь и далее повесть «Гражданин леса» цитируется по журналу «Всемирный труд» с указанием номера тома и страницы в круглых скобках.

¹³ В черновых записях «О представительном смысле имени» Ахшарумов дает подробное изложение трактата В. Вундта – «восходящей звезды психологической науки» [Зорин, 2019].

животных» А. Брема – также пристально изучались Ахшарумовым, о чем свидетельствует Е. И. Жуковская¹⁴.

Разумеется, «Жизнь животных» восходит к «Естественной истории» Ж.-Л. Бюффона, одной из движущих идей которой становится борьба всех органических видов за власть и ресурсы. Свою обработку этот сюжет получил в трактате Ш. Фурье «Новый промышленный и общественный мир», где разные социальные сословия и классы были показаны в виде представителей фауны – хищников, травоядных, рыб. Как известно, трактаты Фурье входили в круг чтения петрашевцев, к которым в 1840-е гг. были близки и Ахшарумов, и Достоевский [Riasanovsky, 1953; Martinsen, Maiorova, 2016].

Наконец, говоря о французских контекстах, отметим значение бестиария для так называемой буржуазной, или массовой, культуры. Как показывает В. А. Мильчина, «Частная и общественная жизнь животных», объединившая О. Бальзака, Жорж Санд, А. де Мюссе, Ж. Жанена и П.-Ж. Этцеля, разошлась значительным тиражом [Мильчина, 2015]. Это свидетельствует об определенном спросе на такой тип аллегории, сформировавшемся к тому моменту в обществе. Хрестоматийно известное посвящение, избранное Бальзаком в предисловии к его «Человеческой комедии», позволяет сделать вывод о том, что естественнонаучное знание обретает популярность и становится одним из модных направлений интеллектуальной мысли и социальной философии в середине XIX в.

Однако логика творчества Ахшарумова предполагает соединение отстоящих друг от друга контекстов. В использовании фигуры лиса Елисеича современники справедливо усматривали вариацию на тему распространенного в западноевропейской литературе романа о лисе¹⁵. По замечанию А. Д. Михайлова, авторский сюжет Пьера де Сен-Клу становится бродячим, определяя существование ветвей и подступов – многочисленных изводов исходного произведения. Культурологический статус этого произведения определяется комической пародийной параллелью [Даркевич, 1992] к рыцарскому роману: «Участниками их оказываются не люди, а звери, и ведут они себя не как утонченно-куртуазные рыцари и их дамы, а как отъявленные пройдохи и мошенники или как глуповатые простаки, нередко грубые и жестокие. Тем самым «Роман о Лисе» примыкает к сатирическим жанрам средневековой литературы: если с басенной традицией у него много точек соприкосновения генетически, то к жанру фаблио (небольшие сатирические и нравоучительные стихотворные повести с острым сюжетом и подчас неожиданной развязкой) он близок выбором персонажей, их трактовкой, теми комическими ситуациями, в которые эти персонажи попадают, вообще особенностями мироощущения и способами изображения действительности» [Михайлов, 1987, с. 15]. Лис-трикстер Ренар (Renart / Reineke), являясь протагонистом, как правило, олицетворяет смеховую освободительную силу, в то время как его антагонист – хищный и превосходящий его по силе волк Изенгрим (Ysengrimus / Ysengrin) – выступает защитником ценностей, традиционных для рыцарского романа. Часто этот конфликт обрамлен вмешательством глупого короля Нобля (Noble). В большинстве существующих изводов Лис становится фаворитом Нобля и вступает в поединок с Изенгримом, которого побеждает. Унижение соперника, восходя к ми-

¹⁴ Жуковская Е. Из записок шестидесятиницы // Звенья. М.; Л., 1932.

¹⁵ См.: Роман о Лисе / Пер. со старофранцузского, сост. А. Г. Наймана; предисл. и коммент. А. Д. Михайлова. М.: Наука, 1987; Рейнеке-лис: Поэма XV века / Пер. с нем. Л. Гинзбурга. Л.; М.: Худож. лит., 1978.

фологемам (оскопление сильнейшего) и противостоянию Одиссея и Полифема, олицетворяет победу хитрости над силой. Этот сюжет во многом соответствует смеховой культуре и эстетике своего времени: «Уничтожающий юмор направлен не на отдельные отрицательные явления действительности, а на всю действительность, на весь конечный мир в его целом. Все конечное как таковое уничтожается юмором» [Бахтин, 1990, с. 37].

В 1793 г. на фоне интереса к народной культуре И. В. Гёте создает гекзаметрический перевод этого произведения, тем самым дав ему новую жизнь. Особенно примечательно то, что на первый план в авторской адаптации оказался вынесен этический вопрос, связанный с вегетарианством. Глупый король обязывает обитателей леса отказаться от мясной пищи, однако Рейнеке-лис сопротивляется этому решению. Как и в средневековых изводах, лис завоевывает неограниченное доверие к себе после схватки с Изенгримом. На протяжении XIX в. сюжет неоднократно адаптируется, существуя в переводах и переложениях. В частности, в 1860-е гг. к иллюстрациям этого сюжета обращается В. Каульбах, а подписи к ним, с опорой на текст Гёте, создает Ф. Шпильгаген (также находившиеся в поле зрения Ахшарумова).

В 1848 г. перевод «Рейнеке-Лиса», выполненный М. М. Достоевским, был опубликован в журнале «Отечественные записки». В предисловии к переводу М. М. Достоевский писал о том, что в произведении аллегорически «изображается жизнь четырех сословий»¹⁶. Этот аспект, вероятно, стал ключевым и для Ахшарумова, несколько изменившего акценты и смысл исходной антитезы. Так, например, совпадает мотив смотра лесного братства:

«Рейнеке-Лис» (в переводе М. М. Достоевского) и вот все вассалы Шумно идут на клич; много особ знаменитых С разных сторон и концов идут по разным дорогам: Лютке, журавль, и сойка Маркарт, народ все почтенный. Дело в том, что король с баронами всеми своими Двор на славу задумал держать, и вот их сзывает Всех до единого вдруг от мала и до велика. Всем налицо быть велел! и все же один не явился — Рейнеке-Лис шельмец!¹⁷	«Граждане леса» Штук сорок уток, быстро махая крыльями, пронеслись низом над самую его головою и, заметив его, сейчас повернули назад. За ними длинными вереницами неслись долгоногие журавли, толстые гуси, орлы, ястреба, коршуны, соколы, тетерева, бекасы, глушни, турухтаны и рябчики, стада куропаток, стаи ворон, грачей, галок и мелкая птица тучами... А между тем земля дрожала у него под ногами от топота <...> Земли не видать было на сто шагов кругом, так густо столпились звери, а в воздухе стало темно, и ветви деревьев гнулись от множества птиц (№ 5, с. 95).
---	---

¹⁶ Достоевский М. Рейнеке-Лис. Из Гёте // Отечественные записки. 1848. Т. 57.

¹⁷ Там же. С. 17.

Тождественными оказываются эпизоды, связанные с судилищем и приговором, а также финальное возвышение Лиса, произошедшее у Ахшарумова вопреки логике исходного текста.

«Рейнеке-Лис» (в переводе М. М. Достоевского)	«Граждане леса»
«И отныне, как канцлер всего королевства, Будете действовать вы во имя мое. Передастся Наша печать в ваши руки, и все, что ни станете делать, Что ни напишете вы, останется ненарушимо». Так-то Рейнеке-Лис достиг высокого чина, Славы, богатства и силы, и все его повеленья, Все советы, ко злу ли, к добру ль, исполняются свято ¹⁸ .	Управа и дума исчезли немедленно и бесследно. Их заменило одно лицо, которое ни у кого не спрашивало совета и никому не давало отчета в своем управлении. Лицо это было, конечно, не кто иной, как старший шаман и некогда голова – Модест Елисеич Лис. Ему удалось, как редко кому удается на свете. Рискую своей головой не раз, он счастливо миновал все опасности, умом и терпением одолел все бесчисленные препятствия, лежавшего у него на пути, и, наконец, говоря поэтическим языком, опочил на лаврах (№ 6, с. 325).

При этом ключевые сюжетные функции меняются. В «Гражданах леса» подлинным протагонистом оказывается Лазарь, мифопоэтически соединяющий в себе функции главных Ветхозаветных патриархов: *Адама* (дающего язык всему живому и тварному миру), *Ноя* (принимającego всех в свой ковчег, спасающий скотов от цивилизации), *Моисея* (дарующего закон и Второзаконие). Знаменательно, что функции Новозаветного Лазаря при этом не актуализированы: герой обречен на гибель без воскресения. Антагонистом Лазаря выступает Лис, в действиях которого отражается мифопоэтика чужого, враждебного. Он выступает в роли *Сатаны*, *искусителя* (приближая Лазаря и его общину к катастрофе и гибели) и *предателя*, или *Иуды* (определяя гибель своего учителя).

В отличие от сюжета Гёте Лис у Ахшарумова борется не с вегетарианством, а с социальным порядком как таковым. Лазарь и Лис состязаются за право первенства в гражданском обществе. Олицетворяющие два альтернативных политических устройства – либерально-демократическое и, соответственно, деспотически-монархическое, – эти герои в равной мере далеки от идеала рационального правления.

Желающий превратить *скотов* в *граждан* Лазарь предстает своеобразным преступником, отвергающим логику законов природы (понимаемых вслед за Бюффоном, Дарвином и Фурье), в то время как его оппонент, невзирая на свою хитрость, напротив, чутко воспринимает подлинные потребности своих соплеменников. Глядя на животный мир, Лазарь со скорбью убеждается в том, что «...все помыслы и стремления его постояльцев ограничены узкою рамкою личной нужды и домашних забот» (№ 5, с. 24). В то же время создаваемая им *рамка гражданственности* оказывается лишь «...гнилой изгородью, сколоченной теми же старыми ржавыми гвоздями» (№ 5, с. 25). Как мы писали ранее, герой Ахшарумо-

¹⁸ Достоевский М. Рейнеке-Лис. Из Гёте. С. 97.

ва проходит обратный Раскольникову путь – от веры в гармонию и совершенство природы (или человечности) к трагическому осознанию своего одиночества, отторженности от мира [Козлов, 2021].

Отдельного внимания заслуживает выбор сюжетного пространства. На первый взгляд этот выбор обусловлен исключительно полемическими задачами, связанными с эпилогом романа Достоевского. Не имея сколько-нибудь системных представлений об этнографии и Сибири и Дальнего Востока, Ахшарумов, как и многие его современники, руководствовался стереотипами [Сибирь..., 2003; Сибирский текст..., 2014; Шатин, 2016]. Отсюда статус действующих лиц – золотоискателей и каторжников, специфика имен: *Якут*, *Варнак* и *Богдан*, изображение тайги как пространства инобытия и вечного холода [Тюпа, 2002]. При всей декоративности такого пространства нельзя не отметить один специфический ход: в кульминации произведения Ахшарумов наделяет Лиса функциями шамана. Эта роль актуализируется на фоне эсхатологического Ветхозаветного сюжета, связанного с появлением мух (вариация на тему Казней Египетских).

В болотистых низменных местностях леса народилось такое количество злых, ядовитых мух, какого никто не помнил. Невыносимые муки начал терпеть от них бедный народ. <...> Болезнь оставила за собой другой, не менее тяжкий бич, порожденный ею, который грозил совершенно иными опасностями. Это были последствия страха и всегда сопряженного с ним суеверия... В общине появились знахари, колдуны, распространители разных нелепых слухов и предсказатели будущего (№ 6, с. 16).

Следует оговориться, что представление о шаманах носило в русской художественной литературе и этнографии тенденциозный характер. Восходя к драматургии Екатерины II («Сибирский шаман») и Г. Р. Державина (опера «Рудокопы»), закрепилось представление о корыстном умысле шамана или же сравнение шаманов с юродивыми, одержимыми. Так, например, в комедии Екатерины II (якобы опиравшейся на энциклопедическую статью в «Theosophes») имя шамана Амбан Лай содержит в себе прозрачный намек на его деятельность (т. е. обман). В финале комедии это проговаривается прямо.

Бобин. Возвратимся в Сибирь, и будем жить спокойно.

Устинья Машкина. Если б шамана не взяли под караул, то б спросила, где-то мой суженый?

Бобина. Поезжайте с нами, в Сибири шаманов еще много осталось.

Брагин. Незачем выписывать из-за моря.

Кромов. По-видимому, этого товару везде сыскать можно. Жаль только, что у подобных мудрецов, буде обман не явен в деле, то, по крайней мере, в мыслях или за пазухою ¹⁹.

Вариант юродства реализован в балете, включенном в состав оперы Державина (где упоминается земский комиссар Хитролис). Знаменательно, что в этой театральной фантазии шаманы, указывающие россам на богатства, хранящиеся в недрах, поставлены в один ряд с мифологическими существами – гномами:

Шаманы просят позволить прийти к ним для отыскания их богатств Россиянам. Гномы не соглашаются. Шаманы падают на колени и простирают с благоговением руки свои к Сибири. Она помавает скипетром. Гно-

¹⁹ *Екатерина II. Сибирский шаман // Екатерина II. Избранное. М., 1889.*

мы ударяют с шаманами по рукам и убегают в свои пещеры. Является Россиянин и играет на свирели. Шаманы со вниманием его слушают; а, увидя, что на глас его собираются соболи и прыгают по деревьям, сходятся лешие и русалки, а потом и разных племен сибирские народы, одетые в разнообразные платья, как то: иные в листья, другие в перья, кору, рыбы и оленьи кожи и т. п., и уходят на горы, и дают жезлами своими гномам знать, чтоб они вышли из пещер и отдали Русским их богатства²⁰.

Значительный корпус текстов о шаманах составляют и русские травелоги [Русский травелог, 2018]. Рассказывая о забайкальских тунгусах на страницах «Сибирского вестника», издаваемого Г. И. Спасским, автор очерка пишет о том, что шаман «показывает себя помешанным в уме, уязвленным и боязливым»²¹. Описывая самоедские и остяцкие племена, И. И. Завалишин в своих воспоминаниях о Сибири, с одной стороны, отмечает аскетизм шаманов, сближающих их с подвижниками, с другой же – пишет о варварских обычаях, среди которых камлания и жертвоприношения²². *Замечательным психологическим явлением*²³ называл шаманизм Фердинанд фон Врангель.

На какой источник опирался Ахшарумов, доподлинно неизвестно (важно отметить, что сюжет, в котором действуют король и лисица, не был свойственен для русской литературы и тем более для сибирского фольклора). Выступая с заведомо архаических позиций, он пишет о Лисе как об обманщике.

Первое место между шаманами занял наш старый знакомый Модест Елисеич. Он был один из немногих, имевших врожденное и сознательное призвание к этого рода публичной деятельности. В неясных чертах, но, тем не менее, в привлекательных красках она мерещилась ему уже давно как самый верный и независимый путь к той цели, которую он задал себе немедленно после первой встречи с Лазарем (№ 6, с. 36).

Ахшарумов, внимательно читавший работы А. Н. Афанасьева и А. Н. Веселовского, обращается к своего рода архетипам, среди которых главенствующее место занимает страх. Ведомые Лисом животные начинают поклоняться олицетворенному тотему Великой мухи (своего рода, золотому тельцу) и приносить жертвоприношения: «Жертву растягивали на камне, и Лис, торжественно наклонясь над нею, перекусывал ей становую жилу» (№ 6, с. 40).

Влияя на своих сограждан через предрассудки и язычество, Лис побеждает: демократия терпит поражение и уступает олигократии (Елисеичу и его приспешникам). Смерть Лазаря, которой заканчивается произведение, представляет в этой перспективе своеобразный приговор социальным проектам – от фаланстера Фурье и «хрустальных дворцов» Н. Г. Чернышевского до почвенничества 1860-х гг. Вместо *племен Авраамлевых*, открывшихся взору Раскольникова – какие-то «не люди и не звери», «один в рогах с собачьей мордой, Другой с петушьей головой».

²⁰ Державин Г. Р. Рудокобы // Державин Г. Р. Собр. соч.: В 9 т. СПб., 1867. Т. 4.

²¹ Изображение обитателей Сибири (забайкальские тунгусы) // Сибирский вестник. 1822. Ч. 12.

²² Завалишин И. И. Описание Западной Сибири. М., 1862.

²³ Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю, совершенное в 1820, 1821, 1822, 1823 и 1824 г. экспедицией, состоявшею под начальством флота лейтенанта Фердинанда Фон-Врангеля. СПб., 1841. С. 348.

Меня таким образом антропологию сюжета, Ахшарумов наделяет его качественно иным идеологическим содержанием, в большей мере соответствующим «Левиафану» Т. Гоббса. Только в одном Ахшарумов соглашается с Достоевским: для переустройства общества «...нужно кое-что повыше скотского разума. Нужна любовь и нужно самопожертвование»²⁴ (№ 6, с. 72).

Таким образом, рассматривая повесть Н. Д. Ахшарумова «Граждане леса» в аспекте «силовых линий» интертекста, мы можем констатировать, что сюжет произведения сформировался в результате сложной контаминации современных и укорененных в истории сюжетов, научных и научно-популярных источников, этнографических стереотипов. Однако почему тогда произведение не стало событием и не сохранилось в культурной памяти? Ответ отчасти представлен в уже цитируемой статье А. С. Суворина. Пересказывая *дикий сюжет* произведения, критик задавался закономерным вопросом:

Теперь спрашивается: можно ли всё это принимать в том самом виде, как это написано автором, то есть за пустую болтовню, сумбур? Никто не поверит в наше время, чтобы человек очевидно неглупый, владеющий пером, одаренный наблюдательностью и талантом рассказчика, в продолжение нескольких лет и на многих страницах, тянул ради собственной потехи всё на один лад: «Жил-был у бабушки серенький козлик»²⁵.

Причиной литературной неудачи писателя стало тотальное неумение синтеза названных выше контекстов. Создателю «Граждан леса», одержимому в первую очередь полемическими задачами, не хватило ни дерзости М. Е. Салтыкова-Щедрина, парадоксально соединяющего эстетику барокко и Просвещения со злободневным реализмом, ни прагматики П.-Ж. Этцеля и Ж. Жанена, завоевавших внимание читателей фельетонами и иллюстрациями, ни усидчивости и внимательности этнографа или ученого-популяризатора – наподобие А. Брема. Именно поэтому, создав завязь одного из вариантов антиутопического сюжета, столь востребованного в веке XX-м²⁶, писатель не сумел согласовать форму и содержание. Интересно при этом то, что сам Ахшарумов в критических статьях охотно признавал просчеты своих современников. Так, в отзыве на роман Б. Ауэрбаха «На высоте», он писал:

Автор имел намерение изобразить нам <...> идею высшей цивилизации, утратившей чистоту народного духа и осужденной на смерть, если она не покается и не вернется к первобытному, неиспорченному источнику, который один может омыть ее грехи и вдохнуть в нее свежую силу <...> В цивилизации этой всё ложь и притворство <...> В сердце своем они дикари,

²⁴ Заключительные строки эпилога заставляют вспомнить еще один текст – авторизованный перевод «Песни о Гайавате» Г. Лонгфелло, выполненный Д. Л. Михайловским. В частности, об этом тождестве свидетельствуют и совокупность сюжетных функций героя (Лонгфелло контаминировал Библию и эпос Старого Света, например, Калевалу), и специфический пафос, заставляющий вспомнить хрестоматийный текст американского поэта.

²⁵ [Суворин А. С.] Библиография и журналистика. С. 1.

²⁶ А. Рейтблат, в частности, отметил, что «Граждане леса» предвосхищают идейный конфликт «Скотного двора» Д. Оруэлла [Рейтблат, 2020]. Говоря о предвосхищении, можно, вероятно, включить в этот перечень и «Остров доктора Моро» Г. Уэллса (написанный под влиянием Э. Бульвера-Литтона), и «Повелителя мух» У. Голдинга. Однако все отмеченные сюжетные совпадения по преимуществу носят случайный характер и объясняются существованием общего ресурса, к которому обратились эти писатели.

они стремятся к дикой свободе права естественного, а в отношении к обществу – воры <...> Там, где рассчитан грандиозный эффект, выходит комедия. Сам автор является нам поэтическим Гулливером, показывающим читателю на ладони лилипутского короля с королевою и их двор и ожидающего, что этот читатель будет настолько наивен, что, не заметив действительного размера вещей, преклонится перед их чисто фиктивным значением²⁷.

То, что Ахшарумов находил несовершенным как критик чужого произведения, оказалось неустрашимым и в его собственном творчестве. Энергия соперничества вылилась в эпигонское или неистово и неоправданно новаторское произведение, заставившее его современника с горечью написать: «Итак, тайна творчества г. Ахшарумова остается тайною...»²⁸.

Список литературы

Ахшарумов Н. Д. Литературная критика и эстетика. Череповец: Изд-во ЧГУ, 2019. 424 с.

Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1990. 543 с.

Вдовин А. В. «Неведомый мир»: русская и европейская эстетика и проблема репрезентации крестьян в литературе середины XIX века // Новое литературное обозрение. 2016. Т. 146, № 5. С. 287–315.

Володина Н. В., Сумарокова Л. А. Н. Д. Ахшарумов о романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // Вестник Череповец. гос. ун-та. 2015. № 4. С. 65–69.

Даркевич В. П. Народная культура Средневековья: пародия в литературе и искусстве IX–XVI вв. М., 1992. 288 с.

Зорин А. Л. Улыбка Наташи Ростовской: «Война и мир» в интертекстуальной и биографической перспективе // Шаги (Steps). 2019. № 2. С. 86–109.

Козлов А. Е. От Лазаря до Петрашевцев: воображение Сибири в аллегорической повести Н. Д. Ахшарумова «Граждане леса» // Имагология и компаративистика. 2021. № 15. DOI 10.17223/24099554/15/13

Лихачев Д. С. «Небрежение словом» у Достоевского // Литература – реальность – литература. Л., 1984. С. 73–96.

Мильчина В. А. Вступление // Частная и общественная жизнь животных. М., 2015. С. 5–23.

Михайлов А. Д. Старофранцузский «Роман о Лисе» и проблемы средневекового животного эпоса // Роман о Лисе / Пер. со старофр. А. Г. Наймана. М., 1987.

Рейтблат А. И. Классика, скандал, Булгарин... Статьи и материалы по социологии и истории русской литературы. М., 2020. 576 с.

Русские утопии / Сост. В. Е. Багно. СПб., 1995. 350 с.

Русский проект исправления мира и художественное творчество XIX–XX веков: Коллективная монография / Отв. ред. Н. В. Ковтун. М., 2014. 405 с.

Русский травелог. Новосибирск: Немо Пресс, 2018. 832 с.

Русский реализм XIX века: общество, знание, повествование / Отв. ред. М. Вайсман, А. В. Вдовин, И. Клигер, К. А. Осповат. М.: НЛЮ, 2020. 568 с.

²⁷ *Ахшарумов Н.* На высоте // Всемирный труд. 1868. № 5. С. 108–109.

²⁸ [Суворин А. С.] Библиография и журналистика. С. 1.

Сибирь в контексте мировой культуры / Науч. ред. А. П. Казаркин. Томск, 2003. 216 с.

Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве / Науч. ред. К. В. Анисимов. Красноярск, 2014. 226 с.

Созина Е. К. Индивидуальное и общее в судьбе и творчестве литератора-разночинца: размышления над прозой Ф. М. Решетникова // Уральский исторический вестник. 2009. № 1 (22). С. 41–50.

Тюна В. И. Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы // Сибирский филологический журнал. 2002. № 1. С. 27–35.

Шатин Ю. В. Путешествие Нехлюдова в Сибирь. К проблеме инициации // Сибирский филологический журнал. 2016. № 2. С. 11–15. DOI 10.17223/18137083/55/2

Философский век. Альманах. СПб.: Санкт-Петербургский Центр истории идей, 2000. Вып. 12: Российская утопия: От идеального государства к совершенному обществу. 321 с.

Martinsen D. A., Maiorova O. (eds.). *Dostoevsky in Context*. Cambridge: Cambridge Uni. Press, 2016. 329 p. DOI 10.1017/CBO9781139236867

Riasanovsky N. *Fourierism in Russia: An Estimate of the Petrashevtsy* // *American Slavic and East European Review*. 1953. No. 3. P. 289–302.

References

Akhsharumov N. D. *Literaturnaya kritika i estetika* [Literary criticism and aesthetics]. Cherepovets, ChSU, 2019, 424 p.

Bakhtin M. M. *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Renessansa* [Creative work of François Rabelais and popular culture of the Middle Ages and Renaissance]. Moscow, 1990, 543 p.

Darkevich V. P. *Narodnaya kul'tura Srednevekov'ya: Parodiya v literature i iskusstve 9–16 vv.* [Folk culture of the Middle Ages: parody in literature and art of the 9th–16th centuries]. Moscow, Nauka, 1992, 288 p.

Dostoevsky in Context. D. A. Martinsen, O. Maiorova (Eds.). Cambridge, Cambridge University Press, 2016, 329 p. DOI: 10.1017/CBO9781139236867

Filosofskiy vek. Al'manakh [Philosophical age. Almanac]. St. Petersburg, Sankt-Peterburgskiy Tsentr istorii idey, 2000. Iss. 12: Rossiyskaya utopiya: Ot ideal'nogo gosudarstva k sovershennomu obshchestvu 12. Russian Utopianism: From an Ideal State to the Perfect Society]. 321 p.

Kozlov A. E. Ot Lazarya do Petrashevtsev: voobrazhenie Sibiri v allegoriche-skoy povesti N. D. Akhsharumova “Grazhdane lesa” [From Lazarus to the Petrashevtsy: Imagining Siberia in the Allegorical Novel Citizens of the Forest by Nikolai Akhsharumov]. *Imagology and Comparative Studies*. 2021, no. 15. DOI 10.17223/24099554/15/13

Likhachev D. S. *“Nebrezhenie slovom” u Dostoevskogo* [Literature – reality – literature]. Leningrad, Nauka, 1984, 256 p.

Mikhaylov A. D. Starofrantsuzskiy “Roman o Lise” i problemy srednevekovogo zhitovnogo eposa [Old French “The Novel of the Fox” and the problems of medieval animal epic]. In: *Roman o Lise* [The Novel of the Fox]. A. G. Nayman (Transl. from the Old French). Moscow, 1987.

Milchina V. A. Vstuplenie [Introduction]. In: *Chastnaya i obshchestvennaya zhizn' zhitovnykh* [Private and public life of animals]. Moscow, 2015, pp. 5–23.

Reytblat A. I. *Klassika, skandal, Bulgarin... Stat'i i materialy po sotsiologii i istorii russkoy literatury* [Classics, scandal, Bulgarin ... Articles and materials on sociology and the history of Russian literature]. Moscow, 2020, 576 p.

Riasanovsky N. Foureierism in Russia: An Estimate of the Petrashevtsy. *American Slavic and East European Review*. 1953, no. 3, pp. 289–302.

Russkie utopii [Russian utopias]. Vs. Bagno (Comp.). St. Petersburg, 1995, 350 p.

Russkiy proekt ispravleniya mira i khudozhestvennoe tvorchestvo 19–20 vekov: Kollektivnaya monografiya [The Russian project of correcting the world and artistic creativity of the 19th–20th centuries: Collective monograph] N. V. Kovtun (Ed. in Ch.). Moscow, 2014, 405 p.

Russkiy travelog [Russian travelogue]. Novosibirsk, Nemo Press, 2018, 832 p.

Russkiy realizm 19 veka: obshchestvo, znanie, povestvovanie [Russian realism of the 19th century. Society, knowledge, narration]. M. Vaysman, A. V. Vdovin, I. Kliger, K. A. Ospovat. (Eds.). Moscow, NLO, 568 p.

Shatin Yu. V. Puteshestvie Nekhlyudova v Sibir'. K probleme initsiatsii [Nekhlyudov's journey to Siberia: the problem of initiation]. *Siberian Journal of Philology*. 2016, no. 2, pp. 11–15. DOI 10.17223/18137083/55/2

Sibir' v kontekste mirovoy kul'tury [Siberia in the context of world culture]. A. P. Kazarkin (Ed.). Tomsk, 2003, 216 p.

Sibirskiy tekst v natsional'nom syuzhetnom prostranstve [Siberian text in the national plot space]. K. V. Anisimov (Ed.). Krasnoyarsk, 2014, 226 p.

Sozina E. K. Individual'noe i obshchee v sud'be i tvorchestve literatora-raznochintsya: razmyshleniya nad prozoy F. M. Reshetnikova [The private and the public in the fate and work of the writer-raznochinets: reflections on the prose of F. M. Reshetnikov]. *Ural Historical Journal*. 2009, no. 1, pp. 41–50.

Tyupa V. I. Mifologema Sibiri: k voprosu o "sibirskom tekste" russkoy literatury [Mythologeme of Siberia: to the question of the "Siberian text" of Russian literature]. *Siberian Journal of Philology*. 2002, no. 1, pp. 27–35.

Vdovin A. V. "Nevedomyi mir": russkaia i evropeiskaia estetika i problema reprezentatsii krest'ian v literature serediny 19 veka [Russian and European aesthetics and the problem of representation of peasants in the literature of the mid-nineteenth century]. *New Literary Observer*. 2016, vol. 146, no. 5, pp. 287–315.

Volodina N. V., Sumarokova L. A. Akhsharumov o romane F. M. Dostoevskogo "Prestuplenie i nakazanie" [N. D. Akhsharumov on the novel "Crime and punishment" by F. M. Dostoevsky]. *Cherepovets State University Bulletin*. 2015, no. 4, pp. 65–69.

Zorin A. L. Ulybka Natashi Rostovoy: "Voyna i mir" v intertekstual'noy i biograficheskoy perspektive [The smile of Natasha Rostova: "War and Peace" in intertextual and biographical perspective]. *Shagi (Steps)*. 2019, no. 2, pp. 86–109.

Информация об авторе

Алексей Евгеньевич Козлов, кандидат филологических наук, научный сотрудник
Института филологии СО РАН, доцент Новосибирского государственного
педагогического университета (Новосибирск, Россия)
WoS Researcher ID K-6578-2017

Information about the author

Alexey E. Kozlov, Candidate of Russian literature, Researcher, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Lecturer, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation)
WoS Researcher ID K-6578-2017

*Статья поступила в редакцию 01.08.2023;
одобрена после рецензирования 15.09.2023; принята к публикации 15.09.2023
The article was submitted on 01.08.2023;
approved after reviewing on 15.09.2023; accepted for publication on 15.09.2023*

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI 10.17223/18137083/86/6

Произведения Ф. М. Достоевского в прижизненных альманахах и детских периодических изданиях

Вера Владимировна Филичева

Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской академии наук
Санкт-Петербург, Россия

lntfmd@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2942-4846>

Аннотация

Рассматривается особый род прижизненных публикаций произведений Ф. М. Достоевского – фрагменты, отрывки и переделки, появившиеся в различных изданиях. Несмотря на то, что печатались они, скорее всего, без участия самого автора и были обращены к особым категориям читателей – детям, неподготовленным читателям, изучающим русский язык, или же читателям сборников, носивших развлекательный характер, и т. п., – эти издания имеют важное значение для изучения репутации писателя, литературных предпочтений эпохи, особенностей книгоиздательского дела в 1860–1880-х гг. В статье дополняются сведения современных библиографий Достоевского, составленных С. В. Беловым и С. Рублевым, а также формулируются вопросы, на которые еще предстоит ответить, обратившись к анализу альманахов и детских периодических изданий.

Ключевые слова

Ф. М. Достоевский, прижизненные издания, библиография, хрестоматия, детское чтение

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 18-18-0026, https://rscf.ru/prjcard_int?21-18-28016, в ИРЛИ РАН

Для цитирования

Филичева В. В. Произведения Ф. М. Достоевского в прижизненных альманахах и детских периодических изданиях // Сибирский филологический журнал. 2024. № 1. С. 82–94. DOI 10.17223/18137083/86/6

© Филичева В. В., 2024

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2024. № 1. С. 82–94

Siberian Journal of Philology, 2024, no. 1, pp. 82–94

The works of F. M. Dostoevsky in lifetime almanacs and children's periodicals

Vera V. Filicheva

Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom)
of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russian Federation

Intfmd@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2942-4846>

Abstract

The paper addresses the publications of texts written by Fedor Dostoevsky in 1863–1881 in chrestomathies for various educational institutions, collections (anthologies) of works, and periodicals for children, such as “Vospitanie i obuchenie” (“Upbringing and Education”), “Detskoe chtenie” (“Children’s Reading”), “Semeynye vechera” (“Family Evenings”). These are special lifetime publications of some works, fragments, excerpts, and reworks of the writer that have not yet been sufficiently studied. They are likely to have been published without the author’s participation, with only five of them noted in the bibliography compiled by A. G. Dostoevsky. These works were specifically tailored for certain types of readers, such as children, individuals learning Russian as beginners, those who enjoy entertaining literature, and more. Not only are such publications important for studying the writer’s reputation, position, literary preferences of the era, and publishing peculiarities in the 1860s and 1880s, but also such “chrestomatic” texts contribute to the literary canon formation. “Zapiski iz mertvogo doma” (“Notes from the Dead House”) turned out to be the most “convenient” for such publications due in part to the structure of this work itself. It is composed of separate fragments to be easily separated from each other without any need to retell the missing fragments. This paper is to complement the well-known bibliographies of Dostoevsky compiled by S. V. Belov and S. Rublev. Moreover, the questions are formulated to be answered by analyzing such publications.

Keywords

F. M. Dostoevsky, lifetime editions, bibliography, anthology, children’s reading

Acknowledgements

The research was conducted at the Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom) with the support of the Russian Science Foundation, project no. 18-18-00263, https://rscf.ru/prjcard_int?21-18-28016

For citation

Filicheva V. V. The works of F. M. Dostoevsky in lifetime almanacs and children’s periodicals. *Siberian Journal of Philology*, 2024, no. 1, pp. 82–94. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/86/6

В рамках работы над проектом о цифровом архиве рукописей Ф. М. Достоевского необходимо было составить полный библиографический список прижизненных публикаций произведений писателя. В его основу легли академическое Полное собрание сочинений Достоевского в 30 томах, «Указатель произведений Ф. М. Достоевского и литературы о нем на русском языке, 1844–2004 гг.» С. В. Белова [2011], а также последние научные разыскания в этой области, в том числе сетевое издание С. Рублева «Федор Михайлович Достоевский. Антология жизни и творчества», где помещен составленный автором сайта список прижиз-

ненных изданий Достоевского и их сканированные копии¹. В вопросе атрибуции С. В. Белов ориентировался на академическое Полное собрание сочинений Достоевского; источники списка, представленного на сайте С. Рублева, выходят за его пределы. В частности, привлечены тексты, атрибуция которых признана не всеми достоевоведами, например, из издания «Канонических текстов», подготовленного в Петрозаводском государственном университете. В то же время в нем есть значительные лакуны: так, статьи Достоевского, опубликованные в «Гражданине», в нем пока не представлены.

В ходе работы нам удалось дополнить эти источники. Помимо этого, в процессе подготовки списка прижизненных изданий выделились две основные проблемы, которые возникают при его составлении и решение которых способствует его пополнению.

Это, во-первых, вопрос об атрибуции анонимных текстов в периодических изданиях, которые редактировал (один или наряду с другими редакторами) Достоевский. Библиография обширной литературы о проблеме атрибуции приведена в статье Л. В. Алексеевой, которая «начинает дискуссию об опытах определения авторства Достоевского в современных исследованиях» [Алексеева, 2015, с. 5] (см. также: [Захарова, 2021а; 2021б]); там же обозначены основные этапы процесса «возвращения» текстов. За ней последовал ряд работ сотрудников Петрозаводского университета, в которых рассматривались конкретные случаи и различные приемы установления авторства Достоевского.

Опыт издания томов с публицистикой Достоевского в Полном собрании сочинений (канонических текстов) показывает, что на практике атрибуция не всегда приравнивается к установлению авторства, а атетеза – к отказу от включения произведения в собрание. Составители этого издания разделяют статьи в журналах «Время» и «Эпоха» на две части: основной корпус и отдел «Редакторская работа Достоевского». В настоящее время многолетний опыт группы исследователей из Петрозаводска отразился в коллективной монографии «Проблема атрибуции в журналах “Время”, “Эпоха” и еженедельнике “Гражданин”», посвященной применению математических и статистических методов анализа [Рогов и др., 2021].

Вторая проблема и одновременно источник пополнения библиографии прижизненных публикаций – тексты, помещенные в сборники для чтения и хрестоматии, к которым мы и хотим обратиться в нашей статье. Обзор таких изданий и некоторые наблюдения над ними позволят обозначить круг вопросов, которые могут стать предметом более пристального изучения в дальнейшем.

Несмотря на неопределенный статус подобных текстов, их неавторизованность, они традиционно включаются в библиографии писателей. Однако, по нашим наблюдениям, в случае Достоевского не все из них еще учтены и становились предметом внимания исследователей. Конечно, подход к анализу их должен быть несколько другой, чем к иным публикациям. Они говорят не столько о жизни и творчестве Достоевского, но в первую очередь о репутации, популярности и признанности писателя среди современников, а сам выбор тех или иных текстов или их фрагментов становится характерным.

Такие публикации в большинстве своем предпринимались без согласия и участия автора, т. е. ответственность за них полностью лежала на составителе книги или журнала. О том, что Достоевский часто попросту не знал о том, что его текст

¹ URL: <https://fedordostoevsky.ru/> (дата обращения 31.03.22).

появился в печати, можно судить хотя бы по тому, что в библиографии 1906 г., основанной на материалах «Музея памяти Ф. М. Достоевского» [Библиографический указатель, 1906], отмечены только «Русская историческая хрестоматия (862–1850)» К. Петрова [1866] и издание «фантастического рассказа» «Кроткая» в «Русском сборнике» – «бесплатном приложении для подписчиков журнала “Гражданин”» (1877). В отделе же «Издания для детского чтения, выбранные из сочинений Ф. М. Достоевского. Издания “по Достоевскому”. Издания для народа, выбранные из сочинений Ф. М. Достоевского» А. Г. Достоевская за период до 1881 г. указала только публикации в журналах «Детское чтение», «Воспитание и обучение» и «Семейные вечера».

Первая из отмеченных журнальных публикаций – в «Детском чтении», издававшимся А. Н. Острогорским, представляет уникальный, не встречавшийся нам в иных изданиях, случай использования текста писателя. В июльском номере за 1870 г. помещен отрывок под заглавием «Раздавили! Человека раздавили!» – фрагмент романа «Преступление и наказание», повествующий о смерти Мармеладова. В журнале, однако, ни в тексте, ни в оглавлении не указан ни автор, ни название произведения. Сам текст при этом сильно искажен. Эпизод, в котором Раскольников видит на улице раздавленного лошадыми Мармеладова, указывает на его комнату и организует его перенос домой, перестроен так, что начинается повествованием от первого лица: «Я возвращался, задумавшись, домой. Было уже темно. <...> Я стал всматриваться <...> – Что случилось, братцы, спросил я двух мужиков, стоявших ко мне поближе» [Раздавили!.. 1870, с. 111]. Все дальнейшие реплики главного героя, кроме отмеченной выше, отданы другим персонажам, в комнате у Мармеладовых он не действующее лицо, а сторонний наблюдатель, при этом и всеведущий повествователь. Многие детали и пояснения, введенные для связного рассказа, придуманы автором переделки. К примеру, оказалось, что Мармеладов в момент трагедии шел закладывать летнее пальто жены, дома же «возвращения его ждали с нетерпением: он должен был принести чаю, сахару и липового цвету для сына, которому с утра нездоровилось» [Там же, с. 113].

Читатель, знакомый с текстом Достоевского, узнает общую канву отрывка, приукрашенную вымышленными деталями, строение и некоторые сохраненные реплики персонажей, а также мелкие подробности описания поведения Катерины Ивановны, Поленьки и младшего ребенка – Коли. Их имена остались такими же, как у Достоевского, однако имя главного лица отрывка – Семена Захаровича Мармеладова – изменено на Ивана Михайловича Прохорова, а Лидочка превратилась в Машу². Отсутствие указания имени Достоевского и такая трансформация текста вызвана была, скорее всего, осторожностью издателя, не желающего связываться с автором и быть им уличенным. Этот случай дает основания предполагать, что могут быть и другие невыявленные еще публикации, созданные по мотивам текстов Достоевского.

Другая ситуация с журналом «Семейные вечера». Публикации появились в февральском номере журнала за 1881 г. С их редактором-издательницей С. С. Кашпиревой и ее мужем В. В. Кашпиревым (издателем журнала «Заря») у Достоевского были дружеские отношения, однако в письмах к жене, где часто

² Почему для детского чтения был выбран именно такой фрагмент из текстов Достоевского, остается неясным. Публикация отрывка «Смерть Мармеладова» в сборнике «Русским детям» (1883, подробнее см. ниже) была названа «преступлением против душевного здоровья детей» (цит. по: [Вассена, 2021]).

упоминается семья Кашпировых, Достоевский ничего не говорит о намерении поместить отрывки в журнале.

О деловых отношениях Достоевского с редакцией можно судить по письму от 27 декабря 1880 г. Я. П. Полонскому: «Не можете ли Вы отдать Вашу поэмку: “Дети в лесу” в “Семейные вечера” – журнал, издаваемый Софьей Сергеевной Кашпиревой. 1-й № “Семейных вечеров” (издающихся превосходно и имеющих много подписчиков) выйдет 15 января. <...> Сделаете большое удовольствие и Софье Сергеевне и мне» [Достоевский, 1988, с. 240]³.

Известно, что С. С. Кашпирева была у Достоевского в день смерти [Достоевский..., 1993, с. 283], однако договоренность о публикации могла состояться и через А. Г. Достоевскую после смерти писателя. Журнал «Семейные вечера» состоял из двух отделов: для детского чтения и для семейного чтения. Для издания были выбраны отрывки из последнего романа Достоевского. Первый – для детского чтения – «У Илюшиной постельки» [1881a], пятая глава из седьмой книги четвертой части. Второй – для семейного чтения – «О священном писании в жизни отца Зосимы» [1881b], отрывок из шестой книги второй части («Из Жития в Бозе преставившегося иеросхимонаха старца Зосимы, составлено с собственных слов его Алексеем Федоровичем Карамазовым»). Он находится между некрологом Достоевскому за авторством Н. Н. Страхова и его же перепечатанным из газеты «Русь» очерком «Из воспоминаний о Ф. М. Достоевском».

Издательница журнала «Воспитание и обучение» Е. А. Сысоева, также опубликовавшая фрагмент из Достоевского посмертно, сопровождала его примечанием: «Анна Григорьевна Достоевская разрешила поместить на страницах нашего журнала несколько, подходящих к детскому возрасту, отрывков из сочинений покойного Федора Михайловича. Настоящий очерк частью взят целиком, частью передан в сжатом виде из романа» [Неточка и Катя..., 1881, с. 145]. Стоит указать, что уже второй номер за 1881 г. (разрешение от 10 февраля) открывался портретом Достоевского. На обороте страницы с портретом помещено стихотворение А. Д. Курепина «Крепко любил свою землю родную...» (в оглавлении под заглавием «Памяти Ф. М. Достоевского») с подписью «А. К.».

Следом за ним «Письмо дяди Саши, по поводу смерти Ф. М. Достоевского» А. В. Круглова (в тексте: «Письма дяди Саши. Письмо первое. С.-Петербург, 3 февраля 1881 г.»). Этот выдуманный персонаж выступил на страницах журнала в первый и последний раз, связав свое появление с описанием похорон Достоевского: «Я начинаю... и начинаю с грустного, мои милые друзья!.. Печальную новость сообщу вам: умер Федор Михайлович Достоевский! О, вы знаете имя этого человека, написавшего рассказ “Мальчик у Христа на ёлке”, но вы мало знаете о нем, – и я хочу поговорить с вами об этом “честном, замечательном русском человеке”, “друге чести и правды”, как сказано на одном из 70 венков, которые несли перед гробом покойного!..» [Дядя Саша, 1881, с. 82–83].

Важно отметить, что впоследствии А. В. Круглов составит сборник, о содержании которого будет советоваться с А. Г. Достоевской, – «Достоевский для детей школьного возраста» (1897).

³ В первом номере действительно была опубликована «Драматическая фантазия для детского театра» Полонского «Лесные чары» (Семейные вечера. Отдел для детей. 1881. № 1. С. 1–30). В 1880 г. на страницах журнала уже появлялось имя Достоевского – в Отделе для семейного чтения среди других была помещена речь писателя по случаю открытия памятника Пушкину (№ 6. С. 372–387).

В его основу легли материалы и критический опыт уже состоявшихся изданий. Достоевский сам планировал подготовить книгу для детей, куда были бы помещены отрывки из его произведений. Избранные фрагменты были зафиксированы в дневнике А. Г. Достоевской и явились отправной точкой для сборника «Русским детям» 1883 г. под редакцией О. Ф. Миллера, а затем в 1887 г. под редакцией В. Я. Стоюнина. Подробнее этот вопрос рассмотрен в статье Р. Вассены «“Детский репертуар” Достоевского» [2021]. Ею же отмечен примечательный факт, относящийся к нашей проблеме. В феврале 1878 г. к Достоевскому обратилась А. Н. Якоби с просьбой предоставить права на издание «Мальчика у Христа на ёлке» в сборнике для детей. Достоевский отказал: «...потому что сам намерен издать (и это в самом скором времени) мои маленькие рассказы» [Достоевский, 1988, с. 8]. Иначе говоря, Достоевский, узнав о публикациях, совершившихся без его ведома, мог бы воспротестовать, о чем остались бы документальные свидетельства. Но раз таковых не обнаруживается относительно цитируемых нами изданий, то, скорее всего, действительно, Достоевский не имел представления о них.

Если условия журнальных публикаций больше зависели от воли автора, то с хрестоматиями дело обстояло проще. Отбор и разрешение на печать в этих изданиях не имели четкой правовой регуляции. Хрестоматии заслуживают отдельного рассмотрения еще и потому, что под их воздействием формировался канон: «...хрестоматия служила важнейшим каналом знакомства с классической и современной литературой еще в дошкольном возрасте, поскольку была доступна малообеспеченным семьям» [Вдовин, 2020, с. 99]. Знакомство с именами играло исключительно важную роль в случаях, когда тексты выделялись как «хрестоматийные» еще при жизни писателя. Особое внимание следует обратить на случаи, не отмеченные в существующих библиографиях.

В библиографии 1906 г., как мы помним, указана только книга К. Петрова. Петров выбрал для нее роман «Бедные люди», отобрав несколько писем и сопроводив их пересказом некоторых фрагментов, чтобы дать цельное представление о произведении [Русская историческая хрестоматия..., 1866, с. 542–550].

В самой знаменитой хрестоматии А. Д. Галахова Достоевский не представлен. К. Петров в предисловии к своей хрестоматии отмечает отличия от галаховской: «Составленный нами в 1863 году “Курс истории русской литературы с библиографическими указаниями” появился в продаже раньше “Истории русской словесности” г. Галахова и, следовательно, написан не под ее руководством. В изданной теперь нами книге нам самим принадлежат: 1) выбор некоторых статей и отрывков; 2) краткое изложение содержания двадцати шести сочинений, чтобы несколько облегчить понимание приведенных из них отрывков; 3) теоретический указатель». Об отношении к согласованию помещения текста с авторами свидетельствует завершение этого краткого предуведомления восклицанием: «Очень жаль, если наша книга нарушила чьи-нибудь литературные права!» [Там же, с. 1 (нenum.)], которое, впрочем, можно понять двояко: и как нежелание сотрудничать с авторами, и как сожаление о том, что не со всеми из них составителю удалось наладить отношения.

В библиографиях Белова и Рублева список хрестоматий, включающих тексты Достоевского, оказывается немного шире. Первой, содержащей фрагменты из Достоевского, является «Русская хрестоматия» А. Г. Филонова «для высших классов средних учебных заведений» [1864; 1879]. Текст Достоевского был помещен в ее второе издание в 1864 г. и затем не исключался из состава. При жизни писа-

теля вышло 5 изданий (со 2-го по 6-е: помимо указанного, в 1869, 1871, 1875 и 1879 гг.).

Из «Записок из Мертвого дома» Достоевского была выбрана целиком глава 11 «Представление». В конце текста стоит подпись «Ф. Достоевский» и примечание к ней: «Современный писатель» [Русская хрестоматия..., 1864, с. 700]⁴, в шестом издании к этому комментарию добавился еще текст: «Род. 1822 <так!> г.; начал литературную деятельность в 1846 г. сочинением “Бедные люди”» [Русская хрестоматия..., 1879, с. 623]. С. Рублев подчеркивает в своем комментарии, что «сам Достоевский, по всей вероятности (как и А. Г. Достоевская, scrupulозно фиксирующая все публикации своего мужа и о нем), не знал о появлении этой главы в “Русской хрестоматии”»⁵.

О знакомстве Филонова и Достоевского или иных биографических обстоятельствах, благодаря которым текст мог бы попасть в хрестоматию, нам не известно. Имя А. Г. Филонова встречается у Достоевского только в «Записках к “Дневнику писателя”» 1876 г. и связано с неприятием Достоевским речи Филонова, произнесенной в 1875 г., где тот «призывал гимназистов доносить на своих товарищей» (цит. по: [Достоевский, 1982, с. 401]).

Список прижизненных публикаций дополняется еще двумя пунктами благодаря обращению к работам А. В. Вдовина. Автором были собраны сведения из 108 хрестоматий (с 1805 по 1912 г.), 50 из них изданы в интересующий нас период – с 1846 по 1881 г. [Хрестоматийные тексты..., 2013]⁶.

В одной из последних статей исследователя указано, что за период 1861–1871 гг. тексты Достоевского дважды включались в хрестоматии, с 1872 по 1890 г. – лишь один раз, в период 1891–1904 гг. число вхождений текстов Достоевского увеличивается до 14 [Вдовин, 2020, с. 93]. (Уточним эти наблюдения: в них не была учтена хрестоматия Филонова, так как она рассматривалась Вдовиным только по первому изданию, куда текст Достоевского еще не был включен, это необходимо учитывать при обращении к данному источнику.) При этом, судя по сведениям из таблицы «Частотность авторов и их текстов в хрестоматиях XIX века», после смерти Достоевского публикации отрывков из его произведений в такого рода изданиях участились⁷.

Не отмеченные в библиографиях Белова и Рублева публикации – это учебные хрестоматии С. Шафранова – И. Николича [1865, с. 420–424] и К. М. Линдфорса [1878, с. 160–166]. Для обеих был выбран один и тот же фрагмент из «Записок из Мертвого дома» – «Дагестанские татары в остроге в Сибири». Книги эти, к сожалению, не содержат какого-либо комментария к публикуемым авторам и их произведениям, но известно, что они предназначались для знакомства с русской

⁴ Интересно, что к имени Л. Н. Толстого начиная с третьего издания такая приписка была снята.

⁵ URL: <https://fedordostoevsky.ru/works/lifetime/dhouse/1880/> (дата обращения 31.03.2022).

⁶ Этот сборник, как и база данных, составленная А. В. Вдовиным (с росписью авторов и их произведений, помещенных в учитываемых хрестоматиях), доступен по ссылке: <http://ruthenia.ru/canon/> (дата обращения 31.03.2022).

⁷ В период с 1865 по 1909 г. число вхождений – 31. Интересен и репертуар, выбираемый для хрестоматий. В лидерах оказываются отрывки из «Записок из Мертвого дома» (встречаются 9 раз) и «Братьев Карамазовых» (5 раз), а также «целые» тексты – «Мальчик у Христа на ёлке» (6 раз) и «Мужик Марей» (3 раза) [Хрестоматийные тексты..., 2013, с. 316].

литературой (а отчасти и языком) жителей прибалтийских губерний и Финляндии.

«Записки из Мертвого дома» по своему содержанию не предназначались для «детских» публикаций (хотя была же выбрана история гибели Мармеладова Острогорским), но активно использовались в учебных хрестоматиях, начиная с издания Филонова. Это произведение было самым популярным произведением и для публикации избранных фрагментов, и в полных перепечатках⁸.

Помимо хрестоматий тексты печатались также в сборниках, выполнявших функцию антологий. Первый из них появился в 1863 г. и включал в себя четвертую главу второй части «Записок...» – «Акушкин муж» [Сборник рассказов..., 1863, с. 108–124]. На том же отрывке остановились издатели книги «От нечего делать» [1868, с. 80–92].

Другой сборник – «Музей лучших произведений новейшей литературы», на обложке которого значатся такие характеристики: «Для чтения и рассказа дома и в дороге», «Опыт сокращений лучших произведений современной новой литературы», «Лучшие произведения новейшей литературы», – вобрал в себя произведения, за которыми, по мнению составителя, «признано уже право на название образцовых и которые потому самому не должны быть неизвестны человеку образованному» [Музей лучших произведений..., 1874, с. 1 (1-я паг.)]. «Записки из Мертвого дома» [Там же, с. 153–171] вошли в него наряду с произведениями Тургенева («Отцы и дети») и Гончарова («Обыкновенная история», «Обломов»), которые изложены в пересказах. В то время как у двух «соавторов» отобраны действительно вершинные творения, выбор из Достоевского выглядит не настолько репрезентативным. Можно предположить, что дело не только в репутации писателя как певца «униженных и оскорбленных», автора книги, поражавшей прежде всего своим содержанием. Именно это произведение Достоевского оказалось по форме наиболее пригодным для помещения в такого рода сборнике, так как легко раскладывается на отдельные эпизоды. Об этом сообщает и сам составитель в примечании к тексту: «“Записки из Мертвого дома” представляют собою отрывочные эпизоды из жизни каторжных, почему мы и не передаем вполне содержание их, а заимствуем из оных только два-три наиболее выдающиеся эпизода» [Там же, с. 153].

В выборе фрагментов для сборников удивляет их несоответствие названию и предназначению всего издания. Так, И. В. Смирнов, издатель книги «Общий друг веселья для любителей и любительниц пения...», выявленной С. Рублевым, остановился на том эпизоде романа «Идиот», в котором князь Мышкин посещает Епанчиных и рассказывает о казни, увиденной им в Париже [Общий друг веселья..., 1876, с. С. 81–91 (4-я паг.)]. Сцена яркая, привлекающая внимание, но едва ли подходящая к общему тону книги. Возможно, цель у этого была коммерческая: привлечь читателя именем Достоевского, подобно тому, как составители альманахов пушкинской эпохи охотились даже за мелкими и незначительными произведениями известных авторов, чтобы обеспечить своему предприятию успех.

⁸ Целиком «Записки...» были изданы при жизни Достоевского 6 раз, фрагментами, по нашим подсчетам, – 9 раз. Известны и наиболее частотные тексты в хрестоматиях 1843–1904 гг. Достоевский попал в список с текстом, названным условно «Гнедко» («Записки...»), который использовался 7 раз, сильно уступая отрывку «Смерч» из «Фрегата “Паллады”» (34 раза). Для прижизненных изданий наиболее популярный фрагмент не выявляется из-за малого количества публикаций.

В то же время включение именно этого фрагмента вписывает его в ряд репрезентативных для восприятия писателя современниками.

Еще один подобный сборник не был отмечен в библиографиях прижизненных изданий Достоевского, его удалось выявить благодаря каталогам библиотеки Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Это сборник «Веселье и радость от колыбели до могилы», составленный, как указано на титульном листе, «обществом литераторов под редакцией барона Соллогуба» [Веселье и радость..., 1877]. Содержание сборника преподносилось так: «Собрание лучших трудов русских и иностранных авторов, переводчиков, артистов, композиторов, художников, путешественников и вообще любителей всего изящного, в подарок друзьям для того, чтобы доставить им приятное времяпрепровождение и веселое развлечение. Храм всего, что может повеселить и оживить все возрасты от старого до малого». В нем помещены далекие от «веселого развлечения» отрывки из двух книг Достоевского: «Неточки Незвановой» и «Записок из Мертвого дома».

Из «Неточки Незвановой» выбран отрывок третьей главы, с момента пробуждения Неточки и обнаружения мертвой матери до побега отца, известия о его смерти и осознания его безумия («Я лежала как будто в забытии <...> В то мгновение безумие, сторожившее его десять лет уже, неизбежно поразило его» [Там же, с. 8–14]). Следом за текстом отрывка более мелким шрифтом размещен пересказ истории Ефимова [Там же, с. 14–15]. Иначе говоря, это был связный, хотя и извлеченный из целого произведения рассказ.

«Записки из Мертвого дома» представлены тремя фрагментами-пересказами, взятыми из первой («Мертвый дом») и девятой («Исай Фомич. Баня. Рассказ Баклушина») глав. Выбор поясняется так: «В записках из Мертвого дома автор описывает в отрывочных картинах жизнь каторжных, а потому мы и берем из них только несколько эпизодов» [Там же, с. 73–84]. Аргументы почти дословно повторяют процитированный выше отказ издателя «Музея лучших произведений...» от пересказа «Записок...». Однако, несмотря на это заявление, перед читателем оказывается измененный текст, в котором целые абзацы или страницы выпущены, а части предложений сокращены, что составителями никак не оговорено.

Репертуар текстов Достоевского в прижизненных переизданиях в хрестоматиях, антологиях, книгах для детского чтения заслуживает дальнейшего изучения. Выбор определенных фрагментов мог зависеть от того, кому адресовано то или иное издание. Существовала разница между текстами, помещаемыми в хрестоматиях или периодических изданиях, обращенных по большей части к младшим или неподготовленным читателям, и текстами в сборниках для чтения, составленных по принципам, напоминающим построение песенников или сборников анекдотов. Ориентация на аудиторию отчасти влияла и на подачу текста – точное ли это воспроизведение оригинального текста, пересказ, смешанный формат или же вовсе переделка, как в случае с отрывком из «Преступления и наказания» в «Детском чтении».

Однако различия говорят не только о прагматике, с какою составитель издания совершает свой выбор, но и о становлении репутации писателя. Своего дальнейшего исследования ждут как обстоятельства выбора и обработки текстов, так и связи составителей рассмотренных нами и подобных им хрестоматий и сборников с Достоевским. Немаловажным представляется сопоставление с теми изданиями, которые выпущены были уже после смерти писателя.

Как мы видим, и список прижизненных изданий произведений Достоевского открыт для дополнений.

Список литературы

Алексеева Л. В. Проблемы атрибуции в исследованиях о Ф. М. Достоевском (обзор предложенных решений) // *Неизвестный Достоевский*. 2015. Т. 2, № 4. С. 3–10.

Белов С. В. Ф. М. Достоевский. Указатель произведений Ф. М. Достоевского и литературы о нем на русском языке, 1844–2004 гг. СПб.: Рос. нац. б-ка, 2011. 755 с.

Библиографический указатель сочинений и произведений искусства, относящихся к жизни и деятельности Ф. М. Достоевского <...> 1846–1903 / Сост. А. Достоевская. СПб.: Тип. П. Ф. Пантелеева, 1906. 392 с.

Вассена Р. «Детский репертуар» Достоевского // *Неизвестный Достоевский*. 2021. Т. 8, № 1. С. 183–205.

Вдовин А. Современная русская литература в хрестоматиях 1843–1904 годов и литературный канон // *Quaestio Rossica*. 2020. Т. 8, № 1. С. 85–101.

Веселье и радость от колыбели до могилы: Собрание лучших трудов русских и иностранных авторов, переводчиков, артистов...: В 4 т. и 10 ч. М.: Тип. С. Орлова, 1877. Т. 3, ч. 5. 613 с.

Достоевский в забытых и неизвестных воспоминаниях современников. СПб.: Андреев и сыновья, 1993. 331 с.

Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1982. Т. 24. 518 с.; 1988. Т. 30, кн. 1. 455 с.

Дядя Саши [Круглов А. В.] Письмо дяди Саши, по поводу смерти Ф. М. Достоевского // *Воспитание и обучение*. 1881. Т. 1, № 2. С. 81–92.

Захарова О. В. Псевдонимы Ф. М. Достоевского // *Неизвестный Достоевский*. 2021а. Т. 8, № 1. С. 21–41.

Захарова О. В. Атрибуция в зеркале статистики: анонимные статьи в журналах братьев Достоевских «Время» и «Эпоха» // *Неизвестный Достоевский*. 2021б. Т. 8, № 2. С. 81–106.

Линдфорс К. М. Русская хрестоматия с примечаниями и словарем. Гельсингфорс: Г. В. Эдмунд, 1878. 357 с.

Музей лучших произведений новейшей литературы. Современные герои и героини, представители общественной мысли. СПб.: Тип. Дома призрения малолетних бедных, 1874. 410 с.

Неточка и Катя (Из романа Ф. М. Достоевского «Неточка Незванова») // *Воспитание и обучение*. 1881. Т. 1, № 3. С. 145–176.

Общий друг веселья для любителей и любительниц пения <...> / Изд. И. В. Смирнова. СПб.: Тип. В. Готье, 1876. 516 с.

О священном писании в жизни отца Зосимы. Отрывок из романа «Братья Карамазовы» // *Семейные вечера*. 1881б. № 2. Отд. для семейного чтения. С. 225–233.

От нечего делать. Собрание повестей и рассказов русских авторов. [Женева: тип. М. К. Элпидина], 1868. Вып. 1. 92 с.

Раздавили! Человека раздавили! // *Детское чтение*. 1870. Т. 4, кн. 7. С. 111–119.

Рогов А. А. и др. Проблема атрибуции в журналах «Время», «Эпоха» и еженедельнике «Гражданин». Петрозаводск: Острова, 2021. 391 с.

Русская историческая хрестоматия (862–1850). С теоретическим указателем / Сост. К. Петров. СПб.: Тип. Морского министерства, 1866. 616 с.

Русская хрестоматия, с примечаниями. Для высших классов средних учебных заведений / Сост. А. Филонов. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Тип. И. Огризко, 1864. Т. 1: Эпическая поэзия. 725 с.; 6-е изд. СПб.: Тип. И. И. Глазунова, 1879. Т. 1: Эпическая поэзия. 633 с.

Сборник рассказов. В прозе и стихах. СПб.: Тип. О. И. Бакста, 1863. 125 с.

У Илюшиной постельки. Отрывок из романа «Братья Карамазовы» Ф. М. Достоевского // Семейные вечера. 1881а. № 2. Отд. для детей. С. 108–114.

Хрестоматийные тексты: русская педагогическая практика XIX в. и поэтический канон. Тарту, 2013. 345 с. (Acta Slavica Estonica IV. Тр. по русской и славянской филологии. Литературоведение. IX)

Шафранов С., Николитч И. Русская хрестоматия для употребления в училищах прибалтийских губерний. 2-е изд., пересм. Ревель: Франц Клуге, 1865. Ч. 1: Проза. 440 с.

References

Alekseeva L. V. Problemy atributsii v issledovaniyakh o F. M. Dostoevskom (obzor predlozhennykh resheniy) [Attribution problems in research on F. M. Dostoevsky (review of proposed solutions)]. *The Unknown Dostoevsky*. 2015, vol. 2, no. 4, pp. 3–10.

Belov S. V. *F. M. Dostoevskiy. Ukazatel' proizvedeniy F. M. Dostoevskogo i literatury o nem na russkom yazyke, 1844–2004 gg.* [Index of works by F. M. Dostoevsky and literature about him in the Russian language, 1844–2004]. St. Petersburg, the National Library of Russia, 2011, 755 p.

Bibliograficheskiy ukazatel' sochineniy i proizvedeniy iskusstva, otnosyashchikhsya k zhizni i deyatel'nosti F. M. Dostoevskogo... 1846–1903 [Bibliographical index of writings and artworks relating to the life and work of F. M. Dostoevsky... 1846–1903]. A. Dostoevskaya (Comp.). St. Petersburg, Tip. P. F. Panteleeva, 1906, 392 p.

Dostoevskiy F. M. *Poln. sobr. soch.: V 30 t.* [Complete collected works: In 30 vols.]. Leningrad, Nauka, 1982, vol. 24, 518 p.; 1988, vol. 30, kn. 1, 455 p.

Dostoevskiy v zabytykh i neizvestnykh vospominaniyakh sovremennikov [Dostoevsky in the forgotten and Unknown Memoirs of his Contemporaries]. St. Petersburg, Andreev i synov'ya, 1993, 331 p.

Dyadya Sasha (Kruglov A. V.). Pis'mo dyadi Sashi, po povodu smerti F. M. Dostoevskogo [Letter of Uncle Sasha, on the death of F. M. Dostoevsky]. *Vospitanie i obuchenie*. 1881, vol. 1, no 2, pp. 81–92.

Khrestomatiynye teksty: russkaya pedagogicheskaya praktika 19 v. i poeticheskiy kanon [Textbook texts: Russian pedagogical practice of the 19th century and the poetic canon]. Tartu, 2013. 345 p. (Acta Slavica Estonica IV. Trudy po russkoy i slavyanskoy filologii. Literaturovedenie [Works on Russian and Slavic philology. Russian and Slavic philology. Literary Studies]. IX).

Lindfors K. M. *Russkaya khrestomatiya s primechaniyami i slovarem* [Russian anthology with notes and dictionary]. Helsingfors, G. V. Edmund, 1878, 357 p.

Muzey luchshikh proizvedeniy noveyshey literatury. Sovremennye geroi i geroini, predstaviteli obshchestvennoy mysli [Museum of the best works of modern literature. Contemporary heroes and heroines, representatives of public thought].

Modern heroes and heroines, representatives of public thought]. St. Petersburg, Tip. Doma prizreniya maloletnikh bednykh, 1874, 410 p.

Netochka i Katya (Iz romana F. M. Dostoevskogo “Netochka Nezvanova”) [Netochka and Katya (From the Novel by F. M. Dostoevsky “Netochka Nezvanova”)]. *Vospitanie i obuchenie*. 1881, vol. 1, no. 3, pp. 145–176.

Obshchiy drug vesel'ya dlya lyubiteley i lyubitel'nits peniya... [A common friend of fun for lovers and amateurs of singing]. Smirnov I. V. (Publ.). St. Petersburg, Tip. V. Got'e, 1876, 516 p.

O svyashchennom pisanii v zhizni ottsa Zosimy. Otryvok iz romana “Brat'ya Karamazovy” [On the holy scriptures in the life of Fr. Zosima. An excerpt from the novel “The Brothers Karamazov”]. *Semeynye vechera*. 1881b, no. 2, Otd. dlya semeynogo chteniya [Section for family reading]. pp. 225–233.

Ot nechego delat'. *Sobranie povestey i rasskazov russkikh avtorov* [Having nothing to do. Collection of novels and stories by Russian authors]. Geneva, Tip. M. K. Elpidina, 1868, iss. 1, 92 p.

Razdavili! Cheloveka razdavili! [Crushed! A Man Crushed!]. *Detskoe chtenie*. 1870, vol. 4, bk. 7, pp. 111–119.

Rogov A. A. and others. *Problema atributsii v zhurnalakh “Vremya”, “Epokha” i ezhenedel'nike “Grazhdanin”* [The problem of attribution in the journals “Time”, “Epoch,” and the weekly “Citizen”]. Petrozavodsk, Ostrova, 2021, 391 p.

Russkaya istoricheskaya khrestomatiya (862–1850). S teoreticheskim ukazatelem [Russian historical chrestomathy (862–1850). With a theoretical index]. Petrov K. (Comp.). St. Petersburg, Tip. Morskogo ministerstva, 1866, 616 p.

Russkaya khrestomatiya, s primechaniyami. Dlya vysshikh klassov srednikh uchebnykh zavedeniy [Russian Anthology, with Notes. For Higher Classes of Secondary Educational Institutions]. Filonov A. (Comp.). 2nd ed., cor. and exp. St. Petersburg, Tip. I. Ogrizko, 1864. Vol. 1: Epicheskaya poeziya [Epic poetry]. 725 p.; 6th ed. St. Petersburg, Tip. I. I. Glazunova, 1879. Vol. 1: Epicheskaya poeziya [Epic poetry]. 633 p.

Sbornik rasskazov. V proze i stikhakh [Collection of short stories. In prose and verse]. St. Petersburg, Tip. O. I. Baksta, 1863, 125 p.

Shafranov S., Nikolich I. *Russkaya khrestomatiya dlya upotrebleniya v uchilishchakh pribaltiyskikh guberniy* [Russian chrestomathy for use in schools of Baltic provinces]. 2nd ed., rev. Revel', Frants Kluge, 1865, pt. 1: Proza [Prose]. 440 p.

U Ilyushinoy postel'ki. Otryvok iz romana “Brat'ya Karamazovy” F. M. Dostoevskogo [At Ilyusha's bed. Excerpt from the novel “The Brothers Karamazov” by F. M. Dostoevsky]. *Semeynye vechera*. 1881, no. 2, Otd. dlya semeynogo chteniya [Section for family reading]. pp. 108–114.

Vassena R. “Detskiy repertuar” Dostoevskogo [“Children's repertoire” of Dostoevsky]. *The Unknown Dostoevsky*. 2021, vol. 8, no. 1, pp. 183–205.

Vdovin A. *Sovremennaya russkaya literatura v khrestomatiyakh 1843–1904 godov i literaturnyy kanon* [Modern Russian literature in the anthologies of 1843–1904 and the literary canon]. *Quaestio Rossica*. 2020, vol. 8, no. 1, pp. 85–101.

Vesel'e i radost' ot kolybeli do mogily: Sobranie luchshikh trudov russkikh i inostrannykh avtorov, perevodchikov, artistov...: V 4 t. i 10 ch. [Fun and joy from the cradle to the grave: Collection of the best works of Russian and foreign authors, translators, artists... : In 4 vols. and 10 pts.]. Moscow, Tip. S. Orlova, 1877, vol. 3, pt. 5, 613 p.

Zakharova O. V. Atributsiya v zerkale statistiki: anonimnye stat'i v zhurnalakh brat'ev Dostoevskikh “Vremya” i “Epokha” [Attribution in the mirror of statistics:

anonymous articles in the magazines of the Dostoevsky brothers “Time” and “Epoch”]. *The Unknown Dostoevsky*. 2021, vol. 8, no. 2, pp. 81–106.

Zakharova O. V. Pseudonimy F. M. Dostoevskogo [Pseudonyms of F. M. Dostoevsky]. *The Unknown Dostoevsky*. 2021, vol. 8, no. 1, pp. 21–41.

Информация об авторе

Вера Владимировна Филичева, кандидат филологических наук, научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург, Россия)

Information about the author

Vera V. Filicheva, Candidate of Philology, Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom), Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation)

Статья поступила в редакцию 06.04.2022;

одобрена после рецензирования 13.05.2022; принята к публикации 13.05.2022

The article was submitted on 06.04.2022;

approved after reviewing on 13.05.2022; accepted for publication on 13.05.2022

Научная статья

УДК 94 (470.5) : 82 (470.5)
DOI 10.17223/18137083/86/7

О прототипической основе повестей Д. Н. Мамина-Сибиряка «Доброе старое время» и «Верный раб»

Владимир Анатольевич Шкерин

Институт истории и археологии
Уральского отделения Российской академии наук
Екатеринбург, Россия

shkerin_uit@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3925-2873>

Аннотация

Формулируются версии того, какие реальные события легли в основу сюжетов и какие реальные лица послужили прототипами героев повестей Д. Н. Мамина-Сибиряка «Доброе старое время» и «Верный раб». Обе повести появились как «побочный продукт» работы автора над историческим очерком «Город Екатеринбург». В центре сюжетов события из жизни главного начальника горных заводов Уральского хребта генерала В. А. Глинки («старого генерала» в первой повести и «генерала Голубко» – во второй). Пометы в записной книжке писателя, казалось бы, недвусмысленно указывают на прототипы героев этих произведений. Однако попытки отыскать «Демидова-ревдинского» остаются тщетными, а «история жены ген. Глинки» оказывается историей другой женщины.

Ключевые слова

история русской литературы, Д. Н. Мамин-Сибиряк, повесть «Доброе старое время», повесть «Верный раб», сюжет, прототип, Н. К. Чупин, В. А. Глинка

Для цитирования

Шкерин В. А. О прототипической основе повестей Д. Н. Мамина-Сибиряка «Доброе старое время» и «Верный раб» // Сибирский филологический журнал. 2024. № 1. С. 95–108. DOI 10.17223/18137083/86/7

About the prototypical basis of the novels of D. N. Mamin-Sibiryak “Good Old Times” and “Faithful Slave”

Vladimir A. Shkerin

Institute of History and Archaeology
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
Yekaterinburg, Russian Federation

shkerin_uit@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3925-2873>

Abstract

The paper puts forward the hypotheses on what actual events inspired the plots of the novels of Dmitry N. Mamin-Sibiryak, namely “Dobroe staroe vremya” (“Good Old Time”) (1889)

© Шкерин В. А., 2024

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2024. № 1. С. 95–108
Siberian Journal of Philology, 2024, no. 1, pp. 95–108

and “Vernyy rab” (“Faithful Slave”) (1891). Both novels appeared as a kind of “by-product” of the work on the historical essay “Gorod Yekaterinburg” (“The City of Yekaterinburg”) (1889). The action in both novels takes place in Zagorie, which strongly evokes Yekaterinburg. The period of action is the 1840s and 1850s when the city was under the authority of the director of the Ural mining and metallurgical plants, General Vladimir A. Glinka. In “Dobroe staroe vremya,” he is “the old general”, while in “Vernyy rab,” he is “General Golubko.” The notes in the writer’s notebook seem to point unambiguously to prototypes of other characters in these works. Researchers tend to trust these notes with complete confidence. The writer claims that the novel “Dobroe staroe vremya” tells the “history of Demidoff.” However, no candidate fitting Mamin-Sibiryak’s description has been found in the family of the famous Ural manufacturers. The title of the novel “Vernyy rab” in the writer’s diary is accompanied by the note “The story of General Glinka’s wife.” Nonetheless, the story of the general’s only wife, Ulyana G. Vishnevskaya, has nothing in common with the plot. Searching for the reasons for such discrepancies can provide a better understanding of the specifics of Mamin-Sibiryak’s work with historical material.

Keywords

history of Russian literature, Dmitry N. Mamin-Sibiryak, the novel “Good Old Times”, the novel “Faithful Slave”, plot, prototype, Narkiz K. Chupin, Vladimir A. Glinka

For citation

Shkerin V. A. About the prototypical basis of the novels of D. N. Mamin-Sibiryak “Good Old Times” and “Faithful Slave”. *Siberian Journal of Philology*, 2024, no. 1, pp. 95–108. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/86/7

Повести «Доброе старое время» и «Верный раб» появились как своего рода «побочный продукт» работы Д. Н. Мамина-Сибиряка над историческим очерком «Город Екатеринбург». Этим очерком открывался одноименный сборник статистических и справочных сведений, изданный в 1889 г. по инициативе и на средства городского головы И. И. Симанова. Среди лиц, из которых автор составил коллективный портрет Екатеринбурга, многие были представлены широкой читательской аудитории впервые. В их числе – главный начальник горных заводов хребта Уральского с 1837 по 1856 г. генерал Владимир Андреевич Глинка (1790–1862): «Внушительная наружность, высокий рост и военная николаевская выправка придавали ему диктаторский вид. Это и был диктатор – прямой, грозный, справедливый до жестокости, вспыльчивый и милостивый. Держал он себя и просто, и строго, с солдатской грубостью. Но, к сожалению, около уральского царя ютилась целая стая прожорливых, вороватых и проворных людей, которые нажили “большие тысячи”. Игра шла крупная, но грозный царь не мог допустить даже мысли, чтоб под его начальством смел кто-нибудь даже подумать о взятке или разных других формах присвоения чужой собственности» [Мамин, 1889, с. 38].

В один год с очерком в московском журнале «Русская мысль» вышла повесть «Доброе старое время». В записной книжке писателя (№ 3 из собрания Б. Д. Удинцева) заглавие повести сопровождается пометой: «Из рассказов старой актрисы. История Демидова-ревдинского. Приезд на Урал, ссора с Глинкой, отъезд» [Дергачёв, 1981, с. 147]. Как и в изданной двумя годами ранее пьесе Мамина «Золото-промышленники», местом действия стал вымышленный город Загорье, в котором уральский читатель легко узнавал Екатеринбург. Время действия – начало 1840-х гг. Прототипом главной героини, актрисы Антонида Васильевна, послужила примадонна первой в Екатеринбурге профессиональной труппы Евдокия Алексеевна Иванова (1810–1905). Прототипом антрепренера Павла Ефимовича

Крапивина – реальный антрепренер Петр Алексеевич Соколов. В «старике генерале» легко узнать В. А. Глинку.

Вопрос о прообразе богатого заводчика Додонова сложнее, хотя, казалось бы, помета недвусмысленно поясняет: «История Демидова-ревдинского». Но именно в 1840-е гг. никакого «Демидова-ревдинского» не было. По завещанию Алексея Петровича Демидова Ревдинско-Рождественские заводы отошли в 1840 г. в «полное владение» его жены (уже или в скором времени – вдовы) Марии Денисовны. И только в 1852 г. их сын Петр Алексеевич получил от престарелой матери доверенность на управление заводами, в 1855 г. стал полноправным владельцем, со временем разорил и в 1873 г. продал [Неклюдов, 2004, с. 130]. Однако писателю был нужен, во-первых, персонаж демидовского масштаба и размаха, а, во-вторых, такой, чьи владения находились недалеко от города. «До завода всего пятьдесят верст, зимой это три часа езды...», – сказано в повести [Мамин-Сибиряк, 1983, с. 319], что соответствует расстоянию от Екатеринбурга до Ревды. На этом примере видно, что пометы в маминских записных книжках – это не простые расшифровки писательских замыслов и не обязательно отсылки к реальным фактам и лицам. Скорее это абрис литературного произведения, и вымысел в таких пометах уже присутствует.

С другой стороны, произведения Д. Н. Мамина-Сибиряка нередко опираются на легенды, городские анекдоты и слухи, которые могли не оставить следов в письменных источниках [Дергачёв, 1981, с. 57]. Начало театральной истории Екатеринбурга – тому пример. Первую профессиональную труппу в 1843 г. привез в город казанский антрепренер П. А. Соколов. Был ли его выбор случайным? Крапивин прибыл в Загорье, «получив приглашение», и приглашение это могло исходить только от «старика генерала».

Посодействовать такому приглашению для Соколова мог знаменитый актер московского Малого театра М. С. Щепкин. Знакомство их состоялось еще в 1816 г. в Харькове, в труппе Ивана Федоровича Штейна и Осипа Ивановича Калиновского. Отношения двух антрепренеров были сложными, что нашло отражение в рассказе В. А. Соллогуба «Собачка» (написанном по воспоминаниям Щепкина и ему же посвященном), где антрепренеры выведены под именами Адама Адамовича Шрейна и Осипа Викентьевича Поченовского. В том же 1816 г. Штейн построил в Харькове здание собственного театра, а Калиновский с частью труппы покинул город [Квитка, 1900, с. 14–15]. В 1818–1821 гг. еще одна часть труппы Штейна по приглашению малороссийского генерал-губернатора князя Н. Г. Репнина обосновалась в Полтаве. Там же были собраны деньги на выкуп Щепкина из крепостной зависимости [Имберх, 1875; Конопка, 2016, с. 133–137]. При этом как в руководстве вновь созданного театра (директора А. О. Имберх и И. П. Котляревский), так и при организации выкупа князь опирался на членов полтавской масонской ложи «Любовь к Истине» [Павловский, 1905]. Одним из таких членов, или «братьев», по масонской терминологии, был служивший в Полтаве подполковник В. А. Глинка ¹.

Калиновский держал антрепризу в Калуге и Воронеже. На рубеже 1828–1829 гг. труппа по его завещанию перешла к Соколову, под руководством которого выступала в различных российских городах, но более всего в Казани – с 1833 по 1842 г. Московский мэтр Щепкин опекал казанских коллег, иногда буквально спасая от разорения: приезжал на гастроли в 1838 и 1841 гг., помогал с выбором

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 398. Ед. хр. 34. Л. 6 об. – 7.

пъес и пр. [Гриц, 1966, с. 251, 271, 273, 282]. Казань труппа оставила из-за пожара 1842 г., затем последовал провальный сезон в Уфе. Логично предположить, что в критический момент Соколов вновь обратился за помощью к Щепкину, который по старой памяти мог рекомендовать его Глинке.

По словам журналиста и актера Н. Д. Беккаревича (1865–1907), в Екатеринбурге, «просуществовав лето и зиму в неудобном помещении, но сделав хорошее дело, Соколов думал двинуться дальше, но Глинка не пустил его и Иванову, заявив им, что он для них нашел новое хорошее помещение» [Курочкин, 1969, с. 58]. Екатеринбургец Е. Н. Коротков (1850–1919) писал: «По инициативе (вернее, давлению) Глинки на средства Рязановых и К^о выстроен екатеринбургский театр, в который для первой труппы антрепренеру Соколову пришлось артистов и артисток купить или взять на “прокат” у богатых помещиков... Впоследствии тот же Глинка посодействовал собрать в Екатеринбурге нужную сумму на окончательный выкуп арендованных актрис. Глинка посещал театр часто» ².

Последняя цитата требует пояснений. Группу крепостных актрис, включая Иванову, Соколов взял на оброк у тульской помещицы В. П. Тургеневой. В упомянутом очерке Д. Н. Мамин-Сибиряк писал: «...ученицы крепостной театральной школы оказались прекрасными актрисами, так что впоследствии пришлось заплатить за их выкуп на волю матери великого писателя И. С. Тургенева очень дорого, и эти деньги были собраны в Екатеринбурге» [Мамин, 1889, с. 40]. Произошло это в 1845 г. В мае того же года Глинка утвердил проект театрального здания, разработанный архитектором Уральского Горного правления К. Г. Турским [Курочкин, 1957, с. 96]. Деньги на строительство (успешно завершённое в 1847 г.) дали такие ревнители «древлего благочестия», как купцы «Рязановы и К^о». Объяснение столь странной щедрости, вероятно, кроется в том, что 5 января 1845 г. в Екатеринбурге под руководством генерала Глинки открыл работы Секретный совещательный комитет по делам раскольников – орган по сути своей репрессивный ³. В официальных документах факты предпринятого «давления» отразиться не могли, зато слухи о них дошли до писателя. «Появление первого театра в Загорье всецело обязано было генералу, – утверждалось в повести “Доброе старое время”. – Старик захотел, чтобы театр был, и театр явился, как по шучьему велению. Генерал был всемогущ и при некоторой пылкости воображения мог бы строить пирамиды. Загорские купцы устроили подписку, и каменное здание театра, начатое весной, к осени было кончено» [Мамин-Сибиряк, 1983, с. 311].

Вторая повесть, «Верный раб», появилась в 1891 г. в петербургском журнале «Северный вестник» (№ 7–8). В той же записной книжке за ее названием следует помета: «История жены ген. Глинки» [Там же, с. 446].

В новом произведении безымянный «старик генерал» обрел имя, созвучное с именем прототипа – Андрей Ильич Голубко. Возможно, писатель знал, что Андреем Ильичом звали отца генерала Глинки [Лобанов-Ростовский, 1895, с. 131; Фёдоров и др., 2004, с. 110]. Образы купцов Мирона Ожиганова, Тараса и Поликарпа Злобиных отразили черты и факты биографий представителей старообрядческих родов Рязановых, Расторгуевых, Зотовых. «Злобинская свадьба», на фоне которой разворачивался сюжет повести, – это «зотовская свадьба», описанная Маминым в очерке. Обе, по его словам, тянулись «целый год».

² ГАСО. Ф. 74. Оп. 1. Ед. хр. 133. Л. 11.

³ Там же. Ф. 6. Оп. 2. Ед. хр. 495. Л. 1.

Портрет нового «старого генерала» вновь оказался близок образу, представленному в историческом очерке: «Генерал Голубко был настоящий генерал, какие были только при императоре Николае, – высокий, плечистый, представительный, грозный, справедливый, вспыльчивый, по-солдатски грубый и по-солдатски простой»; «Как это случается, сам генерал был искренне-честный человек и никаких взяток не брал, но зато брали около него все остальные, как не могли бы брать при начальнике-взяточнике. Грозный генерал не мог допустить даже мысли, что его подчиненные смели воровать у него под носом и обирать других» [Мамин-Сибиряк, 1983, с. 368, 369]. Меж тем главный взяточник, выйдя из заводских работников, обосновался без определенной должности в передней «искренне-честного человека»: «Верный раб Мишка в Загорье являлся страшной силой, потому что старый генерал Голубко имел к нему какое-то болезненное пристрастие» [Там же, с. 366]. Женитьба генерала подорвала Мишкино влияние: «Молодая генеральша оказалась с ноготком и быстро забрала грозного генерала в свои пухлые белые ручки и почему-то с первого же взгляда кровно возненавидела верного раба Мишку...» [Там же, с. 371]. Восстановить былой авторитет Мишке удалось, доказав генералу неверность его жены и чрез это добившись ее изгнания.

Но если прототип генерала Голубко лишь слегка завуалирован, то насколько реален изложенный выше сюжет? Племянник писателя Б. Д. Удинцев (1891–1973) полагал, что «в основу рассказа “Верный раб”» положен «один из фривольных эпизодов... биографии» В. А. Глинки [Удинцев, Китайник, 1969, с. 183]. Помимо писательской пометы полагать так позволяли воспоминания врача В. А. Ляпустина (1867–1942). Мемуарист утверждал, что, будучи в Екатеринбурге летом 1881 г., слышал, как эту историю Мамину рассказал историк Чупин: «Много лет прошло с тех пор, как мне посчастливилось видеть двух замечательных людей Урала – Наркиса Константиновича Чупина и Дмитрия Наркисовича Мамина-Сибиряка. Воспоминания о них так дороги, что до настоящих дней сохраняются в моей памяти со всей яркостью юношеских впечатлений. Мне шел семнадцатый год, я учился в пермской духовной семинарии в философских, как тогда говорили, классах. Семинарская метафизика и схоластика, которую мне преподавали уже третий год...» и т. д. [Ляпустин, 1936, с. 63]. По словам врача, в семинарии он учился в 1880–1886 гг. [Там же, с. 65].

Воспоминания Ляпустина пользуются у исследователей доверием [Казакова-Апкаримова, Созина, 2022, с. 141; Колосова, 2014, с. 186–187], критика источника ограничена признанием его «контаминацией (вероятно, неизбежной) собственных воспоминаний полувековой давности В. А. Ляпустина о рассказе Н. К. Чупина и фрагментов художественных повествований Д. Н. Мамина-Сибиряка» [Митрофанова, 2008, с. 24]. Но как совместить слова о поступлении в семинарию в 1880 г. и учебе в ней «третий год» уже в 1881 г.? Работавший с архивами Пермской семинарии священник Я. В. Шестаков (священномученик Иаков Камасинский; 1858–1918) утверждал, что врач В. Ляпустин окончил это учебное заведение в 1887 г. [Шестаков, 1900, с. 87]. Его данные подтверждают новейшие биографы Ляпустина, добавляя, что в семинарию их герой поступил в 1881 г. [Некрылов и др., 2016, с. 58]. Зная дату рождения мемуариста, не трудно вычислить, что летом 1881 г. ему шел не «семнадцатый год», а только 15-й. Эти биографические нюансы важны здесь, потому что в апреле 1882 г. Чупин умер, и, таким образом, лето 1881 г. остается единственно возможным временем для описанной встречи [Гомельская, 1982, с. 74].

Ляпустин ручался, что передавал «содержание, характер и стиль рассказа... более или менее верно», и писал от лица Чупина: «Грозный генерал Глинка... был высокий, прямой, как палка, старик, с густыми, зловеще нависшими бровями, военной выправки, фронтовик, лицо бритое, голова и усы седые. <...> Генерал отличался не только жестокостью и свирепостью, но также неподкупностью в отношении взяток» [Ляпустин, 1936, с. 67–68]. Дальнейший рассказ совпадает с сюжетом повести «Верный раб»: полюбившийся генералу рабочий Мишка, молодая генеральша, адюльтер и т. д.

Зато имеются расхождения с реальной биографией В. А. Глинки: «Говорили, что в молодости он был адъютантом самого Аракчеева и служил в военных поселениях. <...> Генерал, вышедший из мордобойной школы Аракчеева, непоколебимо верил, что управлять людьми можно только плетью, кнутом и розгами» [Там же, с. 67]. Глинка никогда не был ничьим адъютантом и не служил в военных поселениях. Лишь однажды в 1832 г. он был командирован в Чугуев «для приготовления к смотру Государя Императора артиллерии 2-го резервного Поселенного Кавалерийского корпуса»⁴. «Случилось событие, которого никак нельзя было ожидать от старого генерала – представьте, он влюбился в молодую девушку, дочь одного из мелких чиновников своей канцелярии. Генерал недолго колебался, предложил своей избраннице руку и сердце и, конечно, не получил отказа» [Там же, с. 68]. И этого не было. Со своей единственной женой Ульяной Гавриловой Вишневской (1802–1884) Глинка сочетался браком в Полтаве в 1818 г. [Декабристы, 1988, с. 51–52; Лашкевич, 1887, с. 89].

Мог ли ошибочные сведения о генерале Глинке сообщить Наркиз (Наркис) Константинович Чупин (1824–1882)? По окончании Казанского университета он подал на имя Глинки прошение о зачислении на службу и в сентябре 1851 г. был принят «в число канцелярских чиновников Главного управления Уральских заводов». В 1852 г. генерал назначил Чупина производителем дел своей канцелярии, поручив ему кураторство школьного и архивного дел, а в 1853-м перевел на должность старшего учителя и инспектора вновь открытого Уральского Горного училища⁵. Так было задано направление всей дальнейшей деятельности историка и педагога. В 1855 г., уже думая о переводе в столицу, генерал доверил Чупину написание «Обзора важнейших предметов деятельности генерала Глинки в бытность его главным начальником заводов уральских»⁶. Нет оснований подозревать Чупина в неосведомленности или в неблагодарности по отношению к бывшему покровителю.

Но даже если усомниться во всем сообщении Ляпустина (тяжело больной педагог собирает компанию молодежи, включая юного мемуариста, они пьют чай, водку и пиво, за полночь поют студенческие песни и пр.), то Чупин все равно остается наиболее вероятным информатором об эпохе Глинки. О «ходячем архиве», из которого «иностранные и русские ученые, путешественники, администраторы» «заимствовались полезными сведениями» по истории, географии и статистике Урала, свидетельствовали авторы рубежа XIX–XX вв. [Весновский, 1903, с. 45; Смышляев, 1891, с. 270]. Об этом же писал и сам Мамин в так называемом «шестом письме с Урала» 1884 г.: «Специалисты ставят Чупина, как местного исследователя, очень высоко, потому что им приходится постоянно обращаться

⁴ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Ед. хр. 7076. Л. 229, 230.

⁵ РГИА. Ф. 44. Оп. 1. Ед. хр. 692. Л. 1 – 3 об.

⁶ ГАСО. Ф. 129. Оп. 1. Ед. хр. 102.

к его статьям за всеми сведениями по части уральской истории, но обыкновенный смертный едва ли без скуки прочтет его две-три статьи» [Митрофанова, 2008, с. 27].

Здесь Мамин-Сибиряк, может, и в резкой форме, но фиксирует различие в подходах историка и писателя к историческим фактам: там, где первому важна точность «сведений по части... истории», второй стремится преобразить и использовать их ради увлекательности повествования, дабы «обыкновенный смертный» прочел «без скуки». Так появились «Демидов-ревдинский» и «история жены ген. Глинки».

Однако вопрос об исторической основе повести «Верный раб» это объяснение еще не решает. Выше говорилось, что У. Г. Глинка была единственной женой генерала. Но именно в 1840-е гг. брак де-факто распался. «Сообщу Вам новость о серьезнейшем происшествии: чрез 22 года своего супружества жена моя сделалась беременною и в начале будущего месяца должна родить! Слышали ль Вы о подобном событии?», – торжествовал В. А. Глинка в письме к своему кузену – литератору Ф. Н. Глинке от 12 ноября 1840 г. из Екатеринбурга в Москву⁷. Долгожданная беременность, вероятно, кончилась неудачными родами. Рискнем предположить, что затем последовало постепенное охлаждение отношений между супругами. Три с половиной года спустя, 16 июня 1844 г., генерал Глинка писал Авдотье Павловне Глинке, супруге упомянутого кузена: «Жена моя по стечению многих обстоятельств теперь в Москве и наверно с Вами уже видывалась. Я теперь живу как монах»⁸. В Москве У. Г. Глинка оставалась до конца своих дней и была похоронена на кладбище Новодевичьего монастыря – рядом с родителями, но не с мужем [Московский некрополь, 1907, с. 274].

В Екатеринбурге В. А. Глинка жил без жены не «как монах», а, по определению Ал. Корельского, как «человек общественный»: «На балах своих Глинка был всегда крайне радушным и любезным хозяином, занимал светским разговором дам и девиц, особенно хорошеньких, и открывал с одною из них бал, выступая молодежато во главе полонеза» [Корельский, 1905, с. 152]. Появилась в его доме и другая женщина, о которой уральцы предпочитали молчать, зато рассказал человек проезжий. В 1856 г. военврач Николай Иванович Вишняков (1828–1901) посетил Екатеринбург по пути к месту службы в Красноярск и оставил свидетельство о личной жизни генерала: «Не знаю, был ли он женат, но у него была содержанка – поляка, женщина лет 25-ти, красивая, ловкая, нажившая у него капитал. Он очень был к ней расположен и перед отъездом выдал ее замуж за фельдшера – поляка К. И. Нешкотного, который был со мною знаком еще в Казани, бывши студентом мед[ицинского] факультета» [Вишняков, 2011, с. 44]. Константин Иванович Нешкотный (Нешкодных, Нешкодны) пригласил Вишнякова в гости и познакомил с женой Августой Казимировной. Стоявший в центре города дом их был «деревянный одноэтажный, но большой, внутри богато обмелбелированный, разукрашенный зеркалами с позолотой, мебелью в тогдашнем новом вкусе, картинами, писанными акварелью, и статуэтками». Выезжали Нешкотные «на паре хороших на отлет лошадей» [Там же]. Гордясь произведенным на товарища впечатлением, фельдшер поведал историю своего жизненного успеха.

Екатеринбургским городовым врачом в те годы был выпускник Медико-хирургической академии Иван Елисеевич Ковалевский. На горнозаводском Урале он

⁷ РГАЛИ. Ф. 141. Оп. 1. Ед. хр. 215-а. Л. 1 об.

⁸ Там же. Ед. хр. 546. Л. 2 об.

появился в 1831 г., но до того, как обосновался в Екатеринбурге в 1848 г., успел послужить на разных заводах. В письме коллеге А. А. Миславскому Ковалевский характеризовал себя, как человека «с безалаберным образом жизни, холерическим темпераментом, вспыльчивым и решительным характером» [Черноухов, 2011, с. 58]. В столице горнозаводского края его «решительный характер» проявился, в частности, заявлением, что «лечить всякую сволочь, снискивающую себе пропитание с грехом пополам, не только не возможно, но и не должно» и что «девок, не имеющих при себе приличного хорошего платья, ему не надо, а приказывал поставлять тех, которые одеваются в салоны и носят шляпки» [Горловский, 1948, с. 85]. Имелся у врача и иной порок, оказавшийся полезным для помогавшего ему фельдшера: «Старик Ковалевский иногда предавался запоем, вследствие чего он таскал с собою Нешкотного и учил его при постели больного диагностике и терапии; в свободные часы Нешкотный изучал дома терапию Рихтера и проч[ие] мед[ицинские] науки, – писал Вишняков. – Так[им] об[разом], он составил себе благополучие и считался в Екатеринбурге за доктора. Конст[антин] Ив[анович] был красивый, лет 28 мужчина, высокого роста, статный. Часто посещая дом генерала Глинки (которого лечил пиявками. – *В. Ш.*), он влюбил в себя Августа Казимировну. Старик Глинка замечал ли это – неизвестно, но верно то, что он не особенно дорожил покупною любовью, притом, имея в виду оставить свой пост на горных уральских заводах, Глинка допускал частые посещения дома своего Нешкотным, кажется, для того, чтобы выдать свою наперсницу замуж за Нешкотного. Вскоре за тем Глинка уехал из Екатеринбурга. Лошади, экипажи, мебель и пр., все подобное пошло в приданое фаворитке» [2011, с. 47].

Записки Вишнякова не свободны от ошибок, впрочем, легко объяснимых огрехами памяти. Свой приезд в Екатеринбург он датировал 11 сентября 1856 г., утверждая, что Глинка к этому времени уже покинул город. Однако высочайший указ о назначении генерала от артиллерии В. А. Глинки к присутствию в Сенате был подписан только 27 октября 1856 г.⁹ Прощальный циркуляр уральскому горному ведомству генерал выпустил 16 декабря 1856 г. [Шкерин, 2008, с. 181]. Наконец, в том же декабре Глинка принимал в Екатеринбурге возвращавшихся из Сибири декабристов – И. И. Пущина и М. И. Муравьева-Апостола [Яровой, 1976, с. 38]. Следовательно, Августа вышла замуж, когда генерал еще оставался в Екатеринбурге, но его перевод в столицу уже считался делом решенным. Едва ли была она и «Казимировной»: в упомянутом справочнике 1889 г. отмечена Нешкодных Августа Федоровна, владевшая домом на Покровском проспекте [Город Екатеринбург, 1889, с. 827]. Кстати, и самого Глинку Вишняков называл Глинкой-Мавриным, хотя двойную фамилию носил не уральский генерал, а его племянник Б. Г. Глинка и лишь с середины 1860-х гг. [Бобринский, 1890, с. 308–309; Фёдоров и др., 2004. с. 142].

Дочь екатеринбургской четы Нешкодны, Ольга Константиновна, стала эконошкой в доме Константина Павловича Поленова (1835–1908) – управляющего Нижнесалдинским заводом и давнего друга семьи Маминых. С Поленовым был связан перевод священника Наркиса Матвеевича – отца писателя из Висима в Салду. Поленов послужил прототипом героев двух маминских романов: Бахарева в «Приваловских миллионах» и Вершинина в «Горном гнезде». Ольга Нешкодны стала гражданской женой овдовевшего Поленова, после отставки которого в 1902 г. вернулась вместе с ним в Екатеринбург [Танкиевская, 2000, с. 73]. И это

⁹ РГИА. Ф. 37. Оп. 13. Ед. хр. 1044. Л. 2–3.

еще один возможный источник информации о «фривольном эпизоде» в биографии генерала.

Мамин-Сибиряк не был знаком с записками Вишнякова (опубликованными лишь в 2011 г.), но жену генерала Голубко описал весьма похоже на Августу: «Ей было лет двадцать пять... Вместе с влиянием на генерала полненькая генеральша постаралась заполучить и все доходные статьи, из сего законным образом проистекавшие... Эти дела генеральша устроила с замечательной ловкостью, и “благодарность” разных добрых людей лилась на нее...» [Мамин-Сибиряк, 1983, с. 365, 372]. В отличие от мемуаров Ляпустина, исключено тут и обратное влияние текста Мамина на записки Вишнякова: последние писались в два этапа и с большим перерывом – в 1859 и 1886 гг., но все равно до публикации повести [Вишняков, 2011, с. 27].

Могла ли Августа Нешкодных послужить прототипом молодой генеральши? Ульяна Гавриловна жила в Екатеринбурге в первую треть уральской службы своего мужа и уехала в Москву в возрасте 42 лет. Молодая «наперсница» обосновалась в генеральском доме под конец этой службы и, вероятно, затмила в памяти горожан законную супругу. Похожи и распределения ролей в «треугольниках»: историческом (генерал Глинка – Августа – Константин Нешкотный) и литературном (Голубко – молодая генеральша – Ардальон Смагин). А вот финалы у историй разные: в первом случае содержанка добровольно передана более молодому мужчине, во втором – неверная жена с позором изгнана.

За шесть с половиной лет до публикации «Верного раба», в декабре 1884 г. увидела свет повесть Н. С. Лескова «Совместители», события в которой также развивались внутри «треугольника»: министр финансов граф Е. Ф. Канкрин (непосредственный начальник В. А. Глинки), его содержанка Марья Степановна и молодой чиновник Иван Павлович. Характеризуя нравы эпохи Николая I, Лесков писал: «Если не для чего-нибудь, то хоть для порядка или приличия, все имели дам на попечении. <...> И при этом никто почти не скрывал свои грешки, а нередко даже желали их огласки. Это давало случай в обществе подшучивать над “старыми грешниками”. О них рассказывали разные смешные анекдоты, а это делало грешникам известность и рекомендовало их как добрых и забавных вье-гарсонов» [Лесков, 1973, с. 335]. Когда же «старые грешники» уже не могли соответствовать прихотям молодых содержанок, они, «поступая в духе времени», прибегали к помощи так называемых «совместителей»: «Это тогда не только допускалось, но даже и патронировалось. Одно лишь было в условиях этикета, чтобы совместитель был человек с тактом и не ронял значения главенствующего лица или патрона» [Там же, с. 336–337]. Граф Канкрин, застав Ивана Павловича в спальне Марьи Степановны, не только не прогнал неверную, но даже дал ход карьере счастливица и стал посаженным отцом на их свадьбе.

Подобным же образом поступил и генерал В. А. Глинка. Однако повесть Н. С. Лескова не оставила Д. Н. Мамину-Сибиряку шанса описать реальный финал без угрозы оказаться обвиненным в заимствовании сюжета. Вероятно, тогда авторским вымыслом и был рожден «верный раб Мишка». Во всяком случае, в известных исторических источниках он, как и «Демидов-ревдинский» – заводчик Додонов, следов не оставил.

Список литературы

- Бобринский А. А.* Дворянские роды, внесенные в Общий гербовник Всероссийской империи. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1890. Ч. 1. XXXVIII, 765 с.
- Весновский В. А.* Весь Екатеринбург: Справочник-ежегодник с планом города Екатеринбурга. Екатеринбург: Тип. газеты «Уральская жизнь», 1903. 352 с.
- Вишняков Н. И.* Записки военного врача / Изд. подгот. Н. П. Матхановой. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2011. 339 с.
- Гомельская С. З.* Н. К. Чупин. Свердловск: Средне-Урал. кн. изд-во, 1982. 94 с.
- Горловский М. А.* Горный город Екатеринбург: 1807–1863. Свердловск: Тип. изд-ва «Уральский рабочий», 1948. 152 с.
- Город Екатеринбург: Сборник историко-статистических и справочных сведений по городу с адресным указателем и с присоединением некоторых сведений по Екатеринбургскому уезду. Екатеринбург: Тип. «Екатеринбургской недели», 1889. 1269 с.
- Гриц Т. С.* М. С. Щепкин: Летопись жизни и творчества. М.: Наука, 1966. 871 с.
- Декабристы: Биографический справочник / Под ред. М. В. Нечкиной. М.: Наука, 1988. 448 с.
- Дергачёв И. А.* Д. Н. Мамин-Сибиряк: Личность. Творчество. 2-е изд., доп. Свердловск: Средне-Урал. кн. изд-во, 1981. 333 с.
- Имберх М. А.* Выкуп артиста М. С. Щепкина из крепостной зависимости: 1818 // Русская старина. 1875. № 5. С. 152–154.
- Казакова-Анкаримова Е. Ю., Созина Е. К.* «Излюбленные люди». Типы провинциальных интеллигентов в изображении Д. Н. Мамина-Сибиряка // Уральский исторический вестник. 2022. № 4 (77). С. 137–146.
- Квитка (Основьяненко) Г. Ф.* История театра в Харькове // Черняев Н. И. Харьковский иллюстрированный театральный альманах: Материалы для истории Харьковской сцены. Харьков: Тип. «Южного Края», 1900. С. 1–16.
- Колосова Т. А.* Н. К. Чупин в исследованиях и публикациях // Седьмые Чупинские краеведческие чтения: Материалы конференции. Екатеринбург, 2014. С. 184–201.
- Конопка Н. О.* Микола Григорович Репнін: дипломат, політик, урядовець. Острог; Нью-Йорк, 2016. 216 с.
- Корельский Ал.* Горнозаводская служба и общественная жизнь на Урале в крепостное время // Русская старина. 1905. № 10. С. 131–167.
- Курочкин Ю. М.* Из театрального прошлого Урала. Свердловск: Кн. изд-во, 1957. 286 с.
- Курочкин Ю. М.* Бабушка уральского театра (Е. А. Иванова). Свердловск: Средне-Урал. кн. изд-во, 1969. 116 с.
- Лашкевич А.* Род Вишневых // Киевская старина. 1887. Т. 18, № 5. С. 73–91.
- Лесков Н. С.* Собр. соч.: В 6 т. М.: Правда, 1973. Т. 4. 454 с.
- Лобанов-Ростовский А. Б.* Русская родословная книга. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1895. Т. 1. 476 с.
- Ляпустин В. А.* Встречи, которые забыть нельзя // Воспоминания о Д. Н. Мамине-Сибиряке / Сост. З. А. Ерошкина. Свердловск: Свердловск. обл. изд-во, 1936. С. 63–69.
- Мамин Д.* Город Екатеринбург: Исторический очерк // Город Екатеринбург: Сборник историко-статистических и справочных сведений по городу с адресным

указателем и с присоединением некоторых сведений по Екатеринбургскому уезду. Екатеринбург: Тип. «Екатеринбургской недели», 1889. С. 1–57.

Мамин-Сибиряк Д. Н. Уральские рассказы: В 2 т. Свердловск: Средне-Урал. кн. изд-во, 1983. Т. 2. 448 с.

Митрофанова Л. М. Д. Н. Мамин-Сибиряк и Н. К. Чупин: типы времени и интеллекта // Четвертые Чупинские краеведческие чтения: Материалы конференции. Екатеринбург, 2008. С. 23–31.

Московский некрополь. Т. 1 (А–И) / Сост. В. И. Саитов, Б. Л. Модзалевский. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1907. XIII, 517 с.

Неклюдов Е. Г. Уральские заводчики в первой половине XIX века: владельцы и владения. Н. Тагил: Изд-во НТГСПА, 2004. 600 с.

Некрылов С. А., Кузьмин А. Н., Фоминых С. Ф. Выпускник медицинского факультета Императорского Томского университета В. А. Ляпустин: основные вехи биографии // Сибирский медицинский журнал. 2016. Т. 31, № 1. С. 58–60.

Павловский И. Заботы кн. Н. Г. Репнина о полтавском театре и о выкупе артиста Щепкина. Киев: Тип. Имп. ун-та св. Владимира, 1905. 10 с.

Смышляев Д. Сборник статей о Пермской губернии. Издание автора. Пермь: Типо-литография губернского правления, 1891. 300 с.

Танкиевская И. Н. Нижняя Салда. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. 347 с.

Удинцев Б., Китайник М. О записных книжках Д. Мамина-Сибиряка // Вопросы литературы. 1969. № 9. С. 182–189.

Фёдоров Б., Деверилина Н., Королёва Т. Смоленские Глинки. 350 лет на службе России: 1654–2004. М.: Гареева, 2004. 304 с.

Черноухов Э. А. Социальная инфраструктура Нижнетагильского горнозаводского округа Демидовых в XIX веке. Екатеринбург, 2011. 176 с.

Шестаков И. Справочная книга всех окончивших курс Пермской Духовной семинарии. Пермь: Тип. Н-ков Каменского, 1900. 101 с.

Шкерин В. А. Генерал Глинка: Личность и эпоха. 3-е изд., доп. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2008. 228 с.

Яровой Ю. Е. Станный генерал Глинка // Рифей: Уральский литературно-краеведческий сборник. Челябинск: Южно-Урал. кн. изд-во, 1976. С. 159–223.

Список источников

Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 6. Оп. 2. Ед. хр. 495; Ф. 74. Оп. 1. Ед. хр. 133; Ф. 129. Оп. 1. Ед. хр. 102.

Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ). Ф. 398. Ед. хр. 34.

Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 141. Оп. 1. Ед. хр. 215-а, 546.

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 489. Оп. 1. Ед. хр. 7076.

Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 37. Оп. 13. Ед. хр. 1044; Ф. 44. Оп. 1. Ед. хр. 692.

References

- Bobrinskiy A. A. *Dvoryanskie rody, vnesennye v Obshchiy gerbovnik Vserossiyskoy imperii* [Noble families included in the General Armorial of the All-Russian Empire]. St. Petersburg, 1890, pt. 1, XXXVIII, 765 p.
- Chernoukhov E. A. *Sotsial'naya infrastruktura Nizhnetagil'skogo gornozavodskogo okruga Demidovykh v 19 veke* [Social infrastructure of the Nizhny Tagil mining district of the Demidovs in the 19th century]. Yekaterinburg, 2011, 176 p.
- Dekabristy: Biograficheskiy spravochnik* [Decembrists: Biographical directory]. M. V. Nechkina (Ed.). Moscow, Nauka, 1988, 448 p.
- Dergachyov I. A. D. N. *Mamin-Sibiryak: Lichnost'. Tvorchestvo* [D. N. Mamin-Sibiryak: Personality. Creativity]. 2nd ed., Sverdlovsk, Sredne-Ural. kn. izd., 1981, 333 p.
- Fedorov B., Deverilina N., Koroleva T. *Smolenskie Glinki. 350 let na sluzhbe Rossii: 1654–2004* [Smolensk Glinkas. 350 years in the service of Russia: 1654–2004]. Moscow, Gareeva, 2004, 304 p.
- Gomel'skaya S. Z. N. K. *Chupin*. Sverdlovsk, Sredne-Ural. kn. izd., 1982, 94 p.
- Gorlovskiy M. A. *Gornyy gorod Ekaterinburg: 1807–1863* [The mountain city of Yekaterinburg]. Sverdlovsk, Tip. izd. "Ural'skiy rabochiy," 1948, 152 p.
- Gorod Ekaterinburg: Sbornik istoriko-statisticheskikh i spravochnykh svedeniy po gorodu s adresnym ukazatelem i s prisoedineniem nekotorykh svedeniy po Ekaterinburgskomu uezdu* [City of Yekaterinburg: Collection of historical, statistical and reference information on the city with an address index and with the addition of some information on the Yekaterinburg district]. Yekaterinburg, Tip. "Ekaterinburgskoy nedeli," 1889, 1269 p.
- Grits T. S. M. S. *Shchepkin: Letopis' zhizni i tvorchestva* [M. S. Shchepkin: Chronicle of life and work]. Moscow, Nauka, 1966, 871 p.
- Imberkh M. A. *Vykup artista M. S. Shchepkina iz krepostnoy zavisimosti: 1818* [The redemption of the artist M. S. Shchepkin from serfdom: 1818]. *Russkaya starina*. 1875, no. 5, pp. 152–154.
- Kazakova-Apkarimova E. Yu., Sozina E. K. "Izlyublennyye lyudi." *Tipy pro-vintsial'nykh intelligentov v izobrazhenii D. N. Mamina-Sibiryaka* ["Favorite People." Types of pro-provincial intellectuals in the portrayal of D. N. Mamin-Sibiryak]. *Ural Historical Journal*. 2022, no. 4 (77), pp. 137–146.
- Kolosova T. A. N. K. *Chupin v issledovaniyakh i publikatsiyakh* [Chupin in research and publications]. In: *Sed'mye Chupinskie kraevedcheskie chteniya: Materialy konferentsii* [Seventh Chupin local history readings: conference materials]. Yekaterinburg, 2014, pp. 184–201.
- Konopka N. O. *Mikola Grigorovich Repnin: diplomat, politik, uryadovets'* [Nikolai Grigoryevich Repnin: diplomat, politician, official]. Ostrog, New York, 2016, 216 p.
- Korel'skiy Al. *Gornozavodskaya sluzhba i obshchestvennaya zhizn' na Urale v krepostnoe vremya* [Mining service and public life in the Urals during the time of serfdom]. *Russkaya starina*. 1905, no. 10, pp. 131–167.
- Kurochkin Yu. M. *Babushka ural'skogo teatra (E. A. Ivanova)* [Grandmother of the Ural Theater (E. A. Ivanova)]. Sverdlovsk, Sredne-Ural. kn. izd., 1969, 116 p.
- Kurochkin Yu. M. *Iz teatral'nogo proshlogo Urala* [From the theatrical past of the Urals]. Sverdlovsk, Kn. izd., 1957, 286 p.
- Kvitka (Osnov'yanenko) G. F. *Istoriya teatra v Khar'kove* [History of theater in Kharkov]. In: Chernyaev N. I. *Khar'kovskiy illyustrirovannyi teatral'nyy al'manakh: Materialy dlya istorii Khar'kovskoy stseny* [The Kharkiv illustrated theatrical almanac:

Materials for the history of the Kharkiv stage]. Kharkov, Tip. "Yuzhnogo Kraya," 1900, pp. 1–16.

Lashkevich A. Rod Vishnevskikh [Vishnevsky dynasty]. *Kievskaya starina*. 1887, vol. 18, no. 5, pp. 73–91.

Leskov N. S. *Sobr. soch.: V 6 t.* [Collected works: In 6 vols.]. Moscow, Pravda, 1973, vol. 4, 454 p.

Lobanov-Rostovskiy A. B. *Russkaya rodoslovnaya kniga* [Russian genealogical book]. St. Petersburg, 1895, vol. 1, 476 p.

Lyapustin V. A. Vstrechi, kotorye zabyt' nel'zya [Meetings that cannot be forgotten]. In: *Vospominaniya o D. N. Mamine-Sibiryake* [Memories about D. N. Mamin-Sibiryak]. Z. A. Eroshkina (Comp.). Sverdlovsk, Sverdlovsk. obl. izd., 1936, pp. 63–69.

Mamin D. Gorod Ekaterinburg: Istoricheskiy ocherk [City of Yekaterinburg: Historical essay]. In: *Gorod Ekaterinburg: Sbornik istoriko-statisticheskikh i spravochnykh svedeniy po gorodu s adresnym ukazatelem i s prisoedineniem nekotorykh svedeniy po Ekaterinburgskomu uезdu* [City of Yekaterinburg: Collection of historical, statistical and reference information on the city with an address index and with the addition of some information on Yekaterinburg district]. Yekaterinburg, Tip. "Ekaterinburgskoy nedeli," 1889, pp. 1–57.

Mamin-Sibiryak D. N. *Ural'skie rasskazy: V 2 t.* [Ural stories: In 2 vols.]. Sverdlovsk, Sredne-Ural. kn. izd., 1983, vol. 2, 448 p.

Mitrofanova L. M. D. N. Mamin-Sibiryak i N. K. Chupin: tipy vremeni i intellekta [D. N. Mamin-Sibiryak and N. K. Chupin: types of time and intelligence]. In: *Chetvertye Chupinskie kraevedcheskie chteniya: Materialy konferentsii* [Fourth Chupin local lore readings: Conference materials]. Yekaterinburg, 2008, pp. 23–31.

Moskovskiy nekropol'. T. 1 (A–I) [Moscow necropolis. Vol. I (A–I)]. V. I. Saitov, B. L. Modzalevsky (Comp.). St. Petersburg, 1907, XIII, 517 p.

Neklyudov E. G. *Ural'skie zavodchiki v pervoy polovine 19 veka: vladel'tsy i vladeniya* [Owners of the Ural factories in the first half of the 19th century: owners and possessions]. Nizhny Tagil, NTSSPA, 2004, 600 p.

Nekrylov S. A., Kuz'min A. N., Fominyh S. F. Vypuschnik medicinskogo fakul'teta Imperatorskogo Tomskogo universiteta V. A. Lyapustin: osnovnye vekhi biografii [Graduate of the Faculty of Medicine of the Imperial Tomsk University V. A. Lyapustin: the main milestones of his biography]. *The Siberian Scientific Medical Journal*. 2016, vol. 31, no. 1, pp. 58–60.

Pavlovskiy I. *Zaboty kn. N. G. Repnina o poltavskom teatre i o vykupe artista Shchepkina* [The concerns of Prince N. G. Repnin about the Poltava theater and the ransom of the artist Shchepkin]. Kiev, Tip. Imp. un-ta sv. Vladimira, 1905, 10 p.

Shestakov I. *Spravochnaya kniga vsekh okonchivshikh kurs Permskoy Dukhovnoy seminarii* [Reference book for all graduates of the course of the Perm Theological Seminary]. Perm, Tip. N-Kov Kamensky, 1900, 101 p.

Shkerin V. A. *General Glinka: Lichnost' i epokha* [General Glinka: Personality and Epoch]. 3rd ed., suppl. Yekaterinburg, Bank kul'turnoy informatsii, 2008, 228 p.

Smyshlyaev D. *Sbornik statey o Permskoy gubernii. Izdanie avtora* [Collection of articles about the Perm province. Author's edition]. Perm, Tipolitografiya gubernskogo pravleniya, 1891, 300 p.

Tankievskaya I. N. *Nizhnyaya Salda*. Yekaterinburg, Ural Univ. Publ., 2000, 347 p.

Udintsev B., Kitaynik M. O zapisnykh knizhkakh D. Mamina-Sibiryaka [About the notebooks of D. Mamin-Sibiryak]. *Voprosy literatury*. 1969, no. 9, pp. 182–189.

Vesnovskiy V. A. *Ves' Ekaterinburg: Spravochnik-ezhegodnik s planom goroda Ekaterinburga* [All Yekaterinburg: Yearbook with the plan of the city of Yekaterinburg]. Yekaterinburg, 1903, 352 p.

Vishnyakov N. I. *Zapiski voennogo vracha* [Notes of a military doctor]. Novosibirsk, SB RAS Publ., 2011, 339 p.

Yarovoy Yu. E. Stranny general Glinka [Strange General Glinka]. In: *Rifey: Ural'skiy literaturno-kraevedcheskiy sbornik* [Ripheus: Ural literary and local lore collection]. Chelyabinsk, Yuzhno-Ural. kn. izd., 1976, pp.159–223.

List of sources

Gosudarstvennyy arkhiv Sverdlovskoy oblasti (GASO) [State Archive of Sverdlovsk Region]. Fund 6, Inventory 2, Item Number 495; Fund 74, Inventory 1, Item Number 133; Fund 129, Inventory 1, Item Number 102.

Otdel pis'mennyh istochnikov Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya (OPI GIM) [Department of Written Sources of the State Historical Museum]. Fund 398, item 34.

Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv literatury i iskusstva (RGALI) [Russian State Archive of Literature and Art]. Fund 141, Inventory 1, Item Number 215-a, 546.

Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv (RGIA) [Russian State Historical Archive]. Fund 37, Inventory 13, Item Number 1044; Fund 44, Inventory 1, Item Number 692.

Rossiyskiy gosudarstvennyy voenno-istoricheskiy arkhiv (RGVIA) [Russian State Military Historical Archive]. Fund 489, Inventory 1, Item Number 7076.

Информация об авторе

Владимир Анатольевич Шкерин, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН (Екатеринбург, Россия)

Information about the author

Vladimir A. Shkerin, Doctor of History, Leading Researcher, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russian Federation)

Статья поступила в редакцию 10.02.2022;

одобрена после рецензирования 25.04.2022; принята к публикации 25.04.2022

The article was submitted on 10.02.2022;

approved after reviewing on 25.04.2022; accepted for publication on 25.04.2022

Научная статья

УДК 82.091

DOI 10.17223/18137083/86/8

Генезис архетипического дионисийского сюжета у Вячеслава Иванова

Леонид Геннадьевич Каяниди

Смоленский государственный университет
Смоленск, Россия

leonideas@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4937-1908>

Аннотация

Одной из универсалий художественного творчества Вячеслава Иванова является мистериально-дионисийский сюжет. Он представляет собой мифологический нарратив, который может быть описан с помощью совокупности диалектически взаимосвязанных триад. Этот сюжет зарождается в «доницшеанский» период творчества Иванова (до 1891 г.) вследствие осмысления антиномической проблемы дуализма добра и зла. Под влиянием трактата Ницше «Рождение трагедии из духа музыки» и самостоятельного изучения Ивановым дионисийских культов во время пребывания в Афинах мистериально-дионисийский сюжет окончательно оформляется и получает первое законченное выражение в лекционном цикле Иванова «Эллинская религия страдающего бога».

Ключевые слова

Серебряный век, символизм, Ницше, Вячеслав Иванов, Дионис, орфизм, мифопоэтика

Для цитирования

Каяниди Л. Г. Генезис архетипического дионисийского сюжета у Вячеслава Иванова // Сибирский филологический журнал. 2024. № 1. С. 109–122. DOI 10.17223/18137083/86/8

Genesis of the archetypal Dionysian plot in the work of Vyacheslav Ivanov

Leonid G. Kaianidi

Smolensk State University
Smolensk, Russian Federation

leonideas@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4937-1908>

Abstract

One of the universals of the artistic creativity of Vyacheslav Ivanov is the “Dionysian mysteries” plot, a motive system based on the Orphic myth about Dionysus being torn apart by the Titans. This system models various semantic structures such as artistic space and time,

© Каяниди Л. Г., 2024

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2024. № 1. С. 109–122
Siberian Journal of Philology, 2024, no. 1, pp. 109–122

the system of images, and plot structure. It is a mythological narrative, with all the elements interrelated and dialectically connected as a set of triads. This paper aims to describe the origin of this paradigmatic plot by analyzing Ivanov's artistic, religious-historical, and philosophical-aesthetic works, as well as his epistolary and diary entries. The analysis was conducted using several methodologies, such as comparative, hermeneutic, structural, and semantic methods, along with contextual and motive-thematic approaches. The genesis of the plot in question is suggested to be rooted in the "pre-Nietzschean" period of Ivanov's creativity. It stems from his exploration of the antinomic problem of unity and multiplicity correlation manifested in the metaphysical-religious realm as the dualism of good and evil. Later, Nietzsche's treatise "The Birth of Tragedy from the Spirit of Music" and the study of Dionysian cults during Ivanov's stay in Athens influenced the emergence of the "Dionysian mysteries" plot for the first time in the lecture cycle "The Hellenic Religion of the Suffering God." A comparison of the first manifestation of this plot with its form in later artistic texts, specifically the poem "Melampus' Dream" and the tragedy "Prometheus," reveals a greater completeness of artistic discourse and a movement of scientific thought in the same direction.

Keywords

Silver Age, symbolism, Nietzsche, Vyacheslav Ivanov, Dionysus, orphism, mythopoetics

For citation

Kaianidi L. G. The genesis of the archetypal dionysian plot by Vyacheslav Ivanov. *Siberian Journal of Philology*, 2024, no. 1, pp. 109–122. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/86/8

Постановка проблемы

Поэзия Вячеслава Иванова (1866–1949) – густой экстракт русского культурного ренессанса. Ее «постоянные эпитеты» – *сложная* и *темная*. Эта сложность и темнота требуют от читателя и исследователя, как говорил Сократ относительно сочинений Гераклита, быть делосским водолазом, т. е. очень искусным пловцом, в нашем случае – изощренным исследователем. Однако эта сложность компенсируется четкой и последовательной структурированностью художественного сознания и поэтических произведений Вячеслава Иванова. Всякий, кто соприкасается с творческим наследием Иванова, поражается его целостностью, архитектуронизмом и монументальностью. Эта стройность ивановского универсума была отмечена М. М. Бахтиным и С. С. Аверинцевым, которые сформулировали постулат о системности символов у Иванова [Бахтин, 1986, с. 397; Аверинцев, 1989; 2001, с. 122–123], а затем получила метафорическое воплощение в понятии палимпсеста [Титаренко, 2012, с. 305–347].

Поиски инварианта для описания структурных особенностей художественного мира Вячеслава Иванова привели меня к убеждению, что у Иванова выделяется некая умообразная конструкция, которую я поначалу называл «пространственно-мифологической моделью» (в силу значимости для нее пространственных категорий), а затем предпочел термин «мистериально-дионисийский сюжет», который является архетипическим для творчества Иванова.

В настоящей статье нашей задачей является демонстрация генезиса этого мистериально-дионисийского сюжета. Сначала мы дадим его определение и описание его структуры, затем покажем, как он зарождается в «доницшеанский» период творчества Иванова, как под влиянием Ницше и изучения дионисийских культов этот сюжет оформляется, и, наконец, сравним первое изложение этого сюжета, данное в цикле статей «Эллинская религия страдающего бога», с тем, как он представлен в художественных текстах Иванова (поэма «Сон Мелампа» и трагедия «Прометей»).

Определение мистериально-дионисийского сюжета, его структура

Мистериально-дионисийский сюжет, на наш взгляд, является одной из универсалий сознания и художественного творчества Иванова. Под ним мы понимаем такую сюжетно-мотивную систему, которая включает в себя восходящий к орфизму миф о растерзании Диониса титанами и выполняет в творчестве Иванова интегрально-конструктивную и парадигматическую функцию, моделируя разнообразные смысловые структуры (художественное пространство и время, систему образов, структуру сюжета, систему персонажей и т. д.). Мистериально-дионисийский сюжет разрастается в метатекст, единой сетью охватывающий художественный мир поэта.

Впервые целостно и систематически мистериально-дионисийский сюжет предстает в поэме Иванова «Сон Мелампа» (1907). Окончательный вид этот сюжет обретает в трагедии «Прометей» (1915).

Мистериально-дионисийский сюжет представляет собой мифологический нарратив, все элементы которого связаны диалектически. Этот сюжет может быть представлен в виде совокупности взаимосвязанных триад, объединенных в две девятиерицы.

Сначала задается метафизическая первотриада «Зевс, Персефона, Дионис-Загрей»: «В глубине глубин, в сущности сущностей, есть Зевс абсолютный, извечный Отец едиnorodного Сына, и есть девственная Мать Младенца – Персефона» [Иванов, 1919, с. XVIII]. *Двум сопряженным змеям уподобился Зевс-Персефона / В оную ночь, когда зародил Диониса-Загрея* [Иванов, 1974, с. 297].

Затем возникает новая триада, в которой Дионис-Загрей выступает на месте Зевса, Персефона же трансформируется в Зеркало явлений, которое, вбирая в себя дионисийский свет, порождает титанов: «Извечная Дева, Персефона, родив Диониса, уходит, как и отец младенца, премирный Зевс, в сокровенные глубины Сущего. На месте Отца сияет Младенец; на месте Девы темным зеркалом зияет ее женский аспект, как матери грядущих явлений. Этот аспект – Душа Мира, изначальная Земля, Матерь Гея. <...> из разложения образа Дионисова в зеркале Души Мира, Матери Явлений, Земли-Праматери возникают ее мятежные чада, Титаны в качестве носителей принципа индивидуации» [Иванов, 1919, с. XX–XXI].

Вторая триада задает первообраз действительности, его идеальную структуру. Однако реализация этой идеальной структуры происходит только на следующем витке мифологического сюжета – жертвоприношении Диониса: Дионис жертвенно отдается на растерзание титанов, которые, причастившись ему, совмещают в себе дионисийское и титаническое начала: *младенец страдальный воистину жертвой отдался / На растерзанье Титанам* [Иванов, 1974, с. 298].

Такова исходная девятиричная структура мистериально-дионисийского сюжета. Мне кажется, ее уместно, используя ивановские понятия нисхождения и восхождения, назвать сюжетом нисхождения, поскольку в нем речь идет о погружении божественно-дионисийского начала первоединства в стихию титанически-земной множественности. Антропологическим измерением мистериальной космогонии становится вселенское грехопадение как торжество принципа индивидуации, духовной обособленности и гордыни в микрокосме.

Вторая девятирица мистериально-дионисийского сюжета, в сущности, представляет собой видоизмененное повторение первой эннеады, с той лишь разницей, что меняется вектор движения сюжета. Теперь это восхождение титаническо-

го начала к божественно-дионисийскому. А потому содержанием этого сюжета восхождения становится история искупления и возрождения павшего человечества, а с ним и самого титанического начала, т. е. всего творения.

Начинается сюжет восхождения с первообразной триады, которая задает динамику нового этапа мистериально-дионисийского сюжета: «Титаны (как жертва), дионисийский огонь (как жрец) и сердце Диониса»: *прах Титанов тлел, / Младенца Диониса растерзавших / И в плоть свою приявших плоть его. / Еще незримый теплился огонь / Божественным причастьем Геи темной / В пласту земном, покрывшем кости сильных, / Убитых местью Зевсова орла* [Иванов, 1919, с. 14].

Вторая триада представляет собой «идеальную», умозрительную, как бы промежуточную реализацию первообраза искупления: «Сердце Диониса – Зевс – Зевс-Дионис»: *Сердце ж твое огневое, Загрей, нераздельное сердце – / Змий, твой отец, поглотил и лицом человекоподобным / В недрах ночных воссиял, и нарек себя Зевс Дионисом, / Сам уподобясь во всем изначальному образу Сына* [Иванов, 1974, с. 298].

Завершается мистериально-дионисийский сюжет спасением всего творения через свободное утверждение титанического в новом Дионисе: триада «Зевс-Дионис – павшее человечество – преображенное человечество (= новый Дионис)»: *Будет: на матернем лоне прославится лик Диониса / Правым обличьем – в тот день, как родителя лик изнеможет* [Иванов, 1974, с. 298].

Искупление титанически-тварного начала происходит посредством «восстановления превратно отраженного лика Дионисова на земле... Но для этого необходимо, чтобы атомы его света – живые монады личных волей – пришли в свободное согласие внутреннего единства и соборно восставили из себя вселенским усилием целостный облик бога: только тогда сердце Диониса, сокрытое в недрах Сущего, привлечется на землю» [Иванов, 1919, с. XXII].

Мистериально-дионисийский сюжет может быть представлен в виде двух таблиц (см. ниже). Дадим к ним несколько пояснений. Колонки таблицы являются смысловыми плоскостями мистериально-дионисийского сюжета, которые обозначают степени проявленности сущего. Первая плоскость выражает трансцендентное, идеальное, непроявленное начало, которое ложится, однако, в основу проявленного ряда, иначе говоря, потенциальный первообраз; вторая – трансцендентально-имманентное начало, нечто проявленное, актуальный первообраз; третья – имманентное начало, реализацию актуального первообраза. Строчки таблицы являются смысловыми уровнями мистериально-дионисийского сюжета, которые выражают категориальный статус сущего и представляют собой диалектическую триаду: первый уровень есть некое сущее, одно, первоначало, второй – иное этого сущего, видоизменяющее его начало, третий – целое, целокупное сущее, единство одного и иного. Таким образом, по вертикали действует категориальная триада «одно – иное – сущее», а по горизонтали – триада «трансцендентное – трансцендентно-имманентное – имманентное», различающая степень проявленности бытия. В результате пересечения этих двух триад мы получаем мифологическую девятирицу.

Таблица 1

Структура мистериально-дионисийского сюжета
(сюжет нисхождения, грехопадение)

Table 1

The structure of the “Dionysian mysteries” plot
(the plot of descent, the fall)

Метафизическая первотриада (рождение Диониса)	Первообраз действительности (отражение Диониса в зеркале явлений)	Реализация первообраза (жертвоприношение Диониса)
Зевс (отчее начало)	Дионис (как ипостась Зевса-Отца)	Дионис (жертва)
Персефона (материнское начало)	Зеркало явлений, Душа Мира, идеальная Земля (как ипостась Персефоны), где отража- ется лик Диониса	Титаны (жрецы)
Дионис-Загрей (сыновнее начало)	Титаны (как отражение Диониса в Зеркале явлений)	Титаны, поглотившие Диониса и сожженные его огнем (тождество жреца и жертвы)

Таблица 2

Структура мистериально-дионисийского сюжета
(сюжет восхождения, искупление и возрождение)

Table 2

The structure of the “Dionysian mysteries” plot
(the plot of ascension, redemption and rebirth)

Первообраз искупления и возрождения (сожжение титанов)	«Идеальная» реали- зация первообраза (спасение сердца Диониса)	«Материальное» осуществле- ние первообраза (явление нового Диониса)
Титаны (жертва)	Сердце Диониса	Зевс-Дионис (такая ипостась Зевса, которая вбирает в себя сердце Диониса)
Дионисийский огонь (жрец)	Зевс	Падший человек, отягощенный первородным грехом, но жаждущий преображения
Сердце Диониса	Зевс-Дионис	Преображенный человек, вобравший сердце Диониса в себя = новый Дионис

Зародыши мистериально-дионисийского сюжета в «доницшеанский» период творчества Иванова

Зарождение и оформление мистериально-дионисийского сюжета происходит под влиянием «Рождения трагедии из духа музыки» Ницше, однако его генезис следует искать еще в «доницшеанский» период творчества Иванова, т. е. до 1891 г. Для характеристики этого периода мы будем использовать так называемый «Интеллектуальный дневник 1888–1889 годов» и стихотворение «Теомахия», где наиболее отчетливо проступает праформа мистериально-дионисийского сюжета.

Одной из тематических доминант в дневниковых записях Иванова конца 1888 г. становится антиномия как философская категория, данная в своем преломлении в сфере религиозно-мистической. В зрелом творчестве эта антиномичность будет осмыслена как дионисийский принцип: «Дионис приемлет и вместе отрицает всякий предикат; в его понятии а не-а, в его культе жертва и жрец объединяются в тождество» [Иванов, 2007, с. 31]. Этот религиозно-мистический антиномизм проявляется в стихотворении «Теомахия», название которого Иванов «переводит не античной калькой “война богов”, а в заостренно-христианской форме как “богоборчество”» [Федотова, 2016, с. 482]. Это произведение, «результат замысла давно мною лелеемого и давно начатого» [Иванов, 1999, с. 29], создано под влиянием «Пролога на небесах» Гёте и представляет собой драматизированный рассказ о метафизических истоках зла. Создав мир, Бог просит своих ангелов дать «благый любви совет». Первый ангел говорит о полноте и совершенстве мироздания. Второй же, мятежный ангел, считает творение Божие несовершенным и неудачным, поскольку оно создано «для жизни и для мук». Поэтому противник Творца выступает за разрушение мира и установление покоя и тьмы небытия, в которой не будет страдания. С. В. Федотова производит сближение позиции светлого духа с идеей предустановленной гармонии Лейбница [Федотова, 2016, с. 486], что, на наш взгляд, не может считаться обоснованным и достоверным. В защиту своего предположения исследовательница приводит только название философской повести Вольтера «Кандид, или Оптимизм», учитель заглавного героя которой, Панглос, как известно, является пародией на Лейбница (светлый дух выражает, по Иванову, «исповедь чистого оптимизма»). А вот сближение учения мятежного духа с пессимистической философией Шопенгауэра вполне закономерно и подтверждается контекстом «Интеллектуального дневника». Философия пессимизма Шопенгауэра имеет своим истоком буддизм. И у Иванова проблема дуализма и мирового зла взаимосвязана с буддизмом, который приносит в религиозную жизнь фатализм – убеждение в «неизменности количества зла и страданий в великом организме божием, или мировом» [Иванов, 1999, с. 15].

В автокомментарии к стихотворению Иванов указывает, что «Теомахия» – попытка осмыслить дуализм добра и зла: «Мир [отдан] подвержен взаимодействию противоположных борющихся начал: начала добра и жизни и начала зла и смерти» [Там же, с. 29]. Иванов дает такую формулу зла: «Сатана любит; пока он разрушает, он любит» [Там же, с. 30]. Если употреблять основные категории мистериально-дионисийского сюжета, то нужно сказать, что Сатана из «Теомахии» является носителем титанического начала, поскольку для последнего характерна как раз антиномическая взаимосвязь любви и ненависти: «Отрицательное самоопределение каждого титанического существа обращает его жизнеутверждение в волю к поглощению другого, что не он сам, – в постоянный неутолимый голод.

Его ненависть – голод, и голод – его любовь; и потому убийственна его любовь, и полна любовной страсти ненависть» [Иванов, 1919, с. XXI].

Стало быть, Сатана «Теомахии» – титаническое начало в аспекте поглощения дионисийского, 2-й элемент 3-й триады сюжета нисхождения.

В «Теомахии» Бог называет стремление Сатаны к разрушению творения во имя избавления твари от страдания – любовью: *Любовь, о дух враждебный, внушила твой совет, / И подвиг твой внушила – страдать, во тьме царя, / Неся бессмертья иго и жизни не творя* [Федотова, 2016, с. 484]. Эта устремленность мятежного духа к благу сближает его с гётевским Мефистофелем и ивановским Люцифером, «духом светлой тьмы», источником вечной неудовлетворенности творения самим собой и стремления к преодолению обособленных и законченных форм бытия: «Люциферическая энергия толкает человека, как Фауста, по слову Гёте, “к бытию высочайшему стремиться неустанно”» [Иванов, 1979, с. 249].

Завершится мировой процесс, изображаемый в «Теомахии», восстановлением исходной гармонии, когда благодатным действием божественной любви «все сознают себя счастливыми и захотят сознательно жить», т. е. придут «в гармонию с тенденцией мирового строя» [Иванов, 1999, с. 30]. В этой телеологии мирового процесса предощущается позднейшая синкретичная эсхатология Иванова, когда разделенность мироздания на Небо и Землю преодолевается через нового Диониса (воскресшего Христа). Это отсылает нас к сюжету восхождения в целом, в большей степени к 3-й его триаде.

Итак, в «донищеанский» период Иванов пытается осмыслить проблему дуализма добра и зла в Абсолюте. Диалектическое разрешение этого дуалистического диссонанса, по всей видимости, и было обретоено Ивановым в дихотомии Аполлона и Диониса у Ницше.

До знакомства с Ницше Иванов еще лишен понятийного аппарата, пригодного для описания своих мистико-философских интуиций. Однако предмет его мысли уже обретает определенные черты – это антиномичная проблема мирового зла, вносящего раскол в мироздание и в то же время обеспечивающего динамику мирового процесса.

Оформление мистерияльно-дионисийского сюжета под влиянием Ницше и изучения дионисийских культов

Интерес к религии Диониса, который оплодотворил как научные штудии Иванова, так и его поэтическое творчество, обязан своему возникновению в первую очередь Фридриху Ницше. Под его влиянием сформировалась ивановская концепция дионисийства, которая оказала определяющее влияние на русский модернизм и культуру Серебряного века, откинув затейливую тень на интеллектуальную жизнь середины XX в.¹

Иванов относил свое знакомство с философией этого «очень “опасного” и свободного мыслителя» [Иванов, Зиновьева-Аннибал, 2009, т. 1, с. 83] к 1891 г., ко-

¹ Н. А. Бердяев писал, что «В. Иванов был главным глашатаем дионисизма» [Бердяев, 2000, с. 404]. Обзор влияния ивановского дионисийства на культуру русского модернизма был дан Н. М. Сегал-Рудник [2016, с. 31–33]. Ю. Мурашов [1998] делает попытку доказать типологическую общность и изоморфизм структуралистской теории мифа, развиваемой в трудах Ю. М. Лотмана и З. Г. Минц, с концепцией дионисийства Иванова. Г. Ч. Гусейнов [2016] намечает основные линии схождения европейского модернизма с дионисийством Иванова.

гда, «отбыв в Берлине девять семестров <...>, я отправился в Париж с томиками Ницше, о котором начинали говорить» [Иванов, 2016, с. 30].

Вплоть до самостоятельного изучения дионисийских культов, которое Иванов производит в 1901–1902 гг. в Афинах, он находится под влиянием ницшеанского понимания дионисийства. Его важнейшей чертой является эстетизм, который впоследствии Иванов будет критиковать: «...в героическом боге Трагедии Ницше почти не разглядел бога, претерпевающего страдание» [Иванов, 2007, с. 32]. Примечательно, что Иванов отмечает, критикуя Ницше, именно мистериальность, жертвенность Диониса, которая как раз и является ядром орфических теогоний и ивановского мистериально-дионисийского сюжета.

В декабре 1894 г., «показывая Крашенинникову Флоренцию и ее окрестности, Ивановы и Л. Д. Шварсалон посещают руины античного театра во Фьезоле. Здесь, “меж развалин древней сцены”, Л. Д. Шварсалон, под впечатлением рассказа Иванова о Зимних Дионисиях, ко всеобщему изумлению, изобразила жрицу-вакханку, поющую трагическую песнь о смерти и воскресении Диониса» [Зобнин, 2011, с. 26]. Приключение во Фьезоле стало началом любовных взаимоотношений Иванова и Зиновьевой-Аннибал.

Этот эпизод был изображен Ивановым в стихотворении «Тризна Диониса», которое стало вторым опубликованным стихотворением Иванова.

В благоговеньи и печали
Воззав к тому, чей был сей дом,
Мэнаду новую венчали
Мы Дионисовым венцом:

Сплетались пламенные розы
С плющем, отрадой дерзких нег,
И на листьях, как чьи-то слезы,
Дрожа, сверкал алмазный снег...

Тогда пленительно-мятежной
Ты песнью огласила вдруг
Покрытый пеленою снежной
Священный Вакхов полукруг
[Иванов, 1971, с. 571].

Это стихотворение проникнуто ницшеанским пафосом дионисийства. Для него характерен ряд мотивов:

1) мотив опьянения как сущности вакхической психологии [Ницше, 2007, с. 32] (ср. у Иванова: *Ты пела, вдохновеньем оргий / И опьяняясь, и пьяня*);

2) антиномическое единство страдания и восторга, которое обеспечивает преодоление аполлонийской индивидуации в экстазе (Ницше говорит о двойственности дионисийских аффектов, когда «страдания вызывают радость», а «восторг вырывает из души мучительные стоны. В высшей радости раздается крик ужаса или тоскливой жалобы о невознаградимой утрате» [Там же, с. 39]; ср. у Иванова: *И в муке нег, и в пире стонов / Воскреснет исступленный бог!..*);

3) преодоление этических ограничений и обретение свободы вплоть до обожествления («теперь раб – свободный человек», «в человеке звучит нечто сверхприродное: он чувствует себя богом» [Там же, с. 35–36]; ср. у Иванова: *Земных обетов и законов / Дерзните преступить порог; Несите упоенья ваши! / Восстаньте – боги, не рабы!..*).

Ницшеанский флер ощущается в следующих строках: *Обнажены, роптали лозы: / «Почил великий Дионис!»; И был далек земле печальной / Возврат языческой весны.*

Возглас «Почил великий Дионис!» напоминает формулу «Умер великий Пан», которую передает Плутарх в трактате «Об упадке оракулов» и которая стала выражением заката языческой античности. Она упоминается в «Рождении трагедии» для характеристики упадка трагедии в творчестве Еврипида. «Возврат языческой весны», о котором тоскует Иванов, находится вполне в русле трактата Ницше, который мечтал о возрождении античной трагедии в творчестве Рихарда Вагнера. В ивановской формуле таится еще одна идея Ницше о том, что Дионис восстанавливает единство человека и природы: «Под чарами Диониса не только восстанавливается союз человека с человеком: даже отчужденная, враждебная или поработенная природа снова справляет праздник примирения со своим блудным сыном – человеком» [Ницше, 2007, с. 35].

Ницше не обходит вниманием миф о растерзании Диониса титанами [Там же, с. 79]. В его изложении мы встречаем ряд мотивов, которые затем будут востребованы Ивановым при конструировании парадигматического мистериально-дионисийского сюжета: растерзание Диониса-Загрея (3-я триада сюжета нисхождения) и возрождение нового Диониса (3-я триада сюжета восхождения), причем растерзание Диониса интерпретируется как космогония и антропогония.

Однако, в отличие от Иванова, Ницше не считает мистериальность ядром дионисийского мифа. До знакомства с орфической литературой Иванов следует ницшеанскому пониманию Диониса. Упоминания Диониса-Загрея, которые мы встречаем в эпистолярной Иванова, не содержат в себе ничего специфически орфического, т. е. мистериального. Иванов употребляет имя Диониса-Загрея не в орфическом смысле, а как обозначение хтонического Диониса-Аида (см. ниже сонеты В. А. Гольштейну). Жертвенная ипостась Диониса-Загрея остается на периферии внимания Иванова (см. ниже письмо М. М. Замятниной о Гревсе). И только в 1902 г., углубившись в самостоятельное изучение эллинских оргиастических культов, Иванов истолкует Диониса орфически, мистериально.

«Настойчивую потребностью: преодолеть Ницше в сфере вопросов религиозного сознания» [Иванов, 2016, с. 32] Иванов мотивирует свое обращение к изучению религии Диониса, которое он предпринимает, живя в 1901–1902 гг. в Афинах, где активно участвует в деятельности Германского археологического института, посещает лекции выдающегося археолога Вильгельма Дерпфельда и не менее выдающегося эпиграфиста Августа Вильгельма, интенсивно читает специальную литературу, участвует в экскурсиях, которые устраиваются по архитектурным памятникам Афин, семинарах по эпиграфике. Афинские исследования, инспирированные Ницше, составили фундамент серии статей «Эллинская религия страдающего бога» (1904) и «Религия Диониса» (1905), а также книги «Дионис и прадионисийство» (1923).

В шуточном сонете, написанном 20 декабря 1896 г. и адресованном В. А. Гольштейну, парижскому врачу, мужу А. В. Гольштейн, с которой у четы Ивановых были дружеские отношения, Иванов называет своего адресата «черный Загревс».

Пусть в груды вырастут журнальные финансы;
С Тобой пусть кончит труд антивакхальный Гревс;
И флуидальные пусть процветут сеансы.

Но помни тень мою, о черный мой Загревс!
И в час, когда сойдут таинственные трансы,
Зови меня в Париж!.. Храни твой гений Зевс!
[Переписка..., 1996, с. 376]

В третьем сонете Иванов сетует на то, что он скоро сам сгинет под грудой научных трудов и станет тенью. Гольштейна Иванов называет там «черным Вакхом» [Там же, с. 375], намекая на занятия спиритизмом и вызывание духов.

Таким образом, «черный Вакх» и «черный Загревс» являются указанием на то, что Гольштейна Иванов ассоциирует с хтонической ипостасью Диониса, Дионисом-Аидом.

В письме М. М. Замятниной от 14 апреля 1900 г. [Кружков, 2001, с. 363] впервые проступают контуры мистериально-дионисийского сюжета: «Завтра le grand jour! Разумею Гревсиаду. Жду Вашего отчета, летописец Пимен! Да не разделят Гревса, учинив созвучного Загревса ([нрзб] pour encourager vos études mythologiques!), то есть, да не будет растерзан на части!.. О, я разумею не титанов факультета, которые, надеюсь, провозгласят его доктором, – а мэнад ваших курсов и корибантов студенчества, одним словом, исступленных сочувствующих».

В отличие от сонетов Гольштейну, где Загрей предстает как бог загробного мира, здесь мы встречаем центральный мотив орфико-дионисийской мифологии – растерзание Диониса-Загрея титанами, т. е. 3-ю триаду сюжета нисхождения.

Однако первое изложение мистериально-дионисийского сюжета происходит в письме Зиновьевой-Аннибал 9–11 февраля 1902 г. из Афин: «Орфики верили в первородный грех: люди родились из пепла Титанов, сожженных молнией Зевса за растерзанье Диониса. Они молились и совершали очистительные жертвы за грехи προῦρων ἀθεμιστῶν («беззаконных предков»)» [Иванов, Зиновьева-Аннибал, 2009, т. 2, с. 233]. Мотив растерзания Диониса титанами не только восполняется здесь мотивами сожжения титанов Зевсом и возникновения людей из их пепла, но и осмысливается в метафизическом ключе, становясь языческим выражением первородного греха человечества, который требует искупительной жертвы.

В этом письме переплетаются разные мотивы из 3-й триады сюжета нисхождения (первородный грех в результате растерзания Диониса), 1-й триады сюжета восхождения (наказание титанов) и 3-й его триады (орфическая жизнь, очистительные жертвы, которые говорят об устремленности человека из глубин титанической падения к божественному). Присутствует здесь также мотив возникновения людей из пепла титанов, который восходит к «Рапсодической теогонии» и которым Иванов дополнит мистериально-дионисийский сюжет в процессе работы над трагедией «Прометей».

Как показывают комментаторы книги «По звездам», впервые последовательно и целостно миф о Дионисе-Загрее Иванов изложил в лекциях «Эллинская религия страдающего бога», которые были опубликованы в виде цикла статей в журналах «Новый путь» (1904) и «Вопросы жизни» (1905) [Иванов, 2018, с. 83–84]: «Предание о растерзании Диониса-Загревса Титанами в общих чертах установилось с VI в. Загревс, первоначальный Дионис, – сын Зевса и Персефоны, Зевсовой же дочери, от которой он родил его, приняв сам и придав ей образ змеи. Имя “Загревс” (вероятнее всего означающее “великий ловчий”) – имя хтонического божества, бога Смерти. У Эврипида Загревс – Дионис ночных радений. Еще ребенком он принимает от Зевса господство над миром. Но Гера злобится на сына не от ее

ложу и подсылает – загубить его – диких Титанов. Они дарят ребенку символические игрушки – волчок, шар, пирамиду, между прочим зеркало, – чтобы отвлечь его внимание. Они вымазывают лица гипсом, чтобы быть неузнанными. Между тем как отрок любит свое отражение в зеркале, они нападают на него. Он ускользает из их рук чрез последовательные превращения, но в образе быка все же делается их добычей. Титаны поглощают растерзанные части бога, только сердце его, спасенное Афиной Палладой, достается Зевсу, который его проглатывает: это – росток будущего Диониса, долженствующего родиться от Семелы» [Иванов, 2014, с. 96–97; 1904, с. 39–40].

В этом развернутом и последовательном изложении мистериально-дионисийского сюжета Иванов формулирует основные его мотивы, дополняя их ритуально-мифологическими и этнографическими деталями.

Сравнение описания, данного в «Эллинской религии», с тем, что представлено в художественных текстах Иванова, обнаруживает ряд характерных особенностей. В «Эллинской религии» не детализирован и не осмыслен символически мотив отражения Диониса в зеркале, который составляет 2-ю триаду сюжета нисхождения; практически отсутствует мотив сожжения растерзавших Диониса титанов, который является краеугольным для 1-й триады сюжета восхождения; отсутствует Зевс-Дионис, как такой лик дионисийского начала, который сохраняет сущность (сердце) Диониса-жертвы; редуцирована 3-я, сотериологическая триада сюжета восхождения, от которой остается только новый Дионис.

Итак, мы видим, что картина мистериально-дионисийского сюжета, данная в «Эллинской религии», в целом приближается к той полноте, которая появляется в художественных произведениях Иванова («Сон Мелампа», «Прометей»).

Список литературы

Аверинцев С. С. Системность символов в поэзии Вячеслава Иванова // Контекст. М.: Наука, 1989. С. 42–57.

Аверинцев С. С. «Скворещицы вольных граждан...»: Вячеслав Иванов: путь поэта между мирами. СПб.: Алетейя, 2001. 167 с.

Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 445 с.

Бердяев Н. А. Самопознание: Сочинения. М.: ЭКСМО-Пресс; Харьков: Фолио, 2000. 624 с.

Гусейнов Г. Ч. «Могущественный импульс Фридриха Ницше», или Дионисийство Вячеслава Иванова на фоне европейского модернизма // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. СПб.: РХГА, 2016. Вып. 2. С. 92–108.

Зобнин Ю. В. Материалы к летописи жизни и творчества Вяч. И. Иванова. Часть 1: 1866 – 25.10.1907. URL: http://www.v-ivanov.it/files/208/works/zobnin_materialy_k_letopisi_ivanova_2011.pdf (дата обращения 07.06.2021).

Иванов В. И. Эллинская религия страдающего бога. Глава IV // Новый путь. 1904. № 5. С. 29–40.

Иванов В. И. Прометей. Трагедия. Петербург: Алконост, 1919. XXV + 82 с.

Иванов В. И. Собр. соч. Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1971. Т. 1. 872 с.; 1974. Т. 2. 852 с.; 1979. Т. 3. 897 с.

Иванов В. И. <Интеллектуальный дневник 1888–1889 гг.> / Подгот. текста Н. В. Котрелева, И. Н. Фридмана; примеч. Н. В. Котрелева // Вячеслав Иванов. Архивные материалы и исследования. М.: Русские словари, 1999. С. 10–61.

- Иванов В. И. По звездам. Борозды и межи / Сост. В. В. Сапов. М.: Астрель, 2007. 1137 с.
- Иванов В. И. Эллинская религия страдающего бога // Символ. 2014. № 64. С. 5–221.
- Иванов В. И. По звездам: Опыты философские, эстетические и критические: Статьи и афоризмы. Книга 2. Примечания. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2018. 674 с.
- Иванов Вячеслав, Зиновьева-Аннибал Лидия. Переписка: 1894–1903. М.: НЛО, 2009. Т. 1. 752 с.; Т. 2. 568 с.
- Иванов Вяч. Автобиографическое письмо С. А. Венгерову // В. И. Иванов: pro et contra: Антология. СПб.: РХГА, 2016. Т. 1. С. 16–33.
- Кружков Г. «Мы – двух теней скорбящая чета». Лондонский эпизод 1899 года по письмам Вяч. Иванова и Лидии Зиновьевой-Аннибал // Кружков Г. Ностальгия обелисков. Литературные мечтания. М.: НЛО, 2001. С. 344–380.
- Мурашов Ю. Дионисийство символизма и структуралистическая теория мифа (Вячеслав Иванов и Юрий Лотман / Зара Минц) // Russian Literature. 1998. Vol. 44, № 4. Р. 443–456.
- Нищие Ф. Рождение трагедии, или Эллиństwo и пессимизм. М.: Академический проект, 2007. 166 с.
- Переписка Вяч. Иванова с А. В. Гольштейн / Публ., вступ. ст. и коммент. М. Вахтеля, О. А. Кузнецовой // Studia Slavica Hungarica. 1996. № 41. С. 335–376.
- Сегал-Рудник Н. М. Дионисийство как прием: к вопросу о метафизическом хронотопе поэзии Вяч. Иванова // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. СПб.: РХГА, 2016. Вып. 2. С. 27–70.
- Титаренко С. Д. Фауст нашего века. СПб.: Петрополис, 2012. 654 с.
- Федотова С. В. Вячеслав Иванов, Лейбниц и Барокко // В. И. Иванов: pro et contra: Антология / Под ред. К. Г. Исупова, А. Б. Шишкина. СПб.: РХГА, 2016. Т. 2. С. 473–492.

References

- Averintsev S. S. Sistemnost' simvolov v poezii Vyacheslava Ivanova [The systematic of symbols in the poetry of Vyatcheslav Ivanov]. In: *Kontekst* [Context]. Moscow, Nauka, 1989, pp. 42–57.
- Averintsev S. S. “Skvoreshnits vol'nykh grazhdanin...”: Vyacheslav Ivanov: put' poeta mezhdru mirami [“Free citizen of birdhouses...”: Vyatcheslav Ivanov: the poet's path between the worlds]. St. Petersburg, Aleteyya, 2001, 167 p.
- Bakhtin M. M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow, Iskustvo, 1986, 445 p.
- Berdyayev N. A. *Samopoznanie: Sochineniya* [Self-knowledge: Essays]. Moscow, EKSMO-Press, Kharkov, Folio, 2000, 624 p.
- Fedotova S. V. Vyacheslav Ivanov, Leybnits i Barokko [Vyatcheslav Ivanov, Leibniz and the Baroque]. In: *V. I. Ivanov: pro et contra, antologiya* [V. I. Ivanov: pro et contra, anthology]. Isupov K. G., Shishkin A. B. (Eds.). St. Petersburg, RAN, 2016, pp. 473–492.
- Guseynov G. Ch. “Mogushchestvennyy impul's Fridrikha Nietsche,” ili Dionisiystvo Vyacheslava Ivanova na fone evropeyskogo modernizma [“The Powerful Impulse of Friedrich Nietzsche,” or the Dionysianism of Vyatcheslav Ivanov against the background of European Modernism]. In: *Vyacheslav Ivanov. Issledovaniya i materialy*

[Vyatcheslav Ivanov. Researches and materials]. St. Petersburg, RCAH, 2016, iss. 2, pp. 92–108.

Ivanov V. I. Avtobiograficheskoe pis'mo S. A. Vengerovu [Autobiographical letter to S. A. Vengerov]. In: V. I. Ivanov: *pro et contra: Antologiya* [V. I. Ivanov: pro et contra: Antology]. St. Petersburg, RCAH, 2016, vol. 1, pp. 16–33.

Ivanov V. I. Ellinskaya religiya stradayushchego boga [The Hellenic religion of the suffering god]. *Simvol*. 2014, no. 64, pp. 5–221.

Ivanov V. I. Ellinskaya religiya stradayushchego boga. Glava IV [The Hellenic religion of the suffering god. Chapter IV]. *Novyy put'*. 1904, no. 5, pp. 29–40.

Ivanov V. I. Intellektual'nyy dnevnik 1888–1889 gg. [Intellectual diary of 1888–1889]. N. V. Kotrelev, I. N. Fridman (Prep. of the text), N. V. Kotrelev (Notes). In: Vyacheslav Ivanov. *Arkhivnye materialy i issledovaniya* [Vyatcheslav Ivanov. Archival materials and research]. Moscow, Russkie slovari, 1999, pp. 10–61.

Ivanov V. I. *Po zvezdam. Borozdy i mezhi* [By the stars. Furrows and boundaries]. Sapov V. V. (Comp.). Moscow, Astrel, 2007, 1137 p.

Ivanov V. I. *Po zvezdam: Opyty filosofskie, esteticheskie i kriticheskie: Stat'i i aforizmy. Kniga 2. Primechaniya* [By the stars: Philosophical, aesthetic and critical opuses: Articles and aphorisms. Book 2. Notes]. St. Petersburg, Pushkinskiy Dom Publ., 2018, 674 pp.

Ivanov V. I. *Prometey. Tragediya* [Prometheus. Tragedy]. Peterburg, Alkonost, 1919, XXV + 82 p.

Ivanov V. I. *Sobr. soch.* [Collected works]. Bryussel, Foyer Oriental Chrétien, 1971, vol. 1, 872 p.; 1974, vol. 2, 852 p.; 1979, vol. 3, 897 p.

Ivanov Vyatcheslav, Zinov'eva-Annibal Lidiya. *Perepiska: 1894–1903* [Vyatcheslav Ivanov, Zinovieva-Annibal Lydia. Correspondence: 1894–1903]. Moscow, New Literary Observer. 2009, vol. 1, 752 p., vol. 2, 568 p.

Kruzhkov G. “My – dvukh teney skorbyashchaya cheta.” Londonskiy epizod 1899 goda po pis'mam Vyach. Ivanova i Lidii Zinov'evoy-Annibal [“We are a grieving couple of two shadows.” The London episode of 1899 based on the letters of Vyach. Ivanov and Lidia Zinovieva-Annibal]. In: Kruzhkov G. *Nostal'giya obeliskov. Literaturnye mechtaniya* [Nostalgia of obelisks. Literary dreams]. Moscow, New Literary Observer, 2001, pp. 344–380

Murashov Yu. Dionisiystvo simbolizma i strukturalisticheskaya teoriya mifa (Vcheslav Ivanov i Yuriy Lotman/Zara Mints) [The Dionysianism of Symbolism and the Structuralist Theory of Myth (Vyacheslav Ivanov and Yuri Lotman/Zara Mints)]. *Russian Literature*. 1998, vol. 44, no. 4, pp. 443–456.

Nitzsche F. *Rozhdenie tragedii: Ili: Ellinstvo i pessimism* [The birth of tragedy, or Hellenism and pessimism]. Moscow, Akademicheskii proekt, 2007, 166 p.

Perepiska Vyach. Ivanova s A. V. Gol'shteyn [The correspondence of Vyach. Ivanov with A. V. Golshtein]. M. Vakhtel, O. A. Kuznetsova (Transl., intro. and commentary). *Studia Slavica Hungarica*. 1996, no. 41, pp. 335–376.

Segal-Rudnik N. M. Dionisiystvo kak priem: k voprosu o metafizicheskom khronotope poezii Vyach. Ivanova [Dionysianism as a Technique: on the Question of the Metaphysical Chronotope of Poetry of V. Ivanov]. In: Vyacheslav Ivanov. *Issledovaniya i materialy* [Vyatcheslav Ivanov. Research and materials]. St. Petersburg, RCAH, 2016, iss. 2, pp. 27–70.

Titarenko S. D. *Faust nashego veka* [Faust of our century]. St. Petersburg, Petropolis, 2012, 654 p.

Zobnin Yu. V. *Materialy k letopisi zhizni i tvorchestva Vyach. I. Ivanova. Chast' 1. 1866 – 25.10.1907* [Materials for the chronicle of the life and work of V. I. Ivanov. Pt. 1: 1866 – 25.10.1907]. URL: http://www.v-ivanov.it/files/208/works/zobnin_materialy_k_letopisi_ivanova_2011.pdf (accessed 07.06.2021).

Информация об авторе

Леонид Геннадьевич Каяниди, кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и журналистики Смоленского государственного университета (Смоленск, Россия)
WoS Researcher ID S-2091-2019

Information about the author

Leonid G. Kaianidi, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Literature and Journalism, Smolensk State University (Smolensk, Russian Federation)
WoS Researcher ID S-2091-2019

*Статья поступила в редакцию 28.04.2022;
одобрена после рецензирования 13.07.2022; принята к публикации 13.07.2022
The article was submitted on 28.04.2022;
approved after reviewing on 13.07.2022; accepted for publication on 13.07.2022*

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI 10.17223/18137083/86/9

Рассказ А. И. Макаровой-Мирской «Камланье»: историко-литературный комментарий

Наталья Алексеевна Непомнящих

Институт филологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

nat.mir.dekabr@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5958-0554>

Аннотация

Впервые выявлены источники сюжета камлания шамана в рассказе А. И. Макаровой-Мирской «Камланье», входящем в состав сборника «Алтайские рассказы» (1912). Этнографический материал вписывается в литературную сюжетную рамку «ребенок наблюдает камлание шамана из укрытия». Таким образом, в рассказе появляется психологизм (чувства ребенка и восприятие ребенком происходящего), который совмещается с детальным этнографическим описанием происходящего действия. Описание содержит текст на алтайском языке – речь самого шамана во время различных этапов камлания, каждый из которых прокомментирован и пояснен. Текст описания камлания из рассказа совпадает с текстами, которые публиковались в томской периодической печати в 1869 и 1890 гг. Первоисточником для них были записки В. И. Вербицкого, которые в 1893 г., после его смерти, были изданы в виде книги «Алтайские инородцы». В итоге удалось установить, что в качестве сюжетной основы писательница использует описание камлания, сделанное ее родственником, известным алтайским миссионером В. И. Вербицким.

Ключевые слова

коренные народы Сибири, образ Алтая в литературе, В. И. Вербицкий, А. И. Макарова-Мирская, шаманы, сюжеты, мотивы

Для цитирования

Непомнящих Н. А. Рассказ А. И. Макаровой-Мирской «Камлание»: историко-литературный комментарий // Сибирский филологический журнал. 2024. № 1. С. 123–132. DOI 10.17223/18137083/86/9

© Непомнящих Н. А., 2024

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2024. № 1. С. 123–132
Siberian Journal of Philology, 2024, no. 1, pp. 123–132

Historical and literary commentary on the short story “Kamlan’e” by A. I. Makarova-Mirskaya

Natalya A. Nepomnyashchikh

Institute of Philology
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation
nat.mir.dekabr@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5958-0554>

Abstract

The paper presents the first examination of the sources of a shamanic ritual storyline in the short story “Kamlan’e” (Shamanic séance/ritual) by A. I. Makarova-Mirskaya published in the collection “Altayskie rasskazy” (Altai stories) in 1912. The writer fictionalizes the ethnographic material and integrates it into the literary plot frame of “a child watching a shaman’s kamlan’e from a hiding place.” The main character is an Altai boy brought to the shaman by his parents. The young boy observes a sacrificial act during his first experience of a shamanic ritual. Horrified by this experience, he runs away, gets lost, and eventually finds refuge with a family of Russian Orthodox settlers. When the parents find the child, he does not want to see the kamas; he wants them to leave Altai. Thus, the story features both psychologism and criticism of shamanic rituals, combined with a detailed ethnographic depiction of the performance. The narration includes a passage in the Altai language: a speech of the shaman during the various stages of the ritual, each commented on and explained. The depiction of the shamanic ceremony aligns with the accounts published in the Tomsk periodical press in 1869 and 1890. The primary sources for all those texts were the notes of V. I. Verbitsky, published in 1893 as a book titled “Altayskie inorodtsy” (Altai aliens). It is worth mentioning that the book, being addressed to children, was intended to be both educational and highly moral.

Keywords

Siberian Indigenous peoples, shaman plots, image of Altai in literature, V. I. Verbitsky, A. I. Makarova-Mirskaya, plots and motifs

For citation

Nepomnyashchikh N. A. Historical and literary commentary on the short story “Kamlan’e” by A. I. Makarova-Mirskaya. *Siberian Journal of Philology*, 2024, no. 1, pp. 123–132. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/86/9

Введение

Александра Ивановна Макарова-Мирская известна сейчас как автор книги «Апостолы Алтая: Сборник рассказов из жизни алтайских миссионеров» (Томск, 1909; 2-е изд., Харьков, 1914), которая была несколько раз переиздана в 1990-х гг. Однако она автор не одной книги: ею написаны «Силою веры» (1909), «Алтайские легенды. Под новый год. (Из воспоминаний охотника)» (1910); «На служении Алтаю: Биографическое повествование. С 87 портретами, видами и виньетками» (1911), «Алтайские рассказы» (1912), «Полтора месяца на Алтае» (1915), «Пограничные были» (1915) и др. Большая часть ее творчества посвящена Алтаю, алтайским миссионерам и людям, которые там жили. Она внучка Стефана Ландышева, возглавлявшего алтайскую православную миссию, и родственница известного миссионера и этнографа В. И. Вербицкого. Родилась в Томске, много раз бывала на Алтае как в детстве, так и во взрослой жизни. Кроме писательства, увлекалась фотографией: в ее книгах много отличных фотографий алтайских пей-

зажей, инородцев, миссионеров. Частично об этом можно узнать из заметки на сайте областной Томской библиотеки им. А. С. Пушкина¹.

Интерес к творчеству А. И. Мирской проявился в последнее десятилетие: ее рассказы стали попадать в поле зрения исследователей в связи с их основной темой (жизнь и деятельность миссионеров на Алтае) и в связи с изучением образа Алтая в русской литературе [Шастина, 2013; 2015б]. Однако пока это лишь первые подступы к осмыслению ее обширного наследия. Книга «Алтайские рассказы» посвящена писательницей цесаревичу Алексею, получила одобрение императрицы, была рекомендована для реальных училищ. В самом начале книги помещены стихи автора, в которых есть такие строки:

Жемчужиной сверкающей и ценной
В короне ГОСУДАРЯ этот край
Является красою совершенной,
И я молю: любите ВАШ Алтай!²
(Макарова-Мирская, 1912)

Как видно из этого поэтического обращения, Алтай рассматривается автором как край, несомненно и по праву принадлежащий российской короне. В книге писательница хотела рассказать будущему царю об Алтае – чудесном, с ее точки зрения, крае, который всё еще представлялся большинству малоизвестной окраинной империи. Иллюстрировал книгу Г. И. Чорос-Гуркин – он оформлял обложку и графические заставки. Кроме того, в книге много фотографий – видов Алтая, портретов, сделанных самой А. И. Мирской, она была помимо прочего еще и прекрасным фотографом.

Будучи дочерью главы Алтайской духовной миссии, А. И. Макарова-Мирская воспринимала христианизацию коренного населения исключительно как благое дело: миссионеры, в ее понимании, несли алтайцам просвещение и другие блага цивилизации. Именно потому все рассказы в книге связаны с Алтаем и жизнью русских поселенцев, помогающих коренному народу. Поскольку «Алтайские рассказы» адресованы в первую очередь детям, то и главными героями в них выступают тоже дети, по преимуществу – русских поселенцев. В каждом рассказе есть познавательная содержательная часть, касающаяся жизни и быта на Алтае, а также обязательный поучительный пример детской неосмотрительности и ее последствий, счастливый финал и мораль. Почти все рассказы выстроены по этой сюжетной схеме. Всего в нескольких рассказах героями наряду с русскими становятся коренные алтайцы, и рассказ «Камланье» как раз из таких.

Источники сюжета камлания в рассказе, их авторство

В рассказе «Камланье» центральное сюжетное событие – описание камлания алтайского шамана. Сцена подготовки обряда и самого жертвоприношения лошади показана во всех деталях. Описан обычай ставить на спину лошади, пригнанной к закланию, чашку: если чашка падала вверх дном, такое животное считалось непригодным для жертвоприношения. В рассказе мальчик «Тумчугаш

¹ См.: Областная библиотека им. А. С. Пушкина (Томск). URL: <https://elib.tomsk.ru/page/34015/> (дата обращения 05.04.2023).

² Здесь и далее цитаты из издания 1912 г. приводятся в современной орфографии. Выделение в цитатах – А. М.-М.

увидал, как чашку поставили на спину его любимице; отец подогнал ее, все закричали, махая на животное руками, и чашка упала вверх вместимостью. – Ладно, – крикнули все, – годна!» (Макарова-Мирская, 1912, с. 140). Подобный обряд с чашкой наблюдал и записал примерно в то же время А. В. Анохин: «Вечером кам камлает и бросает чашку вверх, при этом если чашка упадет кверху дном, то это служит показателем того, что жертва не нужна. Если чашка падает к низу дном, то кам дальше славословит и просит...»³

Обряд с чашкой – проверка пригодности жертвы – происходит в самом начале. Далее лошадь ставят по направлению к востоку, затыкая ей все отверстия травой, после ей жердью переламывают хребет и снимают с нее шкуру, чтобы разделить, отделяя мясо от суставов, затем рассказано, как и что нанизывается на специальные жерди. В сцене камлания в рассказе не только упоминаются все эти важные этнографические детали, но даже есть текст на алтайском языке – речь шамана во время различных этапов действия, каждый из которых прокомментирован и пояснен: рассказано, зачем шаман предпринимает те или иные действия, как ведут себя присутствующие на камлании люди, объяснено, почему они поступают так, а не иначе.

Столь насыщенный подробностями рассказ наталкивает на мысль об отличном знании автором реалий – на уровне этнографического протоколирования. Однако нет свидетельств того, что сама писательница присутствовала когда-нибудь на камлании: в ее автобиографических книгах нет ни одного упоминания о таком событии, как нет и свидетельств владения ею алтайским языком, на котором говорит в тексте шаман. Именно потому была выдвинута гипотеза, что А. И. Мирская, скорее всего, воспользовалась готовым этнографическим описанием, беллетризовав его. Подобное обращение к этнографическим источникам зафиксировано Т. П. Шастиной в повести «Страшный кам» В. Я. Шишкова: «“Шаманьей” повесть делает центральный персонаж – кам Чалбак (...), “алтайской” – описания высокогорья, алтаизмы, продублированные переводом (...), этнографически точное воспроизведение фрагментов мистерий алтайских шаманов, в основу которого, безусловно, положены работы Г. Н. Потанина и его учеников» [Шастина, 2015а, с. 208].

Действительно, при поиске этнографических записей камлания алтайских камов были обнаружены несколько описаний, почти дословно совпадающих с эпизодом камлания в рассказе А. И. Макровой-Мирской. Записи о камах, во многом идентичные тексту ее рассказа, были несколько раз опубликованы в томской периодике в XIX в. Впервые такой очерк встречается в «Томских губернских ведомостях» (1869, № 40 с. 9–10, № 41, с. 5), где публикуется серия этнографических заметок об алтайских инородцах «Алтайцы». В одном из выпусков представлено подробное описание камлания с теми же алтайскими словами и тем же текстом, который войдет в рассказ писательницы. Авторство газетных текстов об алтайцах не указано. Сравним лишь один из фрагментов (табл. 1).

³ См.: Камлание шамана Сапыра, записанное А. В. Анохиным // Национальный музей Республики Алтай. URL: <https://www.musey-anohina.ru/index.php/posetiteliyam/150-let-anokhinu-a-v-v-2019-g/item/958-kamlanie-shamana-sapyra-v-zapisyakh-a-v-anokhina> (дата обращения 27.04.2023).

Макарова-Мирская А. И. Камланье (Алтайские рассказы, 1912)	Алтайцы (Томские губернские ведомости, 1869)
А «дикий» глядел на кама, на его <i>халат с нагрудником из звериной кожи и красную шапку с белыми перьями из хвоста тетери</i>. Взяв <i>бубен и орбу</i>, кам обошел все, но не начал камлання... – А потом что будет? – допытывался Тумчугаш у нового знакомого. С конем что он сделает? – Ей здорово придется! – Беспечно сказал Ургон. – Свяжут ей ноги передние и задние, а на спину привяжут толстую жердь; потом этой жердью переломят ей спину, а ноздри, рот, уши и все отверстия заткнут, чтобы кровь не кинулась в них. Здорово хреснет спина! ноги ей тянут одни в одну сторону, а другие – в другую, а спину давят. – Калак? – вскричал Тумчугаш. – И мою так? Слезы рвались на его глаза, и он удержался едва, чтобы не зарыдать (с. 141).	Потом кам, одевшись в свою форму – <i>халат с нагрудником из звериной кожи и красную шапку с белыми перьями из хвоста тетери</i> – вооружается <i>бубном и орбою</i>, и при сильных ударах в бубен начинает призывание в известных стихах множества духов, сначала подчиненных Ульгэню, а потом Эрлика с его темными силами (№ 40, с. 9). Самый процесс мучительства лошади отвратителен, заключается в следующем: <i>поставив лошадь голову к востоку, завязывают рыло веревкой, к каждой ноге также привязывают по веревке, и положив на спину толстую жердь, растягивают ноги на две стороны, придавливая жердь к земле, и таким образом ломают спину</i>. <i>Все отверстия животного затыкают травой, чтобы кровь из него не вышла</i> (№ 41, с. 5).

В рассказе этот текст еще раз повторится, когда жертвоприношение будет совершено, добавится лишь описание состояния ребенка, увидевшего весь жестокий процесс:

На небольшой глухой полянке у ключа кам поставил лошадь головой к востоку, и все его спутники принялись за нее, испуганно заржавшую. Одни вязали ей рыло веревкою, другие к каждой ноге тоже быстро привязывали веревки, третьи положили ей на спину толстую жердь и затыкали травой все отверстия у забившегося животного. Тумчугаш остолбенел.

– Значит, правда, всё правда, что говорил Ургон!

Он кинулся к отцу, к каму с криками, но на него не обращали внимания, отталкивали, и сквозь слезы, застилавшие глаза, он увидел, как белая масса забилась в густеющих сумерках, и страшный хряст отдался в его сердце и заставил его убежать от этих людей (Макарова-Мирская, 1912, с. 146).

Но еще до написания этого рассказа, очень похожий текст появился в «Епархиальных ведомостях» (Томск, 1890, № 19–20), т. е. через двадцать лет после первой публикации, где он будет представлен как часть отчета Алтайской православ-

ной духовной миссии: в состав отчета включен сокращенный и частично переработанный текст прежней публикации. Тот же самый фрагмент, но уже в версии 1890 г.:

Процесс заклания жертвенного животного по своей жестокости отвратителен. Обреченное в жертву животное ведут в поле к выбранной заранее не имеющей никаких повреждений березе, ставят головой к востоку, завязывают морду веревкой; затем привязывают по веревке к каждой ноге и, положив на спину толстую жердь, растягивают ноги в стороны, придавливая жердь к земле, и таким образом ломают спинной хребет. Все отверстия в теле лошади затыкают травой, чтобы не выпустить крови (Природа и население Алтая, 1890, с. 2–3).

В этом варианте полностью отсутствует речь кама на алтайском языке, но сохранен эмоциональный комментарий к происходящему, похожий по характеру на те, что потом появятся в рассказе А. И. Макаровой-Мирской в устах ребенка. Авторство в газетном тексте снова не указано.

Иерей Дмитрий Лавров полагает, что текст «Природы и населения Алтая», опубликованный в 1890 г. в «Епархиальных ведомостях» (1890, № 19–20), принадлежит Михаилу Алексеевичу Михайловскому, преподавателю Томской духовной семинарии. По мнению Д. Лаврова, именно им «был написан краеведческий труд, который описывал места служения и подвигов алтайских миссионеров, а также содержал этнографические материалы, под названием “Природа и население Алтая”. Эта объемная монография была опубликована несколькими частями в церковном журнале “Томские епархиальные ведомости” в 1890 и 1892 годах» [Лавров, 2022].

Однако, как показывает сопоставление текста «Природы и населения Алтая» с первой публикацией «Алтайцев» 1869 г. и с изданными трудами В. И. Вербицкого, очерк «Природа и население Алтая» представляет собой стилистически переработанный текст первого издания «Алтайцев» или текста В. И. Вербицкого из книги «Алтайские инородцы». Дело в том, что первая публикация дословно совпадает с трудами миссионера-этнографа, а текст в «Епархиальных ведомостях» 1890 г. весьма основательно сокращен: в нем нет ничего на алтайском языке, тогда как и в первой публикации, и у Вербицкого камлание – речь шамана на алтайском составляет примерно треть, а местами и половину всего текста. В остальном очерк 1890–1892 гг. совпадает с упомянутыми текстами первой публикации и трудов Вербицкого практически стопроцентно. А потому согласиться с утверждением Д. Лаврова не представляется возможным, тем более в его статье не обнаружено каких-либо весомых аргументов в пользу авторства М. А. Михайловского. Скорее всего, М. А. Михайловский мог редактировать или помогать готовить текст Вербицкого для печати в Томске в 1890–1892 гг., последний выпуск очерков вышел из печати через несколько дней после смерти В. И. Вербицкого – 12 сентября. Во всяком случае эта информация требует дальнейшего уточнения.

Итак, существует, помимо газетных публикаций, третий текст, наиболее полный: он обнаружен в самом позднем по времени издании – книге В. И. Вербицкого «Алтайские инородцы: сборник этнографических статей и исследований алтайского миссионера, протоиерея В. И. Вербицкого» (1893). Книга издана посмертно на основе его записей, редактор – А. А. Ивановский. Именно здесь дано самое подробное изложение хода камлания и приведен наиболее полный текст всего,

что говорит шаман на алтайском языке, без выпусков и сокращений. Как уже было сказано, текст его практически целиком совпадает с первой газетной публикацией 1869 г., однако в нем больше деталей, которые, вероятно, были выпущены в газетных вариантах: в 1869, а затем и в тексте 1890 г., и в рассказе писательницы.

Сопоставим их, взяв еще один фрагмент описания камлания и показав его во всех изданиях сразу (табл. 2).

Таблица 2

Кам подражает коню: текст из 4 источников

Table 2

Kam imitates a horse: text from 4 sources

№ п/п	Текст	Источник
1	Кам начинает подражать голосом коню, у которого шея сдавлена арканом, прыгает, лягается и проч.	Алтайцы // Томские губернские ведомости. 1869. № 40. С. 9–10.
2	Кам начинает храпеть, скакать, брыкаться и проч., подражая коню, у которого шея сдавлена арканом.	Природа и население Алтая // Епархиальные ведомости Томск. 1890. № 19–20. С. 2.
3	Кам начинает подражать голосом коню, у которого шея сдавлена арканом, прыгает, лягается и проч.	Вербицкий В. И. Алтайские инородцы... М., 1893. С. 49.
4	Кам точно сбесился: он, видимо, хотел подражать коню, шея которого сдавлена арканом, и, страшно вращая глазами, вытягивал шею, тряс головою, прыгал и лягался изо всех сил.	Макарова-Мирская А. И. Камланье // Алтайские рассказы. Харьков, 1912. С. 145.

Сопоставление позволяет увидеть, что формулировка В. И. Вербицкого в его книге и текст очерка «Алтайцы» в «Томских губернских ведомостях» дословно совпадают. По-видимому, тогда, в 1869 г., в газете впервые в несколько сокращенном виде были изданы этнографические наблюдения В. И. Вербицкого. Полное сопоставление текстов очерков в газетах и в книге миссионера дает основание считать тексты 1869 и 1893 гг. наиболее близкими, почти стопроцентно совпадающими, тогда как в остальных текстах есть некоторые как существенные (в газетном отчете 1890 г. убран весь алтайский текст), так и не принципиальные (стилистическая обработка и сокращения в тексте 1890 г. или добавление элементов беллетристического сюжета у Мирской) изменения, свидетельствующие о работе с ними других лиц. Таким образом, можно сделать вывод, что книга В. И. Вербицкого как самый полный вариант текста и есть источник всех упомянутых описаний этого камлания. Однако, по воле случая и обстоятельств, именно его книга была издана позже всех остальных текстов.

Наверное, было бы не совсем корректным считать, что писательница только переписала этнографический источник. Сюжет рассказа А. И. Макаровой-Мирской не исчерпывается описанием камлания, хотя это его центральный эпизод. Мальчик, глядя на происходящее, убегает от людей, испытывая ужас. Он плачет

при виде заклания любимой лошади, бежит куда глаза глядят, вокруг становится темно, в итоге он теряется в незнакомой местности. Спасает его русский переселенец, который отводит мальчика к себе домой. Какое-то время, пока родственники разыскивают ребенка, он живет в этой дружной большой православной русской семье, узнает о существовании христианского бога. Этот бог кажется мальчику очень добрым, как и те люди, к которым он попал. Христианский бог в отличие от тех богов, которым служит кам, милосерден. В финале рассказа А. И. Макаровой-Мирской неизбежно появляется миссионерская мораль: камы обманывают наивных алтайцев, истинная вера – православная. Маленький мальчик обещает прогнать камов, когда вырастет. Так выглядят финальные строки рассказа:

– Погоди, абгай, как только вырасту, я прогоню всех камов с Алтая и буду молиться вашему Богу, потому что он добрый!

Сверкнувшая ярким огнем пролетевшая по небу звездочка точно сказала «аминь» в тихом прекрасном небе, и по лицу Михайлы пробежала усмешка, немного грустная от сознания, быть может, что еще долго в Алтае будут звучать бубны камов, и старые верования, привитые веками, царствовать над умами робких и суеверных людей (Макарова-Мирская, 1912, с. 160).

Внучка сразу двух известных миссионеров и не могла, наверное, написать другой финал.

Заключение

Подводя итоги, нужно сказать, что в рассказе «Камланье» А. И. Макаровой-Мирской многие эпизоды из этнографического первоисточника сохранены целиком. Сюжет рассказа включает беллетризованное описание камлания алтайского шамана, сделанное родственником писательницы, известным миссионером В. И. Вербицким. Писательница вводит в рассказ фигуру ребенка, наблюдающего обряд, и фигуру подростка, который объясняет герою-ребенку суть происходящего. При этом текст описания самого камлания сохраняется практически целиком, за небольшими выпусками алтайских фраз. Сокращений немного, и в основном они касаются текста самого речитатива-камлания на алтайском языке, хотя некоторые небольшие фрагменты из него всё же сохранены, скорее всего, как «экзотизм», а не как содержательный элемент, поскольку рассказы предназначались для русских детей, не знавших алтайского языка.

Список литературы

Лавров Д. Научно-богословские монографии в журнале «Томские епархиальные ведомости» (1880–1917) // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12, вып. 10 (91). С. 37–43. DOI 10.35775/PSI.2022.91.10.016

Шастина Т. П. Забытые имена: Алтай как мир миссионеров и язычников в творчестве А. И. Макаровой-Мирской // Алтайский текст в русской культуре. Барнаул, 2013. С. 144–154.

Шастина Т. П. «Страшный кам» В. Я. Шишкова: областническая традиция в раннесоветском опыте репрезентации национальной окраины // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015а. № 1 (43), ч. 1. С. 206–210.

Шастина Т. П. Горное и горнее в «Алтайских рассказах» А. И. Макаровой-Мирской // Макарьевские чтения: Материалы X Междунар. науч. конф. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2015б. С. 384–391.

Список источников

Вербицкий В. И. Алтайские инородцы: сборник этнографических статей и исследований алтайского миссионера, протоиерея В. И. Вербицкого, изданный этнографическим отделом императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при Московском университете. М., 1893. 221 с.

Макарова-Мирская А. И. Алтайские рассказы. Харьков: Тип. «Мирный Труд», 1912. 211 с.

Алтайцы // Томские губернские ведомости. 1869. № 40. С. 9–10; № 41. С. 5.

Природа и население Алтая // Епархиальные ведомости (Томск). 1890. № 19–20. С. 1–5.

References

Lavrov D. Nauchno-bogoslovskie monografii v zhurnale “Tomskie eparkhial’nye vedomosti” (1880–1917). [Scientific and theological monographs in the magazine “Tomskie eparkhial’nye vedomosti” (1880–1917)]. *Issues of National and Federative Relations*. 2022, vol. 12, iss. 10 (91), pp. 37–43. DOI 10.35775/PSI.2022.91.10.016

Shastina T. P. Gornoe i gornee v “Altayskikh rasskazakh” A. I. Makarovoy-Mirskoy [Mountain and mountainous things in “Altai Stories” by A. I. Makarova-Mirskaya]. In: *Makar’evskie chteniya: Materialy X Mezhdunar. nauch. konf.* [Makarevsky readings: materials of the X international scientific conference]. Gorno-Altaysk, GASU, 2015b, pp. 384–391.

Shastina T. P. “Strashnyy kam” V. Ya. Shishkova: oblastnicheskaya traditsiya v rannesovetskom opyte reprezentatsii national’noy okrainy [“Scary kam” by V. Y. Shishkov: regionalistic tradition in the early soviet experience of national outskirts representation]. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 2015a, no. 1 (43), pt. 1, pp. 206–210.

Shastina T. P. Zabytye imena: Altay kak mir missionerov i yazychnikov v tvorchestve A. I. Makarovoy-Mirskoy [Forgotten names: Altai as a world of missionaries and pagans in the works of A. I. Makarova-Mirskaya]. In: *Altayskiy tekst v russkoy kul’ture* [Altai text in Russian culture]. Barnaul, 2013, pp. 144–154.

List of sources

Altaytsy [Altaians]. *Tomsk Provincial Gazette*. 1869, no. 40 pp. 9–10, no. 41, p. 5

Makarova-Mirskaya A. I. *Altayskie rasskazy* [Altai stories]. Kharkiv, Tip. “Mirnyy Trud,” 1912, 211 p.

Priroda i naselenie Altaya [Nature and population of Altai]. *Eparkhial’nye vedomosti (Tomsk)*. 1890, no. 19–20, pp. 1–5.

Verbitsky V. I. *Altayskie inorodtsy: sbornik etnograficheskikh statey i issledovaniy altayskogo missionera, protoiereya V. I. Verbitskogo, izdannyy etnograficheskim otdelom imperatorskogo obshchestva lyubiteley estestvoznaniya, antropologii i etnografii, sostoyashchego pri Moskovskom universitete* [Altai foreigners: a collection of ethno-

graphic articles and studies by the Altai missionary, Archpriest V. I. Verbitsky, published by the ethnographic department of the Imperial Society of Lovers of Natural History, Anthropology and Ethnography, which is affiliated with Moscow University]. Moscow, 1893, 221 p.

Информация об авторе

Наталья Алексеевна Непомнящих, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора литературоведения Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)
WoS Research ID K6510-2017

Information about the author

Natalya A. Nepomnyashchikh, Candidate of Philological Sciences, Leading Researcher of the Department of Literary Studies, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)
WoS Research ID K6510-2017

*Статья поступила в редакцию 10.01.2024;
одобрена после рецензирования 18.01.2024; принята к публикации 18.01.2024
The article was submitted on 10.01.2024;
approved after reviewing on 18.01.2024; accepted for publication on 18.01.2024*

Научная статья

УДК 82.0; 82.09

DOI 10.17223/18137083/86/10

Паратекст в художественной системе Алексея Ремизова

Елена Рудольфовна Обатнина

Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской академии наук
Санкт-Петербург, Россия

lena.eo@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1823-6321>

Аннотация

Последовательность выхода в свет произведений А. М. Ремизова и структура их первых изданий позволяют рассматривать результаты творческой деятельности писателя с точки зрения продуманной прагматики. Обширный материал для понимания творческих стратегий писателя и склада его художественного мышления предоставляет анализ структурных компонентов художественных произведений в соотношении с личной идейно-эстетической программой. Пользуясь терминологией и методологией теории паратекста, автор статьи рассматривает случаи изменения статуса и прагматики субтекстовых элементов книг писателя в круге базисной триады его творческой системы: традиция, новаторство, авторское «Я». В обзоре, представленном в виде тезисов к развитию темы, фиксируется изменение функциональных полномочий паратекста в произведениях Ремизова и их роль в формировании принципов художественной системы писателя.

Ключевые слова

паратекст, авторские стратегии, А. М. Ремизов, традиция, новаторство, авторское «Я»

Благодарности

Исследование осуществлено при финансовой поддержке гранта Министерства науки и высшего образования РФ в форме субсидии № 075-15-2020-786/9 «История письма европейской цивилизации»

Для цитирования

Обатнина Е. Р. Паратекст в художественной системе Алексея Ремизова // Сибирский филологический журнал. 2024. № 1. С. 133–147. DOI 10.17223/18137083/86/10

© Обатнина Е. Р., 2024

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2024. № 1. С. 133–147
Siberian Journal of Philology, 2024, no. 1, pp. 133–147

Paratext in the artistic system of Alexei Remizov

Elena R. Obatnina

Institute of Russian Literature (Pushkin House)
of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russian Federation

lena.eo@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1823-6321>

Abstract

The publication sequence and the structure of the first editions of the works of Remizov allow the results of the writer's creative activity to be considered in terms of his sophisticated pragmatics. The author's strategy becomes most prominent when considered through the theory of paratext proposed by the French literary scholar J. Genette. This paper reviews the selected "nominations" of paratext presented as theses for the theme development. The structural approach discloses the dynamic connections of the structural paratext elements with the ideological and aesthetic program of the writer's creativity. This program is based on three main directions of his artistic system: tradition preservation, innovation, and self-representation. The analysis identifies subtextual elements as indexical and metonymic markers for several thematic creative loci. These are the Old Russian manuscript and book tradition, the cult of the manuscript text as an authentic imprint of the writer's personality, and the writer's autobiography. The study focuses on the changes in the functional status of paratext in Remizov's works as significant events of his creative biography. Consideration is given to the non-verbal elements of paratext in semantically significant elements of a literary work. The motives of the writer's literary behavior altering the discourse of his paratextual sections are revealed. The paper comprises three sections: 1. Genres of the oral folk tradition and the first printed book in the structure of Remizov's artistic works. 2. Authorial representation in the structure of Remizov's book. 3. Author's "Notes": the path from the periphery to an independent genre form.

Keywords

paratext, author's strategies, A. M. Remisov, tradition, innovation, author's "Self"

Acknowledgments

The research was supported by the grant of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation as a part of the project "History of the writing of European civilization," no. 075-15-2020-786/9

For citation

Obatnina E. R. Paratext in the artistic system of Alexei Remizov. *Siberian Journal of Philology*, 2024, no. 1, pp. 133–147. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/86/10

Многочисленные исследования, посвященные литературно-художественному наследию А. М. Ремизова, позволяют назвать основные направления его творчества: сохранение народного мифа, переосмысление традиции, авторрепрезентация¹. Историко-культурные паттерны, зафиксированные в легендах и преданиях, памятниках древнерусской литературы, в исторических моделях социокультурного поведения (сказительство, скоморошество), персонифицированных образах русской истории (царь Алексей Михайлович, Иван Федоров, протопоп Аввакум,

¹ Под авторрепрезентацией мы подразумеваем широкое поле значений, используемых писателем для самовыражения авторской личности (автобиографизм, авторефлексия, автометаописание, самоидентификация).

дьяк Иван Тимофеев), служили писателю источниками создания текстов и средствами самоидентификации².

В практике ремизоведения авторские манифестации традиции, новаторства и авторского «Я», как правило, анализируются при обращении к жанрам литературной сказки, легенды и автобиографического романа. С другой стороны, для изучения художественной системы писателя в ее парадигматических и синтагматических отношениях с реальностью, культурой и традицией возможно расширение методологических подходов. Если за единицу исследовательского подхода взять структурный элемент композиции художественного произведения или созданного Ремизовым артефакта, то, рассматривая его в динамических связях с идейно-эстетическими взглядами писателя, можно достичь продуктивных выводов как на уровне исследования отдельных художественных текстов, так и на уровне историко-литературных обобщений, касающихся диапазона творческих стратегий писателя, принципов построения его художественной системы и его творческой биографии в целом. Апробируя такого рода структурный подход, мы предлагаем обзор избранных случаев изменения статуса субтекстовых элементов ремизовской художественной системы в круге названной триады его творчества.

Нельзя сказать, что взаимодействие составных частей ремизовского художественного текста как идейно-эстетического целого до сих пор является «белым пятном» на карте литературоведческих изысканий. Напротив, исследователи уделяли внимание функциональной роли авторских примечаний в сборниках, образованных из переложений сказок, рассматривая их и как «игру с традицией» [Данилова, 2010, с. 209–210], и как «метатекстовые дополнения» к основному тексту [Аппазова, 2012]. Генезис и семантика названий отдельных произведений также подробно изучены в сопоставлении с философско-символическими аспектами ремизовского художественного мира³.

Избранный нами ракурс исследования опирается на концепцию Ж. Женетта, предоставившего в книге «Паратексты: пороги интерпретации» [Genette, 1997] терминологию и методологию для осмысления функциональной и семантической роли «синтагматических пределов текста» [Зенкин, 2018, с. 148–153].

Предметом интереса французского литературоведа стали вербальные структурные единицы опубликованного художественного произведения, или, точнее говоря, его коммуникативно-информационное «окружение» (в частности, авторские названия, эпиграфы, посвящения, предисловия, послесловия и комментарии), а также невербальные знаки издательского оформления, вовлеченные как в механизм актуализации авторского замысла, так и в моделирование читательской рецепции. Таким образом, в определение паратекста входит толкование разнообразных планов содержания, заключенных в каждом из его элементов.

² См. научные труды А. М. Грачевой, И. Ф. Даниловой, С. Н. Доценко, Ф. Б. Полякова, Ю. В. Розанова: Наследие А. М. Ремизова в литературном процессе XX–XIX вв. Электронная научная система. URL: <http://pushkinskijdom.ru/remizov/>.

³ Назовем имена исследователей, занимавшихся этой проблематикой: А. М. Грачева, А. д'Амелиа, Н. Ю. Грякалова, А. А. Данилевский, И. Ф. Данилова, С. Н. Доценко, Е. Р. Обатнина, И. В. Привалов, Ю. В. Розанов, Е. В. Тырышкина.

1. Жанры сказовой народной традиции и первопечатной книги в структуре произведений Ремизова

1.1. Первый опыт литературной работы Ремизова с апокрифическими источниками («Лимонарь, сиречь Луг духовный». СПб.: Оры, 1907) в своем названии был ориентирован не только на конкретный памятник древнерусской книжности – «Лимонарь» (греч. Λεμονάριον) византийского монаха Иоанна Мосха, но и на русскую традицию его издания. Церковно-славянский перевод этого сборника рассказов о подвижниках христианской веры появился в 1628 г. в киевской типографии Спиридона Соболя под заголовком «Лимонарь, сиречь цветник». Ремизовский инвариант титула отражает авторскую рефлексии культуры как интертекстуального пространства и одновременно создает проекцию на русскую версию греческого оригинала – книгу «Луг духовный», изданную в 1859 г. архиепископом Филаретом (Гумилевским).

Есть основания полагать, что, занимаясь подготовкой книги к печати, молодой писатель расценивал свой труд как событие, которому надлежало быть вписанным в цепочку знаковых литературных явлений, объединяющих традиции древнегреческой литературы и древнерусской книжности с символистской эстетикой. В письме Ремизова к М. В. Добужинскому – автору издательской марки и обложки будущей книги, находим подтверждение равнодушного отношения писателя к таким, казалось бы, стоящим вне поля его художественных задач, периферийным элементам структуры сборника, как примечания и шрифт титульного заголовка:

14 декабря 1906 г.

Кавалергардская 8 кв. 28 А. Ремизов

Дорогой Мстислав Валерьянович!

Пишу Вам наскоро и на бумаге плохой. Хотел к Вам ехать и самолично дело толковать, да боюсь задачу свою не исполню – не напишу примечания, на которые никакого сладу у меня нет.

Вы слышали от Вяч. Ив<анова>, что в «Орах» издается, как первый выпуск, мой Луг духовный. И желательно его выпустить теперь. Все дело за Вами. Надо сделать надпись на обложке.

Алексей Ремизов

Луг духовный

I.

Мне кажется к содержанию книги (3 рассказа апокрифических) подходит устав. Устав же не будет, как мне кажется, расходиться с греческой маркой «Ор».

Луг духовный – Лимонарь.

Я хотел сделать сначала такое заглавие

Лимонарь

сиречь

Лугъ духовный

В субботу будете у Вяч. Ив<анова> хорошо бы послать за мной, всего два шага.

(Лимонарь – Λειμώνάριον, от λειμών – луг, пажить).
Так в субботу.

А. Ремизов

Лимонарь <sic!> (мелко)

Луг духовный (крупно)

(ГРМ. Отдел рукописей, ф. 115, ед. хр. 264, л. 3–5).

Издание «Лимонаря» 1907 г. показывает, что художник использовал семиотический ключ к выбору шрифта, предложенный ему Ремизовым в эскизе обложки. Между тем благодаря материалам личного архива писателя выясняется, что «дизайн» книги мог бы иметь и более выраженные приметы первопечатного предшественника. На авантитуле авторского экземпляра первой печатной редакции (ИРЛИ РО, ф. 256, оп. 1, ед. хр. 57) сохранился рисунок писателя цветными карандашами в виде орнамента, условно «цитирующего» гравированную заставку титульной страницы «Лимонаря» Иоанна Мосха в издании Спиридона Соболя⁴. Орнаментальная реплика, восходящая к первому изданию 1628 г., раскрывает ремизовский исходный замысел. В терминологии Женетта подобного рода авторская рефлексия относится к эпитексту художественного произведения [Genette, 1997, р. 7–8, 139–143], т. е. к той области творческой истории, которая извне привносит в книгу дополнительные коннотации. В художественной системе Ремизова рисованный автограф сообщает тиражированному экземпляру «Лимонаря» свойства историко-литературного уникала, занявшего свое место в книгоиздательской традиции памятников житийной и апокрифической литературы.

1.2. Схожий прием соотнесения индивидуального творчества с традиционными формами книжной культуры находим в последнем томе собрания «Сочинений» Ремизова (СПб.: Сирин, 1910–1912. Т. 8), где названия справочных разделов, содержащих указатели первых авторских публикаций, ассоциированы с названиями жанров древнерусской книжности – «Азбуковник» и «Временник». Архаические денотаты не только определяют семантическую и временную оси художественного мира писателя, но и являются сигнатурами его генезиса, тесно связанного с историей русской письменности⁵.

В последующих книгах писателя, созданных на основе фольклорных источников, факультативные функции паратекстуальных компонентов всё более осложняются и субъективируются. В сборнике «Докука и балагурье» раздел под названием «Сказ», расположенный в конце книги, был отведен под справочный аппарат в виде хронологически выстроенной таблицы, в которой писатель предоставил сведения о времени создания и публикации собственных переложений народных сказок в повременной печати, а также библиографию текстов-источников. Одно из назначений этого вспомогательного раздела, по мнению современного исследователя, состояло в указании на «причастность двум разным культурным локусам», поскольку он «выполняет и чисто информативную функцию <...>, и имитирует научные формы подачи комментария» [Данилова, 2010, с. 137–138]. Более широкая интерпретация авторских интенций позволяет описать ис-

⁴ Ср.: <http://pushkinskijdom.ru/remizov/Bibliografiay/pic/Pril1.png> и <https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/2/20/%D0%9B%D0%B8%D0%BC%D0%BE%D0%BD%D0%B0%D1%80%D1%8C.jpg>

⁵ Подробнее о рефлексии культуры древнерусской письменности, сказавшейся, в частности, в названиях авторских жанров, см.: [Поляков, 2004].

пользование исторических сигнификатов *Сказ, Азбуковник, Временник* в качестве индексально-метонимических маркеров сказовой, рукописной и первопечатной книжных традиций, восприемником которых позиционировал себя писатель.

1.3. Сборник «Сказки русского народа, сказанные Алексеем Ремизовым» (Берлин, 1923) оказался последней книгой в творческой биографии писателя, созданной на этнографическом сказочном материале русского извода. В научной литературе отмечалось, что основное название, вынесенное на обложку издания, возникло в свете трудов отечественных ученых-этнографов и, в частности, ассоциировано с заголовком известного труда «Народные русские сказки А. Н. Афанасьева» [Данилова, 2010, с. 151–152].

Формулировки титулов в берлинском сборнике демонстрируют творческую позицию писателя, актуальную в условиях эмиграции. В противовес собирательству и научной рефлексии Ремизов окончательно выбирает роль писателя-сказителя, голос которого в ряду других «носителей» сказа сохраняет индивидуальное звучание. В предисловии «Павлиньи перья» поясняется сложившаяся веками преемственность:

Придут другие люди, другое услышат и скажут другими словами. Я ответ даю сам за себя – за Россию, открывшуюся мне в слове русского народа... (Ремизов, 2021, т. 16, с. 5).

В логической связи с установкой на «личную ответственность» берлинская книга Ремизова впервые за историю создания аналогичных по содержанию сборников вышла в свет без авторских комментариев и научной библиографии [Данилова, 2021, с. 533].

Манифестация собственного вклада в сказовую традицию прочитывается также в названии предисловия «Павлиньи перья». Лежащее на поверхности значение заголовка служило метафорическим описанием индивидуального таланта писателя, раскрывающегося в даре слышать и в даре писать:

Читая всякие записи, часто спутанные и перепутанные, а иногда просто бессловесные <...> – Я как бы припал к земле и послушал.

И то, что я услышал, зажгло, как павлиньи перья.

Книга эта и есть голос русской земли – слово русского народа, сказанное мною (Ремизов, 2021, т. 16, с. 5).

Ближайшим коррелятом писательского дара для Ремизова, несомненно, являлся рабочий писцовый инструмент «павье перо», благодаря которому латентно утверждался «параллелизм между созданием (“сочинением”) текста и его переписыванием» [Поляков, 2004, S. 479].

1.4. Содержание паратекстуальных элементов ремизовских книг отражало не только обстоятельства биографии писателя, как в примере с берлинским сборником сказок 1923 г., но и диалектику существования отдельных литературных жанров вне исходной культурной традиции. Идея консервации свойств художественного жанра в измененных условиях исторического времени заключается в заголовке «Пролог», поставленном на авантитул книги «В поле блаkitном» – первой в трилогии, посвященной жизнеописанию С. П. Ремизовой-Довгелло. Дополнительный титул в сборнике рассказов о детстве Оли Ильмёневой – литературном воплощении жены писателя, был ориентирован сразу на два культурных кода. Первый, считываемый как определение повествовательной формы, служил вступлением к последующей истории и создавал интригу читательских ожиданий.

Действительно, спустя пять лет появилась книга с рассказами о юности героини – повесть «Оля» (1927). Второй же культурный код подразумевал переключение от функциональной роли названия к его семантике и восходил к конкретной агнографической протоформе – сборникам житийных рассказов, зафиксировавшим в церковно-славянской культуре звучание своего греческого источника «Пролог». Для писателя в Ремизовой-Довгелло соединились глубокая религиозность и жертвенность революционной интеллигенции рубежа веков. Такому построению образа были внутренне подчинены отдельные сюжеты ее детской биографии, которые перестраивали бытописание жизни уездной барышни в повествование о духовно одаренном человеке. Идея «жития» героини нового времени была развита Ремизовым в последней части романа «В розовом блеске» (1952), написанной уже после кончины его спутницы жизни [Обатнина, 2019, с. 642–643].

2. Авторпрезентация в структуре книги Ремизова

2.1. Паратекстуальный дискурс, выраженный вербальными и визуальными средствами, демонстрирует различные приемы объективации авторского «Я». Тема самоотождествления с образом древнерусского скриптора и изографа иницирована самим писателем. В художественных произведениях и артефактах Ремизов выстроил коннотации своей личности с канцеляристами эпохи царя Алексея Михайловича и «рядовыми» книгописцами Древней Руси [Грачева, 1992; Доценко, 1993; Поляков, 2004; Грачева, 2017].

Вступление или предисловие являются традиционными разделами в структуре книги, предназначенными для экспликации авторского «Я». Впервые Ремизов воспользовался этой возможностью в седьмом томе «Сочинений», в котором он разместил вторую печатную редакцию цикла «отреченных легенд» под названием «Лимонарь» и дополнение к нему под не менее знаковым греческим названием «Паралипоменон». По генезису текстов-источников содержание тома, как и содержание тома «Сказок», не предполагало авторского дискурса, однако книгу Ремизов открывает предисловием, написанным от первого лица. В поэтической зарисовке писатель передает питавшую его творчество атмосферу старинного русского города и церковно-славянской книжности, а самого себя изображает преданным учеником и последователем «некоего старца», по благословению которого были собраны и пересказаны апокрифические сказания и легенды:

Проводя дни мои у некоего старца в научении, однажды ночью в смятении души моей я зажег свечу и раскрыл книгу, забытую у меня старцем – наставником моим. Обращая ветхие листы, исписанные полууставом, я стал читать.

И звезды ушли вместе с тьмою ночи, заря занялась, а я за книгою не слышал, как у Спаса Пречистого отзвонили к заутрене.

С благословения старца – наставника моего, я расскажу вам из этой чудной книги, писанной полууставом, слово, притчу, повесть и сказание (Ремизов, 1912, т. 7, с. 7).

Концептуальное ядро этого авторского зачина состояло в «следовании этикету» поведения древнерусского писца [Доценко, 1993, с. 148–150].

2.2. После отъезда за границу в августе 1921 г. Ремизову пришлось буквально заново моделировать образ собственной творческой личности, который он прежде всего связывал с индивидуальным опытом писателя-мифолога. Эта стратегия про-

явилась в семантико-символическом содержании обложки сборника «Сказки обезьяньего царя Асыки» (Берлин, 1922). Однако одно только название уже содержало в себе эпатаж привычного восприятия ремизовского «фольклороцентризма». Формулировка заголовка, недвусмысленно отождествляющая писателя с персонажем его авторского мифа о «верховном властителе всех обезьян», откровенно противоречила составу книги, в котором преобладали фольклорные сказки «посолонного» цикла, в свое время принесшие Ремизову известность символиста-«традиционалиста». К тому же сложносочиненный синтез мифа народного и литературного дополнялся рисунком художника В. Н. Масютина⁶, восходящим к иконографии гностического божества Абраксаса, известной по описанию царя Асыки в недавно опубликованной «Конституции» Обезвельволпала (Ремизов, 1922, с. 30)⁷. Семиотика вербально-визуального содержания обложки сборника, очевидно, активировала интертекстуальные связи между произведениями и направлениями творчества Ремизова. Вместе с тем сложная корреляция русской и западноевропейской архаики являлась своего рода «кодовым» сообщением о новой культурной универсалии художественной системы писателя⁸.

2.3. На примере с рисунком Масютина мы видим, что визуальные компоненты оформления книги Ремизова являются частью ее паратекста и заключают в себе дополнительную смысловую нагрузку раскрытия свойств литературной личности автора. Тенденция, проявившаяся уже в изданиях революционного и пореволюционного времени в России⁹, получила развитие в книгах эмигрантского периода: рисунок и каллиграфическое искусство становятся своего рода «визитной карточкой» писателя.

Полиграфические возможности берлинских издательств сыграли не последнюю роль в утверждении созданного Ремизовым культа рукописи как наиболее аутентичного отображения авторского «Я». Отдельного внимания с этой точки зрения заслуживает повесть «Корявка» (Берлин, 1922), открывавшаяся разделом под заголовком «Автограф», в котором авторское вступление сначала было представлено в виде факсимиле рукописного текста, а затем продублировано обычным печатным способом. Если наборный текст концентрировал читательское внимание на сюжете повести (предисловие построено в форме инверсивного эпилога, раскрывающего трагическую развязку), то каллиграфический артефакт был подчинен по крайней мере двум авторским заданиям.

С одной стороны, авторская рукопись являлась визуальным замещением такого привычного паратекстуального элемента книжных изданий, как портретное изображение писателя. Портрет предоставляет читателю возможность выстроить как внешний, так и внутренний образ написавшего книгу. В этом смысле имитация в ремизовском автографе скорописи XV–XVI вв. определяла «культурогенез» творческой личности Ремизова. С другой стороны, каллиграфическое исполнение соответствовало эстетической задаче раздела «Автограф». По словам Ремизова, его «завитушка» печаталась, чтобы «украсить книгу – корявкину повесть» и на-

⁶ Книга появилась в печати в начале мая 1922 г.

⁷ См. также: [Обатнина, 2001, с. 173].

⁸ О символических корреляциях слова «Посолонь» и имени Абраксас см.: [Обатнина, 2001, с. 181].

⁹ Первые факсимильные воспроизведения каллиграфических автографов Ремизова появились на авантюлах сборников «Николины притчи» (1917) и «Заветные сказки» (1920), а отдельное издание поэмы «Электрон» (1919) было выпущено под обложкой, напечатанной по авторскому эскизу.

градить владельца берлинского книгоиздательства Е. А. Гутнова обезьяньим знаком отличия «с обзатцом Обезьяньей Великой и Вольной палаты» от имени б<ывшего> канцеляриста, cancellarius'a Обезьяньей Великой и Вольной Палаты Алексея Ремизова (Ремизов, 2015, т. 11, с. 343). Привнесение в композицию повести структурного элемента, возникшего в затекстовой истории ее создания, подтверждает принцип ремизовского конструирования художественного пространства как единого хронотопа творческой биографии.

Каллиграфическое письмо и игровая маска канцеляриуса Обезвельволпала – это косвенные приемы самораскрытия авторского «Я» в разделе «Автограф». Между тем, только в этом инверсивном, как мы отметили выше, эпилоге Ремизов описывает события повести с позиции участника вымышленного сюжета, вписав себя и своего спутника – историка П. Е. Щеголева в заключительную сцену петербургской драмы. Таким образом, функциональная роль «порогового» по отношению ко всей книге раздела «Автограф» состоит в буквальном моделировании читательского восприятия последующего повествования. Этимология имени Корявка, поставленного в заголовок книги, провоцирует ассоциации как с процессом писания, так и с образом героя, который в повести совмещает в себе две роли: наивного протагониста, влияющего на ход событий, и резонера – выразителя идеи автора, открывающего смысл бытия в обычных явлениях жизни. Характеристика «корявый» устойчиво соотносится со словом «почерк». Логически предполагаемым антиподом Корявки, скорее всего, и писавшего как «курица лапой», выступает автор-каллиграф, работавший «павьим пером»¹⁰. Следовательно, рукописный автограф еще на уровне зрительного диссонанса с названием образует поле семантических значений, в дальнейшем прогнозирующих неоднозначность внешнего и внутреннего содержания образа Корявки и стоящего за ним автора повести. Совсем уж глубинная связь имени и его корреляций с каллиграфией автора кроется в генеалогии образа Корявки, литературным «родственником» которого был его однофамилец – писарь-пропойца из «Неуемного бубна» (1910).

Перечисленные и, возможно, не раскрытые нами другие мотивы авторской стратегии, касающейся раздела «Автограф», наделяют такой, на первый взгляд, сугубо эстетический компонент книги, как факсимильный инскрипт, полномочиями «кодификатора» нескольких уровней восприятия – сюжета и героев повести, творческой личности писателя, его художественного мира в целом.

3. Авторские «Примечания»: путь от периферии к самостоятельной жанровой форме

3.1. В самом начале литературной карьеры, подготавливая к печати книги фольклорных сказок, детских игр и апокрифических легенд (Посолонь. М.: Золотое руно, 1907 и «Лимонарь: сиречь Луг духовный». СПб.: Оры, 1907), Ремизов ввел разъяснительное сопровождение художественных текстов в виде раздела авторских «Примечаний», раскрывающих происхождение забытых народных образов, сюжетов, а также библиографию научных источников. Уже в этом первом опыте организации паратекстуального пространства комментариев явственно проступает авторское «Я», которое естественным образом переводит информа-

¹⁰ Ср. название неопубликованной при жизни Ремизова книги, а также рассказ об искусстве письма от лица «московского рядового книгописца» (Ремизов, 2017, т. 13, с. 398–399).

тивное содержание в субъективное высказывание. Например, «Эту сказку я слышал от старухи-няньки» (Ремизов, 2000, т. 2, с. 174). В дальнейшем, в составе шестого и седьмого томов (со сказками и легендами) Собрания сочинений (СПб.: «Шиповник»; СПб.: «Сириус», 1912), задача авторских пояснений преимущественно была соотнесена с академической традицией этнографических исследований [Розанов, 2003; Данилова, 2010, с. 137–138]¹¹. Однако характерно, что впервые писатель обнаруживает авторское «Я» именно на периферии шестого тома «Сказок», согласно всей идее книги, облекая свой образ в мифологическую оболочку. Однородный по дискурсивной стилистике и назначению раздел «Примечаний» завершается здесь микроновеллой «Завитушка», информирующей читателя о судьбе одного из главных персонажей «Посолони» – Котофея Котофеевича. Сказочный герой латентно ассоциирован с автором посредством автобиографического мотива северной ссылки писателя, которую он отбывал за революционную деятельность в 1900–1903 гг. [Розанов, 2008, с. 165–168; Данилова, 2010, с. 55]. Для читателя, лично незнакомого с Ремизовым, эта корреляция оставалась непроницаемой, и «Завитушка», вероятнее всего, воспринималась как «спрятанное» послесловие, находка которого была своего рода авторским подарком за внимание к научному сопровождению книги. Отметим этот момент расширения функций паратекстуального дискурса. Сохраняя прагматические и коммуникативные задачи, ремизовские пояснения и информативные дополнения становились частью авторского жизнеописания. Не будет преувеличением сказать, что «Завитушка» положила начало использованию принципов волшебной сказки в построении автобиографии, которые значительно позже образовали нарративный каркас одной из последних книг писателя «Иверень» [Раевская-Хьюз, 2000].

Впоследствии в ремизовской художественной системе жанровое определение «Завитушка», относящееся к паратекстуальной области книжных изданий, оформилось в самостоятельный публицистический жанр авторского высказывания, посвященного явлениям культуры, литературы и языка. Небольшие по объему тексты, написанные ярко выраженным ремизовским стилем, обеспечивающим узнавание даже в анонимных публикациях или под фиктивными именами (Василий Куковников, Семен Судак), образовали специальный раздел «Завитушка» в книге «Крашенные рыла» (1922)¹².

На этом история пути изначально субтекстуального структурного элемента к нарративу основного содержания не завершилась. В книге воспоминаний «Кукха. Розановы письма» «Завитушка» получила новое применение по типу «текст в тексте» и заняла свою нишу в структуре повествовательных приемов автобиографической прозы Ремизова [Обатнина, 2008, с. 261].

3.2. Как мы имели возможность убедиться, художественное мышление Ремизова характеризуется вниманием к семантическим трансформациям, возникающим в процессе композиционных перестроений. Перестановка периферийных структурных элементов в основной текст наблюдается в двух берлинских книгах Ремизова – «Ахру: повесть петербургская» (1922) и «Кукха: Розановы письма» (1923), где информативная часть, в сборниках сказок и легенд законно занимавшая вспомогательный раздел «Примечаний», принимает на себя функцию смы-

¹¹ Обзор исследовательских подходов к «Примечаниям» в сборниках Ремизова см.: [Нагорная, 2021, с. 159–160].

¹² См. также о жанре «Завитушки», в частности, в связи с каллиграфическим мастерством Ремизова: [Розанов, 2013, с. 298–299].

словой развязки. Значения необычных названий (Ахру – огонь, Кукха – влага), принадлежащих к тезаурусу сакрального языка Обезьянней Великой и Вольной Палаты, писатель разместил на последних страницах изданий. Такого рода концовки переводили основное содержание обеих книг, посвященных памяти о событиях личной жизни, именах и явлениях русской культуры, в символическо-философский регистр прочтения. Таким образом, паратекстуальные примечания в новой автобиографической прозе Ремизова, введенные в контур рамочной композиции, получали статус онтологических доминант его художественной системы.

3.3. Другой модус перестроения прагматики ремизовских примечаний – от обслуживания непосредственно основного текста к проекциям на концептуальные принципы творчества писателя – находим в книге «Образ Николая Чудотворца: Алатырь – камень русской веры» (Париж: YMCA Press, 1931). В ряду литературных произведений Ремизова это сочинение представляет собой исследование агиографии почитаемого святого. Разумеется, дискурс научной рефлексии в ремизовском исполнении был обогащен метафорическими фигурами речи, придававшими тексту индивидуальные особенности языковой личности автора. В финале последнего раздела, после отточия, авторское «Я» проявляет себя со всей очевидностью. Начав с описания собственного метода реконструкции «живого образа» Николая Чудотворца, в завершении комментариев Ремизов буквально декларирует собственное писательское кредо:

То, что пишется, пишется не для кого и для чего, а только для самого того, что пишется. И если результат работы хоть в какой-то мере приближается к замыслу, задача исполнена. А понятно это или непонятно, к делу не относится, потому что, как нет одного понимания, так нет одной оценки – на всех не угодишь (Ремизов, 2002, т. 6, с. 649).

Причиной столь категоричной формы выражения авторского «Я» послужила реплика В. Набокова, неодобрительно высказавшегося по поводу статьи М. Цветаевой «Несколько писем Райнер Марии Рильке»:

Статьи я не понял, да и, кажется, понимать ее не нужно: М. Цветаева пишет для себя, а не для читателя, и не нам разбираться в ее темной нелепой прозе (Сирин, 1929, с. 4).

Молодой писатель, выступивший в роли критика, выразил общераспространенное мнение так называемого «среднего читателя», вкус, стиль и потребности которого служили критериями покупательского спроса. Ремизов имел основания принять адресованный поэтессе выпад и на свой счет, поскольку Набоков-Сирин, занявшийся ревизией литературы эмиграции, последовательно выступал в печати с негативными оценками его творческой работы с мифом¹³. Не считая должным отвечать непосредственно обидчику, писатель использовал «Примечания» как наиболее подходящее место для выражения собственной творческой позиции, адресуясь, главным образом, к «профессиональным» читателям его книг. Литературный жест не остался без внимания оппонентов. На страницах журнала «Числа» (1931. № 5) вскоре была опубликована расширенная версия ремизовского фрагмента из комментариев к книге «Образ Николая Чудотворца» в виде самостоя-

¹³ Об одной из рецензий, направленных на книгу Ремизова «Звезда надзвездная» (1928), см.: [Бойд, 2001, с. 337; Обатнина, 2001, с. 251–260].

тельной статьи, инициировавшей обсуждение актуальной литературной проблемы [Обатнина, 2008, с. 23–25].

* * *

Объектами исследования теории паратекста являются не только конкретные функции структурных элементов, но и целые области художественного пространства, организованного писателем внутри и вокруг его произведения.

Ж. Женетт предложил остроумную метафору для понимания функционального предназначения паратекстовых частей художественного произведения, назвав их «порогами», или, следуя за определением Хорхе Луиса Борхеса, «вестибюлями» [Genette, 1997, p. 2, 273], окружающими основной текст, в которых содержатся авторские интенции и замыслы, до некоторой степени влияющие на читательскую рецепцию. Исследуя авторскую книгу известного писателя-модерниста, мы можем утверждать, что ее второстепенные структурные элементы, а также такие области творческой рефлексии, как авторские инскрипты, открывают целые анфилады смысловых контекстов его художественного творчества, связанные не только с отдельно взятыми произведениями, но и с культурной традицией, новаторскими приемами и принципами авторепрезентации.

Список литературы

Аппазова С. Т. Художественные функции метатекстовых дополнений в фольклорных переложениях А. М. Ремизова: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2012. 23 с.

Бойд Б. Владимир Набоков: русские годы / Пер. с англ. М.: Независимая газета; СПб.: Симпозиум, 2001. 695 с.

Грачева А. Писец и изограф А. Ремизов // Волшебный мир Алексея Ремизова: Каталог выставки. Музей истории Санкт-Петербурга / Отв. ред. А. М. Грачева. СПб.: Хронограф, 1992. С. 7–10.

Грачева А. М. «Я, последний книгописец...»: Россия сквозь грани писем Алексея Ремизова // Ремизов А. М. Россия в письменах. Собр. соч.. СПб.: Росток, 2017. Т. 13. С. 716–738.

Данилова И. Литературная сказка А. М. Ремизова: (1900–1920-е годы) / University of Helsinki. Department of Modern Languages. Helsinki, 2010. 271 с.

Данилова И. Ф. Всемирная сказка Алексея Ремизова // Ремизов А. М. Собр. соч. СПб.: Росток, 2021. Т. 15. С. 528–534.

Доценко С. Н. Загадка одного предисловия А. М. Ремизова // Блоковский сборник XII / Отв. ред. А. Мальц. Тарту: ИЦ-Гарант, 1993. С. 147–157.

Зенкин С. Теория литературы: проблемы и результаты. М.: НЛЮ, 2018. 368 с.

Нагорная Я. В. А. М. Ремизов и фольклор: к вопросу о методологии исследования // Филологический класс. 2021. Т. 26? № 2. С. 155–166.

Обатнина Е. Царь Асыка и его подданные: Обезьянья Великая и Вольная Палата А. М. Ремизова в лицах и документах. СПб.: Иван Лимбах, 2001. 383 с.

Обатнина Е. Р. «Книга жизни» (к интерпретации литературной биографии С. П. Ремизовой-Довгелло) // Ремизов А. М. Собр. соч. СПб.: Росток, 2019. Т. 15. С. 610–654.

Поляков Ф. Б. Славяно-русская палеография в биографическом повествовании Алексея Ремизова // Germano-Slavistische Beiträge. Festschrift für Peter Rehder zum

65. Geburtstag / Hrsg. von Miloš Okuka, Ulrich Schweier. München: Otto Sagner, 2004. S. 473–481.

Раевская-Хьюз О. П. Волшебная сказка в книге А. Ремизова «Иверень» // Ремизов А. М. Собр. соч.: В 10 т. / РАН ИРЛИ (Пушкинский Дом). М.: Рус. книга, 2000. Т. 8: Подстриженными глазами. Иверень. С. 604–614.

Розанов Ю. В. Научная книга в творческом сознании Алексея Ремизова // Алексей Ремизов: Исслед. и материалы = Aleksey Remizov: Studi e materiali inediti: Сб. науч. ст. / Отв. ред. А. М. Грачева и А. д'Амелия. СПб.; Салерно: Europa Orientalis – Puskinskij Dom, 2003. С. 33–42.

Розанов Ю. В. Фольклоризм А. М. Ремизова: источники, генезис, поэтика. Вологда: Вологод. гос. пед. ун-т, 2008. 266 с.

Розанов Ю. В. Очерк А. М. Ремизова «Тайна Гоголя»: опыт комментария // Тринадцатые гоголевские чтения: Творчество Гоголя и русская общественная мысль: Сб. ст. по материалам Междунар. науч. конф. Новосибирск: Новосибирский ИД, 2013. С. 297–301.

Genette G. Paratexts: Thresholds of Interpretation / Authorized transl. J. E. Lewin. Cambridge: Cambridge Uni. Press, 1997. 427 p.

Список источников

Наследие А. М. Ремизова в литературном процессе XX–XIX вв. Электронная научная система. URL: <http://pushkinskijdom.ru/remizov/>

Ремизов А. М. Собр. соч. М.; СПб.: Русская книга; Росток, 2000–2003, 2015–.

Ремизов А. Обезвельволпал // Бюллетени Дома искусств. 1922. № 1/2. Стб. 30.

Ремизов А. Соч. СПб.: Сирин, [1912]. Т. 1–7.

Сирин В. [В. В. Набоков]. Воля России. 1929, кн. II // Руль. 1929. № 2567. 8 мая. С. 4.

References

Appazova S. T. *Khudozhestvennye funktsii metatekstovykh dopolneniy v fol'klornykh pereložheniyakh A. M. Remizova* [Artistic functions of metatext additions in folklore translations of A. M. Remizov]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Moscow, 2012, 23 p.

Boyd B. *Vladimir Nabokov: russkie gody* [Vladimir Nabokov: The Russian years]. Moscow, Nezavisimaya gazeta, St. Petersburg, Simpozium, 2001, 695 p.

Danilova I. *Literaturnaya skazka A. M. Remizova: (1900–1920-e gody)* [Literary Tale by A. M. Remizov: (1900–1920s)]. University of Helsinki, Department of Modern Languages, Helsinki, 2010, 271 p.

Danilova I. F. *Vsemirnaya skazka Alekseya Remizova* [World tale by Alexey Remizov]. In: Remizov A. M. *Sobranie sochineniy* [Collection of works]. St. Petersburg, Rostok, 2021, vol. 16, pp. 528–534.

Dotsenko S. N. *Zagadka odnogo predisloviya A. M. Remizova* [Enigma of one foreword A. M. Remizov]. In: *Blokovskiy sbornik, XII* [Blok's collection, XII]. A. Mal'ts (Ed.). Tartu, ITs-Garant, 1993, pp. 147–157.

Genette G. *Paratexts: Thresholds of Interpretation*. J. E. Lewin (Authorized transl.), Cambridge, Cambridge Uni. Press, 1997, 427 p.

Gracheva A. *Pisets i izograf A. Remizov* [A. Remizov is a Scribe and Isograph]. In: *Volshebnyy mir Alekseya Remizova: Katalog vystavki. Muzey istorii Sankt-Peterburga*

[Magic world of Alexey Remizov: Exhibition catalog. Museum of History of St. Petersburg]. A. M. Gracheva (Ed. in Ch.). St. Petersburg, Khronograf, 1992, pp. 7–10.

Gracheva A. M. “Ya, posledniy knigopisets...”: Rossiya skvoz’ grani pis’men Aleksey Remizova [“I am the last bookwriter...”: Russia through the prism of the Alexey Remizov’s wrighting]. In: Remizov A. M. *Rossiia v pis’menakh. Sobr. soch.* [Russia in letters. Collected works]. St. Petersburg, Rostok, 2015, vol. 13, pp. 716–738.

Nagornaya Ya. V. A. M. Remizov i fol’klor: k voprosu o metodologii issledovaniya [V. A. M. Remizov and folklore: to the question of research methodology]. *Philological Class.* 2021, vol. 26, no. 2, pp. 155–166.

Obatnina E. R. “Kniga zhizni” (k interpretatsii literaturnoy biografii S. P. Remizovoy-Dovgello) [“The Book of Life” (To the interpretation of the literary biography of S. P. Remizova-Dovgello)]. In: Remizov A. M. *Sobranie sochineniy* [Collection of works]. St. Petersburg, Rostok, 2019, vol. 15, pp. 610–654.

Obatnina E. *Tsar’ Asyka i ego poddannye: Obez’yan’ya Velikaya i Vol’naya Palata A. M. Remizova v litsakh i dokumentakh* [Tsar Asyka and his subjects: A. M. Remizov’s Great and Free Monkey Chamber in persons and documents]. St. Petersburg, Ivan Limbakh, 2001, 383 p.

Polyakov F. B. Slavyano-russkaya paleografiya v biograficheskom povestvovanii Aleksey Remizova [Slavic-Russian paleography in the Alexey Remizov’s biographical narrative]. In: *Germano-Slavistische Beiträge. Festschrift für Peter Rehder zum 65. Geburtstag*. Miloš Okuka, Ulrich Schweier (Hrsg.), München, Otto Sagner, 2004, pp. 473–481.

Raevskaya-Hughes O. P. Volshebnaya skazka v knige A. Remizova “Iveren” [Fairytale in the A. Remizov’s book “Iveren”]. Remizov A. M. *Sobranie sochineniy: V 10 t.* [Collected works: In 10 vols.]. Moscow, Russkaya kniga, 2000, vol. 8: Podstrizhennymi glazami [With trimmed eyes. Iveren], pp. 604–614

Rozanov Iu. V. *Fol’klorizm A. M. Remizova: Istochniki, genezis, poetika* [A. M. Remizov’s folklorism: Sources, genesis, poetics]. Vologda, VSPU, 2008, 266 p.

Rozanov Iu. V. Nauchnaya kniga v tvorchestvom soznanii Aleksey Remizova [Aleksei Remizov: Studi e materiali inedita]. In: *Aleksey Remizov: Issled. i materialy: Sb. nauch. st.* [Alexei Remizov: Research and materials: Coll. sci. articles]. A. M. Gracheva and A. d’Amelia (Eds. in Ch.). St. Petersburg, Salerno, Europa Orientalis – Pushkinskiy Dom, 2003, pp. 33–42.

Rozanov Yu. V. Ocherk A. M. Remizova “Tayna Gogolya”: opyt kommentariya [Essay by A. M. Remizov “The Mystery of Gogol”: the experience of the commentary]. In: *Trinadtsatye gogolevskie chteniya: Tvorchestvo Gogolya i russkaya obshchestvennaya mysl’: Sb. st. po materialam Mezhdunar. nauch. konf.* [Thirteenth Gogol readings: Gogol’s work and Russian social thought]. Novosibirsk, Novosibirskiy ID, 2013, pp. 297–301.

Zenkin S. *Teoriya literatury: problemy i rezul’taty* [Theory of literature: problems and results]. Moscow, NLO, 2018, 368 p.

List of sources

Nasledie A. M. Remizova v literaturnom protsesse 20 – 21 vv. Elektronnaya nauchnaya sistema [Alexey Remizov’s heritage in the literary process of 20th and 21st centuries. Electronic Scholarly System]. URL: <http://pushkinskiydom.ru/remizov/>

Remizov A. Obezvelvolpal [Great and Free Monkey Chamber]. *Byulleteni Doma Iskustv.* 1922, no. 1/2, col. 30.

Remizov A. M. *Sobr. Soch.* [Collected works]. Moscow, St. Petersburg, Russkaya kniga, Rostok, 2000–2003, 2015–.

Remizov A. *Soch.* [Works]. St. Petersburg, Sirin, 1912, vols. 1–7.

Sirin V. V. V. Nabokov. *Volya Rossii*. 1929, kn. II. *Rul'*. 1929, no. 2567, May 8, p. 4.

Информация об авторе

Елена Рудольфовна Обатнина, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург, Россия)

Information about the author

Elena R. Obatnina, Doctor of Philology, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation)

Статья поступила в редакцию 31.08.2023;

одобрена после рецензирования 01.10.2023; принята к публикации 01.10.2023

The article was submitted on 31.08.2023;

approved after reviewing on 01.10.2023; accepted for publication on 01.10.2023

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2024. № 1
Siberian Journal of Philology, 2024, no. 1

Научная статья

УДК 821.161.1-09

DOI 10.17223/18137083/86/11

«Из писем с дороги» О. Ф. Берггольц: история текста и проблема цикла

Наталья Аркадьевна Прозорова

Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской академии наук
Санкт-Петербург, Россия

arhivistka@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3828-4080>

Аннотация

Исследуется многолетняя работа О. Ф. Берггольц над циклом «Из писем с дороги», впервые опубликованным в 1953 г. Поэтесса углубляла семантику цикла; дописывала эпизоды, относящиеся к Волго-Дону – «великой стройке», участниками которой были строители-заклученные; вводила пространственные образы враждебной человеку волго-донской степи; дополняла текст предметно-вещным содержанием («дозорная вышка», «штык часового»); меняла состав, композицию, контекстное окружение цикла. В 1965 г. путевой волго-донской цикл «Из писем с дороги» был преобразован Берггольц в законченный цикл любовной тематики «Письма с дороги». В статье указано на некорректное воспроизведение цикла «Из писем с дороги» в посмертных изданиях (1983; 1989).

Ключевые слова

О. Ф. Берггольц, лирический цикл, тематическая подборка, Волго-Дон, трансформация смысла, контекстное окружение

Для цитирования

Прозорова Н. А. «Из писем с дороги» О. Ф. Берггольц: история текста и проблема цикла // Сибирский филологический журнал. 2024. № 1. С. 148–163. DOI 10.17223/18137083/86/11

© Прозорова Н. А., 2024

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2024. № 1. С. 148–163

Siberian Journal of Philology, 2024, no. 1, pp. 148–163

“From the Letters from the Road” by O. F. Bergholtz: the history of the text and the problem of the cycle

Natalya A. Prozorova

Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom)
of the Russian Academy of Science
St. Petersburg, Russian Federation

arhivistka@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3828-4080>

Abstract

The paper examines the long-term work of O. F. Bergholz on the cycle “From the Letters from the Road” first published in the collection “On the Stalingrad Land” (1953) under strict censorship. While working on the cycle, the poetess expanded the meaning and deepened the semantics. She completed the pivotal episodes of the lyrical heroine’s stay on the Volga-Don, “velikaya srtoyka” (the great construction site), introduced spatial images of the Volga-Don steppe that was hostile to man, and supplemented the text with substantive content (“watchtower”, “sentry bayonet”). The poetess changed the content, composition, and context of the cycle. It was published either as part of a collection or book sections or as a separate lyrical unity. Eventually, Bergholz transformed the travel cycle “From the Letters from the Road,” which predominantly focused on the Volga-Don theme, into the love cycle “Letters from the Road” (1965). This new cycle became a fully formed and cohesive collection with consistent content and structure. The central theme in “Letters from the Road” was that suffering caused by the situation in the Volga-Don land could not be separated from the protagonist’s experience, leading to a rift between her and her friend who “etoj zhestkoy zemli ne potrogal” (did not touch this hard land). The analysis of the lifetime publications of the cycle has revealed the incorrect reproduction of the cycle in posthumous editions (1983, 1989), emphasizing the importance of the author’s cyclization as a productive way of plot realization and communication with the reader.

Keywords

O. F. Bergholz, lyrical cycle, thematic selection, Volga-Don, transformation of meaning, contextual environment

For citation

Prozorova N. A. “From the Letters from the Road” by O. F. Bergholtz: the history of the text and the problem of the cycle. *Siberian Journal of Philology*, 2024, no. 1, pp. 148–163. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/86/11

Введение

Цикл «Из писем с дороги» был впервые опубликован Берггольц в подборке «На сталинградской земле» в журнале «Знамя» [Берггольц, 1953а].

Подборка стала складываться после двух поездок поэтессы на Волго-Донской канал в 1952 г.: зимой она присутствовала на запуске Карповской насосной станции, а весной – на слиянии Волги и Дона. Посещения «великой стройки», участниками которой в большинстве своем были строители-заклученные, произвели на поэтессу сильное впечатление: увиденное так потрясло Берггольц, что после возвращения в Ленинград у нее случился эмоциональный срыв, и она попала в психиатрическую клинику. Кризисное состояние поэтессы было обусловлено также тем, что в публичном дискурсе она давала «правильный» отклик на события [Берггольц, 1952а, с. 2] и только в личном дневнике смогла описать истинное положение рядового строителя канала. В феврале 1952 г., возвращаясь в Сталинград

с митинга по поводу запуска первого агрегата Карповской станции, Берггольц ехала в машине и наблюдала картину, которая врезалась ей в память навсегда:

...во вьюге свет машины выхватывал строителей, которых вели с торжества с автоматами наперевес «чухлики», и окружали овчарки. <...> Си-дела в машине, закинув голову, и куда-то глубоко внутрь, как свинец, текли слезы: за стеклами машины шел МОЙ народ, 90 % из него был здесь ни за что (как я в тюрьме в 38–39<-м>, с тем же чувством жгущей, несмываемой, изумленной обиды), и как я далеко была от него, страдая за него до воя, и должна была – вместо того, чтоб сказать: «Да нет, так нельзя!», – сказать, что все это прекрасно... И, в общем, сказала. Чего они удивляются, что я запила после этого? [Берггольц, 2020, с. 508].

Работа над подборкой «На сталинградской земле» шла трудно. Поэтесса явно ощущала в себе внутреннего цензора-«милиционера», который, по ее словам, постоянно свистел ей: «неправильно переходите улицу». «А сколько строк, – писала она, – где я уже сама “правильно перехожу”» [Там же, с. 478]. И, хотя Берггольц пыталась «дать подтекст» и «протащить» в поэтической форме хоть крупицы правды о Волго-Доне, результат не удовлетворял ее. 7 ноября поэтесса писала в дневнике:

Стихи идут странно. Я испытываю к ним то отвращение, как к чему-то бессильному и топорному, то волнуюсь до слёз. <...> Я знаю причину этого: вторая, скрытая тема Волго-Дона, поистине величественная в своей трагедийности, держит меня в плену своем, не поддается эзоповщине, жаждет обнаружиться... Ее колючие острия вылезают даже из этих стихов и будут опознаны редакторами и критиками [Там же, с. 480].

Впервые опубликованная подборка включала девять произведений: «Ленинград – Сталинград – Волго-Дон...», «Побратимы», «Песня о “Ване-коммунисте”», «В доме Павлова», «В ложе Цимлянского моря», «Случай в степи», «Балка Солянка» (цикл-«двойчатка»), «Из писем с дороги» (цикл-«двойчатка») и «Послесловие» [Берггольц, 1953б, с. 3–14]. В первых четырех стихотворениях Берггольц выстраивала проекцию из военного прошлого в настоящее: «снег блокадный» (Ленинград) – «бессмертный снег» (Сталинград) – «снег степной» (Волго-Дон). Непосредственно волго-донской теме были посвящены стихотворения «В ложе Цимлянского моря», «Случай в степи» и циклы-«двойчатки» «Балка Солянка», «Из писем с дороги». Последний цикл – в данной публикации он состоял из двух стихотворений (I. «...Темный вечер легчайшей метелью увит...»; II. «Я сердце свое никогда не щадил...») – и станет предметом нашего рассмотрения.

Особенности авторской стратегии при работе над лирическим циклом «Из писем с дороги» до настоящего времени не привлекали внимания филологов. В статье будут исследованы история текста, проблема цикла и трансформация семантики цикла в зависимости от его композиции и контекстного окружения.

Теоретической базой исследования стали работы М. Н. Дарвина, Р. Вроона, В. А. Сапогова, В. И. Тюпы, Р. Фигута и др. В настоящей работе под литературным циклом будет подразумеваться «группа *произведений*, составленная и объединенная самим автором по тем или иным принципам и критериям <...> и представляющая собой своеобразное художественное единство» [Дарвин, 2008, с. 292]. Обязательными признаками цикла принято считать авторское заглавие и «устойчивость *текста* в нескольких изданиях» [Дарвин, 2008, с. 292].

1. История текста

Уже в первой публикации подборки «На сталинградской земле» цикл «Из писем с дороги» стал объектом критических нападок: «острия» текста, как и предполагала поэтесса, были «опознаны» рецензентами. Первой отреагировала газета «Правда» и задала тон. По мнению центральной печати, масштаб сталинградских стихов Берггольц был заметно сужен циклом «Из писем с дороги», который оставил «читателя в недоумении» [Лукин, 1953, с. 2]. Вторя главному печатному органу, критик Б. Соловьев заявлял, что стихи «Из писем с дороги» оставляют «странное и смутное впечатление» [Соловьев, 1954, с. 157], и советовал: «нужно разобраться в этих стихах, понять их смутный смысл, их направленность и назначение» [Там же]. Соловьеву казалось «сомнительным» и представление Берггольц о счастье, таком непохожем на счастье «внутренне здоровых, внутренне устойчивых людей» [Там же] (см. второе стихотворение цикла – «Я сердце свое никогда не щадила...»). В конечном счете рецензент назвал стихи «Из писем с дороги» «ущербными» по настроению и ошибочными по представлению «о назначении нашего искусства» [Там же, с. 158]. В подборке «На сталинградской земле» этот цикл казался «инородным» и рецензенту Е. Шевелевой [1953, с. 3]. Позднее, в марте 1954 г., Берггольц констатировала в дневнике: «Вздрыгнула от жгучего счастья, когда уже в этом году А. Сурков заявил, что в моих стихах о Волго-Доне “отсутствует пафос радостного созидания”. Значит, крохи правды всё же в них есть!» [Берггольц, 2020, с. 509]. И наконец, в том же году, на июньском собрании, ленинградские братья-писатели усмотрели в интересующем нас цикле нездоровые декадентские направления [<Заметка>, 1954, с. 3].

Подобная реакция объяснялась тем, что Берггольц в определенной мере удалось закодировать «скрытую тему Волго-Дона». Поэтесса сделала это в первом стихотворении цикла посредством ключевых пространственных образов, имеющих смыслообразующую функцию. В начальной строке она смоделировала открытое пространство в контексте архетипического образа степи¹ и в визуальной картине акцентировала цветовое наполнение: степь была «беспощадно бела» – жестоко холодна / холодна, как смерть.

Темный вечер легчайшей метелью увит,
волго-донская степь беспощадно бела...
[Берггольц, 1953а, с. 12]

Поэтесса актуализировала враждебность волго-донского пространства по отношению к человеку, усиливая впечатление мотивом метели. Человеку невыносимо пребывание там, где «вьюга слепит», «душат снега», «беспощадным становится труд». Отсюда неоднократные обращения к далекому другу, с просьбой о поддержке: «отыщи меня в этой февральской степи», «ожидаю тебя так, как моря в степи» [Там же, с. 13]. Картина замерзшей, костенеющей земли была дополнена висящими в вышине «багровыми звездами», которые – в актуальной для Берггольц звездной поэтике – символизировали тяжесть перенесенного страдания.

Кроме того, поэтесса дала понять пытливому читателю, что недоговорила чего-то главного о Волго-Доне. Так, в последнем стихотворении подборки «На ста-

¹ Напомним, что в фольклоре степь – арена жизненной драмы, в русской литературной традиции – метафора мира, национальной сути и т. д.

линградской земле» – в «Послесловии» – она писала: «...мне заветную тему / вновь воплощать и вновь» [Берггольц, 1953а, с. 14].

Через два года после журнальной публикации подборка «На сталинградской земле» была представлена в книге «Лирика» как раздел и воспроизведена в новой комбинации. Теперь в нее вошли восемь произведений [Берггольц, 1955]: автор исключила из сталинградского ансамбля «Ленинград – Сталинград – Волго-Дон...» и «Послесловие». На первую позицию было поставлено стихотворение под названием «Встреча» («...И вновь одна, совсем одна – в дорогу...») – одно из первых произведений, написанных после Волго-Дона и опубликованных отдельно [Берггольц, 19526]. Теперь оно приняло на себя обобщающую функцию исторических достижений народа. В этом «путевом» стихотворении (а в путешествии, как известно, активируются процессы ассоциативной памяти) определялись векторы пройденного пути: Гражданская война – Помгол – Волховстрой – пылающий Мадрид – война – «первая волна» Волго-Дона. Признавая «небывалый путь» поколения, Берггольц призывала современника помнить о «рядовых строителях канала»: память о них была «врезана» в небо «багровой звездой»:

там, где сквозь мглу, заметная с причала,
как врезанная в небо навсегда,
над лучшим экскаватором мерцала
тяжелая багровая звезда
[Берггольц, 1955, с. 8].

Вторую позицию в разделе занимало стихотворение «Сталинграду», опубликованное еще 28 ноября 1942 г. [Берггольц, 1942]. Оно отсылало читателя в военное прошлое – к блокадным дням Ленинграда.

Цикл «Из писем с дороги» вошел в раздел «На сталинградской земле» книги «Лирика» в прежнем составе. Однако в семантически значимом стихотворении «Темный вечер легчайшей метелью увит...», опубликованном здесь с некоторыми разночтениями², появилась новая строфа, напрямую соотносимая с уже цитированной дневниковой записью о заключенных-строителях, которых вели с «торжества» в сопровождении овчарок:

Я хочу, чтоб хоть миг постоял ты со мной
у ночного костра, –
 он огромный, трескучий и жаркий,
где строители греются тесной гурьбой
и в огонь неподвижные смотрят овчарки
[Берггольц, 1955, с. 22].

Центральную позицию в визуальной картине февральской степи занимал огонь костра, вокруг которого грелись волгодонцы. При этом знаковым элементом сцены являлся статичный образ овчарок, маркирующий границу между пространством жизни и степью как пространством смерти. Местоположе-

² Ср.: «Если трудно со мной, ничего, потерпи, / легкой жизни / любви настоящей не надо» [Берггольц, 1953а, с. 13]; «Если трудно со мной – ничего, потерпи. / Я сама-то себе временами не рада...» [Берггольц, 1955, с. 22]. В издание «Лирика» не было включено четверостишие «И грохочет, грохочет земля в темноте ~ повинуюсь движениям верной руки» [Берггольц, 1953а, с. 13]. Во втором стихотворении цикла «Я сердце свое никогда не щадила...» была также произведена небольшая стилистическая правка (ср.: [Берггольц, 1953а, с. 13; 1955, с. 23]).

ние же лирической героини, максимально приближенной к автору, символично: здесь, в чрезвычайном пространстве, она не была простым наблюдателем. По личному опыту поэтессы (тюремному заключению по сфабрикованному обвинению) ей был понятен драматизм ситуации, и она вновь апеллировала к далекому другу и подчеркивала важность места действия:

Нет, не дома, не возле ручного огня, —
только здесь я хочу говорить о любви
[Берггольц, 1955, с. 22].

Для Берггольц важно было найти единомышленника в лице близкого человека — мужа, Г. П. Макогоненко, но надежды на взаимопонимание у нее больше не осталось. Она писала в дневнике: «Ничего не понимает, ничего не знает о жизни и Волго-Доне, о том, какая жизнь, и какая я, — и мне ему никак не объяснить» [Берггольц, 2020, с. 510]. Судя по записям Берггольц, она могла откровенно обсудить волго-донскую тему лишь с одним человеком — с А. Твардовским, приехавшим в 1952 г. в Сталинград. Поэтесса провела с ним два дня «в лихорадочных, ослепительно-трезвых и прямых разговорах о главном, о Волго-Доне, о лжи, о правде, о жизни, — в разговорах, которых тогда больше смерти опасались люди и вели только под алкоголем» [Там же, с. 509]. Что касается мужа, Г. П. Макогоненко, то глубокое и непреодолимое с ним расхождение было завуалировано во втором стихе «Я сердце свое никогда не щадила...». Как уже отмечалось, личная тема о любви и счастье, вплетенная в волго-донской сюжет, еще при первой, журнальной, публикации вызывала недоумение критика Б. Соловьева, которого поддерживал И. Гринберг, увидевший в стихах Берггольц «претенциозно-смутные “излияния”» и «противоестественное» желание быть несчастным [Гринберг, 1954, с. 179]. Вступившая в полемику С. Бабенышева не без изыщества поглумилась над «критическими» пассажами Соловьева и Гринберга, но и она находила, что в строке о любви — «Я знаю теперь, что она убивает...» — есть некоторое противоречие: «Ну какое же счастье, ежели убивает...» [Бабенышева, 1954, с. 3]. Другого критика — Е. Шевелеву привели в замешательство такие строки:

Прости меня, друг мой. Что было, то было.
Мне страшно...
И все-таки все это — счастье
[Берггольц, 1953а, с. 13].

Шевелева писала: «...читатель все же недоумевает: почему же этому хорошему поэту, заговорившему с ним от сердца, душевно, почему ему страшно? Что на сердце у поэта?» [Шевелева, 1953, с. 3]. Теперь, после публикации цикла «Из писем с дороги» в книге «Лирика», тема «сомнительной» любви-счастья стала предметом едких насмешек у пародиста Б. Кежуна и карикатуриста Вл. Гальбы [Кежун, 1957, с. 4].

В следующем издании — первом томе сочинений Берггольц в двух томах, вышедшем в 1958 г., подборка «На сталинградской земле» была вновь представлена как обновленный раздел книги. Теперь раздел открывался стихотворением «Сталинграду», а вторую позицию занимала «Встреча». Цикл «Из писем с дороги» опубликован здесь в прежнем составе, но с небольшими разночтениями в сравне-

нии с книгой «Лирика»³. За ним был помещен блок стихотворений любовной тематики: цикл-«двойчатка» «Стихи о любви» (I. «Взял неласковую, угрюмую...», 1942; II. «Я тайно и горько ревную...», 1947) и стихотворения «Бабье лето» и «Перед разлукой», написанные в 1956 г. Четыре последних текста, завершающих раздел, перемещали внимание читателя с волгодонской темы на личную, интимную.

Еще через три года, в 1961 г., цикл воспроизводился дважды.

Сначала он был републикован в сборнике «Стихи – Проза» (книга подписана к печати 8 мая 1961 г.), в разделе «Стихи» после сталинградских стихотворений, не выделенных в отдельную подборку [Берггольц, 1961б, с. 356–357].

Затем в сентябрьском номере журнала «Новый мир» цикл «Из писем с дороги» приобрел самостоятельную ипостась и был опубликован в абсолютно новом составе. Здесь он включал три стихотворения: «...Пусть падают листки календаря...», «О, как я от сердца тебя отрывала!», «А я вам говорю, что нет...» [Берггольц, 1961а]⁴. Новые тексты трансформировали семантику цикла, который приобрел исповедальную тональность, а волго-донской сюжет был проявлен лишь во втором произведении. (Перенесение акцента на личную тему можно объяснить биографической ситуацией: начало 1960-х – время окончательного разрыва Берггольц с Г. П. Макогоненко; официально развод был оформлен в 1962 г.) Масштабность людских страданий вновь обозначена пространственным образом – бескрайней волго-донской степью, и дополнена новым ольфакторным компонентом пейзажа – горьким запахом полыни:

...Полынью, полынью бессмертную веет
от шлюзов бетонных до нашего дома...
[Берггольц, 1961а, с. 86].

Драматичную напряженность восприятию места добавило обращение лирической героини к собеседнику-другу, не разделившему с ней экзистенциальный опыт:

Но ты этой жесткой земли не потрогал,
и ты не вдыхал этот запах полыни
[Там же, с. 85].

Покидая донскую степь, некий духовно-нравственный рубеж, лирическая героиня стала *другой*. Неразделенность переживания маркирована в тексте как одна из возможных причин грядущего разрыва с адресатом стихотворения. В дневнике эта мысль была выражена еще в 1952 г. и более резко: «Я вообще *стала ему неудобна с моими Волго-Донами* (курсив мой. – Н. П.), мучительными общими вопросами, ревностью, любовью» [Берггольц, 2020, с. 476].

³ Ср.: 1) «Если понял меня, если помнишь меня, – / отыщи меня – слышишь? – / позови, позови...» [Берггольц, 1955, с. 22]; «Если помнишь меня, если понял меня, / если любишь меня – / позови, позови!» [Берггольц, 1958, с. 117]; 2) «и, почти ненавидя, / ни о чем не моля» [Берггольц, 1955, с. 23]; «Ненавидя ее, ни о чем не моля» [Берггольц, 1958, с. 118]; 3) «И то, что я смертно, горяче тоскую» [Берггольц, 1955, с. 23]; «И то, что я страстно, горяче тоскую» [Берггольц, 1958, с. 118].

⁴ Здесь же было напечатано стихотворение Берггольц «Песня после дороги» («Я вернулась, миленький...», 1959) [Берггольц, 1961а, с. 86–87], нечетко отделенное в журнале от цикла; в дальнейшем стихотворение печаталось под названием «Сибиринка» («Я вернулась, миленький...»).

В следующем году, в сборнике «Стихи» (1962), в разделе «Стихи разных дней и лет» сталинградские стихотворения публиковались как отдельные структурные лирические единицы. Цикл «Из писем с дороги» был расширен и теперь включал пять стихотворений. На первую и вторую позиции возвращены тексты: I. «Темный вечер легчайшей метелью увит...»; II. «Я сердце свое никогда не щадила...» [Берггольц, 1962, с. 209–212]. Следующие позиции заняли стихотворения, публиковавшиеся до этого как одноименный цикл в журнале «Новый мир»: III. «Пусть падают листки календаря...»; IV. «О, как я от сердца тебя отрывала!...»; V. «А я вам говорю, что нет...» [Там же, с. 212–215].

Что мне делать, скажи, если сердце мое
обвивает, глубоко впиваясь, коллочка,
и дозорная вышка над нею встает,
и о штык часового терзаются низкие
тучи?

Кровь и соль на глазах!
Я смотрю на него сквозь большую
 печаль,
сквозь колючую мглу,
 сквозь судьбу волгодонца...
[Там же, с. 210].

Обращает на себя внимание декларируемая автором верность идее-мечте: «Так упрямо смотрю я в заветную даль» (читай: «даль социализма»). В контексте этого заявления по-новому прочитывается стихотворение «А я вам говорю, что нет...», утверждающее ценность любого накопленного опыта, включающего как «судьбу волгодонца», так и «обманутую любовь»⁵.

2. Проблема цикла

В 1965 г. в книге «Узел» интересующий нас цикл получил новое название – «Письма с дороги» [Берггольц, 1965, с. 120–126], указывающее на полноту и завершенность его формирования. До этого номинация «Из писем с дороги» маркировала незаконченность цикла и одновременно обозначала его завершенность в качестве *части* текста.

Эпиграфом к циклу «Письма с дороги», включенному в раздел «Годы», стали строки «Остальных пьянила ширь / весны и каторги» из поэмы «Лейтенант Шмидт» Б. Пастернака [Берггольц, 1965, с. 120]. Цикл начинался не публиковавшимся ранее стихотворением «К волго-донской степи», датированным 1952 г. В нем Берггольц напрямую ассоциировала свирепое волго-донское пространство со своим тюремным заключением, а в корреляции с эпиграфом – с каторгой. Это было нутряное ощущение, которое после возвращения с Волго-Дона поэтесса передавала в дневниковом тексте значительно смелее, нежели в стихах, и отождествляла с каторгой положение всей страны:

В начале 52<-го>, зимой и весной, – дважды Волго-Дон. Дикое, страшное народное страдание. Историческая трагедия небывалых масштабов. Безысходная, жуткая каторга, именуемая «великой стройкой коммунизма», «сталинской стройкой». Это – коммунизм?! Да, люди <...> радуются созданию своих рук <...> но это – радость каторжан [Берггольц, 2020, с. 507].

Далее в цикл вошли уже известные тексты, расположенные в новом порядке. Перечислим весь состав: 1) «К волго-донской степи»; 2) «Я сердце свое никогда не щадила...»; 3) «Темный вечер легчайшей метелью увит...»; 4) «О как я от сердца тебя отрывала!»; 5) «Пусть падают листки календаря...». Эпиграф и обновленная комбинация стихотворений задавали новую рецепцию цикла. Статус стихотворения «Я сердце свое никогда не щадила...», помещенного сразу за обращением «К волго-донской степи», возрос: оно стало прочитываться как признание субъективной ответственности за всё происходящее в личной и общественной жизни. Выделим основные смысловые вехи, которые «скрепляют» стихотворения цикла в единое художественное полотно: каторга – волго-донская степь – людское горе; в «заветной дали» оставлена часть сердца; героиня смотрит в будущее «сквозь судьбу волгодонца», но лирический собеседник «не вдыхал этот запах полынный», и потому жизнь развела их «по разным дорогам».

В 1966 и 1967 гг. переработки цикла не происходило: в книге «Стихотворения» [Берггольц, 1966, с. 99–104] и в «Избранных произведениях: В 2 т.» [Берггольц, 1967, т. 1, с. 266–271] цикл был републикован по сборнику «Узел». Таким образом, с 1965 по 1967 г., он публиковался трижды, имел устойчивый состав, композицию и единое название – «Письма с дороги».

В 1972 г. Берггольц вновь ревизовала журнальную подборку «На сталинградской земле» и представила ее в книге «Память» (1972) в составе семи стихотворений. Помимо произведений «Побратимы», «Песня о “Ване-коммунисте”», «В ложе Цимлянского моря», «Балка Солянка» и «В доме Павлова» сюда были включены стихотворения «Пусть голосуют дети» (1945) и «Феодосия» (1935–1947). Последнее стихотворение, топонимически не вписывавшееся в сталинградскую тему, обобщало поколенческий опыт и плавно переводило внимание читателя к следующему разделу книги – «Память».

В книге «Память» в разделе «Годы» цикл, название которого вновь маркировало его незаконченность – «Из писем с дороги», был напечатан в составе двух стихотворений: «Я сердце свое никогда не щадила...»; «Пусть падают листки календаря...» [Берггольц, 1972, с. 231–232]. В новой рекомбинации полностью отсутствовала волго-донская тема.

И, наконец, в последнем прижизненном Собрании сочинений в трех томах (Л., 1972–1973) Берггольц создала новое жанровое образование под названием «Из цикла “Волго-Дон”», в котором было напечатано всего два произведения:

«Я сердце свое никогда не щадила...» и «...И вновь одна, совсем одна – в дорогу...» [Берггольц, 1973, т. 1, с. 36–43], ранее публиковавшиеся в цикле «Из писем с дороги». Подобная редукция темы объясняется тем, что Берггольц, вероятно, задумала оформить новый цикл – «Волго-Дон», но сделать этого не успела: здоровье поэтессы было сильно подорвано, творческая активность резко снизилась. Сталинградские стихотворения были напечатаны как автономные лирические единицы. Цикла под названием «Из писем с дороги» («Письма с дороги») в этом трехтомнике не было.

На этом прижизненные публикации стихотворений рассматриваемого цикла завершились. Посмертные публикации цикла «Из писем с дороги» в «Избранных произведениях» – авторитетном издании серии «Библиотека поэта» [Берггольц, 1983, с. 322–323], и в трехтомном собрании сочинений [Берггольц, 1989, т. 2, с. 121–123] вызывают недоумение и представляются некорректными. В обоих указанных изданиях цикл был напечатан в составе двух стихотворений: 1) «Темный вечер легчайшей метелью увит...»; 2) «О как я от сердца тебя отрывала!» Но таких состава и композиции цикла в прижизненных сборниках нет! Т. П. Голованова, автор примечаний к этим изданиям, дважды указала, что цикл печатается по сборнику Берггольц «Стихи» (1962) [Голованова, 1983, с. 574; 1989, с. 410]. Но, как было показано выше, в данном сборнике цикл публиковался в составе *пяти* стихотворений (I. «Темный вечер легчайшей метелью увит...»; II. «Я сердце свое никогда не щадила...»; III. «Пусть падают листки календаря...»; IV. «О, как я от сердца тебя отрывала!...»; V. «А я вам говорю, что нет...» [Берггольц, 1962, с. 209–215]), тогда как в «Избранных произведениях» (1983) и трехтомнике (1989) опубликованы лишь *первое* и *четвертое* стихотворения цикла. Подобное воспроизведение состава и композиции цикла «Из писем с дороги» является абсолютно произвольным решением публикатора.

Между тем важность сохранения авторского замысла при публикации цикла, имеющего такую сложную историю текста, трудно переоценить. Тяготение Берггольц к циклизации демонстрирует неустанный поиск коммуникативной связи с читателем, той специфической связи, которая только и может быть обеспечена жанровой особенностью цикла. Именно в нем появляется возможность передать единую, сложную, разветвленную концепцию автора. В ходе творческих поисков менялся состав интересующего нас цикла (в разное время он включал от двух до пяти стихотворений), его композиция, название, контекстное окружение и организация тем. Отсюда следуют трансформация смысла и изменение типологии цикла. Остановимся на этом подробнее и начнем с заглавия.

Итак, тематическая подборка «На сталинградской земле», равно как и цикл «Из писем с дороги», тяготеют к путевому циклу, о чем говорят сами номинации лирических образований.

Заглавие поэтического цикла «Из писем с дороги» / «Письма с дороги» выполняет текстообразующую функцию и задает композиционную организацию: авторское высказывание представлено в «письмах». При этом название обеспечивает автономность каждой отдельной лирической единицы, указывает на их связность и несет в себе «знак цельности» всей художественной циклической формы.

Учитывая тенденцию изучения циклических образований «внутри авторского творчества» [Дарвин, Тюпа, 2001, с. 23], следует отметить, что лексема «письмо» утвердилась в номинациях произведений Берггольц еще с военных лет и указывала на документальность повествования и на прямую связь текста с жизнью автора [Прозорова, 2021, с. 363–364]. Кроме того, лексемы «дорога» и «путь» занимали

ключевые позиции в творческом сознании поэтессы. Именно *в дороге, в пути* у автора появлялись новые ощущения себя в пространстве и времени, а случайные встречи получали статус уникальных. При этом одиночество («...И вновь одна, совсем одна – в дорогу...») способствовало прозрению, преображению, обновлению души. Так, описывая в автобиографической повести «Дневные звезды» возвращение своей семьи из Углича в Петроград, Берггольц зафиксировала некое новое, непонятное для – тогда маленькой – Ольги восприятие бытия: она «ясно почувствовала», что ее «отдельно – вовсе и нет на земле» [Берггольц, 2014, с. 310]. В лирическом цикле с говорящим названием «Дорога в горы» (1941) было передано не повторявшееся больше чувство полной гармонии с миром. Иными словами, лексемы «письмо» и «дорога» устанавливают метатекстовую нить со всем творчеством автора и задают определенную документально-биографическую перспективу.

Местоположение цикла «Из писем с дороги» внутри подборки «На сталинградской земле» или внутри более крупного композиционного объединения (одноименного раздела книг) предопределяло его читательскую рецепцию прежде всего в общественно-историческом событийном контексте 1950-х гг. с превалированием волго-донской темы. Публикация цикла вне подборки как самостоятельного художественного единства поменяла фокус читательского восприятия, поскольку в ней изменилась организация тем. Так, любовная тема, присутствующая в первоначальном составе цикла «Из писем с дороги» (1953), постепенно разворачивалась, приобретала мощное звучание и стала определяющей в законченном цикле «Письма с дороги» (1965).

Характерной для лирического цикла (ЛЦ), по мнению исследователей, является «монтажная композиция, когда смысл целого не равен сумме смыслов его составляющих ($1 + 1 > 2$, по известной формуле С. Эйзенштейна), т. е. художественный смысл ЛЦ строится не только из смыслов входящих в него отдельных пьес, но и в значительной степени из их взаимоотношений, корреспонденций» [Сапогов, 1980, с. 90]. «Монтажная композиция» и выполняет в цикле смыслообразующую функцию. Отметим, что в рассматриваемом цикле «Из писем с дороги» («Письма с дороги») событийной канвы как таковой нет, но в нем присутствует нарастающее поэтическое настроение, или так называемая «единая авторская эмоция» [Сапогов, 1968, с. 182]. Какая же?

Когда цикл «Письма с дороги» (1965) был оформлен и приобрел устойчивость, его *организующим принципом* (понятие Р. Фигута [2000, с. 161]) выступила тематическая линия о неразделенности страдания, порожденного ситуацией на волго-донской земле: «но ты этой жесткой земли не потрогал». Именно эта сквозная тема продуцировала в «Письмах с дороги» нарастание переживания лирической героини, возникающее «на границе связи одного произведения с другим»⁶. Так, в первом стихотворении цикла героиня оказывается во враждебном пространстве – волго-донской степи, которая грозит ей («Так вот я какую тебя повстречала, – / ту, что грозила недавно и мне» [Берггольц, 1965, с. 120]) и которой угрожает она сама («Ну что же, – здравствуй! / Еще посмотрим, / кто пересилит из нас двоих» [Там же, с. 121]). Во втором стихотворении («Я сердце свое никогда не щадила...») она

⁶ По мнению исследователей, «суть художественной циклизации в лирике состоит не в плавном перетекании смысла из одного произведения в другое, не в простом умножении и распространении его, но возникает именно на границе связи одного произведения с другим» [Дарвин, Тюпа, 2001, с. 32].

смотрит в лицо беде и берет на себя ответственность за всё; в третьем стихотворении апеллирует к далекому другу («Я хочу, чтоб хоть миг постоял ты со мной...»), но безрезультатно; в четвертом стихотворении она понимает, что разделить с ней полынную горечь Волго-Дона ее друг не может. И, наконец, в последнем тексте «Пусть падают листки календаря...» декларируется разрыв с другом-собеседником, происходит перелом в судьбе героини. Стихотворение занимает сильную, финальную позицию, благодаря чему цикл из «дорожного» преобразуется в любовный; выстраивается такая картина мира, в которой неразделенная боль разъединяет людей. Лирическая героиня остается одна: ее, в отличие от «остальных», не «пьянила ширь весны и каторги». Сквозной мотив неразделенной боли выступает в «Письмах с дороги» циклообразующим элементом.

Таким образом, сохранение авторских «границ» цикла непреложно для эдиционной практики. В противном случае создается угроза непонимания читателем замысла стихотворного единства. Исследователи отмечают, что оживление исследований о циклах отразилось «на современной эдиционной практике, которая стала воспроизводить авторскую циклизацию гораздо тщательнее» [Вроон, 2007, с. 17].

Выводы

Цикл «Из писем с дороги», написанный в условиях жесткой цензуры, Берггольц перерабатывала много лет. Продуцирование циклических образований с разным составом и композицией, переакцентировкой тем и уточненным названием свидетельствует о специфике поэтического мышления Берггольц. Поэтесса находила в циклизации продуктивный способ реализации авторской интенции и коммуникации с читателем. Законченным авторским циклическим единством следует признать «Письма с дороги», трижды воспроизводившиеся без изменений (1965, 1966, 1967). Эдиционный подход при публикации цикла «Из писем с дороги» в «Избранных произведениях» [Берггольц, 1983] и в трехтомном собрании сочинений [Берггольц, 1989] представляется не допустимым, тем более, что по этим изданиям делаются перепечатки для современных публикаций и книг.

Список литературы

Вроон Р. Еще раз о понятии «лирический цикл» // Искусство поэтики – искусство поэзии: к 70-летию И. В. Фоменко: Сб. науч. трудов. Тверь: Лилия Принт, 2007. С. 5–38.

Дарвин М. Н. Цикл // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / Под ред. Н. Д. Тмарченко. М.: Изд-во Кулагиной; Intrada, 2008. С. 292–293.

Дарвин М. Н., Тюпа В. И. Циклизация в творчестве Пушкина: опыт изучения поэтики конвергентного сознания. Новосибирск: Наука, 2001. 293 с.

Прозорова Н. А. Поэтология Ольги Берггольц: рефлексия и авторская стратегия // Проблемы исторической поэтики. 2021. Т. 19, № 2. С. 353–372.

Сапогов В. А. Лирический цикл или лирическая поэма в творчестве А. Блока // Русская литература XX века (дооктябрьский период): Сб. ст. Калуга: ТГПИ, 1968. Сб. 1. С. 174–189.

Сапогов В. А. Сюжет в лирическом цикле // Сюжетосложение в русской литературе: Сб. ст. Даугавпилс: ДПИ, 1980. С. 90–97.

Фигут Р. Поэтический сборник Е. А. Баратынского «Сумерки»: флюктуация тем и форм и цикловой композиционный порядок // Учен. зап. Казан. ун-та. Т. 139: Слово и мысль Е. А. Баратынского: к 200-летию со дня рождения / Сост. и отв. ред. Л. Я. Воронова. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2000. С. 159–181.

Список источников

- Бабенышева С. Стихотворение и его комментаторы // Литературная газета. 1954. № 123, 1 окт. С. 3.
- Берггольц О. Сталинграду // Ленинградская правда. 1942. № 282, 28 янв. С. 1.
- Берггольц О. Вода пошла по каналу // Литературная газета. 1952а. № 18, 9 февр. С. 2.
- Берггольц О. Встреча («...И вновь одна, совсем одна – в дорогу...» // Знамя. 1952б. № 6. С. 3–5.
- Берггольц О. Из писем с дороги // Знамя. 1953а. № 1. С. 12–13.
- Берггольц О. На сталинградской земле // Знамя. 1953б. № 1. С. 2–14.
- Берггольц О. На сталинградской земле // Берггольц О. Лирика. М.: Худож. лит., 1955. С. 5–27.
- Берггольц О. Соч.: В 2 т. М.: Гослитиздат, 1958. Т. 1. 224 с.
- Берггольц О. Из писем с дороги: стихи // Новый мир. 1961а. № 9. С. 85–86.
- Берггольц О. Стихи – Проза. М.; Л.: Худож. лит., 1961б. 550 с.
- Берггольц О. Стихи. М.: Гослитиздат, 1962. 223 с. (Б-ка советской поэзии)
- Берггольц О. Узел: новая книга стихов. М.; Л.: Сов. писатель, 1965. 141 с.
- Берггольц О. Стихотворения. Л.: Лениздат, 1966. 115 с.
- Берггольц О. Избранные произведения: В 2 т. Л.: Худож. лит., 1967. Т. 1. 363 с.
- Берггольц О. Память: книга стихов. М.: Современник, 1972. 302 с.
- Берггольц О. Собр. соч.: В 3 т. Л.: Худож. лит., 1973. Т. 3. 391 с.
- Берггольц О. Избранные произведения / Вступ. ст. А. И. Павловского, сост. М. Ф. Берггольц и А. И. Павловского, подгот. текста и примеч. Т. П. Головановой. Л.: Сов. писатель, 1983. (Б-ка поэта. Большая серия)
- Берггольц О. Ф. Собр. соч.: В 3 т. / Сост. М. Ф. Берггольц, примеч. Т. П. Головановой. Л.: Худож. лит., 1989. Т. 2: Стихотворения и поэмы: 1941–1953; проза: 1941–1954. 429 с.
- Берггольц О. Ф. «Не дам забыть...»: Избранное. СПб.: Полиграф, 2014. 688 с.
- Берггольц О. Ф. Мой дневник. Т. 3: 1941–1971 / Отв. сост. А. П. Гаврилина, Н. А. Стрижкова. М.: Кучково поле Музеон, 2020. 840 с.
- Голованова Т. П. Примечания // Берггольц О. Избранные произведения / Вступ. ст. А. И. Павловского, сост. М. Ф. Берггольц и А. И. Павловского, подгот. текста и примеч. Т. П. Головановой. Л.: Сов. писатель, 1983. С. 533–584.
- Голованова Т. П. Примечания // Берггольц О. Ф. Собр. соч.: В 3 т. / Сост. М. Ф. Берггольц, примеч. Т. П. Головановой. Л.: Худож. лит., 1989. Т. 2: Стихотворения и поэмы: 1941–1953; проза: 1941–1954. С. 391–426.
- Гринберг И. Оружие лирики // Знамя. 1954. № 8. С. 170–184.
- <Заметка> Быть на высоте требований партии и народа: собрание ленинградских писателей // Вечерний Ленинград. 1954. № 142, 17 июня. С. 3.
- Кежун Б. Лирика (Ольга Берггольц) // Ленинградская правда. 1957. № 104, 5 мая. С. 4 (с карикатурой Вл. Гальбы).
- Лукин Ю. Без мастерства, без вдохновенья // Правда. 1953. № 32, 1 февр. С. 2.
- Приходько В. Грядущее въявь // Литературная газета. 1961. № 118, 3 окт. С. 3.

Соловьев Б. Поэзия и правда // Звезда. 1954. № 3. С. 152–164.
Шевелева Е. Душевный разговор // Литературная газета. 1953. № 17, 7 февр.
С. 3.

References

Darvin M. N. Tsikl [Cycle]. In: *Poetika: slovar' aktual'nykh terminov i ponyatiy* [Poetics: dictionary of current terms and concepts]. N. D. Tamarchenko (Ed.). Moscow, Izd. Kulaginoy, Intrada, 2008, pp. 292–293.

Darvin M. N., Tyupa V. I. *Tsiklizatsiya v tvorchestve Pushkina: opyt izucheniya poetiki konvergentnogo soznaniya* [Cyclization in Pushkin's work: the experience of studying the poetics of convergent consciousness]. Novosibirsk, Nauka, 2001, 293 p.

Figut R. *Poeticheskiy sbornik E. A. Baratynskogo "Sumerki": flyuktuatsiya tem i form i tsiklovoy kompozitsionnyy poryadok* [E. A. Baratynsky's poetry collection "Twilight": fluctuation of themes and forms and cyclic compositional order]. In: *Uchenyye zapiski. T. 139: slovo i mysl' E. A. Boratynskogo: k 200-letiyu so dnya rozhdeniya* [Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Vol. 139: Word and thought of E. A. Boratynsky: to the 200th anniversary of his birth]. L. Ya. Voronova (Ed.). Kazan, Kazan University Publ., 2000, pp. 159–181.

Prozorova N. A. Poetologiya Ol'gi Berggol'ts: refleksiya i avtorskaya strategiya [Poetology of Olga Berggolts: reflection and author's strategy]. *The Problems of Historical Poetics*. 2021, vol. 19, no. 2, pp. 353–372.

Sapogov V. A. *Liricheskiy tsikl ili liricheskaya poema v tvorchestve A. Bloka* [Lyrical cycle or lyrical poem in the works of A. Blok]. In: *Russkaya literatura 20 veka (dooktyabr'skiy period): Sb. st.* [Russian literature of the 20th century (pre-October period): coll. of art.]. Kaluga, TSPI, 1968, coll. 1, pp. 174–189.

Sapogov V. A. *Syuzhet v liricheskom tsikle* [The plot in the lyrical cycle]. In: *Syuzhetoslozheniye v russkoy literature: Sb. st.* [Plot structure in Russian literature: coll. of art.]. Daugavpils, DPI, 1980, pp. 90–97.

Vroon R. Eshche raz o ponyatii "liricheskiy tsikl" [Once again about the concept of "lyrical cycle"]. In: *Iskusstvo poetiki – iskusstvo poezii: k 70-letiyu I. V. Fomenko: sb. nauch. trudov* [The art of poetics – the art of poetry: to the 70th anniversary of I. V. Fomenko: coll. of sci. works]. Tver, Liliya Print, 2007, pp. 5–38.

List of sources

Babenysheva S. *Stikhotvorenie i ego kommentary* [Poem and its commentators]. *Literaturnaya gazeta*. 1954, no. 123, October 1, p. 3.

Berggol'ts O. F. "Ne dam zabyt'...": *Izbrannoe* ["I will not let one forget...": Selected works]. St. Petersburg, Poligraf, 2014, 688 p.

Berggol'ts O. F. *Moy dnevnik. T. 3: 1941–1971* [My diary. Vol. 3: 1941–1971]. A. P. Gavrilina, N. A. Strizhkova (Comps.). Moscow, Kuchkovo pole Muzeon, 2020, 840 p.

Berggol'ts O. F. *Sobr. soch.: V 3 t.* [Collected works: In 3 vols.]. M. F. Berggol'ts (Comp.), T. P. Golovanova (Notes). Leningrad, Khudozh. lit., 1989, vol. 2: *Stikhotvoreniya i poemyy: 1941–1953* [Verses and poems: 1941–1953]; *proza: 1941–1954* [prose: 1941–1954], 429 p.

Berggol'ts O. *Iz pisem s dorogi* [From the letters from the journey]. *Znamya*. 1953a, no. 1, pp. 12–13.

Berggol'ts O. Iz pisem s dorogi: stikhi [From the letters from the journey: poems]. *Novyy mir*. 1961a, no. 9, pp. 85–86.

Berggol'ts O. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. A. I. Pavlovsky (Introd. art.), M. F. Berggol'ts & A. I. Pavlovsky (Comps.), T. P. Golovanova (Text prep. and notes). Leningrad, Sov. pisatel', 1983. (Biblioteka poeta. Bol'shaya seriya [The library of a poet. Big series])

Berggol'ts O. *Izbrannye proizvedeniya: V 2 t.* [Selected works: In 2 vols.]. Leningrad, Khudozh. lit., 1967, vol. 1, 363 p.

Berggol'ts O. Na stalingradskoy zemle [On the Stalingrad land]. In: *Berggol'ts O. Lirika* [Lyrics]. Moscow, Khudozh. lit., 1955, pp. 5–27.

Berggol'ts O. Na stalingradskoy zemle [On the Stalingrad land]. *Znamya*. 1953b, no. 1, pp. 2–14.

Berggol'ts O. *Pamyat': kniga stikhov* [Memory: a book of poems]. Moscow, Sovremennik, 1972, 302 p.

Berggol'ts O. *Sobr. soch.: V 3 t.* [Collected works: In 3 vols.]. Leningrad, Khudozh. lit., 1973, vol. 3, 391 p.

Berggol'ts O. *Soch.: V 2 t.* [Works: In 2 vols.]. Moscow, Goslitizdat, 1958, vol. 1, 224 p.

Berggol'ts O. Stalingradu [To Stalingrad]. *Leningradskaya pravda*. 1942, no. 282, January 28, p. 1.

Berggol'ts O. *Stikhi – Proza* [Poems – Prose]. Moscow, Leningrad, Khudozh. lit., 1961b, 550 p.

Berggol'ts O. *Stikhi* [Poems]. Moscow, Goslitizdat, 1962, 223 p. (Biblioteka sovetskoy poezii [Library of Soviet poetry])

Berggol'ts O. *Stikhotvoreniya* [Poems]. Leningrad, Lenizdat, 1966, 115 p.

Berggol'ts O. Voda poshla po kanalu [Water went down the canal]. *Literaturnaya gazeta*. 1952a, no. 18, February 9, p. 2.

Berggol'ts O. Vstrecha (“...I vnov' odna, sovsem odna – v dorogu...” [Meeting (“...And again alone, all alone — to travel...”)]). *Znamya*. 1952b, no. 6, pp. 3–5.

Berggol'ts O. *Uzel: novaya kniga stikhov* [Knot: a new book of poems]. Moscow, Leningrad, Sov. pisatel', 1965, 141 p.

Golovanova T. P. Primechaniya [Notes]. Berggol'ts O. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. A. I. Pavlovsky (Introd. art.), M. F. Berggol'ts & A. I. Pavlovsky (Comps.), T. P. Golovanova (Text prep. and notes). Leningrad, Sov. pisatel', 1983, pp. 533–584.

Golovanova T. P. Primechaniya [Notes]. In: Berggol'ts O. F. *Sobr. soch.: V 3 t.* [Collected works: In 3 vols.]. M. F. Berggol'ts (Comp.), T. P. Golovanova (Notes). Leningrad, Khudozh. lit., 1989, vol. 2: *Stikhotvoreniya i poemy: 1941–1953* [Verses and poems: 1941–1953]; *proza: 1941–1954* [prose: 1941–1954], pp. 391–426.

Grinberg I. *Oruzhie liriki* [Weapon of lyrics]. *Znamya*. 1954, no. 8, pp. 170–184.

Kezhun B. *Lirika* (Ol'ga Berggol'ts) [Lyrics (Olga Berggol'ts)]. *Leningradskaya pravda*. 1957, no. 104, May 5, p. 4 (with a caricature by V. Galba).

Lukin Yu. Bez masterstva, bez vdokhnoven'ya [Without skill, without inspiration]. *Pravda*. 1953, no. 32, February 1, p. 2.

Prikhod'ko V. Gryadushchee v'yav' [The future in reality]. *Literaturnaya gazeta*. 1961, no. 118, October 3, p. 3.

Sheveleva E. Dushevnyy razgovor [A soulful conversation]. *Literaturnaya gazeta*. 1953, no. 17, February 7, p. 3.

Solov'ev B. Poeziya i pravda [Poetry and truth]. *Zvezda*. 1954, no. 3, pp. 152–164.

Zametka. Byt' na vysote trebovaniy partii i naroda: sobranie leningradskikh pisateley [Note. To be on top of the demands of the party and the people: a meeting of Leningrad writers]. *Vecherniy Leningrad*. 1954, no. 142, June 17, p. 3.

Информация об авторе

Наталья Аркадьевна Прозорова, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинского Дома) Российской академии наук (Санкт-Петербург, Россия)

Information about the author

Natalya A. Prozorova, Candidate of Philology, Senior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom) of the Russian Academy of Science (St. Petersburg, Russian Federation)

*Статья поступила в редакцию 08.07.2022;
одобрена после рецензирования 11.08.2022; принята к публикации 11.08.2022
The article was submitted on 08.07.2022;
approved after reviewing on 11.08.2022; accepted for publication on 11.08.2022*

Научная статья

УДК 82

DOI 10.17223/18137083/86/12

**Повесть А. Г. Битова «Человек в пейзаже» (1983):
сюжет ментальных блужданий в поисках сущности искусства
и смысла бытия**

Екатерина Дмитриевна Буханова

Национальный исследовательский
Томский государственный университет
Томск, Россия

Сибирский государственный медицинский университет
Томск, Россия

Ekaterinabuhh@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1974-1303>

Аннотация

В повести А. Г. Битова «Человек в пейзаже» (1983) фабула ментальных блужданий раскрывает развивающуюся в разговорах героев мысль о положении человека в онтологии, о возможностях искусства в познании бытия. Сюжет ментальных блужданий задает контрапункт философских вопросов: кто субъект бытия – Творец или самодвижение материи – и насколько сотворенное соответствует замыслу; какой слой бытия доступен сознанию человека и чем опасен выход за границы; исполняет ли художник замысел Творца – или искушается возможностью соперничества с Ним; является ли искусство отражением доступного человеку слоя реальности – или познанием целого мироздания; гносеологический ли это инструмент – или симулякр истины.

Ключевые слова

А. Г. Битов, «Оглашенные», «Человек в пейзаже», сюжет путешествия, сущность искусства, смысл бытия

Для цитирования

Буханова Е. Д. Повесть А. Г. Битова «Человек в пейзаже» (1983): сюжет ментальных блужданий в поисках сущности искусства и смысла бытия // Сибирский филологический журнал. 2024. № 1. С. 164–176. DOI 10.17223/18137083/86/12

© Буханова Е. Д., 2024

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2024. № 1. С. 164–176
Siberian Journal of Philology, 2024, no. 1, pp. 164–176

The short story of A. G. Bitov “Man in the landscape” (1983): the plot of mental wanderings in searching for the essence of art and of the meaning of being

Ekaterina D. Bukhanova

National Research Tomsk State University
Tomsk, Russian Federation

Siberian State Medical University
Tomsk, Russian Federation

Ekaterinabuhh@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1974-1303>

Abstract

A significant place in the legacy of Andrey Bitov (1937–2018), a contemporary Russian writer, is occupied by analytical essayist prose. His natural philosophy tetralogy “The catechumen” (1971–2011) portrays the travels of the protagonist as a metaphor for the sensory and mental comprehension of reality and the world picture embodiment in the text. The story “Man in the landscape” (1983) involves an acquaintance with an artist, who leads the lyrical hero, a travel writer, into provocative “Socratic dialogues” interpreted as a space of metaphysical quests. The marginal adventures turn out to be a philosophical experiment, a revelation of free thought in the circles of the search for truth. This version of the evolution of artistic forms, starting from primordial mimetism and Renaissance humanism, comprehends the non-classical worldview of the 20th century. This happens not in iconic postmodern art but in the modernist transcendence of the Here-Being. The sequence of loci of the journey takes the hero from the sacred space to the infernal, increasing the semantics of the art phenomenon not only with creative but also with destructive aspects (“art” as “temptation”), strengthening the existential anxiety as a “concern for being.” Salvation is seen as the path of grateful contemplation of the Creation, embodying the essence of the Creator’s plan and testament, helping Him overcome his loneliness. The Being comprehends itself in the mirror of the text, understood as an act of acceptance of life.

Keywords

Andrey Bitov, “The catechumen,” “Man in the landscape,” the journey plot, the essence of art, the meaning of the being

For citation

Bukhanova E. D. The short story of A. G. Bitov “Man in the landscape” (1983): the plot of mental wanderings in searching for the essence of art and of the meaning of being. *Siberian Journal of Philology*, 2024, no. 1, pp. 164–176. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/86/12

А. Г. Битов (1937–2018) – современный российский писатель, автор лирикоисповедальной, философско-аналитической, экспериментально-игровой интеллектуальной прозы и культурологической эссеистики. Об эстетико-мировоззренческой доминанте *фикшин-прозы* Битова филологи и критики высказывают разные мнения: реализм и автопсихологизм (М. А. Эльрашид Али [2021], И. А. Якунина [2009], Е. Chances [2007] и др.), постмодернизм (Е. Е. Барина [2008], О. А. Бычкова [2008], М. Н. Липовецкий [2008] и др.), экзистенциальная (Н. С. Гулиус [2006], Т. Л. Рыбальченко [2021] и др.) или натурфилософская (А. Арьев [2020], И. Б. Роднянская [2009] и др.) поэтика. Популярен мультикультуралистский подход к битовским романам и повестям-путешествиям (Э. Ф. Тугушева [2018], Е. К. Чхаидзе [2021], J. Vergara [2022] и др.).

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2024. № 1
Siberian Journal of Philology, 2024, no. 1

«Четвёртое измерение» литературной «империи» Битова, роман «Оглашенные» (1971–2011), который сам писатель, по свидетельству И. Сурат, считал «лучшим своим делом» [Сурат, 2020, с. 53], включает в себя четыре повести разной жанровой природы, связанные нарративом единого лирического героя – «писателя-и-путешественника» [Сид, 2020, с. 191]: вариацию перипатетического диалога «Птицы, или Оглашение человека» (1971, 1975), травестию ментального странствия «Человек в пейзаже» (1983), стилизацию античной мениппеи «Ожидание обезьян» (1993) и поминальное голошение-эпилог «Последний из оглашенных» (2012)¹.

В настоящей статье, посвященной «Человеку в пейзаже», единство движения хронотопа и повествовательного фокуса в повести рассматривается как элемент сюжета ментального странствия в поисках понимания устройства бытия и сущности искусства. В определении понятия «хронотоп» мы опираемся на М. М. Бахтина, писавшего о «слиянии пространственных и временных примет в осмысленном и конкретном целом» [1975, с. 235]. По Бахтину, хронотоп – это не просто момент единства пространства и времени, точечного (например, порог как «хронотоп кризиса и жизненного перелома») [Там же, с. 397]) или процессуального (дорога как «место случайных встреч») [Там же, с. 392]), но метафора той ситуации, которая определяет изменение (или неизменение) положения героя. Сюжет блужданий в повести проявляет близость к описанным Бахтиным мениппейному и авантурному хронотопам.

Бахтин описал модель «мениппеи», заданную текстами некоторых античных писателей и подхваченную авторами последующих эпох, как метажанровый конструкт «серьёзно-смеховой» словесности, отмеченный «выворачиванием наизнанку высоких моментов мира», в котором с «исключительной смеховой фамильярностью сочетаются острая проблемность и утопическая фантастика» [Там же, с. 469]. Несмотря на то, что вопрос о существовании целостного жанра «мениппеи» дискуссионен, для романа Битова актуален открытый Бахтиным «экспериментально-провоцирующий сюжет», имеющий целью «испытание и разоблачение идей идеологов» [Там же].

Сюжетная организация повести отсылает и к хронотопу авантурного романа. Лирический герой-нарратор оказывается вовлечен трикстером-авантюристом в странное фантазмагорическое путешествие-наваждение. Спешка, характеризующая авантурное время («важно успеть убежать <...> догнать <...> встретиться или не встретиться и т. п.» [Там же, с. 242]), у Битова реализуется в «прыгающем» хронотопе как проекции скачков сознания героев (идеи, мотивы «рвутся», преломляются друг в друге). Движение семантических полей обращает к разным аспектам культуры: предлагается версия мирового искусства в фокусе эволюции мировоззрения. Название «Человек в пейзаже» имеет множество вариантов толкования: человек в природном универсуме; человек в границах того мира, который доступен ему; картина мира, создаваемая человеком.

Начальная точка движения путешественника, *заповедник*, отсылая к реальному локусу (подмосковное Коломенское), вместе с тем отмечена чертами видения, грёзы, онейроида, ландшафта подсознания автора – как модернистский образ. Современность (город вокруг заповедника) переплетается со следами прошлого (история империи) и с вечностью (природная среда). Приобщение к первозданной естественности нерукотворного ландшафта несет герою ментальное обновление

¹ Издание романа 1995 г. включает в себя также серию игровых комментирующих авторских и литературно-критических приложений [Битов, 1995].

после длительного пребывания в беспокойной столице. Преодолев кладбище на холме – локус, напоминающий человеку о его подлинном месте в природе, – путешественник карабкается по обрыву, чтобы быть застигнутым «единственной точкой» [Битов, 2018, с. 91]² совершенного пейзажа, из которой ему открывается катарсическое видение реальности. Творческий потенциал «точки» «просвечивает» даже через суету современности, забывшей о своих органических истоках, и лучом протягивается к утраченному идеалу первозданных сил природы. Образ слоистого пространства сопрягает разные грани бытия.

Достижение «точки» венчает встреча рассказчика с Павлом Петровичем, живописцем-реставратором, который пишет пейзаж с натуры на вершине холма. Большую часть в пространстве текста повести занимает завязывающаяся между ними беседа, состоящая преимущественно из высказываний Павла Петровича, обращенных скорее к самому себе. Она напоминает «сократический диалог» как «сочетание <...> сократической иронии <...> с серьезным <...> исследованием мира» [Бахтин, 1975, с. 468]. Мениппейный сюжет объединяет фабулы путешествия и пиития. Философствования героев стимулированы алкоголем, однако к этому их измененное сознание не сводится: будучи профанным объяснением русского обычая при разговорах о жизни, пиитие затягивает вниз, но одновременно помогает возвыситься до трансцендентного.

Обретение двойника организует повествование как пространство внутреннего диалога рассказчика: несмотря на то, что образ Павла Петровича имеет реальный прототип [Битов, 1995, с. 153], даже в рамках художественного целого повести общение лирического героя с эпатажным философом может быть интерпретировано как его спор с самим собой. История маргинальных походов превращается в философский риторический эксперимент, откровение свободной мысли на кругах неподвзятости, интуитивного поиска истины. В других частях романа Павел Петрович выступит уже не как спутник писателя-нарратора, а как его герой. Сюжет «Человека в пейзаже» – игра писательского воображения, фантазия художника, ищущего сюжет, новое слово.

Исследователи повести предлагали разные версии семантики образов героев. Н. В. Ковтун характеризовала их сотериологически, увидев в рассказчике, вслед за А. Генисом, «миста, искателя истины» [Ковтун, 2017, с. 116], а в Павле Петровиче – паломника-проповедника, аллюзию на «Иоанна Крестителя <...> апостолов <...> юродивого» [Там же, с. 119]. Американский славист П. Мейер заняла более скептическую позицию, обратив внимание на демонические черты образа Павла Петровича – искусителя, отступника от канона, который «завидует Богу в его роли Творца»³ [Meyer, 2007, p. 6]. По Мейер, путь нарратора – ложный, его ошибка заключается в идолопоклонничестве, «неумении распознать признаки своего падения» [Ibid., p. 7].

Суть взаимоотношений героев проявляется в конфигурации их эстетических и идейных позиций. Они оба творцы: лирический герой – писатель и сценарист, Павел Петрович – живописец и реставратор икон. Г. Э. Лессинг, формулируя разницу между словесным и изобразительным искусствами, утверждал, что оба они направлены на *подражание* природе, но если в живописи «можно изобразить только один момент действия» [1933, с. 111], то поэзия передает «закономерность явления в его разв и т и и» [Там же, с. 91]. В соответствии со своим ремеслом

² Далее при ссылке на это издание указывается номер страницы в круглых скобках.

³ Здесь и далее перевод наш. – Е. Б.

живописец Павел Петрович играет в сюжете повести роль иницирующего актора, обладателя устойчивого, заразительного, рельефного мировоззрения, а лирический герой – роль иницируемого, носителя эволюционирующего мировоззрения и развернутой рефлексивной наррации.

Необходимо дифференцировать авторскую позицию и высказывания двух героев, не являющихся резонерами. Битов следует за философскими повестями Вольтера, в которых герои и нарраторы выступали как *версии* миропонимания, сталкиваемые автором в диалогах и проверяемые в сюжете. Идеи Павла Петровича либо подтверждаются, либо дискредитируются как им самим (в контрастных объяснениях одного и того же), так и его слушателем, героем-профаном, «оглашенным», но не обретшим истину.

В свете интересующих нас аспектов проблематики в повести выделяется несколько сюжетных ситуаций:

1) первый разговор лирического героя с Павлом Петровичем о живописи в «единственной точке» первозданного пейзажа заповедника;

2) их диалог при спуске в овраг об «искусстве» как «искусе»;

3) беседа в реставрационной мастерской о месте человека в бытии;

4) посещение героями засолочной базы и обсуждение проблемы гениальности как интуитивного прорыва за границу реальности;

5) пересказ Павлом Петровичем в яблоневом саду индейского мифа: зачем Творцу человек, зачем художник;

6) рамочный сюжет творчества персонажей: Павел Петрович и его картины и проводимый нарратором сюжет писания текста о блужданиях.

Путь героя до встречи с Павлом Петровичем – это перемещение от периферии художественного пространства – к его центру. В мифопоэтической концепции В. Н. Топорова такое движение соотносимо с архаическими представлениями о «космическом теле (Первочеловеке)» [1983, с. 253] и подчинено «принципу постепенного нарастания сакральной отмеченности объекта <...> Центр <...> отмечается алтарем, храмом, крестом» [Там же, с. 256]. Соответственно, беседа героев в «единственной точке» интерпретируется как откровение, приобщение рассказчика Павлом Петровичем – жрецом искусства – к эстетическому культу, еще лишенное профанирующего подтекста.

В сохранившей себя «единственной точке» лирический герой застаёт поглощенного работой пейзажиста сидящим «на <...> накренившемся стульчике» (с. 92). С одной стороны, деталь отсылает к образу поэта-отшельника, сидящего не на устойчивом троне, а на неустойчивом треножнике, если видеть здесь реминисценцию стихотворения А. С. Пушкина «Поэту» (1830) [1948, с. 223]. С другой стороны, образ прочитывается как метафора вдохновения, отрыва от материи, который В. Е. Александров называл «причастностью к космической синхронизации, к миру трансцендентного» [1999, с. 120]. В то же время рассказчик называет Павла Петровича «моховик» (с. 93), акцентируя включенность в земное, материальное, природное, а не метафизическое. Творчество трактуется как блуждание в нераздельности метафизического и земного пространства (в отличие от романтического разделения).

Устами Павла Петровича проговаривается разница в жанрах живописи: *пейзаж* – это «самовыражение» художника, проявление индивидуальности, преломленная в его сознании версия бытия; *вид* – то, что открывает себя человеку, онтологическая данность, ноумен, фрагмент подлинной реальности, который лишен частных и «не может быть написан никогда»; *портрет* же – «обобщение,

сущность» (с. 96) изображаемого человека, прозорливая фиксация не его настроения или черт характера, а его сокрытой сути. Персонаж признаётся, что сам не стремится написать *вид*, «не за этим сюда ходит» (с. 98), так как убежден, что искусство – то, чему нельзя научиться, можно только «вдохновиться <...> на один раз» (с. 99). Разговор об искусстве прочитывается как метафора сюжета познания человеком окружающего мира. Феномен живописи ставит вопрос о субъекте: определяется ли панорама свободным выбором смотрящего, или в картине на себя смотрит само бытие, давшее человеку этот взгляд.

Аксиология высказываемых персонажами суждений, определяемая, в том числе, и их закреплённостью за фрагментами художественного пространства, прирастает новыми смыслами при возвращении к одним и тем же проблемам в разных аспектах на разных локусах. Монологи Павла Петровича построены не диалектически, а как круги или петли мысли, что созвучно заявленной у М. Хайдеггера сущности мышления как «*Ἀγγισιή* – приближения к чему-то <...> “вхождение-в-близость”» [Хайдеггер, 1991, с. 132–133] (со ссылкой на Гераклита).

С вершины холма пейзажист ведет лирического героя вниз, в овраг. Уход от абсолюта «единственной точки» обратно к маргиналиям периферии сопрягается со скольжением по моральному склону: Павел Петрович предлагает рассказчику алкоголь; тот сперва отказывается, но затем соглашается, оправдывая себя в собственных глазах гениальностью обретенного проводника. Перейдя ручей у подножия холма, герои выпивают и закуривают – преодолевают метафизическую границу (отсылка к мифологическому мотиву пересечения реки Забвения и спуска души в подземное царство), – и окончательно перемещаются из пространства сакрального в inferнальное (которое, однако, мимикрирует под «путь истины») и заводит лирического героя всё дальше в его произвольном кумиротворении). Спуск в овраг венчает череду горизонтальных и вертикальных передвижений героев, перемещений из тени на свет и обратно. С этого момента феноменология искусства в повествовании прирастает не только созидательными, но и разрушительными аспектами семантики.

В границах «ментального подполья» оврага беседа персонажей концентрируется на транзитивности, интерпретируемой как отход от нормы, на гениальности, понимаемой как сумасшествие. Путаный монолог Павла Петровича «разбавляют» манипулятивные обращения к именам выдающихся художников. Так, упоминание персоналии нидерландского художника XV в. Яна ван Эйка выявляет профанность массового сознания, для которого имя мастера портретной и религиозной живописи – не более чем объект словесной игры: фамилия ван Эйк звучит как пароним фамилии другого выдающегося нидерландского художника, Антониса ван Дейка, творившего на два века позже, тоже представителя фламандской школы живописи, но работавшего в совершенно ином стиле – барокко.

Из оврага выпившие герои поднимаются к колокольне недействующего, реставрируемого храма. Они восходят на строительную площадку, но в церковь не попадают, так как она заперта изнутри; по словам Павла Петровича, там творятся некие ненадлежащие вещи: «– Да что же они там... что ли? <...> Да там и нет никого» (с. 104–105). Павел Петрович дарит своему спутнику на память ключ с приглашением прийти еще, когда он захочет. У запертых дверей монастыря героев настигает собака Павла Петровича Линда, чья кличка, происходящая «предпол. от др.-вн. *lindi* – змея» [Рыбакин, 2000, с. 131], отсылает к христианскому символу грехопадения.

Павел Петрович приглашает рассказчика спуститься в бывшую трапезную, ныне свою мастерскую; там они пьют водку в окружении реставрируемых им образов. Фабула реставрации икон Павлом Петровичем, будучи далекой от сакральной аксиологии, вскрывает кощунственное отношение к религиозному искусству и к духовности вообще. Павел Петрович показывает рассказчику восстановленную им икону Спаса. Христианские предания свидетельствуют о чудесном происхождении икон Спасителя как подобий древней реликвии – пелён с подлинными отпечатками лица Христова. В современности сотериологические символы обытовляются (герои «соображают на троих» (с. 107) со Спасом), тиражируются (икон в мастерской целая «свалка» (с. 106)), рационально рефлексироваться (реставрация как ремесло, нацеленное на получение материальной выгоды), гротескно трансформируются (образа соседствуют с «календарем с Аллой Пугачёвой» (с. 105–106)).

В то же время сюжет воссоздания древних икон актуализирует идею культуры как порождающего начала, способа мнемонического сохранения жизни. Так, в именовании реставратором икон «досками» (с. 106) можно усмотреть жест не девальвации, а, напротив, внимания и почтения: «чёрными досками» знатоки называют древние иконы, которые с годами чернеют⁴. Как и полотна мастеров, образа – хранилища прошлого, они пробуждают остроту впечатлений, новое зрение. Через искусство герои повести возвращаются к себе, ощущают полноту бытия. «Там я в контакте с творцом <...> здесь – с верой <...> иногда истинной, иногда нет, иногда <...> со своей верой» (с. 116), – заявляет живописец-реставратор.

В бывшей трапезной беседа симпозиастов кружит вокруг проблем мирового искусства. Свободный логос ищет варианты осуществления идеи о максимально естественном положении человека в онтологии. По Павлу Петровичу, метафизической целью пейзажиста должно стать вхождение «в контакт», бескорыстное «слепоглухонемое состояние» (с. 111), подобное бытованию камня или дерева. Герой заявляет, что ненавидит «Человека» «с большой буквы», «венец Творения», который «всюду лезет, всё его, всё для него» (с. 111). Он осуждает человека как неблагодарного потребителя, не осознающего своего назначения в мире. Позиция героя созвучна концепции экзистенциального философа М. Бубера: «Тот, кто изрекает изолированное Я с заглавной буквы, открывает срамоту мирового духа, униженного до духовности» [1995, с. 53].

В ответ на закономерный вопрос слушателя Павлу Петровичу о совместимости его негуманных идей с его же пониманием человека как дитя Бога, сотворенного Им по своему «образу и подобию», тот поворачивает свою теорию новой гранью. В отличие от обезьяны, человек способен любоваться сущностью сущего, быть собеседником своего Создателя и становиться подобным ему в акте творчества: «...зачем человек? Видеть Творение! То есть понять и постичь» (с. 114–115). По убеждению Павла Петровича, бытие слоисто. Простирающийся над физикой метафизический слой включает в себя то, что остается невысказанным как не подверженная материализации часть великого изначального замысла. Процесс человеческого познания – зеркало, через которое бытие осознаёт само себя. Поэтому, по Павлу Петровичу, не человек верит в Бога, а Бог верит в человека, в то, что обретает в нём союзника. Человек не должен рефлексировать над своим бытием, художник – над своим искусством.

⁴ Например, в названии повести В. А. Солоухина «Чёрные доски: Записки начинающего коллекционера» (1968).

Осознав, что запасы алкоголя в мастерской иссякли, Павел Петрович выводит рассказчика на воздух. На стене, окружающей кремль, он рассуждает о губительном влиянии человека на природу – дарованный ему Богом дом – и одновременно выражает уверенность в существовании промысла, предусмотревшего бытование в мироздании и добра, и зла. Герои приходят на засолочную базу, где обитает молчаливый двойник Павла Петровича Семён-Семион, наркоман-затворник, удалившийся от мира в локус мысли. Здесь Павел Петрович продолжает рассуждения об отношении Бога к человеку и о природе творчества. По его мнению, наиболее совершенным даром созерцания обладают художники, однако высшее его проявление – гениальность – трагично. Неудовлетворенность художника и его стремление выйти за границы отмеренного ему Вселенной слоя реальности, который «не толще живописного слоя» (с. 126–127), наказуемы безумием. По Павлу Петровичу, такова судьба гениев, не удовлетвовавшихся «немой догадкой, что за красотой есть что-то» (с. 128).

Павел Петрович обращается к эстетическим образцам Возрождения – эпохи гуманизма и зарождающейся светской культуры – и выделяет Леонардо да Винчи как изобретателя уникальной техники, наиболее ярко воплотившейся в «Портрете госпожи Лизы дель Джокондо» (нач. XVI в.). Искусствоведы обращали внимание на равновесие изображенной фигуры и природы за ее спиной: «<...> имперсональному психологизму отвечает космическая отвлечённость пейзажа <...> “Джоконда” <...> символ самой жизни человека и природы, соединённых в одно целое» [Гращенков, 1996, с. 302]. По Павлу Петровичу, да Винчи удалось то, что не удавалось более никому: он «вписал» человека не в *пейзаж*, а в *вид*, написал натуру вместе с человеком.

В рецепции Павла Петровича художественным абсолютом является живопись французского постимпрессиониста рубежа XIX–XX вв. Поля Сезанна. Взаимоотношения Павла Петровича с Сезанном – таинство, заставляющее героя уходить от внятного комментирования его поэтики («А что Сезанн? Ничего себе Сезанн» (с. 128)), однако само появление имени французского живописца символично. Павел Петрович восхищен феноменологией художника, который выражал в своих картинах «нечто, к чему просто вниманием глаз мы не придём», «мыслил» «яблоками о чём-то» [Мамардашвили, 2010, с. 104–105]. Филолог В. В. Назинцев использовал знаменитый образ сезанновских яблок для иллюстрации синергетического потенциала бахтинской теории «карнавала» [Назинцев, 1997, с. 36]. Морфология повести Битова близка раблезианскому хронотопу раскрепощения тела и сознания, описанному Бахтиным [1990].

С засолочной базы дошедшие до крайней степени опьянения герои выходят на улицу. В стилистике сцены на улице утверждается жанровая семантика мениппеи как сочетания стихов и прозы: Павел Петрович декламирует по памяти отрывок из иронической поэмы М. Ю. Лермонтова «Сашка» с разоблачительным пафосом, адресованным человечеству, надменно относящемуся к природе и этим приближающему конец мира. Однако, по Павлу Петровичу, возможность спасения предопределена самим божественным промыслом: о «присутствии Бога в Творении» (с. 136) свидетельствует живая «нитка» (с. 136) – взаимосвязь всего, снимающая исторический хаос.

В кульминационный момент проповеди героев настигают двое милиционеров. Павел Петрович предательски сбегает, а рассказчика задерживают и увозят в участок. Арест воспринимается не как освобождение героя из-под власти философа-неформала, подавление его творческой интуиции, не как ограждение от окон-

чательного падения, возвращение в социальные эпистемы, но как провал в «кромешный мир» (по Д. С. Лихачёву [1976, с. 57]), выход «с другой стороны» пейзажа, за которым следует знакомство с соседом по камере, чей образ повторяет черты булгаковского Воланда – вплоть до «массивной трости» с «набалдашником (слоновой кости!)» (с. 140). Представители закона верят данным загулявшим писателем обыденным объяснениям произошедшего и отпускают его, оставляя у себя подаренный рассказчику Павлом Петровичем ключ от храма как символ доступа к метафизическому знанию.

Рассказчик радуется вернувшейся свободе, но пропавший было Павел Петрович возвращается, и блуждания продолжаются на пространстве города – «кромешного района» (с. 143). В строящемся здании философ излагает рассказчику миф о своей жизни как о череде фантастических предательств: «Всякий раз он был несправедливо <...> казнён» (с. 147). В образе Павла Петровича аллюзии на Христа и на Иуду парадоксально сходятся для выражения идеи о принципиальной невозможности понять *другого* до конца как о защитном механизме сознания человека (о чем Битов говорил в интервью: [Битов, 2006, с. 35–36]).

В яблоневом саду Павел Петрович рассказывает герою миф о творении. Наиболее органичное воплощение идеи замысла Бога о человеке Павел Петрович находит в креационистском мифе древнего племени яман. Согласно мифу, Бог творил форму, а дьявол, его завистливая тень, уродливо пародировал ваяния творца. Когда сатана создал обезьяну – пародию на самого Бога, – задетый демиург брызнул на нее своей слезой и потом, и произошло чудо: обезьяна начала во всем подражать Творцу, стала человеком. В магическом мышлении дикарей Павел Петрович находит живое понимание антиномической природы человека, вольного признать своим истинным отцом Бога, а не чёрта, но не способного преодолеть собственных темных корней.

В интерпретации Павла Петровича сопрягаются разные вариации креационизма. Индейская мифология и иудейская религия дополняют друг друга. Философ признаётся, что именно благодаря мифу яман он «понял <...> первую фразу в Библии» (с. 154). В сознании Павла Петровича теория самопроизвольного рождения Вселенной из вакуума не противоречит учению иудеев, по которому Логос создал бытие. Величие замысла неизбежно профанируется в процессе воплощения, и это сближает художника с Богом.

Преисполнившийся алкоголем, загипнотизированный внушениями Павла Петровича рассказчик теряет сознание и просыпается уже в доме своего гуру. Он видит его спящую беременную жену и самого реставратора, склонившегося над ней в позе змея. Возвращение к давинчевскому образу Лизы как Евы, вкушившей запретный плод, подтверждает искусительские потенции Павла Петровича, его умение посеять семя сомнения на плодородной почве – как физически, физиологически, так и метафизически, вербально. Лирический герой бежит из дома своего учителя. Спустя годы, вспоминая пережитое, он делает нарративный акцент на свойственном акту блуждания «сомнении в правильности отказа от реальных способов существования» [Рыбальченко, 2013, с. 88], однако выражает уверенность в пользу приобретенного опыта. Убежденность в необходимости преодоления лабиринта сознания как условия приближения к истине на метауровне подсвечивается включением повести в целостный сюжет «романа-странствия».

Авторская позиция выявляется на уровне комбинирования блуждающих истин, во фрагментарности, эклектичности, нелинейности сюжета, создающего ситуацию нарушенной ориентации как приближения ко всё новым границам мирозидения.

Ментальное странствие открывает проблему мироустройства – фрагментарного, подвижного, огромного, подверженного метаморфозам и потому не выстраиваемого в сознании как целое. Современный человек восходит к проблеме осознания себя в физическом универсуме, за границами которого – метафизические причины и силы. Сюжет ментального путешествия позволяет прикоснуться к архаическим основам понимания сущности творчества, определяющим развитие истории и культуры.

Список литературы

- Александров В. Е.* Набоков и потусторонность: метафизика, этика, эстетика / Пер. с англ. Н. А. Анастасьева. СПб.: Алетейя, 1999. 320 с.
- Арьев А.* Огненный бык в сумеречном пейзаже // Портрет поздней империи: Андрей Битов / Авт.-сост. Е. Чигрин. М.: АСТ, 2020. С. 31–55.
- Барина Е. Е.* Метатекст в постмодернистском литературном нарративе: А. Битов, С. Довлатов, Е. Попов, Н. Байтов: Дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2008. 248 с.
- Бахтин М. М.* Эпос и роман // М. М. Бахтин. Вопросы литературы и эстетики: исследования разных лет. М.: Худож. лит., 1975. С. 447–483.
- Бахтин М. М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Худож. лит., 1990. 543 с.
- Бубер М.* Два образа веры. М.: Республика, 1995. 464 с.
- Бычкова О. А.* Проблемы симулякра в произведениях русского постмодернизма (на материале произведений А. Битова, Т. Толстой, В. Пелевина): Дис. ... канд. филол. наук. Чебоксары, 2008. 201 с.
- Граценков В. Н.* Портрет в итальянской живописи Раннего Возрождения: В 2 т. М.: Искусство, 1996. 848 с.
- Гулиус Н. С.* Художественная мистификация как прием текстопорождения в русской прозе 1980 – 1990 годов (А. Битов, М. Харитонов, Ю. Буйда): Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2006. 204 с.
- Ковтун Н. В.* Мастер – Пророк – Премудрость в повести А. Битова «Человек в пейзаже» // Сибирский филологический журнал. 2017. № 4. С. 114–124.
- Лессинг Г. Э.* Лаокоон, или О границах живописи и поэзии. М.: ИЗОГИЗ, 1933. 204 с.
- Липовецкий М. Л.* Паралогии: Трансформации (пост)модернистского дискурса в русской культуре 1920–2000-х годов. М.: НЛО, 2008. 848 с.
- Лихачёв Д. С.* Бунт кромешного мира // Лихачёв Д. С., Панченко А. М. «Смеховой мир» Древней Руси. Л.: Наука, 1976. С. 57–74.
- Мамардашвили М. К.* Классический и неклассический идеалы рациональности. СПб.: Азбука, 2010. 283 с.
- Назинцев В. В.* Смеховая синергетика мира // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1997. № 1. С. 34–60.
- Пушкин А. С.* Собр. соч.: В 16 т. М.: Худож. лит., 1948. Т. 3, кн. 1: Стихотворения, 1826–1836. Сказки. 635 с.
- Роднянская И.* По обе стороны одностороннего мира // Новый мир. 2009. № 1. С. 164–169.
- Рыбакин А. И.* Словарь английских личных имен: 4000 имен. М.: АСТ, 2000. 224 с.
- Рыбальченко Т. Л.* Неудача как неизбежность творчества и как экзистенциальная проблема («Посмертные записки Тристрам-клуба» А. Битова) // Творческая

неудача: причины, следствия, креативные возможности. 2-е изд., испр. и доп. Екатеринбург, 2021. С. 324–338.

Рыбальченко Т. Л. Сюжет бродяжничества и новая картина мира в современной русской литературе // Вестник Том. гос. ун-та. Филология. 2013. № 6 (26). С. 87–100.

Сид И. Геопоэт, или По дороге на Лхасу // Битов, или Новые сведения о человеке: [Сборник] / Сост. А. Бердичевская. М.: Эксмо, 2020. С. 190–195.

Сурат И. Прощание. Битва и пушки. Жизнь как текст // Битов, или Новые сведения о человеке: [Сборник] / Сост. А. Бердичевская. М.: Эксмо, 2020. С. 50–69.

Топоров В. Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура: [сборник] / Отв. ред. Т. В. Цивьян. М., 1983. С. 227–284.

Тугушева Э. Ф. «Имперский роман» А. Г. Битова (на материале романа-странствия «Оглашенные») // Наука и общество. 2018. № 1 (30). С. 129–138.

Хайдеггер М. Разговор на просёлочной дороге: Сборник / Пер. с нем. М.: Высш. шк., 1991. 192 с.

Чхаидзе Е. Культурная гибридность глазами Андрея Битова: Армения, Грузия, Россия // eSamizdat. 2021. № 14. С. 77–86.

Эльрашид Али М. А. Пространство культуры в прозе А. Битова: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2021. 159 с.

Якунина И. А. Повествовательная идентичность в прозе А. Битова 1960-х – 1970-х гг.: Дис. ... канд. филол. наук. Магнитогорск, 2009. 181 с.

Chances E. The Energy of Honesty, or Brussels Lace, Mandelstam, “Stolen Air,” and Inner Freedom. A Visit to the Creative Workshop of Andrei Bitov’s Pushkin House // Russian Literature. 2007. Vol. 61, no. 4. P. 503–524.

Meyer P. The Moose of the Apocalypse: Andrej Bitov’s Man in Landscape // Russian Literature. 2007. Vol. 61, no. 4. P. 377–391.

Vergara J. This Land Is Your Land: Andrei Bitov Travels Through the Caucasus // Russian Literature. 2022. Vol. 129. P. 1–6.

Список источников

Битов А. Г. Оглашенные: Роман-странствие. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 1995. 557 с.

Битов А. Г. Оглашенные: Роман в четырех частях. М.: Вече, 2018. 448 с.

Битов А. Полуписьменные сочинения. 1-е изд. М.: Запасный выход, 2006. 128 с.

References

Aleksandrov V. E. *Nabokov i potustoronnost': metafizika, etika, estetika* [Nabokov and otherworldliness: metaphysics, ethics, aesthetics]. St. Petersburg, Aleteyya, 1999, 320 p.

Ar'ev A. Ognennyi byk v sumerechnom peyzazhe [Fiery bull in a twilight landscape]. In: *Portret pozdney imperii: Andrej Bitov* [Portrait of the Late Empire: Andrej Bitov]. Chigrin E. [Comp.]. Moscow, AST, 2020, pp. 31–55.

Bakhtin M. M. Epos i roman [Epos and novel]. In: M. M. Bakhtin. *Voprosy literatury i estetiki: issledovaniya raznykh let* [Questions of Literature and Aesthetics: Studies in Different Years]. Moscow, Khudozh. lit., 1975, pp. 447–483.

Bakhtin M. M. *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Renessansa* [The work of Francois Rabelais and the folk culture of the Middle Ages and the Renaissance]. Moscow, Khudozh. lit., 1990, 543 p.

- Barinova E. E. *Metatekst v postmodernistskom literaturnom narrative: A. Bitov, S. Dovlatov, E. Popov, N. Baytov* [Metatext in postmodern literary narrative: A. Bitov, S. Dovlatov, E. Popov, N. Baytov]. Cand. philol. sci. diss. Novosibirsk, 2008, 248 p.
- Buber M. *Dva obraza very* [Two images of faith]. Moscow, Respublika, 1995, 464 p.
- Bychkova O. A. *Problemy simul'yakra v proizvedeniyakh russkogo postmodernizma (na materiale proizvedeniy A. Bitova, T. Tolstoy, V. Pelevina)* [Problems of the simulacrum in the works of Russian postmodernism (a case study of the works of A. Bitov, T. Tolstoy, V. Pelevin)]. Cand. philol. sci. diss. Cheboksary, 2008, 201 p.
- Chances E. The Energy of Honesty, or Brussels Lace, Mandelstam, "Stolen Air," and Inner Freedom. A Visit to the Creative Workshop of Andrei Bitov's Pushkin House. *Russian Literature*. 2007, vol. 61, no. 4, pp. 503–524.
- Chkhaidze E. Kul'turnaya gibridnost' glazami Andrey a Bitova: Armeniya, Gruzziya, Rossiya [Cultural hybridity through the eyes of Andrey Bitov: Armenia, Georgia, Russia]. *eSamizdat*, 2021, no. 14, pp. 77–86.
- El'rashid Ali M. A. *Prostranstvo kul'tury v proze A. Bitova* [The space of culture in the prose of A. Bitov]. Cand. philol. sci. diss. Moscow, 2021, 159 p.
- Grashchenkov V. N. *Portret v ital'yanskoy zhivopisi Rannego Vozrozhdeniya : V 2 t.* [Portrait in Italian painting of the Early Renaissance" in 2 vols.]. Moscow, Iskusstvo, 1996, 848 p.
- Gulius N. S. *Khudozhestvennaya mistifikatsiya kak priyom tekstoporozhdeniya v russkoy proze 1980 – 1990 godov (A. Bitov, M. Kharitonov, Yu. Buyda)* [Artistic mystification as a method of text generation in Russian prose of 1980s –1990s (A. Bitov, M. Kharitonov, Yu. Buyda)]. Cand. philol. sci. diss. Tomsk, 2006, 204 p.
- Heidegger M. *Razgovor na proselochnoy doroge: Sbornik* [Conversation on a country road: Collection]. Transl. from German. Moscow, Vyssh. shk., 1991, 192 p.
- Kovtun N. V. Master – Prorok – Premudrost' v povesti A. Bitova "Chelovek v peyzazhe" [Master – Prophet – Wisdom in A. Bitov's story "The Man in the Landscape"]. *Siberian Journal of Philology*. 2017, no. 4, pp. 114–124.
- Lessing G. E. *Laokoon, ili o granitsakh zhivopisi i poezii* [Laocoon, or about the limits of painting and poetry]. Moscow, IZOGIZ, 1933, 204 p.
- Likhachev D. S. Bunt kromeshnogo mira [Revolt of the outer world]. In: D. S. Likhachev, A. M. Panchenko. *"Smekhovoy mir" Drevney Rusi* ["Laughing World" of Ancient Rus']. Leningrad, Nauka, 1976, pp. 57–74.
- Lipovetskiy M. L. *Paralogii: Transformatsii (post)modernistskogo diskursa v russkoy kul'ture 1920–2000-kh godov* [Paralogies: Transformations of (Post)Modernist Discourse in Russian Culture in the 1920s–2000s]. Moscow, New Literary Observer, 2008, 848 p.
- Mamardashvili M. K. *Klassicheskiy i neklassicheskiy idealy ratsional'nosti* [Classical and non-classical ideals of rationality]. St. Petersburg, Azbuka, 2010, 283 p.
- Meyer P. The Moose of the Apocalypse: Andrej Bitov's Man in Landscape. *Russian Literature*. 2007, no. 61 (4), pp. 377–391.
- Nazintsev V. V. *Smekhovaya sinergetika mira* [Laughter synergetics of the world]. *Dialog. Karnaval. Khronotop*. 1997, no. 1, pp. 34–60.
- Pushkin A. S. *Sobr. soch: V 16 t.* [Collected works: in 16 vols.]. Moscow, Khudozh. lit., 1948, vol. 3, bk. 1: *Stikhotvoreniya, 1826–1836. Skazki* [Poems, 1826–1836. Fairy tales]. 635 p.
- Rodnyanskaya I. Po obe storony odnostoronneg o mira [On both sides of a one-sided world]. *Novyy mir*. 2009, no. 1, pp. 164–169.

Rybakin A. I. *Slovar' angliyskikh lichnykh imen: 4000 imen* [Dictionary of English personal names: 4000 names]. Moscow, AST, 2000, 224 p.

Rybal'chenko T. L. Neudacha kak neizbezhnost' tvorchestva i kak ekzistentsial'naya problema ("Posmertnye zapiski Tristram-kluba" A. Bitova) [Failure as the inevitability of creativity and as an existential problem ("Posthumous notes of the Tristram Club" by A. Bitov)]. In: *Tvorcheskaya neudacha: prichiny, sledstviya, kreativnyye vozmozhnosti* [Creative failure: causes, consequences, creative possibilities]. Ekaterinburg, 2021, 2nd ed., rev. and enl., pp. 324–338.

Rybal'chenko T. L. Syuzhet brodyazhnichestva i novaya kartina mira v sovremennoy russkoy literature [The plot of vagrancy and a new picture of the world in modern Russian literature]. *Tomsk State University Journal of Philology*. 2013, no. 6 (26), pp. 87–100.

Sid I. Geopoet, ili Po doroge na Lkhasu [Geopoet, or On the way to Lhasa]. In: *Bitov, ili Novye svedeniya o cheloveke: sbornik* [Bitov, or new information about a person: collection]. Berdichevskaya A. (Ed.). Moscow, Eksmo, 2020, pp. 190–195.

Surat I. Proshchanie. Bitva i pushki. Zhizn' kak tekst [Farewell. Battle and guns. Life as a text]. In: *Bitov, ili Novye svedeniya o cheloveke: sbornik* [Bitov, or new information about a person: collection]. Berdichevskaya A. (Ed.). Moscow, Eksmo, 2020, pp. 50–69.

Toporov V. N. Prostranstvo i tekst [Space and text]. In: *Tekst: semantika i struktura: sbornik* [Text: semantics and structure: collection]. T. V. Tsivyan (Ed.). Moscow, 1983, pp. 227–284.

Tugusheva E. F. "Imperskiy roman" A. G. Bitova (na materiale romana-stranstviya "Oglashennyye") ["The Imperial Romance" by A. G. Bitov (on the material of the novel-wandering "Catechumens")]. *Nauka i obshchestvo*. 2018, no. 1 (30), pp. 129–138.

Vergara J. This Land Is Your Land: Andrei Bitov Travels Through the Caucasus. *Russian Literature*. 2022, vol. 129, pp. 1–6.

Yakunina I. A. Povestvovatel'naya identichnost' v proze A. Bitova 1960-kh – 1970-kh gg. [Narrative identity in the prose of A. Bitov in the 1960s – 1970s]. Cand. philol. sci. diss. Magnitogorsk, 2009, 181 p.

List of sources

Bitov A. G. *Oglashennyye: roman-stranstvie* [Catechumens: a novel-wandering]. St. Petersburg, Ivan Limbakh Publishing House, 1995, 557 p.

Bitov A. G. *Oglashennyye: roman v chetyrekh chastyakh* [Catechumens: a novel in four parts]. Moscow, Veche, 2018, 448 p.

Bitov A. *Polupis'mennyye sochineniya* [Semi-written compositions]. 1st ed. Moscow, Zapasnyi vykhod, 2006, 128 p.

Информация об авторе

Екатерина Дмитриевна Буханова, аспирант НИ ТГУ, старший преподаватель СибГМУ (Томск, Россия)

Information about the author

Ekaterina D. Bukhanova, Postgraduate Student of TSU, Senior Lecturer of SSMU (Tomsk, Russian Federation)

Статья поступила в редакцию 23.04.2023;

одобрена после рецензирования 20.07.2023; принята к публикации 20.07.2023

The article was submitted on 23.04.2023;

approved after reviewing on 20.07.2023; accepted for publication on 20.07.2023

Научная статья

УДК 811.512.157

DOI 10.17223/18137083/86/13

Анатомическая лексика в якутской оронимии

Яна Васильевна Стручкова

Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера
Сибирского отделения Российской академии наук
Якутск, Россия

yanavasstruchkova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6016-4830>

Аннотация

Статья посвящена исследованию орографических апеллятивов и оронимов, образованных от анатомических терминов в якутской оронимии на основе метафоризации. Выявлено более 80 анатомических терминов, которые сыграли важную роль в становлении якутской оронимии. Анатомическую лексику в составе якутских оронимов и орографических апеллятивов мы условно разделили на две группы: 1) лексемы, обозначающие внешние части тела человека и животных; 2) лексемы, обозначающие внутренние органы человека и животных. Для сравнительно-сопоставительного анализа нами выбраны якутские анатомические термины: *атах* 'нога', *бас* 'голова', *кулгаах* 'ухо', *мэйиш* 'головной мозг', *сүрэх* 'сердце', *төбө* 'голова', *тумус* 'нос; клюв', *эмий* 'женская грудь'. Выбор лексем, анализируемых в данной работе, был обусловлен их частым использованием в составе якутских оронимов.

Ключевые слова

анатомическая лексика, орографическая терминология, орографический апеллятив, орографическое значение, оронимы, оронимия, соматизм, тюркские языки, якутский язык

Для цитирования

Стручкова Я. В. Анатомическая лексика в якутской оронимии // Сибирский филологический журнал. 2024. № 1. С. 177–191. DOI 10.17223/18137083/86/13

Anatomical vocabulary in the Yakut oronymy

Yana V. Struchkova

Institute for Humanitarian Research
and North Indigenous People Problems
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Yakutsk, Russian Federation

yanavasstruchkova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6016-4830>

Abstract

The article focuses on orographic appellatives and oronyms derived from anatomical terms in the Yakut language through metaphorization. Given that the Yakut oronymy is endangered

© Стручкова Я. В., 2024

due to several sociolinguistic and socio-economic reasons, collecting, systematizing, studying, and preserving this specific layer of the Yakut toponymic lexicon in linguistic databases is relevant. We have identified more than 80 anatomical terms that contributed to the Yakut oronymy development. We divided the Yakut anatomical vocabulary used as orographic appellatives into two groups: 1) lexemes denoting the external parts of human and animal bodies and 2) lexemes denoting the internal organs of humans and animals. The comparative analysis covered the following anatomical terms: *atax* 'leg', *bas* 'head', *sürex* 'heart', *tumus* 'nose; beak', *kulgaax* 'ear', *töbö* 'head', *meyii* 'brain', *emiy* 'udder'. The comparison has demonstrated a substantial similarity in the anatomical vocabulary used as orographic appellatives in the Turkic languages. However, some Turkic languages feature divergence in terms of content, possibly resulting from the influence of contact languages (related and unrelated). The abundance and variety of metaphorical anatomical terms in different Turkic languages may also be due to the physical and geographical features of the terrain on which they function. Given the above, the anatomical vocabulary can be considered an additional source for understanding the formation patterns and features of the Turkic-Mongolian geographical vocabulary of Siberia.

Keywords

anatomical vocabulary, orographic terminology, orographic appellative, orographic meaning, oronyms, oronymy, somatism, Turkic languages, Yakut language

For citation

Struchkova Ya. V. Anatomical vocabulary in Yakut oronymy. *Siberian Journal of Philology*, 2024, no. 1, pp. 177–191. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/86/13

Введение

Республика Саха (Якутия) является самым большим регионом Российской Федерации. Благодаря значительной протяженности территория республики отличается большим разнообразием рельефа, от горных хребтов до низменностей, а также наличием перемежающихся ландшафтов тундры, тайги и степи. И каждая разновидность рельефа земной поверхности имела свое географическое название. Часть этих названий основана на метафоризации частей тела человека и животных.

Как один из наиболее древних и устойчивых пластов словарного состава языка интерес представляют анатомические термины – названия частей тела человека и животных: «Большую роль в концептуализации знаний человека о мире и о нем самом в этом мире играют названия частей тела, поскольку, как показали труды исследователей, именно эта часть лексики, будучи очень древней и первично конкретной, широко использовалась диахронно для создания слов с более абстрактной семантикой, пополняя лексическую и грамматическую системы языка» [Чебочакова, 2017, с. 272]. Не составляет исключения и якутский язык, в котором данная группа слов возводится к общеалтайской эпохе. Ср.: як. *кэтэх* 'затылок' < праалт. **gēdi* 'затылок', як. *хонуруу* 'переносица; хребет носа' < праалт. **k'ijŋa* 'спинка носа', як. *моой* 'шея' < праалт. **tōjŋo* 'шея', як. *сүрэх* 'сердце' < праалт. **ǰūr(V)k'e* 'сердце' и др. (EDAL, 2003).

Изучение анатомических терминов на материале топонимов необходимо, как нам представляется, и для понимания закономерностей формирования и особенностей тюрко-монгольских географических названий в Сибири. Топонимический материал обладает исторической ценностью и отражает реальные этноисторические контактные отношения, характерные для разных этапов истории Сибири. Ученые отмечают, что в результате длительных контактов и взаимодействия на

территории Сибири сформировался собственный базовый лексический фонд [Широбокова, 2014, с. 4], который демонстрирует общность в пределах как собственно тюркских языков Сибири, так и монгольских и тунгусо-маньчжурских.

Анатомическая лексика на материале тюркских языков была предметом рассмотрения в лингвистической литературе уже неоднократно. В данной области исследований следует отметить статью А. В. Дыбо «Антропоморфная и зооморфная метафора в тюркских языках» [2006], выполненную с использованием сравнительно-исторического и этимологического методов анализа. В результате сравнения антропо- и зооморфных метафор в алтайских языках исследователь приходит к выводу, что «космос для праалтайцев, насколько можно судить по реконструируемой лексике, так же как и для пратюрков, скорее зооморфен... В специальном объяснении, таким образом, нуждается антропоморфность горного пейзажа у монголов (контактное явление?) и антропоморфность водного ландшафта для тюрков» [Там же, с. 659].

Названия частей тела человека и животных в тюрко-монгольской географической терминологии становились объектом исследований таких ученых, как О. Т. Молчанова, Э. М. Мурзаев, К. Б. Самтакова, Л. В. Шулунова, Р. Г. Жамсанарова, Н. И. Данзанова и др.

В якутском языкознании соматизмы еще не получили специального монографического описания. Названия частей тела человека и животных рассматриваются в лингвокультурологических и этнолингвистических работах Л. Л. Габышевой, Л. М. Готовцевой, Н. Н. Васильевой и др. Роль данной лексико-семантической группы с точки зрения ее функционирования в якутских оронимах ранее комплексно не изучалась, некоторые наблюдения относительно возникновения географических терминов метафорическим способом от анатомических терминов были сделаны В. Д. Монастыревым, Нь. М. Ивановым, Е. Р. Николаевым, М. С. Ивановым – Багдарыын Сүлбэ и М. В. Самсоновой.

Языковой материал к нашему исследованию собран из следующих лексикографических источников: Багдарыын Сүлбэ «Словарь топонимной лексики Республики Саха. Местные географические термины и понятия», «Толковый словарь якутского языка», «Большой толковый словарь якутского языка», «Диалектологический словарь якутского языка», Э. К. Пекарский «Словарь якутского языка» в 3-х томах. Эмпирической базой исследования послужили также экспедиционные наблюдения, материалы автора, полученные в ходе полевых исследований, проводимых с 2021 г. в различных (преимущественно сельских) населенных пунктах Мегино-Кангаласского, Таттинского, Усть-Алданского, Чурапчинского районов Республики Саха (Якутия). Якутские оронимы собраны путем анкетирования, опроса, включенного наблюдения.

Анатомическая лексика в якутской орографической терминологии

Ороним – это «собственное имя любого элемента земной поверхности» [Подольская, 1978, с. 99]; оронимия – совокупность оронимов на какой-либо определенной территории. Оронимия является одной из составных частей топонимии как совокупности всех географических названий данного региона [Сунчугашев, 1999, с. 18]. Традиционно орографические апеллятивы делят на следующие лексико-семантические группы: «апеллятивы, служащие для обозначения положительных форм рельефа (гор, холмов, возвышенностей и т. д.), апеллятивы, служа-

щие для обозначения отрицательных форм рельефа (оврагов, ложбин, ям и т. д.), апеллятивы, служащие для обозначения плоских форм рельефа (равнина) и апеллятивы, служащие для обозначения переходных форм рельефа (склон, берег)» [Сунчугашев, 1999, с. 19]. Разнообразный ландшафт Республики Саха (Якутия) породил специфическую орографическую терминологию в якутском языке.

Среди апеллятивов, используемых в составе якутских оронимов, наряду с фитонимами, зоонимами, этнонимами, антропонимами, названиями рельефа, почв, минералов, цвета, особо следует отметить группу анатомических терминов, на базе которых метафорическим способом образовано довольно большое количество как собственно оронимов, так и орографических апеллятивов. Метафоричны не только топонимы, но и многие географические термины [Мурзаев, 1974, с. 127].

В якутском языке обнаружено более 80 соматизмов, служащих для обозначения положительных, равнинных и отрицательных форм рельефа. Слова из анатомической лексики, принимающие значение орографического апеллятива, распределяются по двум тематическим группам, ориентированным на особенности форм рельефа относительно поверхности земли при ее горизонтальном и вертикальном членении, а именно:

1) лексемы, обозначающие внешние части тела человека и животных – 57 единиц (69,5 %): а) голова и шея – 29; б) туловище – 18; в) верхние и нижние конечности – 10 (табл. 1);

2) лексемы, обозначающие внутренние органы человека и животных – 25 единиц (30,5 %): а) голова и шея – 4; б) грудная клетка – 9; в) брюшная полость – 10; г) малый таз – 2 (табл. 2).

Такое деление, как отмечают исследователи, обосновывается тем, что строение человека идентично строению окружающей природы: «Человек видит природные объекты по вертикали, примеряя части своего тела к окружающему рельефу; и свое тело человек осознает в том же порядке: сначала голова, затем тело с плечами и руками, грудью, спиной, затем поясница и все, что находится ниже нее» [Хисамитдинова и др., 2018, с. 160]. Ниже мы сочли целесообразным привести некоторые примеры, чтобы воссоздать картину соматической метафоризации в орографической терминологии якутского языка.

Для обозначения орографических апеллятивов, образованных на основе соматизмов, могут привлекаться несколько вариантов наименования. Наряду с общеякутскими литературными фигурируют единично диалектные апеллятивы (як. *мэйиш* 'головной мозг; голова' – диал. (коб., сунт., усть.-алд., канг.) 'вершина, верхушка орографического объекта'; як. *хабах* 'мочевой пузырь' – диал. (усть.-алд.) *хонуу хабаҕа* 'самая чистая, ровная часть поля' (букв. мочевой пузырь поляны); як. *моой* 'шея' – диал. (ойм.) 'небольшой спуск') и разговорные (як. *эмэһэ* 'задняя часть тела человека ниже спины, задница, зад; задняя часть туловища у животных' – разг. 'расширяющееся, раздающееся к низу основание, нижняя часть кочки').

Считаем необходимым отметить, что в якутском языке некоторые соматизмы, участвующие в образовании орографических апеллятивов, общие для человека и животных (як. *төбө* 'голова', як. *кулгаах* 'ухо', як. *мурун* 'нос', як. *моой* 'шея', як. *арҕас* 'загрибок', як. *атах* 'нога', як. *куолай* 'пищевод', як. *быар* 'печень', як. *таал* 'селезенка' и т. д.), другие употребляются только для обозначения частей тела животных. Анализ анатомической лексики в составе якутских оронимов и орографических апеллятивов показывает, что орографические объекты имеют

следующие зооморфные части: холка, хребет, грива, рога, хвост и т. д. Представим некоторые примеры лексем, обозначающих части тела только животных ¹ в сфере якутской орографии в табл. 3.

Таблица 1

Лексемы, обозначающие внешние части тела человека и животных

Table 1

The lexemes denoting the external parts of human and animal bodies

Соматизм	Основное значение	Орографическое значение
Голова и шея		
бас	голова	1) вершина орографического объекта; 2) выдающийся край местности
мурун	нос, клюв	1) мыс; 2) выступ; 3) угол горы
сэнийэ	подбородок	нижняя часть горы, горки, булгуннях
чэчэгэй	висок	верх, верхняя сторона, верхняя боковая сторона горы
Туловище		
биил	талия	1) седловина горы; 2) широкий плоский перевал (< <i>билил</i> ‘узкая полоска земли, перешеек, разделяющий два озера; перехват’)
бүдүргэй	грудина, грудинка	1) безлесный мыс, образуемый излучиной реки; 2) голый мыс, выдавшийся вперед
түөс	грудь	1) склон горы; 2) часть горы выше подошвы
эмий	женская грудь	1) холм; 2) бугор; 3) булгуннях
Верхние и нижние конечности		
буут	бедро	выдающаяся часть горы
бэрбээкэй	щиколотка, лодыжка	суживающаяся у оконечности часть орографического объекта
тарбах	палец	острая вершина горы
тобук	колени	мыс
тоҕолох	локоть	мыс

¹ Иначе говоря, происходит метафорический перенос на формы рельефа с названий частей тела животных.

Таблица 2

Лексемы, обозначающие внутренние органы человека и животных

Table 2

The lexemes denoting the internal organs of humans and animals

Соматизм	Основное значение	Орографическое значение
Голова и шея		
таналай	нёбо	ступенчатый вид горы
тиис	зубы	1) выступающая острая скала; 2) острая вершина скалы; 3) сопка; 4) каменный столб – фигура выветривания
чабырбай	часть черепа от уха до лба, висок	вершина какой-либо возвышенности (горы, холмы)
Грудная клетка		
ойоѳос	ребро; бок	левая или правая сторона орографического объекта
куолай	пищевод	1) узкое длинное ущелье; 2) горный проход
хабарба	дыхательное горло, трахея	узкий проход
Брюшная полость		
бүөр	почка	боковая часть, сторона орографического объекта
быар	печень	1) середина, средняя часть склона, бугра, горы; 2) пригорок (< <i>быардыя</i> ‘уступ горы’)
таал	селезенка	увал
Малый таз		
киэли	живот человека, брюхо, чрево, утроба; матка	широкое пространство, просторы (горы)
хабах	мочевой пузырь	1) уступ горы; 2) чистое, ровное возвышенное место; <i>диал.</i> (усть-алд.) <i>хонуу хабаба</i> – самая чистая, ровная часть поля (<i>букв.</i> мочевой пузырь поляны)

Наличие столь широкого ряда анатомических апеллятивов, включающего более 80 единиц, иллюстрирует степень важности данных орографических объектов в жизни субъекта номинации. Географическая среда всегда занимала важное место в жизни якутов. Якуты хорошо знали рельеф окружающего их мира, где расположены различные неровности, возвышения и понижения земли, овраги, поля, поляны и др.

Соматизм	Основное значение	Орографическое значение
көбүл	1) прядь гривы, падающая на лоб лошади, челка; 2) пучок перьев, торчащий на голове птицы, хохол	верхняя, виднеющаяся, нахохлившаяся часть возвышенной местности
кутуйа	сычуг (второй желудок жвачных)	выдавленная часть поляны
кутурук	хвост	отрог горы, горки
муос	рог	1) отрог; 2) остроконечная вершина горы; 3) утес; 4) мыс
өргөс	острый конец, острый скотского рога	вершина, пик (горы)
уорҕа	шкура вдоль хребта скотины, животного	1) верхняя сторона орографического объекта; 2) далекий горизонт широких открытых мест

Анатомическая лексика в составе якутских оронимов

Количество якутских оронимов с анатомическим компонентом велико. Среди 1 800 выявленных нами якутских оронимов анатомические термины встречаются в составе около 25 % оронимов. По нашим наблюдениям, в образовании якутских оронимов участвуют 54 соматизма. Повышенную «оронимическую активность», под которой мы понимаем способность лексем выступать в составе оронимов, проявляют анатомические апеллятивы, указывающие на такие части тела, как *бас* 'голова' (20 %), *атах* 'нога' (14 %), *сүрэх* 'сердце', *тумус* 'нос; клюв' (по 7 %), *кулгаах* 'ухо' (5 %), *мэйиһи* 'головной мозг' (4 %). Применение других соматизмов составляет 1–2 %.

1. Лексемы, обозначающие внешние части тела человека и животных (353 якутских оронимов).

1.1. Голова и шея: *бас* 'голова' (93), *тумус* 'нос, клюв' (32), *кулгаах* 'ухо' (22), *төбө* 'голова' (11), *сирэй* 'лицо' (10), *сынгаах* 'челюсть, подбородок' (7), *кэтэх* 'затылок' (6), *муос* 'рога' (6), *мурун* 'нос, клюв' (5), *чанчык* 'висок' (5), *айах* 'рот' (4), *баттах* 'волосы' (4), *уос* 'губа' (3), *хонтуруу* 'переносица' (3), *дьабадьы* 'угол рта' (2), *кыламан* 'ресницы' (2), *моой* 'шея' (2), *хаас* 'бровь' (2), *көбүл* 'челка, чуб' (1), *ньуур* 'лицо человека, лик' (1), *сэгийэ* 'подбородок' (1), *чөмчөкө* 'голова' (1), *чэчэгэй* 'висок' (1), всего – 23 соматизма в 224 якутских оронимах.

1.2. Туловище: *эмий* ‘женская грудь’ (12), *уорба* ‘спина, хребет; шкура вдоль хребта животного’ (11), *кутурук* ‘хвост’ (10), *сис* ‘позвоночник; поясница’ (6), *арбас* ‘холка, хребет; спина’ (3), *биил* ‘талия’ (2), *бүдүргэй* ‘грудина, грудинка’ (2), *самах* ‘промежность’ (2), *тонобос* ‘позвонок, спинной хребет’ (1), *түөс* ‘грудь’ (2), всего – 10 соматизмов в 51 якутских оронимах.

1.3. Верхние и нижние конечности: *атах* ‘нога’ (63), *тоноголох* ‘локоть’ (6), *буут* ‘бедро’ (3), *тарбах* ‘палец’ (2), *тобук* ‘колено’ (2), *хоннох* ‘подмышка, пазуха’ (1), *хоой* ‘пазуха’ (1), всего – 7 соматизмов в 78 оронимах.

2. Лексемы, обозначающие внутренние органы человека и животных (105 оронимов).

2.1. Голова и шея: *мэйии* ‘головной мозг; голова’ (20), *тамах* ‘зев’ (7), *тиис* ‘зубы’ (6), *тангалай* ‘нёбо’ (2), *хабарба* ‘дыхательное горло, трахея’ (2), *саал* ‘жировое отложение на загривке лошади’ (1), всего 6 соматизмов в 38 якутских оронимах.

2.2. Грудная клетка: *сүрэх* ‘сердце’ (32), *ойобос* ‘ребро; бок’ (5), *куолай* ‘пищевод’ (3), всего 3 соматизма в 40 оронимах.

2.3. Брюшная полость: *быар* ‘печень’ (8), *бүөр* ‘почка’ (7), *куртах* ‘желудок’ (5), *таал* ‘селезенка’ (5), всего 4 соматизма в 25 оронимах.

2.4. Малый таз: *хабах* ‘мочевой пузырь’ (2), всего один соматизм в двух оронимах.

Как видно из приведенной статистики, в числе используемых в якутских оронимах 54 соматизмов можно выделить высокочастотные (93, 63 оронима), среднечастотные (20–32), низкочастотные (3–12) и единичные (1–2 фиксации).

Рассмотрим подробнее, какие анатомические апеллятивы находят отражение в якутских оронимах. Выбор слов, анализируемых в данной работе, проводится на основании их частого использования в составе якутских оронимов. Далее мы анализируем данные соматизмы в алфавитном порядке.

Апеллятив **атах** ‘нога, ноги; ножка’ в географической литературе якутского языка имеет следующие гидрографические и орографические значения: ‘1) водное пространство, вдавшееся в сушу; 2) суживающаяся часть равнины, поляны’ (ТСЯЯ, 2004, с. 638); ‘3) залив (озера); 4) удлинённая, выдающаяся часть какого-либо географического объекта (аласа, острова и т. д.); 5) последний, худший географический объект, по сравнению с другими’ (СТЛ, 2019, с. 59). В разных фонетических вариантах *адак* / *азак* / *айак* / *аяг* ‘нога’ отмечено в топонимии тюркских языков в значениях ‘подножие горы, низовье реки, ее конец’ [Самтакова, 2008, с. 85]. По поводу данного апеллятива в тюркских языках Э. В. Севортян отмечает: «*айақ ~ азақ...* ‘конец; устье, низовье реки’ – результат метафоризации центрального значения ‘нога’, образующего вместе со своим антонимом *баиш* ‘начало’ (*баиш* ‘голова’) ... обозначения для системы пространственных и отчасти временных координат, происходящие от названий частей тела» (ЭСТЯ, 1974, с. 104). В ДТС *adaq* ‘нога (человека и животного); нижняя часть, основание; подножие; устье (реки)’ (ДТС, 1969, с. 8). Данная форма, по мнению В. И. Рассадина, перешла в монгольские языки в форме *адаг* ‘конец; устье; последний, худший по качеству’ [Рассадин, 2009, с. 222]. Якутский апеллятив *атах* встречается в составе 63 оронимов. Известен в Якутии повсеместно и широко представлен в названиях аласов в формах *атах*, *атаба*, *атахтаах*: а. *Атах Алаас* ‘последний, худший алас’ (букв.: нога-алас), а. *Алаас Атаба* ‘конец аласа’ (букв.: нога аласа), а. *Атахтаах Алаас* ‘алас с удлинённой, выдающейся частью’ (букв.: алас, имеющий ногу) и др.

Слово **бас** ‘голова (человека или животного)’ в топонимии Якутии употребляется метафорически для обозначения элементов как гидрографических, так и орографических объектов: ‘вершина, верх, главная часть, передняя часть, начало чего-нибудь’ (СЯЯ, 1958, с. 388); ‘удаленная часть или конец чего-л.; место, где что-л. берет начало (например, река, ручей); верховье, исток, устье реки’ [ТСЯЯ, 2005, с. 228]. Например, в гидрографии Якутии *үрэх (үрүүэ) баһа* – начало, исток какой-либо реки (речки) (ТСЯЯ, 2005, с. 236). В якутской оронимии соматизм *бас* относится к числу наиболее часто употребляемых орографических апеллятивов (63 оронима) и обозначает вершину, переднюю часть, начало орографического объекта. Он может выступать самостоятельно и участвует в образовании простых и сложных оронимов, например: а. *Уһун Бас* ‘длинная передняя часть’ (букв.: длинная голова), г. *Үрүҥ Быраан Баһа* ‘вершина белой горы’ (букв.: голова белой горы), пол. *Сиһыы Баһа* ‘вершина поляны’ (букв.: голова поляны) и др. Географические значения слова *baş* отмечены в Древнетюркском словаре ‘вершина, верхушка; верховье, истоки; начало’ (ДТС, 1969, с. 86). В других тюркских языках данный апеллятив существует в двух формах: основной (*баиш / паиш / пас* ‘голова’) и притяжательной (*бажы / пажы / пазы* ‘голова=его’), термин употребляется для обозначения горных вершин, выдающихся скал, утесов, верховьев рек, истоков, часто источников, дающих начало ручьям, рекам (ЭНМ, 2018, с. 53).

В процесс номинации рельефа у якутов активно вовлечен соматизм **кулгаах** ‘ухо, уши’, который в орографической терминологии обозначает ‘боковую выдающуюся, четко выделяющуюся часть местности; выдающуюся часть местности; выдающуюся вершину’ (СТЛ, 2019, с. 123). Якутский апеллятив *кулгаах* встречается в составе 22 оронимов. По поводу слова *кулгаах* С. А. Иванов пишет следующее: «*Кулгаах* ‘ухо’ – исконно тюркское слово, в фонетико-лексическом отношении хорошо сохранившееся в якутской языковой сфере, хотя унаследовано из далекого прошлого, может быть, от орхонских или древне-уйгурских тюрков, в письменных памятниках которых оно зафиксировано в виде *qulaq, qulgaq, qulqaq, qulhaq* ‘ухо’» [Иванов, 2017, с. 274]. В географической терминологии тюркских языков параллель якутского *кулгаах* имеет широкое распространение в разных фонетических вариантах: *гулак / кулак / кылак / кулоқ / холах / хулах* ‘ухо, уши’ (основная форма), *кулагы, колагы* ‘ухо=его’ (притяжательная форма) в широком диапазоне значений ‘балка, ущелье; что-то выдающееся, четко выделяющееся в рельефе; глубоко вдающийся в сушу залив озера, реки; место ответвления арыка; голова небольшого арыка; место пуска воды из оросительного канала на пашню’ и т. д. (СНГТ, 1984, с. 310; ЭСТЯ, 2000, с. 124; ЭНМ, 2018, с. 98–99). В якутской оронимии фиксируется вид горы, имеющей форму уха: г. *Кулгаах Хайа* ‘высокая гора’ (букв.: ухо-гора), г. *Кулгаахтаах Хайа* ‘гора с выдающейся вершиной’ (букв.: гора, имеющая уши) и т. д.

Апеллятив **мэйни** ‘головной мозг; голова’ в говорах якутского языка приобрел географические значения ‘верховье реки, речки; вершина; верхушка; наконецник чего’ (ДСЯЯ, 1976, с. 168); ‘конец местности; верховье (реки, речки)’ (СТЛ, 2019, с. 169). Э. К. Пекарский и Багдарыын Сүлбэ зафиксировали следующее орографическое значение данного слова: ‘вершина, верхушка орографического объекта’ (Там же, с. 166): *сыһыы илин мэйиитэ* – восточная верхушка поля (СЯЯ, 1958, с. 1543), *таас мэйиитэ* – верхушка скалы (СТЛ, 2019, с. 169). В древнетюркском языке *tiji, teji* ‘головной мозг’ (ДТС, 1969, с. 340), которому соответствует ср.-монг. *tije, tiji* ‘головной мозг’ [Щербак, 1997, с. 176]. Из тюркских языков

термин используется в казахской топонимии в фонетическом варианте *мий* ‘мозги’ в значении ‘топкое место с жидковатой глиной беловато-серого цвета’ (СНГТ, 1984, с. 370). В данном случае географическое значение термина *мий* мотивируется его внешним сходством с этой частью тела человека. Топонимических соответствий в других тюркско-монгольских языках не обнаружено. Зафиксировано 20 якутских оронимов с апеллятивом *мэйиш*: г. *Муус Мэйиш* ‘ледяная вершина’ (букв.: лед-мозг), г. *Таас Мэйиш* ‘горная вершина’ (букв.: камень-мозг), поле *Сыһыы Мэйиштэ* ‘верхушка поля’ (букв.: мозг поля) и др.

Сүрэх ‘сердце’ в якутской оронимии употребляется в значениях 1) мыс округлой формы; 2) мыс, выступающий между двумя сходящимися реками; 3) географический объект (например, гора), стоящий обособленно, отдаленный от основной массы’ (СТЛ, 2019, с. 218). Видимо, в первом случае использовано внешнее сходство по форме (символическое изображение сердца также имеет овальное, снизу заостренное очертание), а не значимость географического объекта. В древнетюркском языке *jüräk, žüräk* ‘сердце’ (ДТС, 1969, с. 286, 643). *Йүрэк* и его фонетические варианты в современных тюркских языках имеют значения ‘сердце; небольшой холм, невысокая возвышенность в горах, горный острог округлой формы’ (ТСГА, 1979, с. 123). Ср. алт. *jүрөк* ‘сердце; небольшой холм’ [Самтакова, 2008, с. 85]; кирг. *жүрөкчө* ‘небольшой холм, невысокая возвышенность в горах, горный отрог округлой формы’ (СНГТ, 1984, с. 621); тув. *чүрөк* ‘сердце; маленькая сопка, покрытая лесом’ (ТСГА, 1979, с. 123). Слово также встречается в монгольских языках: п.-монг. *jirüken* ‘сердце’, монг. *зүрх*, бур. *зүрхэ* ‘сердце’ (БАМРС, 2001, с. 247–248); бур. *зүрхэн хада* ‘гора с овальной, заострённой вершиной’ (БРС, 1973, с. 416–417). В оронимии Якутии нами зафиксировано свыше 30 оронимов: а. *Сүрэх Алаас* ‘отдаленный алас’ (букв.: сердце-алас), кряж *Сүрэх Дьаангы* ‘скала округлой формы’ (букв.: сердце-скала), ск. *Өбүгэ Сүрэх Тааһа* ‘одинокая скала предков’ (букв.: сердце-скала предков) и др.

Төбө, по Багдарыын Сүлбэ, – вершина, макушка, верх, верхняя поверхность, верхняя сторона географического объекта; конец, оконечность геогр. об.; исток, верховье (реки, речки) (СТЛ, 2019, с. 242). В словаре якутского языка Э. К. Пекарского представлены значения ‘вершина, верхушка, головка, верх, темя, макушка; кончик: *хайа төбөтө* – темя (вершина) горы’ (СЯЯ, 1959, с. 2758). В древнетюркском словаре *töpü* ‘темя, макушка, голова; вершина’ (ДТС, 1969, с. 580). Соответствия в разных фонетических вариантах *тэнэ / тјбэ / тјбэ / дјбб / тјбе / тена* в значениях ‘вершина горы, холм, бугор, пригорок, сопка’ имеются в азербайджанском, алтайском, башкирском, казахском, киргизском, татарском, узбекском, шорском языках (ЭНМ, 2018, с. 121). На основе анализа данной лексемы составители СИГТЯ отмечают, что «регулярная многозначность названия части тела ~ ландшафтный термин выводится на общетюркский уровень; отсутствие внешних параллелей не позволяет решить, которое из этих значений первично» [СИГТЯ, 2001, с. 201]. Дж. Клосон, основываясь на материалах древнейших памятников, исконными значениями для этой лексемы считает ‘вершина, макушка’ в применении к естественным предметам и голове человека с дальнейшим развитием семантики слова и образованием значений ‘холм, возвышенность’ [Clauson, 1972, p. 436]. В якутских оронимах *төбө*, как правило, выступает в качестве определяемого: а. *Арбаа Төбө* ‘западная вершина’ (букв.: западная голова), г. *Үрүҥ Төбө* ‘чистая вершина’ (букв.: белая голова), о. *Туой Төбөлөөх* ‘имеющий глиняную вершину’ (букв.: имеющий глиняную голову) и др.

В якутских оронимах активно функционирует апеллятив **тумус**. Словари кроме анатомического значения слова *тумус* ‘клюв, птичий нос, нос некоторых животных; вытянутая вперед передняя часть головы некоторых животных, рыло’, фиксируют и орографическое значение ‘край мыса, выступ; выступающий мысом’ (БТСЯЯ, 2014, с. 108); ‘мыс; горный, лесной, островной мысок; лесистый выступ’ (СТЛ, 2019, с. 247). В Древнетюркском словаре *tumšiq / tumšuq* ‘клюв’ (ДТС, 1969, с. 585). Известно общетюркское распространение этого слова в широком диапазоне значений, основными из которых можно считать ‘нос, клюв, хобот’, а также в орографическом значении ‘мыс, выступ горы, возвышение’ (ЭНМ, 2018, с. 123). От якутского *тумус* образован другой орографический апеллятив *тумуһах* ‘мыс, мысок; горная, лесная сопка’ (СЯЯ, 1959, с. 2813); ‘небольшой лесной мыс’ (БТСЯЯ, 2014, с. 111). На исследуемой территории с апеллятивами *тумус* и *тумуһах* зафиксированы следующие оронимы: мыс *Кыһыл Тумус* ‘красный мыс’ (букв.: ‘красный клюв’), мыс *Кылабыһа Тумса* ‘мыс кладбища’ (букв.: ‘нос кладбища’), мыс *Хаар Тумуһах* ‘снежный мыс’ и др.

Эмий. Якутские словари фиксируют значения: молочная железа женщины, грудь (женская); выступающая в виде шишечки наружная часть молочной железы самок млекопитающих животных, на конце которой открываются молочные протоки (БТСЯЯ, 2018, с. 204). Орографическое значение слова *эмий* ‘холм, бугор, булгуннях’ (СТЛ, 2019, с. 307). В древнетюркском языке *emig* ‘грудь женщины, соски’ (ДТС, 1969, с. 320). В хакасской оронимии словом *имчек* ‘женская грудь’ обозначают отдельные возвышенности, по форме напоминающие женскую грудь [Сунчугашев, 1999, с. 72]. В географической терминологии других тюркских языков данный апеллятив не зафиксирован. По Э. М. Мурзаеву, *эмчек* ‘женская грудь’ имеет значение ‘возвышенность, заметный холм’ [1996, с. 61]. На территории Якутии обнаружены следующие оронимы с данным апеллятивом (12 оронимов): ск. *Хара Эмий* ‘черный холм’ (букв.: черная грудь), г. *Эмий Таас* ‘гора, по форме напоминающая женскую грудь’ (букв.: грудь-гора), холм *Танара Эмиийэ* ‘холм бога’ (букв.: божья грудь) и др.

Выводы

По результатам изучения и анализа анатомической лексики в якутской оронимии можно сделать следующие выводы.

1. В ходе исследования выявлено более 80 анатомических терминов, которые сыграли определенную роль в становлении якутской оронимии.

2. Основной принцип употребления анатомической лексики в составе орографических апеллятивов и якутских оронимов – метафорический перенос, который отражает особенность мировоззрения народа саха.

3. В якутской орографии в количественном отношении преобладают лексемы, обозначающие внешние части тела человека и животных – 69,5 % (57 соматизмов). Следует подчеркнуть, что орографическое значение получают слова, указывающие не только на внешние части тела, но и на внутренние органы человека и животных: «почка → боковая часть орографического объекта», «печень → средняя часть орографического объекта», «пищевод → узкое ущелье», «сердце → мыс округлой формы», «мочевой пузырь → чистое, ровное возвышенное место» и др. Лексемы, обозначающие внутренние органы человека и животных, составляют 30,5 % (25 соматизмов).

4. В образовании якутских оронимов участвуют 54 соматизма. Анатомические термины составляют примерно 25 % всех якутских оронимов. Наиболее активными в их составе являются соматизмы *бас* 'голова' (20 %), *атах* 'нога' (14 %), *сүрэх* 'сердце', *тумус* 'нос; клюв' (по 7 %), *кулгаах* 'ухо' (5 %), *мэйии* 'головной мозг' (4 %), *эмийи* 'женская грудь', *төбө* 'голова' (по 2 %). Проанализированные анатомические термины в составе якутских оронимов представлены исконно тюркскими основами.

5. Анатомическая лексика тюркских языков в значительной части общая. Совпадает и употребление этой лексики в качестве орографических апеллятивов. Особенно часто в названиях частей крупных орографических объектов встречаются общеупотребительные слова: «спина → хребет далеко тянущейся горы, возвышенности», «голова → вершина орографического объекта», «талия → седловина горы, перевал» и т. д. В некоторых тюркских языках наблюдаются расхождения в плане содержания, что может быть результатом влияния контактных языков (родственных и неродственных). Обилие и разнообразие метафорических соматизмов в тюркских языках также могут быть обусловлены физико-географическими особенностями рельефа местности, на которой они функционируют. На этом основании анатомическая лексика может рассматриваться как дополнительный источник для понимания закономерностей формирования и особенностей тюркской географической лексики Сибири.

Список сокращений

Языки и говоры

алт. – алтайский, бур. – бурятский, канг. – кангаласский говор, кирг. – киргизский, коб. – кобайский говор, монг. – монгольский, ойм. – оймаконский говор, п.-монг. – письменно-монгольский, праалт. – праалтайский, сунт. – сунтарский говор, тув. – тувинский, усть-алд. – усть-алданский говор, як. – якутский

Прочие

а. – алас, г. – гора, о. – остров, пол. – поляна, ск. – скала

Список литературы

Дыбо А. В. Антропоморфная и зооморфная метафора в тюркских языках // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский языковоснова. Картина мира пратюркского этноса по данным языка. М.: Наука, 2006. С. 648–659.

Иванов С. А. Лексические особенности говоров якутского языка. Новосибирск: Наука, 2017. 392 с.

Мурзаев Э. М. Очерки топонимики. М.: Мысль, 1974. 382 с.

Мурзаев Э. М. Тюркские географические названия. М., 1996. 253 с.

Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1978. 201 с.

Рассадин В. И. О монгольском влиянии на казахский язык // Народы Прикаспийского региона: Диалог культур. Элиста, 2009. С. 221–224.

Самтакова К. Б. Топонимия Юго-Восточных районов Республики Алтай в сопоставлении с монгольскими топонимами: Дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2008. 212 с.

СИГТЯ – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. 2-е изд., доп. М.: Наука, 2001. 822 с.

Сунчугашев Р. Д. Оронимия Хакасии: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1999. 180 с.
Хисамитдинова Ф. Г., Ягафарова Г. Н., Муратова Р. Т., Валиева М. Р. Место соматизмов в башкирской топонимии // Сибирский филологический журнал. 2018. № 4. С. 157–168. DOI 10.17223/18137083/65/15

Чебокакова И. М. Соматизмы как база для словообразования в хакасском языке // Сибирский филологический журнал. 2017. № 4. С. 271–281. DOI 10.17223/18137083/61/25

Широбокова Н. Н. Отражение языковых контактов в лексике тюркских языков Сибири // Языки и фольклор коренных народов Сибири. Новосибирск, 2014. Вып. 14. С. 4–21.

Щербак А. М. Ранние тюркско-монгольские языковые связи (VIII–XIV вв.). СПб.: ИЛИ РАН, 1997. 291 с.

Clauson G. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford: Clarendon Press, 1972. 989 p.

Список словарей

БАМРС – Большой академический монгольско-русский словарь. М.: Academia, 2001. Т. 2: Д–О. 485 с.

БТСЯЯ – Большой толковый словарь якутского языка. Новосибирск: Наука, 2007; 2008; 2009; 2010; 2011; 2012; 2013; 2014; 2015; 2016; 2017; 2018.

БРС – Бурятско-русский словарь. М.: Наука, 1973. 803 с.

ДСЯЯ – Диалектологический словарь якутского языка / Сост. П. С. Афанасьев, П. С. Воронкин, М. П. Алексеев. М.: Наука, 1976. 392 с.

ДТС – Древнетюркский словарь / Под ред. В. М. Наделяева. Л., 1969. 677 с.

СНГТ – Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. М.: Мысль, 1984. 656 с.

СТЛ – Багдарыын Сүлбэ. Словарь топонимной лексики Республики Саха. Местные географические термины и понятия. Якутск, 2019. 324 с.

СЯЯ – Пекарский Э. К. Словарь якутского языка. Л.: Изд-во АН СССР, 1958–1959. 3858 стб.

ТСГА – Молчанова О. Т. Топонимический словарь Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1979. 398 с.

ТСЯЯ – Толковый словарь якутского языка. Новосибирск: Наука, 2004; 2005; 2006.

ЭНМ – Молчанова О. Т. Энциклопедия названий мест Горного Алтая. Щецин: Daniel Krzanowski, 2018. Т. 1: А – К. 598 с.; Т. 2: Л – Я. 506 с.

ЭСТЯ – Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. Обще-тюркские и межтюркские основы на гласные. М.: Наука, 1974. 768 с.

ЭСТЯ – Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и меж-тюркские основы на букву «К». М., 2000. 261 с.

EDAL – Starostin S. A., Dybo A. V., Mudrak O. A. An Etymological Dictionary of Altaic Languages (with the assistance of I. Gruntov and V. Glumov). Leiden, 2003. 1556 p.

References

Chebochakova I. M. Somatizmy kak baza dlya slovoobrazovaniya v khakasskom yazyke [Somatisms as a basis for word formation in Khakassian language]. *Siberian Journal of Philology*. 2017, no. 4, pp. 271–281. DOI 10.17223/18137083/61/25

Clauson G. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford, Clarendon Press, 1972, 989 p.

Dybo A. V. Antropomorfnyaya i zoomorfnyaya metafora v tyurkskikh yazykakh [Anthropomorphic and zoomorphic metaphor in Turkic languages]. In: *Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Pratyurkskiy yazykosnova. Kartina mira pratyurkskogo etnosa po dannym yazyka* [Comparative-historical grammar of Turkic languages. Praturk basic language. The worldview of the Proto-Turkic ethnos according to the language]. Moscow, Nauka, 2006, pp. 648–659.

Ivanov S. A. *Leksicheskie osobennosti govorov yakutskogo yazyka* [Lexical characteristics of Yakut patois]. Novosibirsk, Nauka, 2017, 392 p.

Khisamitdinova F. G., Yagafarova G. N., Muratova R. T., Valieva M. R. Mesto somatizmov v bashkirskoy toponimii [The role of somatisms in the Bashkir toponymy]. *Siberian Journal of Philology*. 2018, no. 4, pp. 157–168. DOI 10.17223/18137083/65/15

Murzaev E. M. *Ocherki toponimiki* [The essays on toponymy]. Moscow, Mysl', 1974, 382 p.

Murzaev E. M. *Tyurkskie geograficheskie nazvaniya* [The turkic geographical names]. Moscow, 1996, 253 p.

Podol'skaya N. V. *Slovar' russkoy onomasticheskoy terminologii* [The dictionary of Russian Onomastic Terminology]. Moscow, Nauka, 1978, 201 p.

Rassadin V. I. O mongol'skom vliyaniy na kazakhskiy yazyk [About the Mongolian influence on the Kazakh language]. In: *Narody Prikaspiyskogo regiona: Dialog kul'tur* [Peoples of the Caspian region: Dialogue of cultures]. Elista, 2009, pp. 221–224.

Samtakova K. B. *Toponimiya Yugo-Vostochnykh rayonov Respubliki Altay v сопоставлении с монгол'sкими топонимами* [Toponymy of South-Eastern regions of the Altai Republic in comparison with Mongolian toponyms]. Cand. philol. sci. diss. Novosibirsk, 2008, 212 p.

Shcherbak A. M. *Rannie tyurksko-mongol'skie yazykovye svyazi (8–14 vv.)* [Early Turkic-Mongolian linguistic relations (8–14 centuries)]. St. Petersburg, ILI RAS, 1997, 291 p.

Shirobokova N. N. Otrazhenie yazykovykh kontaktov v leksike tyurkskikh yazykov Sibiri [Representation of language contacts in vocabulary of Turkic languages in Siberia]. *Language and folklore of the indigenous peoples of Siberia*. Novosibirsk, 2014, iss. 14, pp. 4–21.

Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Leksika [Comparative-historical grammar of Turkic languages]. 2nd ed., enl. Moscow, Nauka, 2001, 822 p.

Sunchugashev R. D. *Oronimiya Khakasii* [The oronymy of Khakassia]. Cand. philol. sci. diss. Moscow, 1999, 180 p.

List of sources

Bagdaryyn Sylbe. *Slovar' toponimnoy leksiki Respubliki Sakha. Mestnye geograficheskie terminy i ponyatiya* [Dictionary of Toponym Vocabulary of the Sakha Republic. Local geographical terms and concepts]. Yakutsk, 2019, 324 p.

Bol'shoy akademicheskii mongol'sko-russkiy slovar' [Great academic Mongolian-Russian dictionary]. Moscow, Academia, 2001, vol. 2: D–O, 485 p.

Bol'shoy tolkovyy slovar' yakutskogo yazyka [Great explanatory dictionary of the Yakut language]. Novosibirsk, Nauka, 2007, 2008, 2009, 2010, 2011, 2012, 2013, 2014, 2015, 2016, 2017, 2018.

Buryatsko-russkiy slovar' [Buryat-Russian Dictionary]. Moscow, Nauka, 1973, 803 p.

Dialektologicheskii slovar' yakutskogo yazyka [Dialectological dictionary of the Yakut language]. P. S. Afanas'ev, P. S. Voronkin, M. P. Alekseev (Comps.). Moscow, Nauka, 1976, 392 p.

Drevnetyurkskiy slovar' [Old Turkic dictionary]. V. M. Nadelyaev (Ed.). Leningrad, Nauka, 1969, 677 p.

Etimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov: Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na bukvu "K" [Etymological Dictionary of Turkic Languages. Common Turkic and Inter-Turkic stems starting with letter "K"]. Moscow, 2000, 261 p.

Molchanova O. T. *Entsiklopediya nazvaniy mest Gornogo Altaya* [Encyclopedia of place names of Gorny Altai]. Shchetsin, Daniel Krzanowski, 2018, vol. 1: A–K. 598 p., vol. 2: L–Ya, 506 p.

Molchanova O. T. *Toponimicheskii slovar' Gornogo Altaya* [Toponymic dictionary of the Altai Mountains]. Gorno-Altaysk, 1979, 398 p.

Murzaev E. M. *Slovar' narodnykh geograficheskikh terminov* [Dictionary of folklore geographical terms]. Moscow, Mysl', 1984, 656 p.

Pekarskiy E. K. *Slovar' yakutskogo yazyka* [Dictionary of the Yakut language]. Leningrad, AN SSSR, 1958–1959, 3858 col.

Sevortyan E. V. *Etimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov. Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na glasnye* [Etymological dictionary of Turkic language. Common Turkic and Inter-Turkic stems which end on vowels]. Moscow, Nauka, 1974, 768 p.

Starostin S. A., Dybo A. V., Mudrak O. A. *An Etymological Dictionary of Altaic Languages* (with the assistance of I. Gruntov and V. Glumov). Leiden, 2003, 1556 p.

Tolkovyy slovar' yakutskogo yazyka [Great explanatory dictionary of the Yakut language]. Novosibirsk, Nauka, 2004, 2005, 2006.

Информация об авторе

Яна Васильевна Стручкова, младший научный сотрудник отдела якутского языка Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (Якутск, Россия)

Information about the authors

Yana V. Struchkova, Junior Researcher, Department of the Yakut Language, Institute for Humanitarian Research and North Indigenous People Problems of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Yakutsk, Russian Federation)

Статья поступила в редакцию 01.03.2023;

одобрена после рецензирования 13.06.2023; принята к публикации 13.06.2023

The article was submitted on 01.03.2023;

approved after reviewing on 13.06.2023; accepted for publication on 13.06.2023

Научная статья

УДК 811.512.13

DOI 10.17223/18137083/86/14

Семантика и функции шорских маркеров подобия в сфере компаративности

Ирина Витальевна Шенцова

Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

ivshen@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0002-3064-7791>

Аннотация

Комплексный анализ элементов шорского языка, образующих конструкции подобия, формирует представление о неградуированных конструкциях в системе компаративных отношений данного языка, рассматриваемых как конструкции равенства. В шорском языке строительным материалом конструкции являются (1) единица – объект характеристики, (2) единица, служащая эталоном уподобления, (3) служебная единица, используемая в качестве маркера компаративных отношений, называемая компаративным оператором. В исследовании определяются условия использования операторов конструкций, детализируются их семантика, этимология, приводятся данные о их происхождении.

Ключевые слова

шорский язык, конструкции равенства, маркеры подобия, компаративный оператор

Для цитирования

Шенцова И. В. Семантика и функции шорских маркеров подобия в сфере компаративности // Сибирский филологический журнал. 2024. № 1. С. 192–206. DOI 10.17223/18137083/86/14

Semantics and functions of Shor similarity markers in the field of comparativity

Irina V. Shentsova

Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

ivshen@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0002-3064-7791>

Abstract

This paper describes the semantics and etymology of comparative operators in the Shor language compared to other Turkic languages. Shor similarity constructions as structures of equality are referred to as “ungraded constructions,” with two components of such a construc-

© Шенцова И. В., 2024

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2024. № 1. С. 192–206

Siberian Journal of Philology, 2024, no. 1, pp. 192–206

tion being equal or similar. The characterizing component expressed by a noun and marked by a postpositional unit called “an operator” forms a comparative combination. Shor comparative operators exhibit unique features as markers of similarity.

Comparative combinations characterizing nouns use the syntactic words *tööy*, *chüüniŋy*, *oshqash*, *sheni*, *che*, an adjective *teŋ*, and affixes *=tiŋ*, *=tiyi* as operators. These combinations can be attributes or predicates in a sentence. The semantic function of these operators is mainly “equative,” covering qualitative and quantitative characteristics. The operators *tööy*, *chüüniŋy*, *teŋ* denote a high degree of similarity between objects. The operator *oshqash* denotes the similarity in the appearance and character of objects. The operators *sheni* and *che* designate the equal size of objects. These operators, excluding *sheni* and *che*, take predicative affixes in the present indicative tense in the predicate position; otherwise, they are used with an auxiliary verb. The affix *=tiŋ* expresses a comparative meaning in metaphors; otherwise, it denotes the possession of some feature. The affix *=tiyi* is used in the position of a predicate.

Comparative combinations characterizing verbs use the syntactic words *chilep* (*chylap*), *sheni* (*shenep*, *sheninche*), and *che* as operators. These combinations can serve as adverbial modifiers of manner, with their semantic function emphasizing the “similative” identity of the manner of action.

Keywords

Shor language, equality constructions, similarity markers, comparative operator

For citation

Shentsova I. V. Semantics and functions of Shor similarity markers in the field of comparativity. *Siberian Journal of Philology*, 2024, no. 1, pp. 192–206. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/86/14

В данной работе исследуется функционирование единиц шорского языка, служащих маркерами подобия объектов сопоставления (предметов и процессов). Такие единицы (морфемы, лексемы и послелогии), относящиеся к разным языковым уровням, рассматриваются как семантическая группировка в сфере компаративности [Бондарко, 2002, с. 107, 314]. Сопоставление контекстов, содержащих эти единицы, позволяет диверсифицировать их функциональные ниши.

Интегрирующая семантика рассматриваемых языковых единиц – это «подобие», которое реализуется в статическом и динамическом аспектах («подобие» – «уподобление»). Степень подобия (подобие полное и приблизительное) не выходит за границы неградуированного сравнения. Конструкции с маркерами подобия рассматриваются как конструкции равенства.

Структура конструкции равенства представляет собой соположение компонентов: $\{компарат_1\} + \{компарат_2 + оператор\ сравнения\}$. Термины *компарат₁* (характеризуемый компонент конструкции) и *компарат₂* (характеризующий компонент, или стандарт, эталон) введены в работе [Кошкарёва, Плотников, 2023].

В шорском языке референтом *компарата₁* являются предметные и процессные реалии, соответственно, *предметные* компараты вербализуются именами, *процессные* компараты – глаголами. Так, в *предметной* конструкции *апшақ чүўнүз кижѝ* ‘на медведя похожий **человек**’ характеризуемый компарат – *киѝ* ‘человек’. В *процессной* конструкции *оолақ кийик чилеп чүгүрча* букв. ‘юноша, как косуля, бегаѝ’ характеризуемый компарат – *чүгүрча* ‘бегаѝ’.

В шорских конструкциях равенства *компараты₂* (*эталонѝ*) вербализуются именами существительными и местоимениями: *тайым чаѝ кижѝ оиқаѝ көрүнди* ‘мой дядя (по матери) молодому человеку подобно выглядел’ (компарат₁ *тайым* приравнен к эталону *чаѝ кижѝ*), *пис ылар-оқ оиқаѝ кижѝ=бис* ‘мы им же подобные люди’ (оба компарата – личные местоимения).

В процессных конструкциях равенства эталон сравнения называет субъекта действия / состояния, но не само действие / состояние (собственно, то, что служит эталоном сравнения).

Таким образом, сопоставляемый признак эталона в шорских конструкциях равенства не вербализован, он восстанавливается исходя из общих знаний данного языкового коллектива.

Термины *оператор*, *маркер* и *показатель* обозначают служебный компонент конструкции, в данной работе они используются как синонимы и относятся к одному и тому же компоненту. Каждый из терминов сигнализирует о семантической или системной функции единицы. Так, *оператор сравнения* подразумевает конструктивные функции компонента, *маркер* – семантическую функцию, *показатель* связан с его грамматической характеристикой (аффикс, послелог, лексема).

1. Маркеры характеристики предметного компарата

К маркерам такой семантики в шорском языке относятся лексема *тең* ‘равный’, послелоги *төбй*, *чүүнүг*, *ошқаш*, *шени*, *че*, аффиксы *=тыг*, *=тыйы*. Эти маркеры выражают разный уровень сходства компарата₁ и компарата₂ («идентичный – похожий»), кроме того, они обладают функциональными и семантическими особенностями.

Компарат₂ (эталон) с показателем подобия выполняет функции 1) определения, располагаясь в препозиции к компарату₁, 2) именного сказуемого или части именного сказуемого. Смысловое различие употребления эталона сравнения в качестве атрибута и предикатива¹ заключается в том, что эталон-атрибут вместе с компаратом₁ входит в тему высказывания (свойство характеризуемого объекта считается известным), а эталон-предикатив является ремой высказывания (тем новым, на что обращается внимание).

ТЕҢ. Шорская лексема *тең* входит в общий тюрко-монгольский фонд: др.-т. *teŋ* ‘равный’, ‘одинаковый’ (ДТС, с. 551). В шорском языке лексема *тең* имплицитно тождественность признака, который может быть измерен: шор. *Паслейбе Петкениң өскен сыннары тең одинаковый*; *Төрт тең қат алзаң* букв. ‘Четыре равных (листа) бумаги возьми’. Отсутствие тождественности обозначается при помощи частицы именного отрицания *эбес*: *Паслейбе Петкениң өскен сыннары тең эбес* ‘Васи и Пети рост неодинаковый’; *По қаттар тең эбес=тер* ‘Эти (листы) бумаги неодинаковые’.

ТӨБЙ. Маркер подобия – показатель *төбй* – обозначает высокую степень сходства по внешним признакам. Шорская форма *төбй* имеет вариант *түңей* [Дыренкова, 1941, с. 67–68]. Форма *төбй* – это фаза развития *түңей*, обусловленная фонетическими закономерностями, которую можно проследить по данным из других тюркских языков: *дэјин* ~ *дэней* > *тэней* > *төңей* > *түңей* [Щербак, 1987, с. 88].

В тюркских языках Саяно-Алтая используются слова – фонетические варианты: алт., тел. *түңей*, кмн., хак., шор. *төбй*, тув. *дөмей* (ОРС, с. 162; ТелРС, с. 89; КмдРС, с. 86; ХакРС, с. 663; ШҚС, с. 55; ТувРС, с. 440). В монгольских языках употребляется изосемичная лексема *тэнгэй* ‘равно’, ‘одинаково’ (БМонгРС, с. 466).

¹ Термин *предикатив* в данной работе используется в значении «неглагольный предикат или именная часть сказуемого», см. (АРС, с. 479, 280).

В шорском языке слово *töđöy* в препозиции определяемого существительного используется как «счетное имя»: *nur töđöy öđük* ‘пара обуви’ (ШҚС, с. 55).

Количество шорских примеров с *töđöy* ограничивается данными из [Дыренкова, 1941, с. 69, 112]. В шорской конструкции подобия *töđöy* управляет дательным падежом имени и является именным сказуемым: *ol saga töđöy* ‘он похож на тебя’ (букв.: он тебе пара); *nörücek адай палазы=n=a töđöy* ‘Волчонок похож на щенка’.

ЧҮҮНҮГ. Шорский маркер подобия – показатель *чүүнүг* – обозначает высокую степень сходства по внешним признакам живого существа, по характеру, манерам человека. Этот показатель может также употребляться с денотатами «нелицами»: *эски сарын чүүнүг көг* ‘старой песни подобный напев’.

Этимология *чүүниг* ‘похожий’, ‘быть похожим’, очевидно, связана с лексемами шор. *чүс* ‘лицо’, *чүүн* ‘походить’ (о внешности) (ШҚС, с. 65). В качестве гипотез можно рассмотреть и другие этимологии *чүүниг*. Так, происхождение этого маркера может быть связано с освоением древнетюркского парного слова *jop-jü* ‘способ’, ‘манера поведения’ (ДТС, с. 272), которое объясняет *n* в середине этого слова. Другое толкование: структура *чүүниг* совпадает со структурой *түңей* ~ *jüñej*, в этих формах реализованы закономерные чередования, а также совпадает их семантика.

Грамматический статус *чүүнүг* определяется как «сравнительное слово-последлог» [Дыренкова, 1941, с. 68], как «последлог» [Чиспияков, 1992, с. 106–107]. По форме и функциям *чүүнүг* имеет свойства прилагательного. Это слово с аффиксом принадлежности (*чүүнүг=i*) выступает в качестве имени со значением ‘подобие, сходство’ [Шенцова, 1999, с. 58–59].

Последлог *чүүниг* управляет дательным падежом имени: *nörücek адай палазы=n=a чүүнүг* ‘волчонок похож на щенка’ [Дыренкова, 1941, с. 69], *по апишый кижии меең абам=га чүүнүг* ‘этот старик на моего отца похож’ [Чиспияков, 1992, с. 107].

Компарат-эталон с показателем *чүүнүг* занимает позиции атрибута и предикатива:

Пулутта талай аразында қара чалыңга чүңүг Буревестник қайынча (Горький, 1936, с. 15) ‘Между тучами и морем **подобный** черной молнии Буревестник реет’; *Ааң соонда Көгей Көктүң позунуң көйгөн чүнү чоқ полуп, Олең Тайчыга чүүнүг пол парган* ‘Исчезло загорелое лицо Кёгей Кёк и **подобным** лицу Олен Тайджи сделалось’ (ШФ, с. 76, 77).

ОШҚАШ. Шорский маркер подобия – показатель *ошқаш* восходит к тюркской дейктической частице *ош* ~ *уш* ~ *иш* ‘вот’, ‘этот’, ‘теперь’, ‘истинно’. Эта частица используется и как слово сравнения – ‘подобно’ (ЭСТЯ, с. 492–493). В древнетюркских языках ‘анафорическое местоимение» *ош* ‘вот’ образует аффиксальную форму, имеющую компаративную семантику: *ош=a=tüñi* ‘подобный’ (ДТС, с. 372).

Дериваты *ош* включены в список последлогов, имеющих глагольное происхождение. Эти формы управляют дательным падежом [Щербак, 1987, с. 86–87]. Производящая основа – глагол с семантикой ‘походить’, ‘быть похожим, подобным’ – используется в некоторых современных тюркских языках и диалектах [Там же, с. 86]. Аффиксальные формы *ош* представлены в большинстве тюркских ареалов. Деривация основы *ош* развивалась в направлениях, связанных с образованием адъективных, адвербиальных и предикативных форм.

Шорский показатель *ошқаш* ~ *ушқаш* как сравнительное слово-последок, обозначающий подобие, отмечен в работах [Дыренкова, 1941, с. 68, 241–243; Чиспияков, 1992, с. 106–108]. Семантика сочетаний имен с показателем *ошқаш* позволяет отнести их к эквативным конструкциям [Невская, 2022, с. 294]. Особенности функционирования служебного слова *ошқаш* рассматриваются в [Шенцова, 1999, с. 59].

В качестве компаративного показателя в шорском языке *ошқаш* употребляется для характеристики предметного компарата. Кроме того, *ошқаш* используется в функции модального слова.

Компарат₂ + *ошқаш* в простом предложении выполняет функции атрибута и предикатива.

Компарат₂ в функции атрибута обозначает общий вид предмета, форму, цвет компарата₁, а также характеризует компарат₁ (с референцией «лицо») по поступкам, поведению, содержанию личности:

Астынчы поэнының туруна ушқаш узун мойнын шойын, узун азақтарын кере алтан шықты [Чиспияков, 1940, с. 84] ‘Астынчи, свою **подобную журавлю длинную шею** вытягивая, длинными ногами широко зашагал’; *...ылардың аразында тезе алтын ошқаш чылызактар пыжышчатқаны көрунча* (Горький, 1936, с. 18) ‘...среди них [облаков] **золоту подобных звезд мерцание** видно’.

Показатель *ошқаш* в составе компарата₂ в позиции предиката в формах настоящего времени принимает предикативные аффиксы словоизменения, а в других формах он используется в сочетании со спрягаемым глаголом *пол* = ‘быть’:

«*Сен, оол, – тебисти Максим-тайызы, – ақтап улуг кижси ошқаш=сың. Парчын небе пилчаң*» (Ўлгер, 1995, с. 142) ‘«Ты, парень, – сказал дядя Максим, – совсем на взрослого **похож**. Всё знаешь»’.

Оформляя причастные формы, выступающие в качестве финитного сказуемого, слово *ошқаш* сообщает всему высказыванию модальные и эвиденциальные значения:

«*Эр кижилер келгелек ошқаш=тар. Мине пўн ылардың келчең күннери. Пис пурнабысқан ошқаш=ныс*» (Ўлгер, 1995, с. 140) ‘«Взрослые еще не приехали, **похоже**. Сегодня же день их приезда. Мы, **похоже**, их опередили (приехали раньше их)»’.

ШЕНИ. Шорский показатель сравнения *шени* является формой, связанной со словом *шен* ‘мера’ < др.-т. *šeŋ* ~ *šeŋ*, заимствованием из китайского языка: *šeŋ* ‘шэн, мера емкости, около литра’, ‘мера веса для чая, около 1½ фунта’ (ДТС, с. 144).

В тюркских языках *чэн* ‘время’, ‘мера’, ‘предел’ лежит в основе последового со значениями ‘предельный’, ‘подобный (по количеству или размеру)’. Такие последовы образованы от глагола ‘мерить, примерять, сравнивать’, который сохранился в некоторых тюркских языках [Щербак, 1987, с. 77–78, 89].

В качестве оператора сравнения последок (< др.-т. *šeŋ*) используется не во всех языках сибирского ареала. Кроме шорского, такой показатель есть в хакасском языке (*сининче*) (ХакРС, с. 468).

В качестве служебного слова в шорском языке употребляются формы *шени* (форма имени с посессивным аффиксом), *шенеп* (деепричастие на =n), *шенинче* (в форме выделяется общетюркская морфема -нч-чи-(и) [Там же, с. 87–88], а конечная гласная уподобилась другому показателю – *че*). Форма *шенеп* сохраняет глагольную «природу» и управляет дательным падежом: *талай=га шенеп* ‘с море (размером)’ [Дыренкова, 1941, с. 241].

Компарат₂ + *шени* в позиции атрибута характеризует компарат₁ по количественному признаку:

Қарвааш турганда Алтын Чылтыс, нек шени таш азақ пажынга урунганда, мечик шени шацрап парып одурғаны (ШГС, с. 372) ‘Во время схватки с Алтын Чылтысом, когда **камень размером с корову** под ноги им попадал, он, словно мячик, отскакивал’; *Қаан тайғааң паиқа поом черде пазоқ тайға шени алтын дрге турча* ‘На другой стороне Кан-горы стоит золотой дворец, **подобный большой горе**’ (ШГС, с. 14, 15); *Қыс палазы туганче, / Эргек шени эр туғзун* ‘Чем родиться девочке, / Пусть родится **с пальчик малец**’ (ДШ, с. 321).

Компарат₂ + *шени* в позиции предиката составляет его именную часть, а спрягаемым компонентом являются формы глагола *пол*= ‘быть’:

құн келгенде кечиги туган кеш пала шени полбаан-оқ қалдым! ‘настал день, когда **я не стал даже равным по силе вчера рожденному малому ребенку!**’ (ШФ, с. 224, 225).

ЧЕ. Шорская единица *че* как маркер подобия используется как в сфере предметной, так и в сфере процессной характеристики.

Показатель *че* (*ча*) возводится к др.-т. *сaq* ‘время, пора’, ‘мера’, ‘предел’ (во времени, в пространстве), лежит в основе послелогов [Щербак, 1987, с. 77].

В шорском языке единицы *ча* и *че* разграничены. Так, пространственное значение служебного показателя *ча* является аналогом продольного падежа: *сугча* ‘по реке’ [Дыренкова, 1941, с. 64], а форма *че* в шорском языке служит маркером уподобления. Оба шорских показателя (*ча* и *че*) не подвергаются сингармонизму – признаку, характерному для аффиксов. В разных шорских текстах оба показателя с существительными пишутся как слитно, так и раздельно.

Грамматический статус показателя *че* определяется как послелог-аффикс [Там же, с. 67], как аффикс сравнительно-ограничительного падежа [Щербак, 1977, с. 53], как «древний негармонирующий эквативный падеж на -*че*» [Невская, 2022, с. 291].

В шорском языке компарат₂ + *че* в позиции атрибута характеризует компарат₁ по разным признакам. Так, в следующих примерах показатель *че* актуализирует количественную (размер) и качественную (форма) характеристики предмета описания:

...ақ чазының түбінде құрғаш-че эбичек турча, чилиңеш-че түдүнек шықча (ШФ, с. 190) [Аба Кулак видит:] в глубине белой степи **величиною с сердечко домик** стоит, **похожий на мозг дымок** поднимается’ (дым по форме похож на вещество из трубчатых костей).

Представление о единстве, слиянии душ формируется на основе формы гармоничного парного объекта:

«*Чақшыба келген ползаң, сыын мүўзүн=че нанчы полар эдибис*» ‘«Если бы ты по-хорошему пришел, двумя друзьями, **подобными паре рогов**, мы бы стали»’ (ШФ, с. 178, 179).

Компарат₂ + *че* в позиции предиката в сочетании со спрягаемым глаголом *пол*= ‘быть’ формирует именное сказуемое:

Алтын таш ат паж=ы=н=че полгадыг ‘Золотой самородок **с голову коня** будет, пожалуй’.

С предикатами, выраженными глаголами чувственного восприятия (*көрүн*= ‘виднеться’, ‘быть видимым’, *уғул*= ‘слышаться’, ‘быть услышанным’, *пилдир*= ‘проявлять себя’), компарат₂ + *че* характеризует компарат₁ как предмет, но не его действия:

Чаш алыпқа Алтын Қаанның айтқан сөзү часқы қатқа, көк ққан-че угыл қалды (Токмашов, 2009, с. 38) ‘Юному богатырю Алтын Каном сказанные слова весеннему смеху, **кукушки кукованию подобными** прозвучали (слова были им услышаны)’.

С глаголами состояния *чат*= ‘жить’, ‘лежать’, ‘располагаться’, *тур*= ‘стоять’, ‘жить’, ‘располагаться’ компарат₂ (эталон) входит в состав ремы высказывания и характеризует компарат₁ как предмет:

Қалық чақшы по черде чыш=че турчер (ШФ, с. 64) ‘Народ отборный (хороший) в той земле, **как лес**, стоит’ (предмет описания – народ – представлен глазом созерцателя как масса, как густой лес).

АФФИКС =ТЫГ. В шорском языке синтетическим маркером уподобления выступает аффикс =*тыг* [Невская, 2022, с. 291]. Его грамматический статус обозначен как аффикс-послелог [Дыренкова, 1941, с. 67]. Этот показатель реализуется в типовых фонетических вариантах.

Показатель =*тыг* в функции уподобления является архаичным, формы с таким значением этого аффикса вошли в состав эпических формул. Смысловой особенностью атрибутивных сочетаний «имя=*тыг* + имя» является то, что определение с показателем =*тыг* может характеризовать не качество определяемого имени, а его проявление в действии или его состояние.

В шорской словообразовательной системе аффикс =*тыг*, возводимый к «аффиксу сравнительного падежа» *тіз* ~ *тіі* и представленный в большинстве древних и современных тюркских языков [Щербак, 1977, с. 58], совпадает с др.-т. =*li* с семантикой обладания: шор. *ат=тыг кижі* ‘всадник, человек на коне’, ‘человек, имеющий коня (коней)’.

В следующих примерах аффикс =*тыг* выполняет разные функции: в одной форме он является средством адъективации существительного, в другой содержит смысл «подобный, похожий»:

Алтын өргенің иштинде алтын столга толдура тайгады аргады алып төлү одурча ‘В золотом дворце, занимая весь стол золотой, потомок богатырей могучий, **как тайга** (‘гора, покрытая хвойным лесом’), сидит’ (ШФ, с. 72, 73).

Прямое значение аффикса =*тыг* – ‘обладание’: *арга=дыг алып* ‘богатырь со спиной, имеющий спину’ (= *тыг* служит средством адъективации существительного). Переносное значение, создающее образ: *тайга=дыг арга*= ‘спина, подобная горе’ (= *тыг* обозначает уподобление).

Для указания на отсутствие подобия используется лексическое средство – прилагательное *пашқа* ‘иной’, ‘другой’:

Мындагы черде чозагы пашқа қарбаш полча (ШФ, с. 148) ‘В здешней земле другого обычая борьба происходит (т. е. борьба с другими, не такими, как в стойбище главного персонажа, приемами)’.

Аффикс =*тыг* со значением подобия входит в структуру шорских определительных местоимений *андыг* ~ *эндиг* ~ *мындыг* ~ *мендиг* ‘такой’, ‘этакий’. Так, в следующих примерах лексические маркеры *андыг* и *мындыг* имплицитно сопоставление, проводимое с ранее виденными объектами и с имеющимся положением:

...по аңчы кижі ададаң-энедең туганнаң ала андыг погда пугаларды көрбеендир, андыг улуг мүйстерди чажына-да көрбеендир ‘Тот охотник, с тех пор как [от отца и матери] родился, **таких** громадных быков не видел, **таких** больших рогов во всю жизнь не видел’ (ШФ, с. 288; 289); *Ол қыс айттыр: «Ал, мени алзаң, мындыг қомай қонуқтау көрбессің»* (ШФ, с. 264) ‘Та девица (дух тайги) сказала:

«Возьми меня (замуж), меня возьмешь, **такой** скудной жизни (больше) не увидишь»’.

Аффикс *=тыг* является источником аффикса *=тыйы* (< *=тыг*) с формообразующим элементом *ы* и системным переходом *г* > *й* в интервокальной позиции. Форма на *=тыйы*, как и *=тыг*, транслирует идею подобия:

Ол қыс анаң көрүнген, абақай қыс болған <...> анаң маттап чагын кел көргени – тижжи қозаныы – қозан ушқаш (ШФ, с. 262) ‘Та девица потом показалась, красивая девица была <...> потом, когда ближе подошел и посмотрел, – **зубы** (ее) **заячы**, (зубам) зайца подобные’.

Как показывают примеры, в шорском языке имена с аффиксами *=тыг* и *=тыйы* могут обозначать уподобление, если в семантике сравнительной конструкции содержится метафора. Имена на *=тыг* выступают в функции определения и предикатива, имена на *=тыйы* – в функции предикатива.

Таким образом, анализ использования шорских маркеров подобия в сфере предметных компаратов₁ позволяет разделить их на две группы: 1) группу специализированных и, вследствие этого, редко употребляемых показателей: *тең* (идентичность по параметрам), *төбй* (идентичность и парность), *чүүнүг* (главным образом внешне подобие), и 2) группу полисемантических показателей подобия: *ошқаш*, *шени*, *че*.

Полисемантические показатели вступают друг с другом в синонимичные отношения, они употребляются в похожих контекстах:

абам ошқаш Чагыс Ақ-Қанр ‘отцу моему подобный Чагыс Ак-Кан’ ~ *мениң абам шени Ақ-Қаным* ‘моему отцу подобный Ак-Кан=мой’ (Бабушкин, 1940, с. 44, 45).

Наибольшее количество похожих контекстов с варьированием показателей (включая и архаичный аффикс *=тыг*) получено из эпоса, где богатырей и богатырш сравнивают с горой: *тайга=че алып* ~ *тайга шени қыс палазы* ‘горе подобная девица (величиной с гору)’ ~ *кезек тайга=дыг алып чақшызы* ‘лучший из богатырей, подобный горе’ (ДШ, с. 146; ШФ, с. 180; ШГС, с. 364).

2. Маркеры характеристики процессного компарата

К маркерам такой семантики в шорском языке относятся показатели *чылап* ~ *чилеп* ~ *чеп*, *шени* ~ *шенеп* ~ *шенинче*, *че*, служащие регулярными показателями подобия процесса, оформляющие компарат₂.

ЧЫЛАП. Шорский маркер подобия *чылап* ~ *чилеп* (*члап* ~ *члеп* ~ *чеп*, форма с частицей – *чилебоқ*) образует сочетания, примыкая к именам – компаратам₂. Сочетания с этим маркером акцентируют внимание на способе глагольного действия и реализуют значение ‘действовать так, как предмет сравнения’ [Шенцова, 1999, с. 58].

Формы, родственные по происхождению с шор. *чылап*, употребляются и в других тюркских языках. Так, А. М. Щербак приводит примеры послелогов, образованных от гипотетического глагола *чїла*= [Щербак, 1987, с. 84] в языках, которые входят в среднеазиатские ареалы и саяно-алтайские территории – ответвления Великого шелкового пути.

Этимологической базой глагола *чїла*= может служить др.-т. *čŷyla-* ‘измерять длину мерой *чыг*’ < *čŷ* кит. ‘мера длины около 30 см’ (ДТС, с. 148, 147). Фонетические закономерности (выпадение *γ* в интервокальной позиции) и семантическое сближение ‘измерять’ ⇔ ‘сравнивать с эталоном’ позволяют считать этимологом

тюркского слова *чїла* = китайскую единицу. Этот этимон выглядит достаточно достоверным, поскольку китайские заимствования как результат интенсивного взаимодействия народов соседствующих территорий составляют весомую долю в древних тюркских языках [Дыбо, 2007].

Компарат₂ + *чылап* формально является обстоятельством образа действия в простом предложении. Основные значения обстоятельств: 'действовать так, как стандарт (эталон)', 'достичь состояния стандарта', 'обладать одинаковым со стандартом состоянием', 'проявлять себя одинаково со стандартом'. В простых глагольных предложениях, имеющих типовую структуру (подлежащее – обстоятельство – глагольное сказуемое), обнаруживается «свернутая пропозиция»:

«*Каттар чилеп эмге чатчаң!*» (ШФ, с. 76) '«Как бабы, дома сидишь!»' (как женщины, которые всегда дома находятся, так и богатырь из дома не выходит).

Компарат₂, характеризуя компарат₁ и занимая позицию сказуемого, является ремой высказывания:

Ол оялан поэбга куруу сыра чилеп куруу перген [Чиспияков, 1940, с. 81] 'Он, еще юноша, **как сухой хворост, высох**'.

В причастных атрибутивных конструкциях компарат₂ (эталон) характеризует компарат₁ посредством процесса, который обозначен причастием:

Нур тезе, ай чилеп азаар парган *позу, чүзүбө черге тебе чадып, улгабысты* (Горький, 1936, с. 64) 'Нур, **луне подобный, побелевший** (поседевший), лицом в землю лег и заплакал'.

Причастные определения с показателем *чилеп* в составе сказуемого со вспомогательным глаголом *пол* = характеризуют состояние компарата₁ и получают модальный оттенок «неуверенного сравнения»:

Абам үргүнген чилеп полыбысты (Ўлгер, 1995, с. 24) 'Отец **как будто обрадованным стал**'.

ЧЕ, ШЕНИ, ШЕНЕП, ШЕНИНЧЕ. Показатели *че* и *шени* (*шенеп, шенинче*) в функции характеристики процессного компарата синонимичны. Основа сближения – общее значение «мера», «степень» в их этимонах. Компарат₂ с этими маркерами выполняет функцию обстоятельства образа действия. Значением конструкций с компаратами₁ – глаголами действия – является интенсивность, а с глаголами состояния акцентируется результат действия.

Наибольшее количество шорских конструкций с *че* и *шени* (*шенеп, шенинче*) получено из текстов эпосов. Эти конструкции характеризуют действия персонажей, а также артефакты и окружающую среду. Денотаты компаратов-эталонов представлены существительными разных лексико-семантических групп. Признаки реальных, обозначаемые существительными и осмысленные как главные, идентифицирующие их, по сути превращаются в символы и употребляются в устойчивых сочетаниях – эпических формулах [Шенцова, 2022].

Сочетания процессного компарата₂ с оператором *шени* преобладают над сочетаниями с *че*. Тем не менее во многих эпических формулах с практически одинаковым содержанием *шени* и *че* употребляются «на равных правах»:

чаи қайыш=че чапшындылар, эс қайыш=че эштендилер (Токмашов, 2009, с. 18) букв.: 'словно новые ремни сплелись, словно старые ремни притёрлись'; *эи қайыш шени эстееш пардылар, чаи қайыш шени шойүлүш пардылар* (ШГС, с. 327) досл.: 'словно мягкие ремни сплелись, словно новые ремни тянулись'.

Показатели *че* и *шени* используются в одном контексте в параллельных конструкциях: в первой части конструкции употребляется компарат-эталон с одним

маркером, а во второй части – с другим, что позволяет избежать монотонности повествования.

Рассматривая функционирование маркеров подобия *че*, *шени* (*шенинче*, *шенеп*), *чылап*, характеризующих процессы в шорском языке, можно отметить наличие некоторых особенностей в реализации семантики этих показателей.

Так, в семантическом плане показатель *че* представляется более делексикализированным, чем *шени* (*шенинче*) и *чылап*. Например, *чылап* сохраняет сему интенциональности: *түлгү чилеп кире пасты* ‘как лиса вошел’ (т. е. осторожно, незаметно, симулируя способ движения лисы).

В контексте с компаратом₁, референтом которого является глагол состояния, предпочтительнее показатели *шени* или *че*:

Көнү чердиң пажынга / Күмүш шени көгерча (Ўлгер, 1995, с. 118) ‘У начала плёса [берег], как серебро, синее’.

Тем не менее операторы *че*, *шени* (*шенинче*, *шенеп*), *чылап* могут быть использованы в похожих контекстах. Так, содержание эпической формулы ‘подобно горе, рассердился, подобно морю, раздулся’ реализуется при помощи варьирующихся операторов: *таг=че ~ таг шени ~ таг шенинче ~ таг чылап ~ (тарынды)*, *талай=че ~ талай шени ~ талай чылап (шишити)*. Такая «избыточность» функционально равных языковых элементов позволяет разнообразить формы выражения.

Заключение

В системе разнообразных средств выражения отношений подобия в шорском языке регулярными показателями являются послелогии, которые служат операторами конструкций равенства. Каждый из них занимает собственную семантическую и функциональную нишу.

Так, в сфере предметной характеристики дифференциация операторов (маркеров) обнаруживается в семантике, а также в грамматической организации высказываний:

Пөрүчек адай палазын=га чүүнүг ‘Волчонок на щенка собаки похож’ (внешне);

Пөрүчек адай палазын=га тдөй ‘Волчонок на щенка собаки похож’ (идентичен);

Пөрүчек=не адай палазы тең=нер (*тең* – прилагательное) ‘Волчонок и щенок равны’ (размером или силой);

Пөрүчек адай палазы шени полар ‘Волчонок размером со щенка будет’ (одинаковые по размеру);

Пөрүчек адай палазы-ла че полар ‘Волчонок размером со щенка будет’ (одинаковые по размеру);

Пөрүчек адай палазы ошқаш ‘Волчонок на щенка собаки похож’ (внешностью и повадками).

Маркеры *че*, *шени* (*шенинче*, *шенеп*), *чылап* (*чилеп*, *чеп*) вместе с именем-эталоном (с компаратом₂) при глагольном сказуемом выполняют функцию обстоятельства образа действия, при этом *че*, *шени* (*шенинче*) в большей мере указывают на интенсивность процесса, типичную для эталона, а *чылап* (*чилеп*, *чеп*) – на подражание способу действий, манеры эталона (т. е. симуляцию).

Маркеры *ошқаш* и *чылап* (*чилеп*, *чеп*) при сказуемом, выраженном формами причастия на *=ган*, соответствуют модальным словам для выражения подобия как «неуверенного сравнения».

В плане содержания конструкций подобия, кроме компаративного смысла, заложена идея динамического и статического воплощения сравнения. Симилятивная и эквативная семантика конструкций равенства, введенная для характеристики шорских конструкций [Невская, 2022], по нашим наблюдениям, реализуется следующим образом.

Эквативность обозначает состояние равновесия, статическое равенство. Она выражается компаратами₂ – эталонами, маркированными показателями тождественности (*тең, тобай, чўўнўг, ошқаш, шени, шенинче, че*), характеризующими предметные компараты₁.

В качестве *эквативных* могут быть интерпретированы значения компарата₂, если денотатом компарата₁ является состояние, выражаемое глаголом (*быть, жить, оставаться, виднеться, быть слышимым* и др.).

Симилятивная семантика связана с идеей подражания, с обозначением процесса достижения подобия эталону, она проявляется наиболее отчетливо, если характеризуемый процесс (компарат₁) обозначает динамический глагол.

Структурной особенностью шорских конструкций подобия является отсутствие вербализованной единицы, называющей сопоставляемый признак, т. е. признак сопоставления имплицитен. Характеризуемый член конструкции (компарат₁) может быть не назван, так как в тюркском предложении личная референция устанавливается по аффиксу предиката.

Единицы, от которых образованы шорские операторы подобия, принадлежат к общетюркскому и общему тюрко-монгольскому фонду, в котором есть древние китайские заимствования. Состав служебных показателей в тюркских языках сибирского ареала отличается от состава показателей в языках у южных и юго-западных тюрков, так как в их системах есть единицы арабского и персидского происхождения [Щербак, 1987, с. 61].

На фоне тюркских языков Саяно-Алтайского региона, в который входит шорский язык, в составе операторов подобия есть некоторые отличия. Так, в шорском языке глагол *пол* = ‘быть’ не сформировался в качестве оператора сравнения, как это произошло, например, в тувинском языке [Шамина, 2022]. В составе шорских маркеров подобия нет некоторых показателей, характерных для языка алтайского эпоса [Озонова, 2023]. Аналог шорского регулярного показателя *шени* (*шенеп, шенинче*) используется в хакасском языке (*сининче*), данные по алтайскому и тувинскому языкам отсутствуют. Показатель *чўўнўг* характерен, по-видимому, только для шорского языка, примеры использования этого маркера в других языках пока не получены.

В целом система конструкций с маркерами подобия в шорском языке четко структурирована и выглядит устойчивой.

Список сокращений

алт. – алтайский, др.-т. – древнетюркский, кмд. – кумандинский, тел. – телеутский, тув. – тувинский, хак. – хакасский, шор. – шорский

Список литературы

Бондарко А. В. Теория значения в системе функциональной грамматики (на материале русского языка). М.: ЯСК, 2002. 736 с.

Дыбо А. В. Лингвистические контакты ранних тюрков. Лексический фонд. Пратюркский период. М.: Вост. лит., 2007. 223 с.

Дыренкова Н. П. Грамматика шорского языка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 303 с.

Кошкарёва Н. Б., Плотников И. М. Метаязык описания семантики сравнения как языкового знака // Критика и семиотика. 2023. № 2. С. 180–216. DOI 10.25205/2307-1753-2023-2-180-216

Невская И. А. Типологические особенности шорских эквативных и симилиативных конструкций // Сибирский филологический журнал. 2022. № 4. С. 286–299. DOI 10.17223/18137083/81/22

Озонова А. А. Способы выражения сравнения в алтайском эпосе (на материале эпоса «Очы-Бала») // Эпосоведение. 2023. № 3 (31). С. 42–55.

Чисняков Э. Ф. Учебник шорского языка. Кемерово: Кн. изд-во, 1992. 318 с.

Шамина Л. А. Стратегия маркирования компаративной лексики в тувинских текстах // Вестник ТувГУ. Социальные и гуманитарные науки. 2022. Вып. 2, № 1. С. 35–46.

Шенцова И. В. Шорский язык. Морфология: Учеб. пособие. Новокузнецк: НГПИ, 1999. 72 с.

Шенцова И. В. Прагматика компаративных конструкций в эпических текстах тюрков Саяно-Алтая // Критика и семиотика. 2022. № 2. С. 10–23. DOI 10.25205/2307-1737-2022-2-158-173

Щербак А. М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. Имя. Л.: Наука, 1977. 192 с.

Щербак А. М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (наречие, служебные части речи, изобразительные слова). Л.: Наука, 1987. 152 с.

Список сокращений словарей и монографий

АРС – Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике. М.: Азбуковник, 2001. 640 с.

БМонгРС – Бурят-монгольско-русский словарь / Под ред. И. Дамдин-Сурэн, Ш. Субсан-Вандан. Улан-Батор, 1942. 434 с.

ДТС – Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969. 715 с.

ДШ – Духовная Шория. Шорский фольклор в записях и из архива профессора А. И. Чудоякова. Кемерово: ИПП «Кузбасс», 2008. 352 с.

КмдРС – Кумандинско-русский словарь / Сост. Л. М. Тукмачев, М. Б. Петрушова, Е. И. Тукмачева. Бийск: Бийский котельщик, 1995. 151 с.

ОРС – Ойротско-русский словарь / Сост. Н. А. Баскаков, Т. М. Тошакова; под общ. ред. Н. А. Баскакова. М.: ОГИЗ, 1947. 313 с.

ТелРС – Рюмина-Сыркашева Л. Т., Кучигашева Н. А. Телеут-орус сөзлик. Телеутско-русский словарь / Науч. рук. Н. Н. Широбокова. Кемерово: Кем. кн. изд-во, 1995. 120 с.

ТувРС – Тувинско-русский словарь / Под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Сов. энциклопедия, 1968. 648 с.

ХакРС – Хакасско-русский словарь. Хакас-орыс сөстiк. Новосибирск: Наука, 2006. 1114 с.

ШГС – Шорские героические сказания. М.; Новосибирск: Наука, 1998. 463 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 17).

ШКС – Курпейко-Таннагашева Н. Н., Апонькин Ф. Я. Шор-казак пазок казак-шор үргедиг сөстүк. Шорско-русский и русско-шорский словарь. Кемерово: Кемеров. кн. изд-во, 1993. 149 с.

ШФ – Шорский фольклор / Зап., пер., вступ. ст. и примеч. Н. П. Дыренковой. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. 489 с.

ЭСТЯ – Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. Обще-тюркские и межтюркские основы на гласные. М.: Наука, 1974. 768 с.

Список источников

Бабушкин Г. Ф. Шор ныбактары. Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 1940. 94 с.

Горький М. Макап Чудра и другие рассказы. М.: Дет. лит., 1970. 208 с.

Токмашов Б. И. Каан Оолак. Богатырское сказание кондомских шорцев. Ново-кузнецк: КГПА, 2009. 149 с.

Gorkiy M. Talap alqan proizvedenieleri [М. Горький. Избранные произведения. Перевод на шорский язык Ф. С. Чиспиякова]. Novosibirsk: Novosibirskiy knizhniy izdatelstvo, 1936. 67 p. (на шор. яз.)

Ўлгер. Қыырчаң ном. Книга для чтения на шорском языке / Сост. Г. В. Косто-чаков. Кемерово: Кемеров. кн. изд-во, 1995. 174 с.

References

Bondarko A. V. *Teoriya znacheniya v sisteme funktsional'noy grammatiki (na materiale russkogo yazyka)* [Theory of meaning in the system of functional grammar (on the material of the Russian language)]. Moscow, LRC Publishing House, 2002, 736 p.

Chispiyakov E. F. *Uchebnik shorskogo yazyka* [Textbook of the Shor language]. Kemerovo, Kn. izd., 1992, 318 p.

Dybo A. V. *Lingvisticheskie kontakty rannikh tyurkov. Leksicheskiy fond. Pratyurkskiy period* [Linguistic contacts of the early Turks. Lexical fund. Pratyurkic period]. Moscow, Vost. lit., 2007, 223 p.

Dyrenkova N. P. *Grammatika shorskogo yazyka* [Grammar of the Shor language]. Moscow, Leningrad, AS SSSR, 1941, 303 p.

Koshkareva N. B., Plotnikov I. M. Metayazyk opisaniya semantiki sravneniya kak yazykovogo znaka [Meta-language for describing the semantics of comparison as a linguistic sign]. *Critique and Semiotics*. 2023, no. 2, pp. 180–216. DOI 10.25205/2307-1753-2023-2-180-216

Nevskaya I. A. Tipologicheskie osobennosti shorskikh ekvativnykh i similyativnykh konstruktsey [Typological features of Shor equative and similitive constructions]. *Siberian Journal of Philology*. 2022, no. 4. pp. 286–299. DOI 10.17223/18137083/81/22

Ozonova A. A. Sposoby vyrazheniya sravneniya v altayskom epose (na materiale eposa “Ochy-Bala”) [Ways of comparison expression in the Altai epic (on the material of the epic “Ochy-Bala”)]. *Epic Studies*. 2023, no. 3 (31), pp. 42–55.

Shamina L. A. Strategiya markirovaniya komparativnoy leksiki v tuvinskikh tekstakh [Strategy of labeling comparative lexicon in Tuvan texts]. *Vestnik of Tuvan State University. Issue 1. Social sciences and humanities*. 2022, no. 1 (88), pp. 35–46.

Shcherbak A. M. *Ocherki po sravnitel'noy morfologii tyurkskikh yazykov (Imya)* [Essays on the comparative morphology of the Turkic languages (Name)]. Leningrad, Nauka, 1977, 182 p.

Shcherbak A. M. *Ocherki po sravnitel'noy morfologii tyurkskikh yazykov (narechie, sluzhebnye chasti rechi, izobrazitel'nye slova)* [Essays on comparative morphology of Turkic languages (adverbs, auxiliary words, imitative words)]. Leningrad, Nauka, 1987, 152 p.

Shentsova I. V. Pragmatika komparativnykh konstruksiy v epicheskikh tekstakh tyurkov Sayano-Altaya [Pragmatics of comparative constructions in epic texts of Sayano-Altai Turks]. *Critique and Semiotics*. 2022, no. 2, pp. 10–23. DOI 10.25205/2307-1737-2022-2-158-173

Shentsova I. V. *Shorskiy yazyk. Morfologiya: Ucheb. posobie* [Shor language. Morphology: Textbook]. Novokuznetsk, NSPI, 1999, 72 p.

List of dictionaries and monographs

Anglo-russkiy slovar' po lingvistike i semiotike [English-Russian dictionary on linguistics and semiotics]. Moscow, Azbukovnik, 2001, 640 p.

Buryat-mongol'sko-russkiy slovar' [Buryat-Mongol-Russian dictionary]. I. Damdin-Suren, Sh. Subsan-Vandan (Eds.). Ulan-Bator, 1942, 434 p.

Drevnetyurkskiy slovar' [Ancient Turkic dictionary]. Leningrad, Nauka, 1969, 715 p.

Dukhovnaya Shoriya. Shorskiy fol'klor v zapisyakh i iz arkhiva professora A. I. Chudoyakova [Spiritual Shoria. Shorian folklore in records and from the archive of Prof. A. I. Chudoyakov]. Kemerovo, IPP "Kuzbass," 2008, 352 p.

Khakassko-russkiy slovar'. *Khakas-orys söstik* [Khakass-Russian dictionary]. Novosibirsk, Nauka, 2006, 1114 p.

Kumandinsko-russkiy slovar' [Kumandin-Russian dictionary]. L. M. Tukmachev, M. B. Petrushova, E. I. Tukmacheva (Comps.). Biysk, Biyskiy kotel'shchik, 1995, 151 p.

Kurpeshko-Tannagasheva N. N., Apon'kin F. Ya. *Shor-qazaq pazon qazaq-shor jrgedig söstyk* [Shor-Russian and Russian-Shor dictionary]. Kemerovo, Kemerov. kn. izd., 1993, 149 p.

Oyrotsko-russkiy slovar' [Oirat-Russian dictionary]. N. A. Baskakov, T. M. Toshchakova (Comps.), N. A. Baskakov (Ed.). Moscow, OGI, 1947, 313 p.

Ryumina-Syrkasheva L. T., Kuchigasheva N. A. *Teleut-orus sözlik* [Teleut-Russian dictionary]. N. N. Shirobokova (Sci. adv.). Kemerovo, Kem. kn. izd., 1995, 120 p.

Sevortyan E. V. *Etimologicheskiy slovar' tyurkskikh yazykov. Obshche-tyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na glasnye* [Etymological dictionary of Turkic languages. General Türkic and Inter-Türkic roots beginning with vowels]. Moscow, Nauka, 1974, 768 p.

Shorskiy fol'klor [Shor folklore]. N. P. Dyrenkova (Fixation, translation, and commentaries). Moscow, Leningrad, AS USSR, 1940, 489 p.

Shorskie geroicheskie skazaniya [Shor heroic tales]. Moscow, Novosibirsk, Nauka, 1998, 463 p. (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East]; Vol. 17).

Tuvinsko-russkiy slovar' [Tuvan-Russian dictionary]. E. R. Tenisheva (Ed.). Moscow, Sov. entsikl., 1968, 648 p.

List of sources

Babushkin G. F. *Shor nybaktary* [Shore tales]. Novosibirsk, Novosib. kn. izd., 1940, 94 p. (In Shor)

Gorkiy M. *Makar Chudra i drugie rasskazy* [Makar Chudra and other stories]. Moscow, Det. lit., 1970, 208 p.

Gorky M. *Talap alqan proizvedenieleri* [Selected works]. F. S. Chispiyakova (Transl. into Shor). Novosibirsk, Novosib. kn. izd., 1936, 67 p. (In Shor)

Tokmashov B. I. *Kaan Oolak. Bogatyrskoe skazanie kondomskikh shortsev* [Kaan Oolak. The Bogatyr tale of the Kondom Shorians]. Novokuznetsk, KSPA, 2009, 149 p.

Ÿlger. *Kuyrchaң nom* [A book for reading in the Shor language]. G. V. Kostochakov (Comp.). Kemerovo, Kemerov. kn. izd., 1995, 174 p. (In Shor)

Информация об авторе

Ирина Витальевна Шенцова, доктор филологических наук, доцент, главный научный сотрудник Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия)

Information about the author

Irina V. Shentsova, Doctor of Philology, Docent, Chief Researcher, Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

Статья поступила в редакцию 28.12.2023;

одобрена после рецензирования 18.01.2024; принята к публикации 18.01.2024

The article was submitted on 28.12.2023;

approved after reviewing on 18.01.2024; accepted for publication on 18.01.2024

Научная статья

УДК 811.511.142:81'367

DOI 10.17223/18137083/86/15

Коммуникативная вариативность типовой синтаксической структуры движения в сургутском диалекте хантыйского языка

Илья Михайлович Плотников

Институт филологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия
iliaplotnikov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6416-689X>

Аннотация

Рассматривается коммуникативная парадигма типовой синтаксической структуры движения в сургутском диалекте хантыйского языка на материале 144 реализаций в текстах разных жанров. С учетом порядка составляющих и интонации выделены три основных коммуникативных варианта этой структуры, один из которых употребляется в контекстах, описывающих деятельность заданного субъекта, а два других употребляются конкурентно при описании ситуации как события, развивающегося относительно заданного локализатора: если локализатор выражается именной группой, более частотным является вариант с локализатором в начале высказывания; если локализатор выражается провербами, наречиями или местоимениями, он размещается в позиции перед глаголом.

Ключевые слова

хантыйский язык, сургутский диалект, типовая синтаксическая структура движения, коммуникативная парадигма, порядок составляющих

Для цитирования

Плотников И. М. Коммуникативная вариативность типовой синтаксической структуры движения в сургутском диалекте хантыйского языка // Сибирский филологический журнал. 2024. № 1. С. 207–222. DOI 10.17223/18137083/86/15

© Плотников И. М., 2024

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2024. № 1. С. 207–222
Siberian Journal of Philology, 2024, no. 1, pp. 207–222

Communicative variation of the typical syntactic structure of motion in the Surgut dialect of the Khanty language

Ilya M. Plotnikov

Institute of Philology
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation
iliaplotnikov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6416-689X>

Abstract

The standard syntactic structure of motion comprises three elements referred to in this paper as subject, localizer, and predicate. The proto-typical meaning of this structure is represented by simple sentences of motion. This paper examines 144 realizations of this structure selected from a collection of texts of different genres and idioms to examine its communicative variation in the Surgut dialect of the Khanty language. Three main variations of the structure have been identified, with allowance for both constituent order and intonation structure. The first variant is found in contexts describing the activity of a specified subject, with the subject being the theme of the utterance and the localizer and predicate representing its rheme. The other two are used when a particular situation is presented as an event unfolding against a specified localizer, with the communicative roles of the subject and the localizer reversed. While both of the latter were found with various types of localizers, the data suggest a substantial preference for using one of them with typical noun phrases and the other with preverbs, adverbs, and adverbial pronouns. Several cases of using a typical syntactic structure of motion at the beginning of texts have been identified, illustrating a tendency to present events from the subject's perspective when there is no contextual stimulus to warrant adopting the opposite perspective. The findings of the study reveal the similarities in communicative variation patterns between typical structures of motion and existence.

Keywords

Khanty language, typical syntactic structure of motion, communicative paradigm, constituent order

For citation

Plotnikov I. M. Communicative variation of the typical syntactic structure of motion in the Surgut dialect of the Khanty language. *Siberian Journal of Philology*, 2024, no. 1, pp. 207–222. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/86/15

Введение

Типовая синтаксическая структура (ТСС) представляет собой устойчивое синтаксическое построение с прототипическим значением [Кошкарёва, 2015, с. 15]. Мы рассматриваем ТСС как единицу языка, устанавливающую отношения между определенным набором формальных и семантических компонентов. Ядро ТСС составляет совокупность ее прототипических реализаций, отражающих стандартизированные способы выражения устойчивых комбинаций пропозитивных и припропозитивных смыслов.

В основе ТСС движения лежит элементарное простое предложение (ЭПП) движения, планом содержания которого является пропозиция движения. Каждый компонент ТСС движения соответствует одному из компонентов пропозиции движения, однако при неизосемической реализации ТСС движения может выполнять множество других семантических функций. Для обеспечения единообразия

анализа разных реализаций ТСС движения мы условно называем каждый компонент в соответствии с прототипической для него семантической ролью. Соответственно, ТСС движения включает три компонента: субъект (S), предикат (PR) и локализатор (LOC). Вследствие ограниченности терминологии мы используем эти термины как при описании компонентов ТСС и их реализаций, так и при анализе коммуникативного статуса и функций в тексте соответствующих им референтов.

Компонент LOC является обобщением группы потенциальных компонентов. Ситуация движения предполагает развернутую систему потенциальных локализаторов: исходную точку движения (директив-старт), конечную точку движения (директив-финиш), пространство, по которому происходит движение (трассу) или относительно которого происходит движение (ориентир) [Кошкарёва, 2018]. Несмотря на то, что ТСС движения отражает задаваемые языком способы выражения каждого из этих компонентов, на практике они редко реализуются в полном объеме. В каждой реализации ТСС движения обычно актуализируется только один аспект ситуации, в то время как компоненты структуры, соответствующие другим аспектам, рассматриваются как неинформативные и подвергаются эллипсису вследствие действия закона экономии речевых усилий.

Целью настоящей статьи является описание коммуникативной парадигмы ТСС движения в сургутском диалекте хантыйского языка. Коммуникативная парадигма отражает системные отношения между варьированием формальной структуры ТСС (порядка составляющих, интонации, морфосинтаксического устройства, лексического наполнения и пр.) и коммуникативно значимыми свойствами, приписываемыми каждому из компонентов ТСС в ее конкретных реализациях. Отдельные аспекты средств коммуникативного варьирования были объектом ряда предшествующих исследований [Кошкарёва, 2007; Sosa, 2017; Плотников, 2021]. В настоящей статье продолжается работа по описанию и сопоставлению значимых характеристик парадигм отдельных ТСС сургутского диалекта хантыйского языка, начатая в статье, посвященной парадигматике бытийной ТСС [Плотников, 2023].

Материалы и методы

В качестве материала исследования рассматривается совокупность реализаций ТСС движения, отобранных из фольклорных и художественных текстов на сургутском диалекте хантыйского языка из опубликованных источников (Айпин, 2003а; 2003б; Голоса Югана, 2021; Детские сказки варьёганских ханты, 2006; Нюгломкина, 2020; Чепреги, 2015; Димэңи йёвтэм монтьэт, ясэ́т, 2013) и личного архива Н. Б. Кошкарёвой. Так как одной из задач исследования является установление закономерностей варьирования порядка составляющих, то выборка ограничена реализациями с эксплицитно выраженными позициями субъекта, предиката и одного из локализаторов (всего 144 реализации). Использование источников, представляющих собой связанные тексты, обусловлено тем, что представленный в них контекст позволяет определить коммуникативные статусы компонентов ТСС и проследить роль каждой конкретной реализации в общей стратегии построения текста.

Результаты и обсуждение

В результате анализа выборки выявлены три частотных коммуникативных варианта ТСС движения (табл. 1). Каждый вариант характеризуется совокупностью

формальных признаков, отражающихся в его схеме (в данном случае включающих порядок составляющих и интонационную структуру), и определенной совокупностью коммуникативных свойств, которые в наиболее общем виде могут быть представлены в форме актуального членения, т. е. выделения в составе высказывания коммуникативных составляющих, называемых темой и ремой. При записи схемы коммуникативного варианта мы обозначаем символом «звёздочка» (*) центр его ремы, совпадающий с мелодическим пиком рематической интонационной конструкции ИК-1, описанной в [Плотников, 2021].

Таблица 1

Основные коммуникативные варианты ТСС движения

Table 1

Main communicative variants
of the typical syntactic structure of motion

Обозначение	Схема	Центр ремы
KB ₁	S LOC* PR	LOC
KB _{2,1}	LOC S* PR	S
KB _{2,2}	S* LOC PR	

1. Основные ситуации употребления ТСС движения

В данном разделе охарактеризованы наиболее частотные в рассматриваемых текстах коммуникативные ситуации и установлены связи между ситуациями и употребляемыми в них коммуникативными вариантами ТСС движения.

1.1. Контексты, формируемые наблюдением за субъектом

В основе структуры большинства рассматриваемых текстов лежит представление о персонажах повествования как лицах, посредством деятельности или при непосредственном участии или наблюдении которых развиваются события текста. Наиболее отчетливо это проявляется при описании событий с точки зрения их участника или при последовательном наблюдении одного персонажа за действиями другого:

(1) [Контекст: жена следит за мужем, чтобы выяснить, почему он возвращается домой с разорванной одеждой.]
[...ими дэйдэл:] дүв энэл рāпа йбвэт... (Димэңи йбвтэм моньтэт, ясцэт, 2013, с. 175)¹.
дүв=Ø энэл рāп=а йбвэт=Ø
он=NOM большой гора=LAT прийти=SUBJ.3SG
‘[...жена смотрит:] он (муж) к большой горе пришёл...’

¹ В первой строке пример приводится в том виде, в котором он представлен в первоисточнике. При глоссировании используется унифицированное графическое представление, соответствующее фонематическому принципу письма. В последней строке дается перевод, наиболее точно отражающий структуру и коммуникативную организацию исходного высказывания, который может отличаться от данного в первоисточнике. В квадратных скобках при необходимости приводится контекст, знание которого требуется для полного понимания высказывания.

Чаще всего в тексте отсутствует эксплицитный наблюдатель, в таком случае повествование строится с точки зрения мысленного наблюдателя, следующего за участвующими в сюжете персонажами. Персонаж, деятельность которого описывается в каждом фрагменте текста, определяет перспективу, с которой он строится: события излагаются в такой последовательности и таким образом, как их совершает или наблюдает персонаж.

В таких случаях последовательной темой всех высказываний является субъект, а ремой – весь комплекс информации, сообщаемой о его деятельности, т. е. эти высказывания имеют общеинформативный характер. Рема таких реализаций состоит из двух компонентов: локализатора и предиката. Наиболее значимой для развития повествования частью сообщаемой информации и, соответственно, центром ремы является локализатор, определяющий набор потенциальных действий субъекта посредством ограничения множества лиц и предметов, с которым он может взаимодействовать, например:

- (2) [Контекст: бедняку дали совет сходить на болото, если потребуется вода, и через некоторое время он встречает людей, у которых нет воды.]

[Панэ] чи кэнар җө нөрәма йәнҗиләх. [Нөрәмнә дүв йәук әмәр] (Нюгломкина, 2020, с. 4).

чи кэнар җө=Ø нөрәм=а
этот бедный человек=NOM болото=LAT
йәнҗ=ил=эх
ходить=MOM=PST.SUBJ.3SG

‘[И (тогда)] бедняк на болото сходил. [На болоте он воды начерпал].’

Коммуникативный статус локализатора может существенно варьироваться без формального варьирования структуры: в роли локализатора может выступать как совершенно новый предмет (1), так и предмет, частично предопределенный контекстом, но не конкретизированный в нем (2), или конкретный предмет, непосредственно рассматриваемый в ближайшем контексте (3).

- (3) [Контекст: хозяин и гость по следам крови нашли кучу мусора, в которой прячутся тени.]

Панэ мойәлта йөвтәм җө, мәч җө тәпәр пайнам нэврәмәх, [тютәт әйнам вәдләх вәрәл] (Димәңи йөвтәм моньтәт, ясәт, 2013, с. 182).

мойәл=та йөвт=әм җө=Ø мәч җө=Ø
гостить=INF прийти=PP мужчина=NOM гость мужчина=NOM
тәпәр пай=нам нэвр=әмәх=Ø
мусор куча=APPRX прыгать=MOM=SUBJ.3SG

‘И приехавший погостить мужчина, проезжий человек прыгнул на мусорную кучу, [всех этих (теней) лишил жизни].’

Несмотря на существенные различия в коммуникативном статусе локализатора, все описанные в этом разделе направления реализации ТСС движения могут рассматриваться в рамках одного коммуникативного варианта этой ТСС, обозначенного нами как KB₁, так как их объединяют, с одной стороны, общность тематического членения и, с другой стороны, формальная организация, соответствующая схеме S LOC* PR.

1.2. Контексты, формируемые наблюдением за локализатором

Контекстам, в которых события, обозначенные реализацией ТСС движения, описываются с точки зрения субъекта, противопоставлены контексты, в которых они рассматриваются с точки зрения стороннего наблюдателя, фиксирующего события, происходящие в его непосредственном окружении. В таком случае в роли локализатора чаще всего выступают не сам наблюдатель или пространство, в котором он расположен, поскольку их эксплицитное выражение было бы избыточным, а предметы в его окрестностях, существование которых рассматривается как очевидное, например стандартные компоненты хозяйства:

- (4) [Икем,] мин ве́ди тасмэна вѣнт ве́ди йѳвѣт (Лимэңи йѳвтэм моньтѣт, яснѣт, 2013, с. 176).

мин вѣ́ди тас=мэн=а вѣ́нт вѣ́ди=Ø
мы_двое олень стадо=POSSR.2DU=LAT лес олень=NOM

йѳвѣт=Ø

прийти=SUBJ.3SG

‘[Муж мой,] в наше (с тобой) оленьё стадо пришёл лесной (т. е. дикий) олень.’

Такие высказывания не обязательно предполагают непосредственное наблюдение: ситуация может реконструироваться на основании наблюдаемого присутствия в пространстве локализатора новых предметов (4) или косвенных признаков, свидетельствующих об их пребывании там (5):

- (5) [Контекст: Демьян съездил на стоянку, где ранее оставил мешок с мукой, и обнаружил, что мешок был разорван, а мука разбросана.]

[Кимэн,] чу ѳот вѣ́лѣху пупи йѳхѣт (Айпин, 2003а, с. 53).

чу ѳот вѣ́лѣху=а пупи=Ø йѳхѣт=Ø

тот дом нары=LAT медведь=NOM прийти=SUBJ.3SG

‘[Оказалось,] на становье набрел медведь.’

При отсутствии конкретного эксплицитного наблюдателя события описываются с точки зрения мыслимого наблюдателя, помещаемого в пространство, к которому обращено внимание рассказчика и слушателей. Например, в (6) в роли такого пространства выступает место, в котором происходили предшествующие события текста:

- (6) [Контекст: Карс-ики упал на землю из-за того, что его перья и пух были сострижены; действие развивается там, где лежит Карс-ики.]

[Чымэ́л вѣ́ли, панѣ́ эй ѳатнѣ́] чу тохѣ́йи ѳѣ́нтѣ́к ѳѣ́ мэ́нѣ́л [ѳу́л-войѣ́ху кѣ́нчѣ́а ѳѣ́] (Чепре́ги, 2015, с. 50).

чу тохѣ́йи=и ѳѣ́нтѣ́к ѳѣ́=Ø мэ́н=ѣ́л=Ø

тот место=ABL человек=NOM идти=NPST=SUBJ.3SG

‘[Немного погодя, однажды] по тому месту идёт человек-ханты, [рыбу-зверя ищущий человек].’

В примерах (4)–(6) рассматриваемый вариант ТСС движения используется для введения в сюжет новых персонажей или предметов. Субъект также может быть определенным, в таком случае функцией этого варианта является не введение новых, а актуализация уже присутствующих в тексте реалий. В примере (7) таким образом описывается перенесение взгляда от одного известного предмета к другому:

- (7) [Контекст: мужчина оглядывается и рассматривает, как за нартами последовательно идут собаки, а за ними – волк.]
Лэx пыриji үхэр күрэн үт ньүхлэx (Айпин, 2003а, с. 50).
 лэx пыр=иЛ=и ёхэр күр=эп ёт=Ø
 они за=3PL=ABL высокий нога=ADJ вещь=NOM
 ньёхлэ=х
 трогать=PST.SUBJ.3SG
 ‘За ними тронулся волк (букв. высоконогая вещь).’

Сочетание предопределенных контекстом субъекта и локализатора дает говорящему возможность более свободно выбирать между вариантами описания одной и той же ситуации с разных перспектив.

В примере (8) аналогичная коммуникативная ситуация складывается при употреблении ТСС движения для описания событий, происходящих в интеллектуальной сфере, где в роли локализатора выступает ментальное пространство человека. Порядок составляющих модифицирован вследствие того, что выражение *йэлэп нэмэс* ‘новая мысль’, обозначающее субъект, связывается с прямой речью.

- (8) [– *Өс юхэт-нэмэт өлтэ вёр төйлэт?* –] *йэлэп нэмэс ма ухам йүхэт* (Айпин, 2003б, с. 9).
 йэлэп нэмэс=Ø ма ух=эм=а
 новый мысль=NOM я голова.POSSM.SG=POSSR.1SG=LAT
 йёхэт=Ø
 прийти=SUBJ.3SG
 ‘[– А деревья-травы тоже спят? –] приходит мне в голову новая мысль.’

Все рассмотренные здесь высказывания общеинформативны, так как их темой является локализатор, а ремой – совокупность сообщаемой о нем информации, состоящая из субъекта и локализатора. Таким образом, в этом разделе, как и в 1.1, представлены примеры реализации ТСС движения с однородной коммуникативной структурой. Однако их формальное устройство неоднородно: примеры (4)–(6) репрезентируют схему LOC S* PR и, соответственно, KB_{2.1}, в то время как пример (8) репрезентирует периферийный вариант KB_{2.2}. В связи с этим мы рассматриваем KB_{2.1} и KB_{2.2} как два конкурирующих способа выражения одного и того же коммуникативного значения и объединяем их под одним обозначением KB₂. Основные противопоставления между KB₁ и KB₂ представлены в табл. 2.

Таблица 2

Сопоставление свойств основных коммуникативных вариантов ТСС движения

Table 2

Comparison of the properties of the main communicative variants of the typical syntactic structure of motion

Свойство	KB ₁	KB ₂
Перспектива	субъект → его деятельность	локализатор → происходящие в его окрестности явления
Основной вопрос	<i>Что делает S?</i>	<i>Что происходит в LOC?</i>

Свойство	KB ₁	KB ₂
Субъект	непосредственно упоминаемый в предшествующем контексте	вводимый в дискурс в момент речи
Локализатор	вводимый в дискурс в момент речи	непосредственно упоминаемый в предшествующем контексте или известный участникам дискурса
Схема KB	S LOC* PR	LOC S* PR (KB _{2.1}) S* LOC PR (KB _{2.2})

1.3. ТСС движения в начале текста

Хотя в роли зачина в хантыйских фольклорных произведениях чаще всего употребляется бытийная ТСС (см. [Плотников, 2023, с. 15–17]), в некоторых случаях в этой позиции употребляется ТСС движения. Если исходить из того, что такое употребление не опирается на предшествующий контекст, то ТСС движения выполняют функцию одновременного введения и субъекта, и локализатора как предметов, о которых говорится в тексте. Завязкой текста является инициация отношения между двумя реалиями, из которого вытекает всё дальнейшее повествование: взаимодействие фольклорных персонажей между собой (9) или людей и природных объектов (10), (11).

(9) *Дапэт мэх, қут мэх Ләлхәм қон икәли әй латнә Қынь ики қота йёвәт* (Лимэни йёвтәм моньтәт, ясңәт, 2013, с. 148).

дапәт мэх қут мэх ләлх=әм қон
семь земля шесть земля оберегать=PP царь
ик=әли=Ø әй латнә қынь
мужчина=DIM=NOM один время болезнь
ики қот=а йёвәт=Ø
мужчина дом=LAT прийти=SUBJ.3SG
'Семь земель, шесть земель оберегающий царь – мужчина однажды пришёл в дом божества Болезни.'

(10) *[Сүхәснә Ас потта йәхәма] әй қө вёнта мән, [панә, қарә вётәднә вёл, кәнчантәмин]* (Голоса Югана, 2021, с. 53).

әй қө=Ø вёнт=а мән=Ø
один мужчина=NOM лес=LAT идти=SUBJ.3SG
'[Осенью, когда ночи становятся длинными,] один мужик в лес пошёл, [в балагане жил и охотился].'

(11) *[Әй йыс] Кәлы қө нәмпи ики Вёнт дора әт* (Лимэни йёвтәм моньтәт, ясңәт, 2013, с. 276).

Кәлы қө нәм=пи ики=Ø вёнт
PN мужчина имя=ADJ мужчина=NOM лес
дор=а әт=Ø
озеро=LAT появиться=SUBJ.3SG
'[В прошлые времена] один человек по имени Кәлы вышел на Лесное озеро.'

Как и реализации бытийной ТСС, выступающие в роли зачина реализации ТСС движения часто сопровождаются временными выражениями, устанавливающими условия, в которых развивается действие (*сүхэснэ* ‘осенью’, *йыс* ‘старый, древний’).

Такое употребление ТСС движения, в отличие от случаев, рассмотренных в 1.1 и 1.2, не опирается на предшествующее упоминание субъекта или локализатора в рамках того же текста. Это, однако, не исключает возможных пресуппозиций о существовании соответствующих им реалий, которые могут содержаться как в фоновых знаниях носителей культуры, так и в расширенном контексте, включающем объявление темы или процесс выбора исполняемого произведения. Так, оба персонажа, упомянутых в примере (9), скорее всего рассматриваются как известные всем потенциальным слушателям, как и географическое название *Вёнт дор* ‘Лесное озеро’ в примере (11).

Во всех выявленных реализациях ТСС движения в позиции зачина используется порядок составляющих S LOC PR, соответствующий KB₁. Это противопоставляет их случаям реализации бытийной ТСС в позиции зачина, в которых наблюдается порядок LOC S PR [Плотников, 2023, с. 15–17]. В этих типах высказываний избираются разные стратегии: в случае бытийных ТСС ситуация конструируется как появление субъекта в пространстве, заданном как фон, на котором развивается повествование, тогда как при употреблении ТСС движения ситуация преподносится как деятельность субъекта, который одновременно актуализируется посредством этой ситуации.

2. Влияние способа заполнения позиции локализатора на коммуникативное варьирование ТСС движения

Наиболее частотным способом заполнения позиции локализатора ТСС движения является существительное или именная группа, в вершине которой стоит существительное. Так как основной функцией существительного является обозначение предметов, то такие локализаторы обладают наиболее широким кругом коммуникативных функций и могут рассматриваться как прототипические.

В рассматриваемой выборке представлены и другие способы заполнения позиции локализатора: провербы, наречия и местоимения. Наш анализ показывает нетипичность таких реализаций ТСС движения на фоне общей коммуникативной системы хантыйского языка. С одной стороны, при анализе таких высказываний необходимо учитывать факторы коммуникативного характера, приводящие к возможности и предпочтительности заполнения позиции локализатора словами этих частей речи, вследствие которых выборка примеров, в которых используются эти способы выражения локализатора, репрезентирует заведомо ограниченный набор коммуникативных ситуаций. С другой стороны, сам факт реализации потенциала заполнения позиции локализатора словами этих частей речи, в свою очередь, может рассматриваться как фактор, оказывающий влияние на другие парадигматические возможности коммуникативной структуры.

2.1. Наречия и провербы

В позиции локализатора ТСС движения в рассматриваемой выборке употребляются провербы *ййџэ* ‘внутри, в дом’, *кэм* ‘наружу’, *пэрхи* ‘назад’, *нџ* ‘вверх’, *ыл* ‘вниз’, *нык* ‘вниз к воде’ и образованные от тех же основ наречия *ййџэнам*, *кэмнам*, *ылнам*, указательные местоимения-наречия *тэхэ* ‘сюда’, *тџэ* ‘туда’. При определении частеречной принадлежности этих лексем мы опираемся

на классификацию М. Чепреги [2017], за исключением *тәүә* и *тәүә*, отнесенных ею к провербам.

Проверб рассматривается как служебная часть речи, первичной функцией которой является выражение пространственных отношений. С другой стороны, определяющим свойством провербов считается развитие у них вторичных функций, связанных со способностью модифицировать семантику и аспектуальные свойства глагола [Соловар, 2022, с. 310]. В. Е. Варда подчеркивает переходный статус провербов, поскольку они выступают одновременно и как лексические (наречия), и как грамматические единицы (собственно проверб как служебное слово) [Варда, 2016, с. 48]. При употреблении провербов с глаголами пространственной семантики исходная бытийно-пространственной пропозиция остается неизменной, но сокращается валентность глагола [Соловар, 2022, с. 313–314]. В связи с этим мы считаем обоснованным рассматривать провербы, употребленные в составе ТСС движения в их исходных пространственных значениях, как заполнители позиции локализатора в структуре ТСС, тем самым приравнивая эти употребления к употреблению слов знаменательных частей речи.

Одним из свойств проверба как части речи является его размещение в позиции непосредственно перед глаголом, за исключением возможности отделения провербов от глагола частицами и редких примеров помещения провербов после глагола [Чепрега, 2017, с. 198; Кошкарёва, 2018, с. 59]. Ограниченность позиции проверба в высказывании приводит к ограничению использования порядка составляющих как средства коммуникативного варьирования ТСС движения, в которых позиция локализатора заполнена провербом.

Провербы и наречия также существенно ограничены с точки зрения набора коммуникативных возможностей по сравнению с именными группами. Н. Б. Кошкарёва на материале казымского диалекта отмечает конкуренцию провербов и именных групп с однокоренными послелогом, обусловленную коммуникативными факторами [Кошкарёва, 2018, с. 60]. По нашему мнению, существенное различие между именными группами и провербами заключается в том, что последние используются только при описании ситуаций, которые происходят в пространстве, заданном контекстом. Например, оппозиция *йәүә* ‘внутри, в дом’ / *кәм* ‘наружу’ актуальна, только если контекстом уже предопределено строение, относительно которого происходит движение. Если бы из контекста было невозможно определить, в какое строение или из какого строения совершается движение, то требовалось бы употребление именной группы, например, *кутама* ‘в мой дом’, *кутама* ‘из моего дома’.

В рамках задач настоящей статьи противопоставление между провербами, наречиями и указательными местоимениями не оказалось существенным, так как для примеров их употребления в рассматриваемой выборке характерны одни и те же особенности. Слова всех рассматриваемых частей речи употребляются в реализациях ТСС движения исключительно с порядком составляющих S LOC PR. В зависимости от интонации такие реализации могут интерпретироваться как репрезентанты KB₁ или KB_{2.2}. В рамках KB₁ локализаторы входят в состав комплексной ремы, сочетающей локализатор и предикат. KB_{2.2} предполагает тему, состоящую из локализатора, и ремы, состоящую из субъекта и предиката. Наиболее однозначные примеры KB_{2.2} появляются при введении в текст нового субъекта (12):

- (12) [Тьу омэстиннэ ай латнэ] вурни тѳхэ йѳвэт (Голоса Югана, 2021, с. 114).
 вурни=Ø тѳхэ йѳвэт=Ø
 ворона=NOM туда прийти=SUBJ.3SG
 '[Пока они так сидели,] туда (к ним) прилетела ворона.'

Более сложны для анализа примеры, в которых введение субъекта сопровождается оттенком верификативности, вследствие чего высказывание может быть интерпретировано и как сообщение о новом лице, и как подтверждение факта его прихода:

- (13) [Контекст: непослушных детей предупредили о том, что кто-то может прийти, если они не перестанут баловаться.]
 Мәүк Ики чет йәҗәнам ләңәл (Детские сказки Варьёганских ханты, 2006, с. 64).
 Мәүк Ики=Ø тәт йәҗә=нам ләң=әл=Ø
 Менк-ики=NOM здесь в дом=APPRX заходить=NPST=SUBJ.3SG
 'Тут в дом заходит Менк-ики'².

Преобладание в ситуации введения нового субъекта примеров типа (12) показывает, что варьирование реализаций ТСС движения с превербами, наречиями и местоимениями-наречиями в позиции локализатора отличается от характерного для реализаций с существительными в этой позиции, среди которых структуры, соответствующие KB_{2.2}, встречаются крайне редко.

2.2. Личные местоимения

Позиция локализатора может быть заполнена личным местоимением в форме дательного или общенаправительного падежа, обозначающим лицо, в направлении которого осуществляется движение. Возможность употребления личного местоимения в этой позиции, так же как и указательного местоимения-наречия, предполагает определенный коммуникативный статус локализатора, который достигается за счет участия обозначаемого им лица в речевом акте или его упоминания в предшествующем контексте.

Локализаторы, выраженные личными местоимениями, употребляются в высказываниях, описывающих взаимодействия обозначаемых ими лиц как с новыми, так и с известными лицами, и, таким образом, выступают в роли как темы, так и ремы высказывания. Наиболее однозначно как тема высказывания интерпретируются те реализации, в которых в текст вводятся новые лица, обозначенные субъектом, что является типовой ситуацией употребления KB₂. В таких ситуациях преобладают реализации KB_{2.2}:

- (14) [Авэс ләль кәләмтәтә латнә, йәс ләль тәхэ йѳвәттә латнә,] йәс өрт нүһаты сөчәл (Чепреги, 2015, с. 20).
 әвэс өрт=Ø нүһ=ат=ы сөч=әл=Ø
 низ_реки богатырь=NOM ты=OBL=DAT шагать=NPST=SUBJ.3SG
 '[Когда появится северное войско, когда сюда придёт северное войско,] к тебе подойдёт северный (букв. с низовья реки) богатырь.'

² Менк-ики (Мәүк Ики) – персонаж хантыйского фольклора, сказочный великан (Чепреги, 2015, с. 59).

- (15) [Контекст: Демьян вернулся со стоянки разозлённым.]
Пастукэт лүваты суцэт, [пыријэл, җүты йәү] (Айпин, 2003а, с. 53).
 пастук=эт=Ø лүв=ат=ы сөц=эт
 пастух=PL=NOM он=OBL=DAT шагать=SUBJ.3PL
 ‘К нему подошли пастухи, [спрашивают, что случилось].’

Однако здесь в поле KB₂ наблюдается конкуренция, так как выявлен один пример, в котором используется KB_{2.1} (16):

- (16) [Контекст: один мужчина живёт в доме, к нему приезжает неназванный гость.]
Лүваты май қө, мойәлтә қө йөвәт (Лимэңи йөвтәм монтьәт, ясәт, 2013, с. 194).
 лүв=ат=ы май қө=Ø мойәл=тә
 он=OBL=DAT гость мужчина=NOM гостить=NPP
 қө=Ø йөвәт=Ø
 мужчина=NOM прийти=SUBJ.3SG
 ‘К нему приехал гость.’

Таким образом, при непрототипическом способе заполнения позиции локализатора наблюдается тенденция к предпочтительному использованию в контекстах, характерных для KB₂, варианта KB_{2.2}. Могут быть указаны несколько факторов, влияющих на такое употребление.

Существенным отличием KB_{2.2} (S* LOC PR) от KB_{2.1} (LOC S* PR) является способ маркирования позиции локализатора и, соответственно, его тематического статуса. В то время как в KB_{2.1} вынесенная в начало высказывания тема получает собственное интонационное оформление (ИК-2), в KB_{2.2} вся реализация ТСС попадает в единый интонационный контур (ИК-1), состоящий из мелодического пика, приходящегося на центр ремы (в данном случае – на субъект), и зону равномерно нисходящего тона [Плотников, 2021, с. 28]. Таким образом, тематический локализатор оказывается заключен в одну синтагму с ремой без специального интонационного маркирования, что приводит к снижению степени его выделенности по сравнению с темой в KB₁ и KB_{2.1} и, соответственно, к снижению его перцептивной значимости.

Отсутствие необходимости такого выделения может быть обусловлено категориальными свойствами слов, заполняющих позицию локализатора. Употребление местоимения, проверба или наречия указывает на частичную определенность локализатора и делает избыточным выражение их статуса средствами линейно-интонационной структуры. Эта тенденция связана не исключительно с определенностью локализатора, так как определенные локализаторы, выраженные именной группой с существительным в вершине, преимущественно употребляются в KB_{2.1}. С другой стороны, она не распространяется на личные местоимения в роли субъекта, которые практически всегда употребляются в начале высказывания. Можно указать на принципиальную несимметричность этих ситуаций: вследствие иерархии синтаксических отношений для субъекта позиция маркированной темы в начале высказывания воспринимается как естественная, поэтому заполняется автоматически, в то время как вынесение локализатора в начало высказывания является отклонением от стандарта и избегается в тех случаях, в которых статус локализатора это позволяет.

Другим значимым фактором является особый статус категории преверба. Для сохранения обязательной предглагольной позиции преверба необходимо существование структур типа S* LOC V, которые обеспечивают рематичность субъекта без нарушения этого порядка. Слова категорий, сближающихся с превербами по структуре, семантике и происхождению (образованные от превербов или сходные с ними по фонетическому облику наречия и местоимения-наречия), могут употребляться в таких же структурах под действием принципа аналогии. Последовательное употребление слов этих категорий в предглагольной позиции может рассматриваться как один из источников наблюдающейся в работах современных исследователей хантыйского языка проблемы границ категории превербов.

Рассмотренная здесь конкуренция KB_{2.1} и KB_{2.2} может быть сопоставлена с аналогичным явлением, возникающим при реализации бытийной ТСС с местоименными наречиями *тэт* 'здесь' и *тёт* 'там' в позиции локализатора. В обоих случаях наблюдается тенденция к использованию разных коммуникативных вариантов исходной ТСС (LOC S* PR или S* LOC PR) в случае тематичности локализатора в зависимости от способа заполнения позиции локализатора (прототипического или непрототипического). В бытийных ТСС, однако, при непрототипическом заполнении локализатора частотны оба коммуникативных варианта, а их использование в рассматриваемых источниках неравномерно [Плотников, 2023, с. 281–282], в то время как в случае ТСС движения преобладание одного из вариантов (S* LOC PR) носит системный характер и наблюдается во всех источниках.

Заключение

Противопоставление высказываний, ориентированных на одного из предметных участников ситуации (субъекта или локализатора) как исходный пункт сообщения (тему) и привлекающих внимание к другому (реме), может рассматриваться как ключевое направление варьирования ТСС бытийно-пространственного блока. В парадигме ТСС движения представлен наиболее типичный для коммуникативной системы сургутского диалекта хантыйского языка способ выражения этой оппозиции, заключающийся в помещении рематических компонентов структуры в предглагольную позицию с сохранением интонационной структуры (оппозиция KB₁–KB_{2.1}). С другой стороны, для реализаций с непрототипическим заполнением позиции локализатора характерен другой способ выражения той же оппозиции, реализуемый за счет использования средств интонации (оппозиция KB₁–KB_{2.2}). Наблюдаемая конкуренция между KB_{2.1} и KB_{2.2} как способами выражения одного и того же коммуникативного значения представляется наиболее интересным признаком рассматриваемой коммуникативной системы.

Наблюдаемые сходства парадигм ТСС движения и бытийной ТСС обусловлены общностью набора их компонентов и ограниченностью использования морфосинтаксических способов варьирования, характерных для большинства других ТСС хантыйского языка. Кроме того, существенную роль играет и функциональная близость этих ТСС, обуславливающая частотность их появления в сходных контекстах. Существенным компонентом прототипического значения ТСС движения является установление или разрыв пространственных отношений субъекта и локализатора, которые описываются бытийной ТСС, в соответствии с чем основными текстовыми функциями обеих ТСС является введение в текст новых лиц и предметов или формирование новых потенциалов развития текста, обусловленных нахождением или отсутствием лиц или предметов в определенном месте. Од-

нако последовательное рассмотрение ситуаций употребления основных коммуникативных вариантов этих ТСС позволяет указать и на ряд различий в реализации их парадигматического потенциала, к которым относятся разные стратегии при употреблении в начале текста и разный характер конкуренции коммуникативных вариантов при непрототипическом заполнении позиции локализатора.

Представленное описание парадигмы ТСС движения не является исчерпывающим, так как рассмотренные здесь наиболее частотные коммуникативные варианты этой ТСС не охватывают всей совокупности потенциальных коммуникативных ситуаций. Кроме того, отдельными вопросами, не освещенными в этой статье, являются условия эллипсиса позиций субъекта и локализатора и коммуникативные функции залогового варьирования ТСС движения.

Список сокращений и условных обозначений

Сокращения

ИК – интонационная конструкция; KB – коммуникативный вариант; ТСС – типовая синтаксическая структура; ЭПП – элементарное простое предложение

Условные обозначения компонентов бытийной ТСС

LOC – локализатор; PR – предикат; S – субъект

Условные обозначения, используемые при глоссировании

1 – 1-е лицо; 2 – 2-е лицо; 3 – 3-е лицо; APPRX – общенаправительный падеж; ABL – исходный падеж; ADJ – словообразовательный аффикс прилагательного; DAT – дательный падеж; DIM – диминутив; DU – двойственное число; INF – инфинитив; LAT – направительный падеж; LOC – местный падеж; MOM – моментальность; NOM – основной падеж; NPST – непрошедшее время; NPP – причастие непрошедшего времени; OBL – косвенная основа местоимения; PL – множественное число; PN – имя собственное; POSSM – посессум; POSSR – посессор; PP – причастие прошедшего времени; PST – прошедшее время; SG – единственное число; SUBJ – субъектное спряжение; Ø – нулевой аффикс

Список литературы

Варда В. Е. Провербы в восточных диалектах хантыйского языка // Вестник Том. гос. пед. ун-та. 2016. № 2. С. 43–49.

Кошкарёва Н. Б. Средства выражения актуального членения в сургутском диалекте хантыйского языка (в сопоставлении с другими уральскими языками и диалектами хантыйского языка) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2007. Т. 6, вып. 2. С. 34–43.

Кошкарёва Н. Б. Типовые синтаксические структуры в языках разных систем как отражение единиц языка и речи // Сибирский филологический журнал. 2015. № 2. С. 14–26.

Кошкарёва Н. Б. Бытийно-пространственные типовые синтаксические структуры и их семантика в хантыйском и ненецком языках // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 9. С. 53–65. DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-9-53-65

Соловар В. Н. Структурно-семантические особенности обско-угорских глаголов с провербами *йухи / йохы / йăжэ / юв* // Вестник угроведения. 2022. Т. 12, № 2. С. 309–318.

Плотников И. М. Интонационная система сургутского диалекта хантыйского языка // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2021. № 2. С. 25–43. DOI 10.25205/2312-6337-2021-2-95-106

Плотников И. М. Коммуникативная вариативность бытийной типовой синтаксической структуры в сургутском диалекте хантыйского языка // Сибирский филологический журнал. 2023. № 2. С. 269–285. DOI 10.17223/18137083/83/21

Чепреги М. Сургутский диалект хантыйского языка. Ханты-Мансийск: Печатный мир г. Ханты-Мансийск, 2017. 275 с.

Sosa S. Functions of morphosyntactic alterations, and information flow in Surgut Khanty discourse. Helsinki: Unigrafia, 2017. 263 p.

Список источников

- Айтин Е. Д. В тени старого кедра. СПб.: Просвещение, 2003а. 71 с.
- Айтин Е. Д. Я слушаю землю. СПб.: Просвещение, 2003б. 111 с.
- Голоса Югана. Сборник фольклора Йавэн-йях. Сургут: Печатный мир г. Сургут, 2021. 140 с.
- Детские сказки варьёганских ханты. Варэн Йавэн неврем моньчэт (на хантыйском и русском языках). Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2006. 108 с.
- Нюгломкина – Три мудрых совета: сказки Полины Иудовны Нюгломкиной. На сургутском диалекте хантыйского языка с переводом на русский язык. Новосибирск: Гео, 2020. 24 с.
- Чепреги М. Сказки и рассказы сургутских ханты: фольклорный сборник. Тюмень: Формат, 2015. 118 с.
- Лимэнь йёвтэм моньтэят, ясэят (Сказки, рассказы с реки Лямы): фольклорный сборник на языке сургутских ханты. Ханты-Мансийск: Юграфика, 2013. 328 с.

References

- Csepregi M. *Surgutskiy dialekt khantyyskogo yazyka* [The Surgut dialect of the Khanty language]. Khanty-Mansiysk, Pechatnyy mir g. Khanty-Mansiysk, 2017, 275 p.
- Koshkareva N. B. Bytiyno-prostranstvennye tipovye sintaksicheskie struktury i ikh semantika v khantyyskom i nenetskom yazykakh [Typical existential-spatial syntactic structures and their semantics in the Khanty and Nenets languages]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 2018, vol. 17, no. 9, pp. 53–65. DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-9-53-65
- Koshkareva N. B. Sredstva vyrazheniya aktual'nogo chleneniya v surgutskom dialekte khantyyskogo yazyka (v сопоставлении s drugimi ural'skimi yazykami i dialektami khantyyskogo yazyka) [Means of expressing the actual articulation in the Surgut dialect of the Khanty language (in comparison with other Uralic languages and dialects of the Khanty language)]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 2007, vol. 6, iss. 2, pp. 34–43.
- Koshkareva N. B. Tipovye sintaksicheskie struktury v yazykakh raznykh sistem kak otrazhenie edinit yazyka i rechi [Typical syntactic structure in languages of different systems as reflection of language and speech units]. *Siberian Journal of Philology*. 2015, no. 2, pp. 14–26.
- Plotnikov I. M. Intonatsionnaya sistema surgutskogo dialektа khantyyskogo yazyka [Intonation system of the Surgut dialect of Khanty]. *Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia*. 2021, no. 2, pp. 25–43. DOI 10.25205/2312-6337-2021-2-95-106
- Plotnikov I. M. Kommunikativnaya variativnost' bytiynoy tipovoy sintaksicheskoy struktury v surgutskom dialekte khantyyskogo yazyka [Communicative variation of the typical existential syntactic structure in the Surgut dialect of Khanty]. *Siberian Journal of Philology*. 2023, no. 2, pp. 269–285. DOI 10.17223/18137083/83/21

Solovarov V. N. Strukturno-semanticheckie osobennosti obsko-ugorskikh glagolov s preverbami *yukhi / yokhy / yǎḡə / yuv* [Structural and semantic characteristics of Ob-Ugric verbs with preverbs *yukhi / yokhy / yǎḡə / yuv*]. *Bulletin of Ugric Studies*. 2022, vol. 12, no. 2, pp. 309–318.

Sosa S. *Functions of morphosyntactic alterations, and information flow in Surgut Khanty discourse*. Helsinki, Unigrafia, 2017, 263 p.

Varda V. E. Preverby v vostochnykh dialektakh khantyyskogo yazyka [Preverbs in the eastern dialects of Khanty]. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 2016, no. 2, pp. 43–49.

List of sources

Aypin E. D. *V teni starogo kedra* [In the shadow of the old cedar]. St. Petersburg, Prosveshchenie, 2003a, 71 p.

Aypin E. D. *Ya slushayu zemlyu* [I am listening to the Earth]. St. Petersburg, Prosveshchenie, 2003b, 111 p.

Csepregi M. *Skazki i rasskazy surgutskikh khanty: fol'klornyy sbornik* [Fairy tales and stories of the Surgut Khanty: a collection of folklore]. Tyumen, Format, 2015, 118 p.

Detskie skazki var'eganskikh khanty (na khantyyskom i russkom yazykakh) [Children's tales of the Varyogans Khanty (in Khanty and Russian languages)]. Khanty-Mansiysk, Poligrafist, 2006, 108 p.

Golosa Yugana. Sbornik fol'klora Yaven-yakh [Voices of Yugan: Collection of Yaven-yakh folklore]. Surgut, Pechatnyy mir g. Surgut, 2021, 140 p.

Skazki, rasskazy s reki Lyamy: fol'klornyy sbornik na yazyke surgutskikh khanty [Fairy tales, stories from the Lyama River: a collection of folklore in the language of Surgut Khanty]. Khanty-Mansiysk, Yugrafika, 2013, 328 p.

Tri mudrykh soveta: skazki Poliny Iudovny Nyuglomkinoy. Na surgutskom dialekte khantyyskogo yazyka s perevodom na russkiy yazyk [Three wise advice: the tales of Polina Yudovna Nyuglomkina. In the Surgut dialect of the Khanty language with translation into Russian]. Novosibirsk, Geo, 2020, 24 p.

Информация об авторе

Илья Михайлович Плотников, младший научный сотрудник сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)

Scopus Author ID 57219696107

WoS Researcher ID HTT-0308-2023

Information about the author

Ilya M. Plotnikov, Junior Researcher, Department of the Languages of the Peoples of Siberia, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

Scopus Author ID 57219696107

WoS Researcher ID HTT-0308-2023

Статья поступила в редакцию 12.01.2024;

одобрена после рецензирования 19.01.2024; принята к публикации 19.01.2024

The article was submitted on 12.01.2024;

approved after reviewing on 19.01.2024; accepted for publication on 19.01.2024

Научная статья

УДК 81'371

DOI 10.17223/18137083/86/16

Интерпретационный потенциал оценочных выражений *по-детски* и *по-взрослому*: выбор говорящего

Ольга Александровна Ружа

Новосибирский государственный педагогический университет

Новосибирск, Россия

off_17@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0000-0698-9073>

Аннотация

Изучается семантика и функционирование сравнительно-уподобительных наречий *по-детски* / *по-взрослому*. На основании материалов Национального корпуса русского языка выявляются оценочные семы в составе значений анализируемых слов, которые не находят отражения в словарях. В ходе исследования выделены группы глаголов и наречий / прилагательных, частотно взаимодействующих с лексемами *по-детски* / *по-взрослому* и влияющих на их семантику и функционирование в речи. Делается вывод о связи выражаемой оценки с представлениями о норме в поведении человека того или иного возраста. Выявляются особенности оценки в зависимости от соответствия / несоответствия возрасту, заявленному оценочной лексикой.

Ключевые слова

оценка, оценочная семантика, критерии оценивания, сравнительно-уподобительные наречия, характеристика возраста

Для цитирования

Ружа О. А. Интерпретационный потенциал оценочных выражений *по-детски* и *по-взрослому*: выбор говорящего // Сибирский филологический журнал. 2024. № 1. С. 223–235. DOI 10.17223/18137083/86/16

Interpretative potential of the evaluative expressions *po-detski* (childishly) and *po-vzroslomu* (maturely): the choice of a speaker

Olga A. Ruzha

Novosibirsk State Pedagogical University

Novosibirsk, Russian Federation

off_17@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0000-0698-9073>

Abstract

The paper analyzes the semantics and functioning of the comparative-suggestive adverbs *po-detski* (childishly) and *po-vzroslomu* (maturely). The meanings of these words are scarcely re-

© Ружа О. А., 2024

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2024. № 1. С. 223–235
Siberian Journal of Philology, 2024, no. 1, pp. 223–235

flected in the Russian language dictionaries. The analysis of the materials from the National Corpus of the Russian language has revealed the evaluative semes in the meanings of the words under study. The connection between the expressed evaluation and the societal norms governing the behavior of individuals within a specific age group has been established. The norm expressed by the evaluative adverb *po-detski* is associated with naivety, trustworthiness, spontaneity, immaturity, and other characteristics of a child. The evaluative adverb *po-vzrosloму* is characterized by emotional restraint and rationality, seriousness, strength, thoroughness, etc. The discrepancies with the speaker's stereotypical view of child or adult behavior are expressed in using *po-detski* and *po-vzrosloму* as evaluative nominations. The groups of verbs, adverbs, and adjectives have been identified, revealing the evaluative semantics of the words *po-detski* and *po-vzrosloму* and determining the specifics of their functioning in speech. The object of evaluation is analyzed from the position of compliance/non-compliance with the age stated by the evaluation lexicon: both lexemes can be used in relation to a child and an adult. A conclusion is made that the content of *po-detski* and *po-vzrosloму* assessments, despite the apparent simplicity of interpretation, turns out to be more profound and ambiguous.

Keywords

evaluation, evaluative semantics, evaluation criteria, comparative-suggestive adverbs, age characteristics

For citation

Ruzha O. A. Interpretative potential of the evaluative expressions *po-detski* (childishly) and *po-vzrosloму* (maturely): the choice of a speaker. *Siberian Journal of Philology*, 2024, no. 1, pp. 223–235. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/86/16

Вводные замечания

Проблема оценки в лингвистике – одно из актуальных направлений современных исследований. Изучению сущности и типов оценки, критериев оценивания, оценочной семантики и т. д. посвящено немало работ (Е. М. Вольф, Н. Д. Арутюнова, А. Вежицкая, М. В. Ляпон, Г. А. Золотова, Т. А. Трипольская и др.), но современные базы данных и инструменты анализа позволяют дополнять существующие исследования. Мы обратимся к вопросу наличия оценочного потенциала в наречиях *по-детски* / *по-взрослому*.

Работа включается в такие теоретические направления лингвистики, как область когнитивных исследований возраста и теория оценки.

Возраст – особая категория в осмыслении носителем языка. Изучением концепта *ВОЗРАСТ* занимались многие исследователи (Н. Д. Арутюнова, Е. С. Яковлева, Г. Н. Складневская, Е. А. Гаврилова, Ю. Ю. Литвиненко, Н. П. Генералова, Н. В. Крючкова и др.), они затрагивали аспект метафоризации возраста в русском языке, рассматривали его в сопоставлении с другими языками, в рамках фразеологической картины мира и пр. И тем не менее, в связи со сложностью и неоднозначностью многих семантических компонентов, входящих в концепт *ВОЗРАСТ*, в его исследовании остается немало лакун. Лингвисты (Ю. Д. Апресян, Н. В. Крючкова, Ю. Ю. Литвиненко, И. А. Калужная, О. А. Авдеева, Ф. А. Марзук, И. С. Блинова, М. Ю. Лебедева и др.) представляют *ВОЗРАСТ* как макроконцепт, включающий в себя концепты *ДЕТСТВО*, *МОЛОДОСТЬ*, *СТАРОСТЬ*, *ВЗРОСЛОСТЬ* и др.

И. А. Калужная описывает возраст как «фундаментальную антропологическую характеристику», при концептуализации он может рассматриваться как биологический параметр, «общественный фактор» и «культурное явление» [Калужная, 2007]. Отсюда и многообразие номинаций человека с точки зрения возраста,

включая оценочные. К тому же одна и та же номинация может быть интерпретирована по-разному в зависимости от объекта номинации, ситуации взаимодействия и пр., например, понятие взрослости оказывается весьма субъективным, так как в социуме не существует единого мнения относительно границ различных возрастных периодов, в языке мы находим отражение существующих противоречий: *Одно было плохо – бабушка никуда не отпускала от себя Марусю, ни на шаг. – Ты ещё маленькая, – говорила бабушка, – тебе всего ещё пять лет. – И вовсе я большая, – говорила Маруся, – мне уже целых пять лет. И каждая из них, конечно, была по-своему права* (М. Сергеев. Волшебная галоша, или Необыкновенные приключения Вадима Смирнова, его лучшего друга Паши Кашкина и 33 невидимок из 117-й школы). В контексте представлены две точки зрения на один и тот же возраст. На уровне языка эти оценки эксплицируются языковыми антонимами *маленькая / большая*, а также противопоставлением *ты / я, ещё / вовсе, всего / уже, ещё / целых*. Синтаксический параллелизм конструкций усиливает возможность интерпретации возраста разными говорящими субъектами и заложенный в них смысл.

В возрастных номинациях имеется оценочный компонент, как правило, он связан с существующей системой стереотипов, запретов, обязательств и т. д.: *ты маленький = тебе нельзя...*, или наоборот: *ты взрослый = ты несешь ответственность за...* «Оценка, исследуемая и в категориальном, и в концептуальном плане, представляет собой значительную сложность для лингвистического описания. Относясь одновременно и к сфере ментального, и к языку, она имеет самые различные формы своего воплощения, полное описание которых едва ли возможно, поскольку в реальной коммуникации оценка далеко выходит за границы когда-то очерченного для нее круга обще- и частнооценочных предикатов» [Солодилова, 2017, с. 29].

В теории оценки часто говорится о понятии нормы, от которой отталкивается говорящий, и о возможном отступлении от этой нормы. По мнению Н. Д. Арутюновой, оценка напрямую «зависит от говорящего субъекта» и «социально обусловлена», а ее интерпретация «зависит от норм, принятых в том или другом обществе или его части. Мировоззрение и мироощущение, социальные интересы и мода, престижность и немотивированность формируют и деформируют оценки» [Арутюнова, 1988, с. 6].

Цель данной статьи – проанализировать, как происходит «прорастание» оценочной семантики в наречиях *по-детски / по-взрослому*, выявить критерии оценивания и языковые основания оценки.

Материалом для работы послужили тексты, извлеченные из Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ)¹, содержащие наречия *по-детски / по-взрослому* (около 2 500 контекстов).

Способы экспликации сем, включенных в семантическую структуру наречий *по-детски / по-взрослому*

Семантика сравнительно-уподобительных наречий редко находит отражение в толковых словарях. С одной стороны, это не создает трудностей в их понимании и интерпретации, так как значение легко выводится из соотносимого слова:

¹ Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/>.

по-детски – как ребенок, *по-взрослому* – как взрослый, с другой – коннотативный компонент оказывается не включенным в семантическую структуру лексемы.

Попытка поиска толкований анализируемых слов в словарях наводит на интересные наблюдения. В словаре В. И. Даля есть дефиниция только наречия *по-детски*, и задается ментальная характеристика оцениваемого объекта: ‘судить, как неразумное дитя, детски, ребячески’ (Даль, 2004). Толкование наречия через глагол мышления *судить* ограничивает функциональные свойства определяемого слова, задавая характеристику ментального поведения: *по-детски* – значит неразумно. В этом словаре также намечен синонимический ряд: *по-детски* – *детски*, *ребячески*, и по сути – *неразумно*.

Другой словарь, в котором нашли отражение исследуемые слова, «Новый словарь русского языка» Т. Ф. Ефремовой. В нем встречается дефиниция лишь наречия *по-взрослому*: ‘*нареч. качеств.-обстоят. разг.* Так, как характерно для взрослых’ (Ефремова, 2000). В данном случае оценка не ограничивается ментальным пространством. Характерными для взрослых могут быть и ментальная деятельность, и поведение, и внешность человека. В «Словаре наречий и служебных слов русского языка» В. В. Бурцевой отражены обе лексемы и дается подобное толкование: ‘Так, как свойственно взрослым людям, как у взрослых людей. *Ему только шесть лет, а он уже рассуждает по-взрослому. Не люблю, когда маленьких детей одевают по-взрослому*’. Наречие *по-детски* получает в данном словаре аналогичную дефиницию: ‘Так, как свойственно детям, как у детей. *По-детски доверчиво прильнула к незнакомой тётке. У старушки были по-детски пухлые щёчки*’ (СНиССРЯ, 2007). При изучении семантики слова важно не только толкование, но и иллюстративный материал, который представлен в словаре.

В словарях также встречается толкование слова *детски*: ‘*нареч. качеств.-обстоят.* 1. Так, как характерно для детей [дети I 1.]. 2. *перен.* Незрело, наивно, ребячески’ (Ефремова, 2000). Здесь первое значение толкуется аналогично слову *по-взрослому*, зато второе, переносное, соотносится с речемыслительной деятельностью или поведением, в отличие от словаря В. В. Бурцевой, где дается только первое значение, а остальная информация представлена в иллюстративном материале (СНиССРЯ, 2007).

Использование синонимического способа толкования в словарях позволило выявить ряд синонимов слова *по-детски*: *детски*, *ребячески*, *незрело*, *наивно*. Обращение к специализированным словарям синонимов результатов не дало. Только в онлайн-словаре синонимов В. Н. Тришина встретился синонимический ряд слова *детски*, в который входит искомое наречие *по-детски*: ‘*нареч.*, кол-во синонимов: 7 *наивно* (23), *незрело* (3), *по-детски* (6), *по-ребячески* (4), *по-ребячьи* (3), *ребячески* (4), *ребячливо* (15)’ (Тришин, 2013).

Таким образом, во всех словарных статьях отсутствует полное толкование *по-детски* или *по-взрослому*. Размывание семантики происходит за счет неоднозначности определения граници взрослости / детскости, а также обусловлено субъективной позицией говорящего, использующего данные наречия в функции оценочных слов.

В анализе выражений с компонентом *по-детски* / *по-взрослому* наибольший интерес вызывает контекстное употребление, так как именно в контексте ярче «прорастает» оценочная семантика и можно судить о тех субъективных смыслах, которые закладывает в данный вид оценки говорящий.

По данным НКРЯ, сравнительная оценка *по-взрослому* и *по-детски* получила распространение после 1900 г. Обе оценочные лексемы не имеют стилистической маркированности.

Если сравнивать частотность использования лексем *по-детски* и *по-взрослому*, то данные корпуса (на декабрь 2022 г.) говорят о значительном преобладании выражения *по-детски* – 2 084 вхождения (ср. *по-взрослому* 300 вхождений, что меньше примерно в 7 раз). Та же картина наблюдается и с другими подобными оценками, например, *не по-детски* – 142 примера, *не по-взрослому* – 5 примеров.

Погружение в материалы НКРЯ позволило предположить, что анализируемые оценочные единицы *по-детски* и *по-взрослому* не всегда можно соотнести с положительной или отрицательной оценкой: сложно разобраться *по-детски* – это хорошо или плохо? Е. М. Вольф отмечает, что «далеко не всегда, высказывая оценку, мы соотносим ее с идеей «добра» (хорошо / плохо). Во многих случаях в оценке участвуют другие «точки отсчета», которые квалифицируют объект – предмет или событие по разным аспектам» [Вольф, 1985, с. 392].

Анализируемые слова в речи / тексте имеют привязку к определенным группам лексик. Т. А. Трипольской выделены и описаны способы выражения интенции оценочного суждения, которая может вводиться предикатами ментального действия (*знать, полагать, размышлять* и т. д.) [Трипольская, 1999]. Так как наречия в большинстве своем характеризуют действие, то в отношении предмета исследования можно выделить группы глаголов, с которыми сочетаются лексемы *по-детски* / *по-взрослому*.

1. Оценка речемыслительной деятельности

В ситуации оценивания речемыслительной деятельности для наречий *по-детски* / *по-взрослому* характерна сочетаемость с глаголами *говорить, сказать, ответить, рассуждать, мыслить, думать, смотреть* (перен.) и под.: *Эх, всегда у Вовки получается говорить по-взрослому, я так, наверное, никогда не научусь* (А. Моторов. Преступление доктора Паровозова).

Материалы НКРЯ позволяют судить о том, что чаще лексема *по-взрослому* в сочетании с глаголами речемыслительной деятельности употребляется в отношении детей или же с ее помощью фиксируется «детскость» мышления взрослого человека: *Часами, как некогда в гороховейском креслице, сидел он на табуретке у окна. Так и не научившись мыслить по-взрослому, в прежней безалаберности поигрывал он пустячными мыслишками, рассматривал морозный узор на стекле и дурашливо упрекал природу в склонности кристаллизироваться не лучшим образом. Или в тёплые дни следил за ползущей мухой и в уме решал задачу неимоверной сложности: с какой скоростью должна перелетать она с одного полюса электрической батареи на другой, чтоб цепь замкнулась? Дважды, взывая к совести, ему предлагали вступить в комсомол* (А. Азольский. Лопушок). Данный текстовый фрагмент не позволяет считать человека по-настоящему взрослым, так как его поведение не соответствует поведению взрослого, ведь он *не научился мыслить по-взрослому*. Эта идея в тексте усиливается при помощи слов и выражений *в прежней безалаберности, поигрывал, пустячными мыслишками, дурашливо*, а также благодаря противопоставлению содержания задачи ее характеристике (*неимоверной сложности*). Таким образом, взрослый персонаж, с позиции

окружения, продолжает думать по-детски, что не соответствует норме, существующей в социуме.

Примеров подобного употребления наречия *по-детски* с глаголами речи / мысли в отношении взрослых гораздо меньше, это чаще всего примеры их подражания детям, надевание определенной языковой маски: *До обеда он даже избегал встретиться с ней. Но за обедом она опять поцеловала его, говорила по-детски, нарочно применяясь к Костиным будто бы понятиям: – Мальчик хочет еще супу? Нет?* (З. Н. Гиппиус. Месть). Редко встречается прямая оценка несерьезного, как у ребенка, поведения, которое не соответствует поведению взрослого человека.

2. Оценка визуального восприятия

Вторая группа глаголов, с которыми сочетаются анализируемые наречия: *смотреть, глядеть, взглянуть* и др. Говорящий отмечает способность ребенка воспринимать и оценивать окружающий мир, ситуацию, собеседника по-взрослому (*серьезно, строго, прямо* и т. д.), а взрослого – по-детски (*наивно, приветливо, искренне* и т. д.), при этом могут использоваться разного рода интенсификаторы: *Обещай мне, – медленно проговорила она, совсем по-взрослому глядя мне в глаза, – обещай мне, что мы еще вернемся в наш Залив* (В. Базанов. В заливе); *Он был в широкополой шляпе, синей рубашке, на которую надел ветхое летнее пальтецо; усы свешивались вниз, глаза глядели обычно – приветливо, по-детски* (Б. Зайцев. Голубая звезда). Так, в характеристике персонажа в первом примере происходит актуализация сем 'серьезно', 'прямо', говорящий уточняет степень взрослости взгляда (*совсем по-взрослому*). Во втором контексте лексема *по-детски* вступает в отношения текстовой синонимии со словом *приветливо*, эксплицируя сему 'дружелюбно'.

3. Оценка состояния человека

Третья группа глаголов связана только с наречием *по-детски*: *всхлипывать, плакать, улыбаться / улыбнуться* и т. д. Выражение эмоционального состояния, описание которого сопровождается оценкой *по-детски*, как правило, предсказуемо и связано либо со слезами, либо – реже – со смехом, счастьем, радостью. Так, в «Русском ассоциативном словаре» частотны реакции на стимул *ребёнок*: *плачет* 13, *капризный* 7, *счастливый* 5, *весёлый* 4, *плач* 3, *плакать* 2, *плачущий* 2, *ревёт* 2, *смеётся* 2, *счастлив* 2, *каприз*, *плаксивый*, *слёзы* (РАС, 1994). Таким образом происходит актуализация стереотипного представления об эмоциональном поведении детей.

Материалы НКРЯ позволяют не только выделить данную группу глаголов, сочетающихся с исследуемыми наречиями, но и выявить семы, актуализирующиеся благодаря контекстным синонимам и ассоциациям к слову *по-детски*: *Медсестра только плакала, тонко, по-детски, и растирала слёзы по широким дрожащим своим щекам обеими ладонями. – Да я же... – заговорила наконец она* (В. Галактионова. 5/4 накануне тишины); *– Что, – спрашиваю, – деточка, случилось? И вдруг Милочка, совсем по-детски всхлипнув, впервые за всё время тихо заплакала. Заплакала, как маленькая девочка, и только и смогла прошептать, стараясь не шевелиться, какие уж там «мостики»: – Больно* (Т. Соломатина. Акушер-ХА! Байки). Оба примера описывают плач взрослых женщин: медсестра

издает звуки, подобные плачу ребенка (*тонко*), и сопровождает плач жестами ребенка (*растирала слёзы*); Милочка *по-детски всхлипывает*, т. е. издает звуки, характерные для ребенка. Чтобы читатель не сомневался, что перед ним взрослый человек, во второй контекст вводится сравнительная конструкция *как маленькая девочка*.

4. Интенсификация и уточнение оценки

В отличие от трех вышеперечисленных семантических групп в круг языковых единиц, сочетающихся с лексемами *по-взрослому* / *по-детски*, включаются прилагательные и наречия. С их помощью происходит актуализация одной или нескольких сем, входящих в значение слов *по-детски* / *по-взрослому*. Говорящий таким образом поясняет, что он имеет в виду, эксплицирует комплекс признаков, характерных для поведения детей и взрослых.

Наиболее популярной среди слов, уточняющих наречие *по-детски*, оказывается пара *наивно* / *наивный*: – *А ты что тут делаешь?* – *Звоню, – по-детски наивно ответил он и показал ей мобильник* (А. Геласимов. Дом на Озерной). Экспликация стереотипных качеств ребенка, которые наиболее частотны в языковой картине мира, также происходит за счет наречий / прилагательных *доверчиво* / *доверчивый*, *непосредственно* / *непосредственный*, *беззащитно* / *беззащитный*; *весёлый*, *недоуменный*, *трогательный*, *умилительный*; *мило*, *жалобно*, *жадно*, *неловко* и т. д. Лексема *по-детски*, в свою очередь, уточняет наречия и прилагательные из представленного списка, актуализирует сему интенсивности проявления признака, а также подчеркивает ту характеристику, которая подлежит оценке и по сути фиксирует отклонение от нормы в поведении взрослого человека.

Кроме того, под детским взглядом говорящий может подразумевать и отличную от взрослого точку зрения на действительность, для которой характерна большая яркость красок, наполненность звуками, эмоциями: *Полотна Петрова радовали глаз даже больше, чем его рисунки, потому что там полыхал праздник красок, ярких, преувеличенных, по-детски наивных. Богатство красок на картинах резко контрастировало с чудовищной бедностью жилища художника* (Н. Воронель. Без прикрас. Воспоминания).

У наречия *по-взрослому* сочетаемость возможности более разнообразны: *по-взрослому разумно* / *разумный*, *мудро* / *мудрый*, *сурово* / *суровый*, *сильно* / *сильный*; *строго*, *прямо*, *независимо*, *твёрдо*, *по-настоящему*, *тяжело*, *солидно*, *умело*, *неискренне*, *сдержанно*; *вежливый*, *уверенный*, *рассудительный*, *проницательный*, *прямой*, *независимый*, *серьёзный*, *назидательный* и др. Несмотря на многообразие, все уточнители сводятся к рациональному началу в личности взрослого человека, к его сдержанности, рассудительности, практичности: *Он очень хорошо ориентировался в Лондоне, перепрыгивая с одного автобуса на другой, бойко вынимал «из стены» деньги, покупал карточки для мобильного телефона и угощал меня самым лучшим мороженым столицы. Он выдавал по-взрослому разумные сентенции, видимо, услышанные в школе: 90 % учеников заканчивают школу «на отлично», приобретая совершенно одинаковый аристократический акцент. Но иногда в его глазах была такая тоска, что становилось жутко* (Н. Щербак. Самая престижная школа в Лондоне, или Загадка новорусского подростка. «Мой лунный друг», или «Джоновская» Англия).

Итак, по данным словарей и материалам корпуса, норма, выражаемая наречием *по-детски*, связана с **наивностью, доверчивостью и любопытством, непо-**

средственностью, простодушием, незрелостью, безмятежностью, весёлостью и под.

Наречие *по-взрослому* встречается в словарях и материалах НКРЯ гораздо реже, чем *по-детски*, и имеет меньше ассоциаций и характеристик, взрослый чаще следует правилам, придерживается норм, от этого указание на ненормативность, детскость его поведения более информативно и показательно. Маркировать поведение как взрослое, понять его нормативность с этой позиции помогает выражение *не по-детски*, т. е. *по-взрослому*: ‘о чем-л. серьёзном, сильном, мощном, выдающемся и т. п. *Так всё не по-детски сложилось! Не по-детски нажрались. Не по-детски богат*’ (Елистратов, 2002).

Критерии отнесения признака к взрослому, выявленные на основе словарей и материалов НКРЯ, подтверждают соответствие поведения взрослого человека установленной норме, для которой характерны **эмоциональная сдержанность и рациональность, серьёзность, сила, основательность, значительность** и пр.

Объект оценки: соответствие / несоответствие возрасту

Оценка, выражаемая лексемами *по-взрослому* и *по-детски* (обе лексемы), может быть использована и в отношении ребенка, и в отношении взрослого.

Рассмотрим случаи совпадения возраста объекта оценки и ее экспликатора. В описании ребенка при использовании наречия *по-детски* происходит фиксация взгляда говорящего на детских чертах, свойствах, характеристиках описываемого объекта, определенное акцентирование на возрасте (денотат): *В противном случае даже при наличии у него (ребенка. – О. Р.) необходимого запаса знаний и умений он будет внутренне бояться идти в школу. Такие первоклассники ведут себя по-детски непосредственно и учатся неровно...* (А. Луговская. Если ребенок боится ходить в школу).

Использование лексемы *по-взрослому* в описании взрослого или подростков, молодежи зачастую связано с принятием взрослости внешним миром. В данном случае также актуализируется денотативный компонент лексического значения: *Судьба у меня, видно, такая – всё время косячить. Умеют же люди быть обходительными и держаться серьёзно как-то, по-взрослому. Эх!* (С. Вахитов. Разорванное сердце Адель).

Более частотны случаи, когда поведение взрослого получает оценку *по-детски*, а ребенка – наоборот, *по-взрослому*. Рассмотрим несколько примеров, отражающих отклонение от нормы в поведении взрослого человека, и оценку такого поведения как детского через прилагательные и наречия. Используя те или иные маркеры, автор высказывания аргументирует свою оценку, актуализируя ее оценочные основания [Трипольская, 1999].

Так, в аспекте положительной оценки взрослого поведения говорящим используется маркер *искренне*. В таком случае он будет связан с искренностью поступков взрослого человека. В словарных материалах сочетание *по-детски искренне* не встретилось, тем не менее в следующем контексте искренность связывается именно с детским поведением: *ТАНЯ, ДИАНА: Ребята, давайте жить дружно, пусть это звучит по-детски, но зато искренне, а самое главное, актуально! Любите друг друга!* (С. Ткачева. Новый год и звёзды). Использование противительного союза *но зато* в данном случае является аргументом в защиту говорящего (ср. *звучит по-детски* – негативная оценка вербального поведения, а *звучит*

искренне – положительная оценка, актуализация ценностей в картине мира говорящего).

Поступки, получающие оценку *по-детски*, также связываются с чистосердечием, простодушием как признаками именно детского образа: *При всем заоблачном уровне профессионализма в нашем собрании, сила работ христианских художников в том, что они по-детски читают Библию. Не в том смысле, что наивно и, не дай Бог, примитивно, в расхожем смысле слова, нет! Они делают это оголенным сердцем* (Д. Рошня. Николин день: отважиться и написать образ святителя). В данном случае экспликаторами являются лексемы *наивно* и *примитивно*, но, с одной стороны, они отмечаются как частотные характеристики именно детского поведения, с другой – говорящий намеренно разводит наивность, простоту, примитивность как отрицательные в данном случае ментальные характеристики и чистосердечность художников, готовность воспринимать, впитывать любую информацию – как положительные.

Кроме того, в НКРЯ можно встретить примеры экспликации тех черт ребенка, свойственных взрослому, которые связаны с вероятностными или диспозиционными семами, например, часто образ ребенка ассоциируется с нежностью, ласковостью, чуткостью, трогательностью: *Тимофеев тянулся к нему по-детски, с не свойственной ему нежностью, как к старшему брату* (Д. Гранин. Зубр); *Я убежден, что только очень чистые и честные, словом, очень хорошие люди способны по-детски трогательно краснеть и не только в пять, но и в тридцать пять и в пятьдесят лет* (С. Шуртаков. Возвратная любовь). Таким образом говорящий положительно оценивает отношения между людьми или поступки.

Порой детский образ связан с прямо противоположным представлением о характере ребенка, и тогда оценка *по-детски* взрослого человека эксплицируется посредством маркеров *грубый, жестокий, злой, серьезный, глупый* и т. д. и представляется уже в негативном ключе: *Но и они тоже предстают живыми людьми со своими правдами, наивностью и прямолинейностью: в грубости они грубы по-детски* (С. Шаргунов. Россию надо выдумать заново?). Детская грубость и серьезность преподносится как отличная от взрослой, так как обусловлена уже выявленными характеристиками: наивностью, прямоотой и пр.

«Взрослые» характеристики при описании ребенка не просто акцентируют внимание говорящего на чертах, не характерных для описываемого возраста, но расширяют их палитру. Ведь именно ребенок, поведение которого оценивается как взрослое, позволяет эксплицировать эти взрослые качества: – *И куда подевалась учительница? – Заболела «продленка», – по-взрослому сурово ответила Зиночка, – гипертонический криз у нее, прямо с урока увезли* (Д. Донцова. Микстура от косоглазия). Оценка, выражаемая лексемой *по-взрослому*, характеризует поведение ребенка, который ведет себя так, как не свойственно возрасту: *Старшему тринадцать лет, он по-взрослому рассудителен и домовит, решил, что жегнется только по любви* (Л. Сальникова. Отцы-одиночки); *Крепкий, багровый от загара, с белыми выгоревшими бровями, Степка вставал в семь часов, таскал за отцом канистры, без конца проверял закидушки и был спокоен и по-взрослому уверен в каждом своем движении* (М. Тарковский. Жизнь и книга). В приведенных примерах ребенок обладает качествами взрослого человека: уверенностью, рассудительностью, спокойствием. На этом фоне особенно выделяется характеристика *домовит*.

В ряде случаев нарочито подчеркнутое взрослое свойство отрицается, оспаривается в пользу ребенка: *Считается, что маленькие дети не могут испытывать*

по-взрослому сильных чувств, поэтому скажем, что я любила его горячее родителей (Т. Соломатина. Мой одесский язык).

Примеров, где поведение ребенка характеризуется через наречие *по-взрослому* и оценивается негативно, практически не встретилось. Преобладает положительная или нейтральная оценка, что свидетельствует об одобрении взрослой рациональной модели поведения у детей.

Таким образом, материалы корпуса позволяют говорить о том, что чаще происходит оценивание поведения взрослого человека как не соответствующего социальной норме. У ребенка меньше ответственности, к нему предъявляется меньше требований, поэтому характеристика *по-взрослому* встречается реже. Как правило, в контекстах не дается строгого определения возраста, интерпретатор понимает, что осуществляется оценка ребенка или взрослого, и сам решает, где нарушена норма, в чем отклонение от нее.

Встречаются также редкие примеры одновременного использования лексем *по-взрослому* и *по-детски* в отношении одного и того же объекта оценки. *Она очень мудро поступила. По-взрослому мудро и по-детски чутко. Хорошо, что ты встретил ее в двенадцать лет... Теперь она всегда будет оберегать тебя от зла, если оно вдруг захочет поселиться в тебе. Ты ее не забудешь* (Ю. Лаврышина. Улитка в тарелке). Можно говорить о том, что одно и то же событие получает разную оценку: у каждого интерпретатора собственная трактовка, т. е. норма оказывается субъективной, индивидуальной, точка отсчета меняется в зависимости от интерпретатора и ситуации. «Слово не должно значить одно и то же во всех контекстах» [Nowell-Smith, 1957].

По мнению Н. Д. Арутюновой, «... прагматическое значение больше, чем дескриптивное, подчиняется воле говорящего, <...> оценка не погружена полностью в поток происходящего. Ее роль состоит в том, чтобы соотнести предметы и события с идеализированной, т. е. нормативной, картиной мира. Ее пафос заключен в отделении нормы от аномалий» [Арутюнова, 1988, с. 7].

Оценка действий субъекта с позиций *по-взрослому* / *по-детски* может осуществляться говорящим как по отношению **к себе**, так и по отношению **к собеседнику или лицу, не участвующему в коммуникации**. Оценочная семантика может эксплицироваться в зависимости от нескольких факторов. Например, герой следующего текстового фрагмента оценивает свое поведение как не соответствующее взрослому, указывая на некоторые черты, которые, по его мнению, свойственны другим взрослым людям, но не ему самому: *Теперь она на меня взъелась, точно как Лия Васильевна. Словно выбирала себе врага и вот нашла. Судьба у меня, видно, такая – всё время косячить. Умеют же люди быть **обходительными и держаться серьёзно как-то, по-взрослому*** (С. Вахитов. Разорванное сердце Адель). Причем в данном случае взрослое поведение других детей героем отрывка оценивается как положительное качество.

Заключение

В словарях наречия *по-детски* и *по-взрослому* пока не нашли толкования, позволяющего отразить основные особенности их прагматического и оценочного потенциала.

По классификации Н. Д. Арутюновой, анализируемые лексемы относятся к выражающим частнооценочное значение (группа рационалистических оценок), которые «связаны с практической деятельностью, практическими интересами

и повседневным опытом человека. Их основные критерии: физическая или психическая польза, направленность на достижение определенной цели, выполнение некоторой функции (в том числе и той, к которой данный предмет предназначен), соответствие установок стандарту» [Арутюнова, 1988, с. 76–77]. Хотя отчасти можно увидеть и черты сублимированной оценки – во взаимосвязанности с некоторыми аспектами этической оценки. По способу оценивания перед нами сравнительная оценка. По влиянию контекста можно встретить и случаи ингерентной (языковой, узуальной), и случаи адгерентной (речевой, окказиональной) оценки [Фомина, 2007].

Выбор говорящего зависит от представлений общества и самого говорящего о возрастной границе и нормах поведения. Выбор говорящим оценочного наречия *по-взрослому* / *по-детски* в контексте опирается на узуальную или контекстуальную синонимию, сочетаемость с глаголами, оценивающими речемыслительную деятельность (*говорить*, *думать* и под.), визуальное восприятие (*смотреть*, *взглянуть* и т. д.) и состояние человека (*плакать*, *улыбаться* и др.), а также на интенсификацию и уточнение оценочной семантики посредством другого наречия или прилагательного (*наивный*, *суровый*, *непосредственно*, *мудро* и пр.). Если у наречия *по-взрослому* / *по-детски* нет текстового конкретизатора, то интерпретатор / читатель по-своему задает границы интерпретации.

Таким образом, содержание оценок *по-детски* и *по-взрослому*, несмотря на кажущуюся простоту интерпретации, является более глубоким и неоднозначным. Критерии оценки заложены в противоречивой природе отношения носителей русского языка к возрасту, стереотипам и отступлениям от них. Обращаясь к аргументации оценочного высказывания, мы видим следование говорящим за содержанием существующего стереотипа: ребенок наивен, простодушен, искренен и т. д., взрослый – правилен, организован, умен, рассудителен; ребенок более непосредствен, взрослый – более привязан к норме, также встречаются попытки нарушить то видение взрослых и детей, которое сформировалась в социуме, а значит, и изменить критерии оценивания. К перспективе исследования можно отнести представление словарной статьи, включающей прямые (не-оценочные) значения анализируемых слов, а также оценочную семантику, с обсуждением специальных помет, структуры статьи, выявлением собственно значений и их оттенков, подбором иллюстративного материала.

Список литературы

- Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 341 с.
- Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1985. 228 с.
- Калюжная И. А. Концепт «детство» в немецкой и русской лингвокультурах: Дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2007. 229 с.
- Солодилова И. А. Частнооценочные смыслы: когнитивные основы и особенности формирования // Вестник Оренбург. гос. ун-та. 2017. № 8 (208). С. 29–37.
- Трипольская Т. А. Эмотивно-оценочный дискурс: когнитивный и прагматический аспекты. Новосибирск, 1999. 165 с.
- Фомина Ю. А. Аспекты изучения языковой оценки // Вестник ЧелГУ. 2007. № 20. С. 154–161.
- Nowell-Smith P. H. The Logic of Adjectives // The Logic of Sentences and Arguments. Oxford, 1957. P. 55–81.

Список словарей

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: избр. ст. / Совмещ. ред. изд. В. И. Даля и И. А. Бодуэна де Куртенэ. М.: Олма-Пресс: Красн. пролетарий, 2004. 700 с. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc2p/311058> (дата обращения 11.09.2022).

Елистратов В. С. Словарь русского арго (Материалы 1980–1990-х гг.). М., 2002. URL: <http://gramota.ru/slovari/argo/> (дата обращения 03.10.2022).

Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Рус. яз., 2000. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/278789> (дата обращения 19.09.2022).

РАС – Русский ассоциативный словарь / Ю. Н. Караулов, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов и др. М., 1994. URL: <http://thesaurus.ru/dict/> (дата обращения 19.09.2022).

СНИССРЯ – Словарь наречий и служебных слов русского языка / [Сост. В. В. Бурцева]. М.: Рус. яз. Медиа, 2007. 750 с.

Тришин В. Н. Электронный словарь-справочник синонимов русского языка системы ASIS® (свод общепотребительной, специальной и заимствованной лексики с синонимическими рядами). М., 2013. URL: https://dic.academic.ru/contents.nsf/dic_synonims/ (дата обращения 05.10.2010).

References

Arutyunova N. D. *Tipy yazykovykh znacheniy: Otsenka. Sobytie. Fakt* [Types of linguistic meanings: Evaluation]. Moscow, Nauka, 1988, 341 p.

Fomina Yu. A. *Aspekty izucheniya yazykovoy otsenki* [Aspects of the study of linguistic evaluation]. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2007, no. 20, pp. 154–161.

Kalyuzhnaya I. A. *Kontsept “detstvo” v nemetskoj i russkoj lingvokul’turakh* [The concept “childhood” in German and Russian linguocultures]. Cand. philol. sci. diss. Volgograd, 2007, 229 p.

Nowell-Smith R. N. The Logic of Adjectives. In: *The Logic of Sentences and Arguments*. Oxford, 1957, pp. 55–81.

Solodilova I. A. *Chastnootsenochnye smysly: kognitivnye osnovy i osobennosti formirovaniya* [Partial evaluation meanings: cognitive bases and features of formation]. *Vestnik of the Orenburg State University*. 2017, no. 8 (208), pp. 29–37.

Tripol’skaya T. A. *Emotivno-otsenochnyy diskurs: kognitivnyy i pragmaticheskiy aspekty* [Emotive-evaluative discourse: cognitive and pragmatic aspects]. Novosibirsk, 1999, 165 p.

Vol’f E. M. *Funktsional’naya semantika otsenki* [Functional semantics of evaluation]. Moscow, Nauka, 1985, 228 p.

List of dictionaries

Dal’ V. I. *Tolkovyy slovar’ zhivogo velikorusskogo yazyka: izbr. st.* [The explanatory dictionary of the living Great Russian language: selected articles]. Combined edition of V. I. Dahl and I. A. Baudouin de Courtenay. Moscow, Olma-Press, Krasn. proletariy, 2004, 700 p. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc2p/311058> (accessed 11.09.2022).

Efremova T. F. *Novyy slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyy* [New dictionary of the Russian language. Explanatory and word-formative]. Moscow, Rus. yaz., 2000. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/278789> (accessed 19.09.2022).

Elistratov V. S. *Slovar' russkogo argo (Materialy 1980–1990-kh gg.)* [Dictionary of Russian Argo (Materials of 1980–1990s)]. Moscow, 2002. URL: <http://gramota.ru/slovari/argo/> (accessed 03.10.2022).

Russkiy assotsiativnyy slovar' [Russian associative dictionary]. Yu. N. Karaulov, Yu. A. Sorokin, E. F. Tarasov et al. Moscow, 1994. URL: <http://thesaurus.ru/dict/> (accessed 19.09.2022).

Slovar' narechiy i sluzhebnykh slov russkogo yazyka [Dictionary of adverbs and service words of the Russian language]. V. V. Burtseva (Comp.). Moscow, Rus. yaz. Media, 2007, 750 p.

Trishin V. N. *Elektronnyy slovar'-spravochnik sinonimov russkogo yazyka sistemy ASIS® (svod obshcheupotrebitel'noy, spetsial'noy i zaimstvovannoy leksiki s sinonimicheskimi ryadami)* [Electronic dictionary-directory of synonyms of the Russian language of the ASIS® system (a set of common, specialized and borrowed vocabulary with synonymic series)]. Moscow, 2013. URL: https://dic.academic.ru/contents.nsf/dic_synonims/ (accessed 05.10.2010).

Информация об авторе

Ольга Александровна Ружа, кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка и методики его преподавания Института филологии, массовой информации и психологии Новосибирского государственного педагогического университета (Новосибирск, Россия)
WoS Researcher ID IXN-6207-2023

Information about the author

Olga A. Ruzha, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Modern Russian Language and Methods of its Teaching, Institute of Philology, Mass Information, and Psychology, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation)
WoS Researcher ID IXN-6207-2023

*Статья поступила в редакцию 23.03.2023;
одобрена после рецензирования 25.07.2023; принята к публикации 25.07.2023
The article was submitted on 23.03.2023;
approved after reviewing on 25.07.2023; accepted for publication on 25.07.2023*

Научная статья

УДК 811.512.157 + 808.2

DOI 10.17223/18137083/86/17

Метафора дыма: реконструкция культурных смыслов (на материале якутской лингвокультуры)

Луиза Львовна Габышева

Северо-Восточный федеральный университет
имени М. К. Аммосова
Якутск, Россия

ogonkova-jenya@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4911-272X>

Аннотация

Рассматривается языковая и культурная семантика якутского слова *бууруо* ‘дым’, порождающего систему метафорических моделей в лексике, фразеологии и фольклоре. Как свидетельствует материал, метафоре дыма присущи смысло- и текстообразующие функции, в якутской лингвокультуре она не только образует парадигму языковых единиц с общей семантикой ‘потомки, продолжение рода’, но и служит источником порождения текста загадок, пословиц, благопожеланий, заклинаний, эвфемизмов и т. д. Анализируемая метафора отражает фрагмент фольклорной картины мира народа саха, связанный с патриархальной семьей, социальной ролью сына и дочери в продолжении рода.

Ключевые слова

устная память, якутская лингвокультура, метафора, семантика, фольклор, гендерные стереотипы

Для цитирования

Габышева Л. Л. Метафора дыма: реконструкция культурных смыслов (на материале якутской лингвокультуры) // Сибирский филологический журнал. 2024. № 1. С. 236–247. DOI 10.17223/18137083/86/17

© Габышева Л. Л., 2024

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2024. № 1. С. 236–247

Siberian Journal of Philology, 2024, no. 1, pp. 236–247

Smoke metaphor: reconstruction of cultural meanings (a case study of Yakut linguoculture)

Luiza L. Gabysheva

M. K. Ammosov North-Eastern Federal University
Yakutsk, Russian Federation

ogonkova-jenya@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4911-272X>

Abstract

The paper examines the linguistic and cultural semantics of the Yakut word *buruo* (smoke) by exploring its metaphorical manifestations in vocabulary, phraseology, and folklore. The folklore text is analyzed using a structural-semiotic approach to examine language as a cultural verbal code. For the first time, the smoke metaphor is recognized as a source of riddles, proverbs, good wishes, incantations, euphemisms, and others. Otherwise, the metaphor is found to have meaning- and text-forming functions. In the Yakut linguoculture, the smoke metaphor creates a micro paradigm of linguistic units with the general semantics of “descendants, a continuation of the family.” The metaphor under study is suggested to be a cultural element of the Sakha people’s folklore, specifically related to the patriarchal family structure and the roles of sons and daughters in procreation. The smoke metaphor, a tool for creating new concepts and pictorial means in language and culture, proves to be an element of the informational structures of oral collective memory. It preserves the principle of patrilineage, gender stereotypes, and traditional ideas of the Sakha people about the succession of generations and procreation, understood as “development, advancement through stages of development.” A significant finding is that a polysemous word, phraseology, paremy, epithet, folklore formula, symbol, and others can preserve considerable information in a coiled form and serve as an optimal way of its oral transmission in time and space. To conclude, folklore text metaphors are not only emotionally rich but also involve “condensed” meaning, with a symbol representing the information compression.

Keywords

oral memory, Yakut linguoculture, metaphor, semantics, folklore, gender stereotypes

For citation

Gabysheva L. L. Smoke metaphor: reconstruction of cultural meanings (a case study of Yakut linguoculture). *Siberian Journal of Philology*, 2024, no. 1, pp. 236–247. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/86/17

Своеобразие слова в фольклорном тексте во многом состоит в способности к семантическому колебанию между лексическим значением, с одной стороны, и своей культурной значимостью, с другой. Оно является единицей лексической системы языка и вместе с тем определенным культурным знаком, и наибольшая трудность заключается в том, чтобы дать целостное представление о семантике лексемы во всем ее объеме.

Лексикон языка, будучи погружен в стихию устного народного творчества, насыщается богатством смысловых обертонов, образностью, эмоциональной экспрессией. Вырванное из всего массива культурных традиций, слово может утратить многоплановость и динамичность своего жизненного содержания, коннотации и ассоциации. В нем спрессована, подобно геологической эпохе, тысячелетняя память народа, отсюда особая его роль в механизме передачи культурного опыта из уст в уста, от поколения к поколению.

Всё это в полной мере относится к якутской многозначной лексеме *буруо* ‘дым’, особенностью которой является высокий смыслообразующий потенциал и, как следствие, «тяготение» к символизму.

Мы выдвигаем гипотезу, согласно которой метафора дыма, выступая инструментом создания в языке и культуре новых концептов и изобразительных средств, служит элементом информационных структур устной коллективной памяти и хранит традиционные представления народа саха о продолжении рода, принципе патрилинейного счета родства, гендерные стереотипы.

Имя *буруо* ‘дым, чад’ в переносном смысле означало ‘жилая юрта’, ‘семья, отдельное хозяйство’¹: «*Биһиги билигин уонтан тахса буруо дьон баарбыт...* Нас теперь живет больше десяти семей (дымов)», – сообщается в одном из исторических преданий народа саха [Пекарский, 1958, т. 1, с. 570; Исторические предания..., 1960, с. 271, 274]. Подобный перенос значения является типичным для многих языков, в том числе тюркских². Производная лексема *буруолаах* ‘дымный, дымящийся’, субстантивирываясь, приобретает значение ‘житель’; ‘жилище, семья со всем хозяйством’ [ТСЯЯ, 2005, с. 576]. В паремии говорится: «*Буруолаах буруолаабы итэбэйбэтигэр дылы. Житель жителю не верит*» [Пекарский, 1958, т. 1, с. 571]. Называя ближайшего соседа, якуты прибегают ко вторичной номинации *булкуһа буруолаах* букв. ‘смешанные дымы’ [Нелунов, 1998, с. 40]. Функционирует и поговорка: *Тиллһэ тиэргэн, булкуһа буруо* ‘Дворы общие, дымы смешанные’ [Якутские пословицы..., 1962, с. 152].

Показательно, что полисемантическое слово *буруо* ‘дым’ образует во фразеологии микропарадигму сходных по внутренней форме языковых единиц с общей семантикой ‘потомки, продолжение рода’. Так, если существует фразеологическая единица (далее ФЕ) *буруо оннугар буруо хаалла* (букв. ‘на месте дыма дым остался’), т. е. потомки остались, то употребительны и выражения с антонимичным значением: *буруота сүттэ* (букв. ‘дым его исчез, потерялся’), (*уһун*) *буруота быһынна* (букв. ‘длинный дым его прервался’), т. е. после него никого (из потомков) не осталось; род его прекратился [Нелунов, 1998, с. 146; 2002, с. 24; ТСЯЯ, 2005, с. 575].

По отношению к мужчине, не имеющему детей, применяется инвективное выражение *мунур*³ *буруо* ‘дым без верхушки’, внутренняя форма которого, удерживая, развивает общий исходный образ [Пекарский, 1959, т. 2, с. 1630]. Данная метафора используется в олонхо при описании несчастной судьбы мужчины: *Онон мунур буруоланар, кэлтэгэй кэскиллэнэр...* ‘Тогда (я) с укороченным дымом,

¹ В настоящее время данный лексико-семантический вариант слова считается архаизмом [ТСЯЯ, 2005, с. 574].

² Тюркский архетип **tüŋlik* ‘отверстие для дыма’, этимологически восходящий, по мнению тюркологов, к слову *tütün* ‘дым’, развил значения ‘двор, семья’ в алтайских и хакасских диалектах. Заимствование из монгольских языков *öröke* ‘дымоход в крыше юрты; заслонка, покрывающая дымовое отверстие; двор, семейство, очаг; статистическая единица, используемая в переписи’ означает в телеутском, алтайском и его диалектах ‘двор (= семья)’, ‘поселение’, в тувинском – ‘хозяйство’ [Тенишев и др., 1997, с. 507, 517].

³ Определение *мунур* означает не только «не имеющий верхушки, срезанный, укороченный», но и «не имеющий продолжения, тупиковый» [ТСЯЯ, 2009, с. 49]; ср. с толкованием семантики имени *мунур* в «Словаре якутского языка» Э. К. Пекарского: ‘конечный, завершённый’, ‘конец, тупик’ [Пекарский, 1959, т. 2, с. 1630–1631]. Смысл лексемы связан с идеей конца, тупика, завершения чего-либо, в настоящем контексте – продолжения рода.

ущербным уделом... (человеком стану)’ [Кыыс Дэбэлийэ, 1993, с. 126–127]. В расширенном варианте упомянутое речение зафиксировано как поговорка: *Мунгур буруо, муус оһох* ‘Куцый дым, ледяной очаг’. Или: *Муус хабах, мунгур буруо*. ‘Ледяной мочево́й пузырь, куцый дым’ [Якутские пословицы..., 1962, с. 169].

Значение близкой по внутренней форме ФЕ (*уһун*) *буруота сабылынна* букв. ‘(длинный) дым кончился’ толкуется в словарях якутского языка разноречиво: ‘не стало его очага (т. е. умер одинокий хозяин); род их прекратился’ [Нелунов, 1998, с. 146] и ‘потерять возможность самостоятельного существования в качестве отдельного хозяйства’ [ТСЯЯ, 2005, с. 575]. ФЕ в значении ‘потерять возможность самостоятельного существования в качестве отдельного хозяйства’ имеет вариант *буруота умулунна* букв. ‘дым погас’ и связана системными отношениями с другими фразеологизмами: (*тусна*) *буруо таһаар* букв. ‘выпускать отдельный дым’, ‘стать, быть самостоятельным хозяином, самостоятельной семьей’ и *уһун буруону унаарыт* (букв. ‘пускать длинный дым’) ‘жить богато, счастливо’ [Нелунов, 1998, с. 214; ТСЯЯ, 2005, с. 575–576].

Можно предположить, что в этом случае мы имеем дело с проблемой «живого понимания метафорического языка фольклора» [Потебня, 1976, с. 431], указанные устойчивые словосочетания, встречающиеся в устном народном творчестве, характеризуются богатым жизненным содержанием, широкой подвижной семантикой, которая обычно, как пишет А. Ф. Лосев, «в словарях по необходимости указывается в раздельном виде, но в живом языке дается сплошно и текуче» [Лосев, 1982, с. 452]. Необходимо отметить, что анализируемые ФЕ-омонимы пересекаются по смыслу⁴, обозначая различные грани народного понимания благополучия и счастья, тесно сопряженных с идеями продолжения рода и материального благосостояния семьи. «Пусть на передние полы падают дети, а на задние полы наступают стада твои», – в такой лаконичной форме выражается благопожелание в свадебном алкыше алтайцев [Львова и др., 1988, с. 58]. Ср. с близким по смыслу текстом олонхо: «Ниспослали меня в великий срединный мир основать жизнь, свить гнездо, чтобы дым очага восемью столбами длинными поднимался вверх, не иссякая, чтобы нарожала счастливых детей, плодился удачно скот...» [Омуннаах..., 2012, с. 234]. Героиня одноименного якутского эпоса Кыыс Дэбэлийэ, благословляя молодых, произносит *алгыс* (благопожелание): *Ороһу⁵ бөбөнү олохтоонгут, уһун буруобут унаарыйдын, кэнчээри бөбөнү тэнгитэнгит...* ‘Малых детей побольше рожайте, пусть высокий дым ваш густо курится, пусть многочисленные ваши потомки размножатся...’ [Кыыс Дэбэлийэ, 1993, с. 268–269]. До сих пор ФЕ, варьируясь по форме, встречается в алгысах-благословениях на свадьбах: *Торбо унаар буруобут тохтообокко унаарыйдын!* ‘Пусть, клубясь беспрерывно, столб вашего дыма тянется вверх!’ [Обрядовая поэзия..., 2003, с. 270–271]. Богатая и благополучная жизнь эпического героя, владельца бесчисленных табунов и стад, будущего родоначальника людей, описана подробно, причем олонхосут не преминул упомянуть и дым, который «крутился широкой полоской, точно зады белых двух коней, поставленных рядом *кэрэ сылгы кэлин мындаатын кэккэлэтэ кэбиспит курдук киэн уорбалаах кэтит буруолаах*» [Ала-Булкун, 1994,

⁴ Пересекаются по смыслу в определенном контексте и понятия ‘семья’ и ‘отдельное хозяйство’.

⁵ *Ороһу* ‘поздний, родившийся последним, припозднившийся (о ребенке)’, ср. с алтайским термином родства *орочы* ‘младший сын, наследник’. Младший сын называется в монгольском языке хранителем очага *одхан*, *odcigin*. По обычаю многих народов, дом отца наследует младший сын [Владимирцов, 1934, с. 49, 54, 55].

с. 14, 100]. Сложный по структуре троп живописует мир сквозь призму излюбленного образа коня⁶, используя характерный для олонхо анатомический код.

Подтекст может размыть смысловые границы слов и выражений, язык фольклора вообще способствует «приращению» смысла и в некоторых случаях не гасит многозначность лексических единиц, создавая многомерный образ.

Таким образом, во фразеологическом корпусе имя *бууро* ‘дым’ образует ФЕ с опорой на свои переносные значения: ‘семья’ (наличие / отсутствие потомков); ‘хозяйство’⁷ (наличие / отсутствие самостоятельного хозяйства; процветающее хозяйство). Особняком стоит ФЕ *бууота уһаабыт* (букв. ‘его дым тянется’), т. е. жить долго, отличаться долголетием; ср. с синонимичным фразеологизмом *уһун уоту отун* (букв. ‘длинный огонь разжечь’)⁸ [ТСЯЯ, 2005, с. 289; 2015, с. 316–317].

Рассмотрим метафору дыма в контексте фольклора, народного мировосприятия и миропонимания по одной из семантических линий, а именно в значении ‘род, потомки’.

«Словарь якутского языка» Э. К. Пекарского сохранил загадку: *Бууота үһэ-нэн бууолуур* ‘Дым его верхом идет’. Отгадка: «пар от дыхания ребенка, лежащего в зыбке» [Пекарский, 1958, т. 1, с. 570]. Текст ее содержит элемент языковой игры, построенной на полисемии лексемы *бууро* ‘дым’, которая ранее означала и ‘пар’ [Там же]. Смысл паремии для носителя языка и устного народного творчества саха значительно глубже указанного простого ответа; образ дыма, идущего вверх, порождает идею – род (его) продолжается; универсальный по значению пространственный маркер ‘верх’ соотносится с благополучием и процветанием.

В культурах иных народов, в частности славянских, дым, идущий вверх, как примета предвещает семейное благополучие, здоровье домочадцев, скорую свадьбу в доме, долгую жизнь хозяину, урожайный год в противоположность дыму, плывущему вниз [Славянские древности, 1999, с. 168].

Другая якутская загадка, отличающаяся ярким национальным колоритом, изображает с помощью того же метафорического кода процесс вылупления птенцов, т. е. продолжения рода: *Кур унуохтан бууро көппүт* ‘Из старой косточки дым вылетел’ [Якутские загадки, 1975, с. 120]. В тексте использован также типичный для культуры скотоводов анатомический код – упоминается кость, которая, по выражению М. Элиаде, мыслится как «первичная материя» (ср. со старинным якутским выражением *унуох уруу* букв. ‘родство по кости’) [Элиаде, 1998, с. 126; Пекарский, 1959, т. 3, с. 3068].

В устном народном творчестве популярны загадки про дым и искры⁹: *Уһун уол (уола уһун), кылгас кыыс (кыыһа кылгас) баар үһү*. (букв. ‘длинный сын¹⁰ /

⁶ Определенные ассоциации вызывает изображение таких анатомических подробностей, как «зады» лошадей, тесно стоящих рядом.

⁷ Ср. с глаголом *бууолан* ‘иметь отдельное хозяйство’ [ТСЯЯ, 2005, с. 576].

⁸ Отметим, что культурные коннотации слов *бууро* ‘дым’ и *уот* ‘огонь’ частично пересекаются и в других случаях: *уота умулунна* (букв. очаг в доме погас), т. е. умер последний человек в семье; *уота уоттуйбут* (букв. огонь его разжегся), т. е. обзаводиться своим домом / двором и др. [ТСЯЯ, 2015, с. 232, Нелунов, 2002, с. 268].

⁹ Можно считать универсальным метафорическое обозначение семьи, предков и потомков через понятия очага, огня, дыма и т. д. В языках многих народов слова, обозначающие очаг, служат метафорой семьи, отсюда не только перенос значения типа русского *очаг* ‘семья, родной дом’, но и широкое употребление терминов родства, в частности, в паре-

мальчик, короткая дочь / девочка есть, говорят'. – Л. Г.). 'Говорят, есть парень-длиннуля, дева-коротуля' [Якутские загадки, 1975, с. 242]. Отгадку – *буруо* 'дым' и *кыым* 'искры' – можно найти в тексте заклинания, с которым шаман обращается к почитаемому духу огня: *Уһун буруо уоллаах, кылгас кыым кыыстаах аал уотум иччитэ!* 'Дух-хозяин священного огня с сыном – длинным дымом, с дочерью – короткой искрой!' [Попов, 2006, с. 456]. В одной легенде рассказывается, как старик и старуха, лишившись ребенка, плачут: «Наш дым утерял верхушку, укоротились искры¹¹ наши, остались мы точно опаленный сломанный комель дерева, точно черный пенёк...» [Серошевский, 1993, с. 441].

Приведенный текст – *уһун буруо уоллаах, кылгас кыым кыыстаах аал уотум иччитэ* 'дух-хозяин священного огня с сыном – длинным дымом, с дочерью – короткой искрой' – является компонентом фольклорной формулы, с помощью которой вводится имя священного духа огня. Она встречается в различных жанрах устного народного творчества, может трансформироваться, не утрачивая основные образы и ассоциации.

Оппозиция дым / искра вводит противопоставление мужской / женский и вместе с тем несет информацию о различии социальных ролей лиц мужского и женского пола в продолжении рода, принципе патрилинейного счета родства в якутском обществе. Подтвердим сказанное конкретным материалом.

Метафора отсылает нас к опыту первичных ощущений, практически-действенных контактов с миром. Скрытое сравнение искры с дочерью основано на практическом опыте и образных ассоциациях – искра имеет свойство отскакивать, отпрыгивать в сторону от очага, и в паремиях возникает образ дочери-прыгуньи: *Кылыыһыт кыыстаах, айанныт уоллаах Көпсөгөлөөн оҕонньор баар үһү* 'Говорят, у старика Көпсөгөлөөн дочь-прыгунья да сын-путник'. Отгадка: *уот, буруо, кыым* 'огонь', 'дым', 'искра' [Якутские загадки, 1975, с. 242].

При патрилокальном браке, принятом в якутском родовом обществе, дочь-невеста «отделяется», уезжает от родных в другой род, молодые живут там, где жил отец мужа. При входе в дом жениха невеста, согласно якутскому свадебному обряду, «грудью разрывала ветку тальника, что служило символом разрыва с ро-

мьях народов мира о печи. Приведем якутские и русские паремии: *Ийэлэрин тотору аһаттахха, оччоҕо кыргыттара балаҕан үрдүгэр тахсаллар, уолаттара халаанҥа көтөллөр*. 'Если мать досыта накормить, дочери по крыше разбегаются, сыновья в небеса устремляются' [Якутские загадки, 1975, с. 241]. *Мать толста, дочь красна, сын кудреват, отец горбоват* (отгадка: печь, огонь, дым, кочерга). В якутских паремиях образы дыма и искры соединяются с представлением о детях, нередко приобретая гендерные различия: *Кыһыл оҕолор сырсан эрэллэр* 'Красные ребятки наперегонки бегут' (отгадка: искры). *Көҕөй тиштэтэн сыгыннах оҕолор уһуулар баар үһү* 'Говорят, из полых лиственницы голые ребятки выбегают' (отгадка: искры). *Бөрө сабыннахтаах оҕолор сырсан эрэллэр үһү* 'Говорят, детишки в волчьих дошках бегают' (отгадка: дым) и др. [Якутские загадки, 1975, с. 243–244].

¹⁰ В загадках других народов дым выступает также в образе сына, который рождается прежде отца-огня: «Еще отец не родился, а сын уже по крыше / по свету ходил» [Славянские древности, 1999, с. 168].

¹¹ Ср. с метафорой искр в тексте якутского камлания против бесплодия супругов: *Саамай үчүгэйдик түннүктэрэ бүөлэннин диэн, оһохторо кыымнаннын диэн...* 'Пусть как можно лучше закроются их окна, пусть в их камине появятся искры...' [Попов, 2006, с. 236].

дителями¹²» [Слепцов, 1989, с. 40]. «Женщина является продолжательницей чужого рода, т. е., выходя замуж за представителя другого *аҕа ууһа* (отцовского рода. – Л. Г.), она рождает детей не своего отчего рода, а рода мужа», – пишут этнографы¹³ [Федорова, 2012, с. 5].

Паремии косвенно подтверждают сказанное: *Кыыс оҕо – омуҕ анала*. ‘Дочь предназначена иноплеменнику’; ср. с алтайской пословицей: *Кыс чыгара тартар, уул кийдире тартар*. ‘Дочь наружу тянет, сын вовнутрь тянет’ [Алтайские пословицы..., 1956, с. 67]. Пословицы, предупреждая, наставляют: *Дьоллоох кыыс төрөөбүтүттэн (ийэтиттэн, аҕатыттан) ыраах эрэ барар*. ‘Счастливая девушка выходит замуж далеко от родины (от матери и отца)’. Или: *Төрөөбүтүгэр олорор кыыс дьоло суох буолар*. ‘Девушка, живущая у родных, не бывает счастлива’ [Якутские пословицы..., 1962, с. 164–165].

В патрилокальном социуме миссия продолжения рода возлагается на сына, и сквозной для различных фольклорных жанров образ дыма, плывущего из очага вверх по небу, ярко и зримо передает его предназначение – быть связующим звеном между мирами предков¹⁴ и потомков. Лексему *буруо*, которая ассоциируется с идеей продолжения рода, можно назвать словом-символом или, в терминах Ю. М. Лотмана, образом-моделью, имеющим «синкретическое словесно-зрительное бытие» [Лотман, 1996, с. 116]. Миф как первая форма постижения мира, его воспроизведения и объяснения тесно связан с целостным чувственным образом¹⁵, с символом.

Формула включает, помимо указанных оппозиций дым / искра, мужской / женский, антитезу длинный / короткий. Широкий смысл имеют постоянные эпитеты, связанные антонимией *уһун уол / кылгас кыыс* ‘длинный или высокий сын / короткая или низкая дочь’. Они отражают гендерные стереотипы, которые содержат культурно и социально обусловленные мысли и пресуппозиции, относящиеся к признакам и атрибутам поведения представителей того или иного пола. В «Словаре якутского языка» Э. К. Пекарского прилагательное *кылгас* ‘короткий’ означает вместе с тем ‘недалекий’, ‘малодушный’, ‘имеющий скудные средства к жизни’; ср.: с наречием *кылгастык* ‘в скудости (жить)’ [Пекарский, 1959, т. 2, с. 1385]. В современном якутском языке семантика имени *кылгас* практически не изменилась: ‘небольшой, низкий’, ‘недалековидный’, ‘малоимущий, бедный’ и т. п. [ТСЯЯ, 2008, с. 232–234]. Все вышеназванные характеристики соответст-

¹² В старинной песне *Сүктэр кыыс ырыата* ‘Песня девушки, выходящей замуж’ звучат рефреном слова расставания (*арааран* ‘оторвав, разлучив’) с родной землей и прощания с родителями (*на веки веков, навсегда прощайте*), мотив дальнего пути и чужбины («я должна последовать за парнем из такого далекого племени, что, если поищешь – следов не увидишь, если крикнешь – голоса не услышишь») [Якутские народные песни, 1977, с. 214–215, 220–223].

¹³ Свидетельством этого служит, как утверждает Е. П. Федорова, факт «большей терминологической дифференциации различных категорий патрилатерального родства по сравнению с матриллатеральным» [Федорова, 2012, с. 5].

¹⁴ По нашему предположению, мифический мир предков у якутов и других тюркских народов располагался на родовой священной горе; подробнее см. [Габышева, 2009, с. 59–61].

¹⁵ В связи с этим отметим, что постоянный эпитет дыма *уһун* ‘длинный’ имеет омоформу – глагол *уһун* ‘течь, передвигаться по водной поверхности; медленно плавно двигаться по чему-либо’, и эти ассоциации, возникающие невольно, сопровождают образ дыма в фольклорных текстах.

вуют гендерным стереотипам патриархального общества, в котором женщина имела низкие ¹⁶ социальный статус и оценку.

Семантика слова *уһун* ‘длинный; длина’ включает сему ‘продолжительность во времени’ (ср. с однокоренным глаголом *уһаа* ‘продолжаться’; сын – продолжатель рода) ¹⁷, оно порождает ряд фразеологизмов со значением долголетия ¹⁸, а в современном якутском языке образует парные лексемы *уһун-ыраах* (букв. длинное-далекое) и *уһун-киэн* (букв. длинное-широкое) ‘будущее, грядущее’ [ТСЯЯ, 2015, с. 314, 318–319]. Слова со значением ‘потомок’ и ‘будущее’ предполагают близкую смысловую связь и входят в одно семантическое поле.

В отличие от дочери-прыгуни, образ сына в загадках о дыме определяется как *айанныт* ‘путник, путешественник’; важные для нашего анализа смыслы этого имени раскрывают однокоренные лексемы. Значение существительного *айан* – это не просто дорога или путь, а дальний путь, дальняя поездка («обычно трудная, длительная и хорошо снаряженная»); в современном языке оно получило характерное переносное значение ‘путь развития, продвижение по ступеням развития’ [ТСЯЯ, 2004, с. 309]. Примечательно, что полисемантический глагол *айаннаа* ‘совершать дальнюю поездку, путешествовать’ употребляется в речи и как эвфемизм, означая ‘умереть, скончаться (о стариках)’. Глагол входит в состав фразеологизма *анараа дойдуга айаннаа* ‘отправляться на тот свет, умереть’ [Там же, с. 311–312]; изображение смерти как путешествия в загробный мир, как известно, бытует у многих народов. В связи с данным материалом приведем загадку, в которой дым предстает в образе летящих в небеса стариков, облаченных в серые дохи: *Борон сабынньахтаах оҕонньоттор халлаанга кэтөллөр үһү*. ‘Говорят, старики в серых дохах в небеса улетают’ [Якутские загадки, 1975, с. 240].

В словесно-образных импликациях метафоры, связях значений, а также в тропях и образах фольклора индицируются гендерные стереотипы, правило патрилинейного счета родства, понимание смены поколений и продолжения рода как ‘пути развития, продвижения по ступеням развития’.

Итак, слово-символ *буруо* образует систему метафорических моделей со значениями ‘семья, род и его продолжение’, ‘потомки, сын’, ‘самостоятельное отдельное хозяйство’, ‘долголетие’ и др. Отдельные указанные значения зарегистрированы в словарях как лексические, в большинстве случаев они проявляются в мифопоэтических тропях, формулах, образах якутского фольклора. Как свидетельствует материал, метафоре дыма присущи смысло- и текстообразующие функции, в якутской лингвокультуре она не только формирует парадигму полисемантических слов и ФЕ с общей семантикой ‘потомки, продолжение рода’, но и служит источником порождения текста загадок, пословиц, алгысов, заклинаний, эвфемизмов и т. д.

¹⁶ Противопоставление *уһун уол* / *кылгас кыыс* актуализируют и оппозицию *высокий* / *низкий*.

¹⁷ Любопытно, что эпитет *уһун* (*буруо*) ‘длинный’, имеет гендерную референцию в языке табу: субстантивированное прилагательное служило эвфемистическим обозначением детородного органа самца животного (ср. с номинацией мужского полового члена *уһун сэн*); это значение зарегистрировано в «Словаре якутского языка» Э. К. Пекарского [1959, т. 2, с. 2166, 3089].

¹⁸ Ср. с благопожеланием: *Уһун тускул тут!* (букв. длинное благополучие держи) ‘благословить на долгую счастливую жизнь’; *өссө да уһуннук оһор* ‘долгих лет жизни’; *уһун үйэлэн* ‘жить долго, быть долгожителем’ [ТСЯЯ, 2005, с. 289; 2015, с. 316–317].

В процессе исследования метафора дыма раскрывается как «устойчивое языковое и речевое образования, несущее в себе “кванты” традиционной культурной информации» [Артеменко, 2005, с. 100]. Человек, творец и носитель устного народного творчества, свои воззрения на различие социальных ролей мужчины и женщины в продолжении рода, гендерные стереотипы передает, не прибегая к декларативным заявлениям или логическим суждениям, а кодируя экономичным способом – с помощью метафор и символов, способных хранить и транслировать в «сжатом» виде систему культурных смыслов и традиционные ценности. Из мифа вырастает метафора, и ее анализ приводит к осмыслению значимости мифологических элементов мышления в смысловых структурах языка [Габышева, 2003, с. 57–159]. Метафора дыма, отражая фрагмент картины мира якутов, связанный с патриархальной семьей, правилом счета родства, служит элементом информационных структур устной коллективной памяти.

Список литературы

- Ала-Булкун: Якутское олонхо / Сказитель Т. В. Захаров-Чээбий. Якутск, 1994. 101 с.
- Алтайские пословицы и поговорки / Сост. С. С. Суразаков. Горно-Алтайск, 1956. 42 с.
- Артеменко Е. Б. Фольклорная формула и устнопоэтическая традиция // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий: Материалы III Всерос. науч.-практ. конф. Воронеж: ВГПУ, 2005. Ч. 2. С. 99–108.
- Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. Л., 1934. 224 с.
- Габышева Л. Л. Слово в контексте мифопоэтической картины мира (на материале языка и культуры якутов). М.: РГГУ, 2003. 192 с. (Чтения по истории и теории культуры. Вып. 38)
- Габышева Л. Л. Фольклорный текст: семиотические механизмы устной памяти. Новосибирск: Наука, 2009. 187 с.
- Исторические предания и рассказы якутов: В 2 ч. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. Ч. 1. 432 с.
- Кыыс Дэбэлийэ: Якутский героический эпос / Сказитель Н. П. Бурнашев. Новосибирск: Наука, 1993. 330 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока)
- Лосев А. Ф. Знак, символ, миф. Труды по языкознанию. М., 1982. 480 с.
- Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.
- Львова Э. Л., Октябрьская И. В., Сагалаев А. М., Усманова М. С. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир. Новосибирск: Наука, 1988. 225 с.
- Нелунов А. Г. Якутско-русский фразеологический словарь. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1998. Т. 1. 287 с.; 2002. Т. 2. 298 с.
- Обрядовая поэзия саха (якутов). Новосибирск: Наука, 2003. 512 с.
- Пекарский Э. К. Словарь якутского языка: В 3 т. Якутск, 1958. Т. 1. С. 1–1280; 1959. Т. 2. С. 1281–2508; Т. 3. С. 2509–3858.
- Попов А. А. Камлания шаманов. Новосибирск: Наука, 2006. 464 с.
- Потебня А. А. Эстетика и поэтика. М.: Искусство, 1976. 614 с.
- Серошевский В. Л. Якуты. Опыт этнографического исследования. СПб., 1896. 736 с.

Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. / Под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1999. Т. 2: Д–К. 697 с.

Слепцов П. А. Традиционная семья и обрядность у якутов (XIX – начало XX в.). Якутск, 1989. 159 с.

Тенишев Э. Р., Благова Г. Ф., Добродомов И. Г., Дыбо А. В. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. М.: Наука, 1997. 800 с.

ТСЯЯ – Толковый словарь якутского языка: В 15 т. / Под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2004. Т. 1 (Буква А). 680 с.; 2005. Т. 2 (Буква Б). 912 с.; 2008. Т. 5 (Буква К). 910 с.; 2009. Т. 6 (Буква Л–Н). 519 с.; 2015. Т. 12 (Буква У, Y). 598 с.

Федорова Е. П. Термины родства и свойства в якутском языке: структурно-семантическое описание: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Якутск: ИД СВФУ, 2012. 16 с.

Элиаде М. Шаманизм: Архаические техники экстаза. Киев, 1998. 384 с.

Якутские загадки. *Саха таабырыннара* / Сост. С. П. Ойунская. Якутск, 1975. 375 с.

Якутские народные песни: В 4 ч. Якутск, 1977. Ч. 2: Песни о труде и быте. 422 с.

Якутские пословицы и поговорки / Сост. Н. В. Емельянов. Якутск, 1962. 246 с.

Омуннаах-төлөннөөх Уол Эр Соҕотох / Н. Г. Тагров; подгот. В. В. Илларионов. Якутск: ИД СВФУ, 2012. 368 с. (Серия «Саха олонхото»)

References

Ala-Bulkun: Yakutskoe olonkho [Ala-Bulkun: Yakut Olonkho]. Zakharov-Cheebiy T. V. (Storyteller). Yakutsk, 1994, 101 p.

Altayskiye poslovitsy i pogovorki [Altai proverbs and sayings]. S. S. Surazakov (Comp.). Gorno-Altaysk, 1956, 42 p.

Artemenko E. B. Fol'klornaya formula i ustnopoeticheskaya traditsiya [Folklore formula and oral-poetic tradition]. In: *Problemy izucheniya zhivogo russkogo slova na rubezhe tysyacheletiy. Materialy 3 Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Problems of studying the living Russian word at the turn of the millennium. Materials of the 3rd All-Russian sci.-pract. conf.]. Voronezh, VSPU, 2005, pt. 2, pp. 99–108.

Eliade M. *Shamanizm: Arkhaicheskie tekhniki ekstaza* [Shamanism: Archaic techniques of ecstasy]. Kiev, 1998, 384 p.

Fedorova E. P. *Terminy rodstva i svoystva v yakutskom yazyke: strukturno-semanticheskoye opisaniye* [Terms of kinship and properties in the Yakut language: structural and semantic description]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Yakutsk, NEFU, 2012, 16 p.

Gabyшева L. L. *Slovo v kontekste mifopoeticheskoi kartiny mira (na materiale yazyka i kultury yakutov)* [The word in the context of the mythopoetic worldview (based on the language and culture of the Yakuts)]. Moscow, RSHU, 2003. (Chteniya po istorii i teorii kul'tury [Readings on the history and theory of culture]. Iss. 38). 192 p.

Gabyшева L. L. *Fol'klornyy tekst: semioticheskiye mekhanizmy ustnoy pamyati* [Folklore text: semiotic mechanisms of oral memory]. Novosibirsk, Nauka, 2009, 187 p.

Istoricheskie predaniya i rasskazy yakutov: V 2 ch. [Historical legends and stories of the Yakuts: In 2 pts.]. Moscow, Leningrad, AN SSSR, 1960, 432 p.

Kyys Debelye: Yakutskiy geroicheskiy epos [Kyys Debelye: Yakut heroic epic]. Burnashev N. P. (Storyteller). Novosibirsk, Nauka, 1993. (Pamyatniki fol'klora narodov

Sibiri i Dal'nego Vostoka) [Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East]. 330 p.

Losev A. F. *Znak, simbol, mif. Trudy po yazykoznaniyu* [Sign, symbol, myth. Works on linguistics]. Moscow, 1982, 480 p.

Lotman Yu. M. *Vnutri myslyashchikh mirov. Chelovek – tekst – semiosfera – istoriya* [Inside thinking worlds. Man – text – semiosphere – history]. Moscow, LRC Publishing House, 1996, 464 p.

L'vova E. L., Oktyabr'skaya I. V., Sagalayev A. M., Usmanova M. S. *Traditsionnoe mirovozzrenie tyurkov Yuzhnoi Sibiri. Prostranstvo i vremya. Veshny mir* [Traditional worldview of the Turks of Southern Siberia. Space and time. The material world]. Novosibirsk, Nauka, 1988, 225 p.

Nelunov A. G. *Yakutsko-russkiy frazeologicheskiy slovar'* [Yakutsk-Russian phraseological dictionary]. Novosibirsk, SB RAS Publ., 1998, vol. 1, 287 p.; 2002, vol. 2, 298 p.

Obryadovaya poeziya sakha (yakutov) [Ritual poetry of Sakha (Yakuts)]. Novosibirsk, Nauka, 2003, 512 p.

Omunnah-telennөөh Uol Jer Soḡotoh [Furious-Ardent Jer Soḡotoh]. Tagrov N. G (Storyteller); Illarionov V. V. (Comp.). Yakutsk, SEFU, 2012. (Seriya ("Sakha olonkhoto" [Yakut epic series])). 368 p.

Pekarsky E. K. *Slovar yakutskogo yazyka: V 3 t.* [Dictionary of the Yakut language: In 3 vols]. Yakutsk, 1958, vol. 1, pp. 1–1280; 1959, vol. 2, pp. 1281–2508; vol. 3, pp. 2509–3858.

Popov A. A. *Kamlaniya shamanov* [Shamans' kamlan'e]. Novosibirsk, Nauka, 2006, 464 p.

Potebnya A. A. *Estetika i poetika* [Aesthetics and Poetics]. Moscow, Iskusstvo, 1976, 614 p.

Seroshevsky V. L. *Yakuty. Opyt etnograficheskogo issledovaniya* [Yakuts. The experience of ethnographic research]. St. Petersburg, 1896, 736 p.

Sleptsov P. A. *Traditsionnaya sem'ya i obryadnost' u yakutov (19 – nachalo 20 v.)* [Traditional family and rituals among the Yakuts (19th – early 20th centuries)]. Yakutsk, 1989, 159 p.

Slavyanskiye drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar' [Slavic antiquities: Ethnolinguistic dictionary: In 5 vols.]. Tolstoy N. I. (Ed.). Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 1999, vol. 2: D–K. 697 p.

Tenishev E. R., Blagova G. F., Dobrodomov I. G., Dybo A. V. *Sravnitelno-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Leksika* [Comparative-historical grammar of the Turkic languages. Vocabulary]. Moscow, Nauka, 1997, 800 p.

Tolkovyy slovar' yakutskogo yazyka: V 15 t. [Explanatory dictionary of the Yakut language: In 15 vols]. P. A. Sleptsov (Ed.). Novosibirsk, Nauka, 2004, vol. 1 (Bukva A [Letter A]). 680 p.; 2005, vol. 2 (Bukva B [Letter B]). 912 p.; 2008, vol. 5 (Bukva K [Letter K]). 910 p.; 2009, vol. 6 (Bukvy L–N [Letters L–N]). 519 p.; 2015, vol. 12 (Bukvy U, Y [Letters U, Y]). 598 p.

Vladimirtsov B. Ya. *Obshchestvennyy stroy mongolov* [The social system of the Mongols]. Leningrad, 1934, 224 p.

Yakutskie narodnye pesni: V 4 ch. [Yakut folk songs: in 4 pts.]. Yakutsk, 1977, pt. 2: Pesni o trude i byte [Songs about work and life]. 422 p.

Yakutskie poslovitsy i pogovorki [Yakut proverbs and sayings]. Emelyanov N. V. (Comp.). Yakutsk, 1962, 246 p.

Yakutskiye zagadki. Sakha taabyrynnara [Yakut riddles]. Oyunsкая S. P. (Comp.). Yakutsk, 1975, 375 p.

Информация об авторе

Луиза Львовна Габышева, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры общего языкознания и риторики Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова (Якутск, Россия).

Information about the author

Luiza L. Gabysheva, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor, Department of General Linguistics and Rhetoric, North-Eastern Federal University in Yakutsk (Yakutsk, Russian Federation)

*Статья поступила в редакцию 12.01.2022;
одобрена после рецензирования 26.03.2022; принята к публикации 26.03.2022
The article was submitted on 12.01.2022;
approved after reviewing on 26.03.2022; accepted for publication on 26.03.2022*

Рецензии

Рецензия

УДК 811.512.1+811.512.2+811.511.1

DOI 10.17223/18137083/86/18

Рецензия на книгу:

Тюнтешева Е. В., Байыр-оол А. В., Озонова А. А., Шагдурова О. Ю., Тазранова А. Р., Федина Н. Н., Кошкарева Н. Б., Невская И. А., Шенцова И. В., Горбунова В. А., Стручкова Я. В. Жизненное пространство и духовный мир человека через призму языков Сибири / Отв. ред. Н. Б. Кошкарева, Е. В. Тюнтешева; Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т филологии. Новосибирск: Академиздат, 2021. 300 с.

Замира Касымбековна Дербишева

Кыргызско-Турецкий университет «Манас»
Бишкек, Кыргызстан

zamira.derbisheva@manas.edu.kg, <http://orcid.org/0000-0003-4333-4425>

Аннотация

Рецензируемая монография исследует универсальные концепты *ЖИЗНЬ*, *СМЕРТЬ*, *ДУША*, *РОДНАЯ ЗЕМЛЯ* в языках коренных народов Сибири, относящихся к трем языковым семьям – тюркской, тунгусо-маньчжурской и финно-угорской. Глубокое и детальное исследование объемного языкового материала с применением лингвокогнитивного анализа обеспечило решение основной исследовательской задачи, а именно формирование языковой картины мира коренных народов Сибири, эксплицирующей наряду с универсальными смысловыми константами и уникальные этнокультурные доминанты в языковом осмыслении ключевых концептов.

Ключевые слова

языки коренных народов Сибири, лингвокультурология, концепт, концептосфера

Для цитирования

Дербишева З. К. Рецензия на книгу: Тюнтешева Е. В., Байыр-оол А. В., Озонова А. А., Шагдурова О. Ю., Тазранова А. Р., Федина Н. Н., Кошкарева Н. Б., Невская И. А., Шенцова И. В., Горбунова В. А., Стручкова Я. В. *Жизненное пространство и духовный мир человека через призму языков Сибири* / Отв. ред. Н. Б. Кошкарева, Е. В. Тюнтешева; Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т филологии. Новосибирск: Академиздат, 2021. 300 с. // Сибирский филологический журнал. 2024. № 1. С. 248–252. DOI 10.17223/18137083/86/18

© Дербишева З. К., рец., 2024

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2024. № 1. С. 248–252

Siberian Journal of Philology, 2024, no. 1, pp. 248–252

The review of the monograph:

“The living space and the spiritual world of man through the prism of the languages of Siberia,” written by Tyuntesheva E. V., Bayyr-ool A. V., Bayyr-ool A. V., Ozonova A. A., Shagdurova O. Y., Tazranova A. R., Fedina N. N., Koshkareva N. B., Nevskaya I. A., Shentsova I. V., Gorbunova V. A., Struchkova Ya. V. and edited by N. B. Koshkareva and E. V. Tyuntesheva, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Akademizdat, 2021, 300 p.

Zamira K. Derbisheva

Kyrgyz-Turkish Manas University
Bishkek, Kyrgyzstan

zamira.derbisheva@manas.edu.kg, <http://orcid.org/0000-0003-4333-4425>

Abstract

The monograph under review explores the universal concepts of LIFE, DEATH, SOUL, and MOTHERLAND in the languages of the indigenous peoples of Siberia. These languages originate from three distinct language families: Turkic, Tungusic-Manchurian, and Finno-Ugric. The authors provide a comprehensive analysis of these axiologically significant concepts, revealing the similarities and differences in perception and their linguistic interpretation. The work consistently follows the methodology based on the principles of linguocognitive and linguocultural analysis along with comparative-historical verification of the data under study. It is postulated that the linguistic picture of the world of the Siberian peoples reflects pagan ideas differing from the Christian vision of the world, with a man, the only living and inanimate being possessing a soul, occupying a central position. The monograph accurately emphasizes the universal and specific features of the linguistic interpretation of the concepts of LIFE and DEATH in the languages of the indigenous peoples of Siberia. It is noted that the traditional worldview of Siberian peoples clearly reflects the coexistence of a person with representatives of other worlds: the world of spirits (masters of rivers and mountains) and the otherworldly world. The differences in the understanding of MOTHERLAND in the Russian language and the languages of the peoples of Siberia are identified.

Keywords

languages of the indigenous peoples of Siberia, linguoculturology, concept, conceptsphere

For citation

Derbisheva Z. K. The review of the monograph: “The living space and the spiritual world of man through the prism of the languages of Siberia,” written by Tyuntesheva E. V., Bayyr-ool A. V., Bayyr-ool A. V., Ozonova A. A., Shagdurova O. Y., Tazranova A. R., Fedina N. N., Koshkareva N. B., Nevskaya I. A., Shentsova I. V., Gorbunova V. A., Struchkova Ya. V. and edited by N. B. Koshkareva and E. V. Tyuntesheva, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Akademizdat, 2021, 300 p. *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 1, pp. 248–252. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/86/18

В рецензируемой монографии рассмотрены важные для духовной культуры понятия внутреннего мира человека, жизни и смерти, души, родной земли как жизненного пространства, которые могут считаться универсальными, поскольку находят отражение в разных языках. В ней учитываются такие важные для стату-

са концепта критерии, как ментальный характер этого феномена, этнокультурная маркированность, аксиологическая значимость, образность, а также высокий языковой вес данных концептов, представленный активной репрезентацией концептов в лексике, идиомах, паремических единицах, метафорах и т. д.

Актуальность данного изыскания неоспорима, поскольку выявление универсального содержания – принципиально значимая проблема поиска «надкультурного» единства человечества. Под языковыми универсалиями авторы монографии понимают фундаментальные когнитивно значимые концепты, которые «являются частью генетического наследства человека» (с. 4). Наряду с этим постулатом авторы монографии справедливо утверждают, что языковое воплощение универсальных понятий в конкретных языках не достигает концептуального уровня, не может быть полностью идентично даже в близкородственных языках. И именно этот тезис является главной целевой установкой и потенциальной гипотезой рецензируемого исследования.

Тема жизненного пространства и духовного мира сибирских тюркских народов, таких как хакасы, алтайцы, тувинцы, якуты, шорцы, сибирские татары, была изучена на фоне их древнетюркского родства. Авторы дали глубокий, всесторонний анализ аксиологически значимых концептов *ДУША*, *ЖИЗНЬ*, *СМЕРТЬ* и *РОДНАЯ ЗЕМЛЯ* на материале языков данных народов, убедительно раскрыв сходства и различия в восприятии и их языковой интерпретации.

Оценивая результаты научных изысканий, представленных в монографии, следует отметить, что сделаны весьма логичные выводы, основанные на сравнительном изучении большого объема фактического материала. Последовательно выдержана методология анализа, основанного на принципах лингвокогнитивного, лингвокультурного подхода с элементами сравнительно-исторической верификации исследуемых данных.

Работа состоит из трех глав: Глава I. Понятие «душа» в языках народов Сибири; Глава II. Концепты Жизнь и Смерть как лингвистические универсалии; Глава III. Представления о Родной Земле и Большой Родине в языках народов Сибири. Каждая глава, посвященная отдельным концептам, представляет монументальное исследование духовного мира, жизненных приоритетов, эмоционального портрета каждого народа Сибири.

В первой главе исследователями установлено, что значение 'душа' в языках сибирских народов сформировалось на базе таких значений, как 'мысль', 'желание; настроение', 'нутро'. Авторы подчеркивают тесную связь внутреннего, духовного мира человека с интеллектуальной сферой, сохраняющуюся еще со времен памятников древнетюркской письменности и особенно ярко представленной в тувинском языке, усиленной в нем монгольским влиянием. Из работы следует, что тюркская и обско-угорская системы наименования «душ» обладают принципиальным сходством, которое состоит в том, что грань между живыми и неживыми предметами подвижна, к одушевленному миру принадлежит не только человек, но и животные, растения, а также некоторые материальные предметы, наделяемые жизненной силой. Человек не выделяется из окружающего его мира, является его органичной частью, поскольку в рассмотренных сибирских языках представлено по несколько наименований «душ» – прижизненных, пограничных и посмертных. Отмечается довольно большое количество частных параллелей между тюркскими, ульским и хантыйским языками: формирование фразеологизмов, описывающих состояние страха и испуга на основе выражений, описы-

вающих выход души из тела, наличие нескольких душ одного типа (в частности, посмертных) и т. д.

Авторы постулируют, что «ядро духовной сферы, к которой принадлежат все наименования «душ», устроено однотипно. Это связано с тем, что в языковой картине мира сибирских народов находят отражение языческие представления, отличные от христианского видения мира, в центре которого стоит человек, единственный из всех живых и неживых существ обладающий душой. Различия наблюдаются в сфере формирования вторичных значений у лексем, которые могут втягиваться в семантическое поле “душа”. Несмотря на то что во всех языках (сибирских народов. – З. Д.) наблюдаются проекции из интеллектуально-эмотивной и физиологической сфер в духовную, их значимость различна» (с. 76).

Необходимо отметить точно расставленные в монографии акценты, связанные с универсальными и специфическими чертами языковой интерпретации концептов *ЖИЗНЬ* и *СМЕРТЬ* в языках коренных народов Сибири. По данным, полученным на основе анализа обширного языкового материала указанных языков, авторами сделаны весьма логичные выводы, связанные с рядом аналогий в понимании жизни и восприятии смерти, объединяющих сибирские языки с языками других систем: «Представление о жизни как о движущемся времени, пространстве, пути, по которому идет человек, как о реке, как о нити, рвущейся в момент смерти человека, об огне прослеживается во многих лингвокультурах, различаясь частными, конкретными элементами» (с. 262). Этноспецифичными представляются образы «жизнь как дом» в тувинском языке и «жизнь как широкое пространство» в алтайском; в хакасском жизнь и родная земля предстают как мать, в объятиях и в подоле которой находится человек. В тюркских языках жизнь неразрывно связана с тем пространством, где живет человек, с его родом и семьей. В традиционном мировоззрении сибирских народов отчетливо ощущается сосуществование человека с представителями других миров – мира духов (хозяев рек, гор), потустороннего мира.

Примечательно, что метафорическая перцепция смерти у народов Сибири дает много параллелей с образными представлениями, которые свойственны другим народам: Смерть как перемещение из одного пространства в другое, в мир предков; смерть как персонифицированный хищник, активный и враждебный человеку. Своеобразие восприятия смерти у сибирских народов проявляется особенно отчетливо: это связано с представлением о смерти как возвращении из физической реальности в иной мир, являющийся исходным пристанищем человека; далее в улчском языке путь к смерти подразумевает природный ориентир: реку и гору, гора в хакасском языке также предстает как граница с потусторонним миром; в чалканской лингвокультуре смерть воспринимается как переход душ в иной мир через отверстие в скале; в хантыйской культуре до сих пор сохраняется вера в реинкарнацию душ, поэтому жизнь представляется как спираль, в которой душа постоянно перевоплощается.

Подробно освещен вербальный лингвокогнитивный аспект концепта *РОДНАЯ ЗЕМЛЯ*. Объединяют сибирские языки такие маркеры родной земли, как земля и вода. Особую значимость приобретает вода как маркер родной земли для носителей хантыйской лингвокультуры, так как окружающий ландшафт представляет собой плоскую заболоченную равнину, по которой протекает множество больших и малых рек, на которой находятся разнообразные водные источники. У алтайцев с родной землей ассоциируются горы, лечебные источники, можжевельник; у тувинцев – высокая гора, которая «раньше всего встречает рассвет», ореховая тайга;

у якутов – теплое дыхание, тепло родной земли, удобное для жизни, подходящее для покосных угодий место; у чалканцев – старый родительский дом, родственники, реки, горы, тайга, кедр и др.; у хантов – вода, леса, ягель, дающие человеку пропитание. Родная земля священна, ее охраняют духи и божества. Особенно ярко это выражено в языковой картине мира алтайцев, у которых родная земля Алтай обожествляется, является объектом особого почитания. Персонификация образа родины отмечается во всех рассматриваемых языках: частотными являются сочетания репрезентантов концепта *РОДНАЯ ЗЕМЛЯ* с разнообразными соматизмами, уникальными для разных языков.

Опираясь на языковой материал, авторы находят различия в понимании родины в русском языке и в языках народов Сибири: «Если в русском языке корень слова *родина* указывает на социальную общность людей, объединенных отношениями родства, то в сибирских языках основные репрезентанты данного концепта – это слова с общим значением ‘земля’, подчеркивающие связь с тем физическим пространством, в котором обитает человек» (с. 258).

Необходимо отметить точно расставленные акценты по интерпретации образа родины коренными народами Сибири, являющейся частью большой географической территории, входящей в состав крупного государства – Российской Федерации. А именно авторы резюмируют: в исследованных языках складывается не двучленная, а трехчленная система, включающая малую родину – родной поселок, реку, гору, с одной стороны, большую родину, которой для народов Сибири являются Алтай, Тува, Хакасия, Шория, Якутия, Югра, с другой, и, наконец, Россию как государство, объединяющее разные народы. В связи с этим понятие *Родина* нередко отождествляется с Россией, но приобретает при этом черты концепта *ГОСУДАРСТВО*, в котором на первый план выходит экономическая и социальная объединяющая функция, оно приобретает характер идеологемы.

Данная монография является первым фундаментальным исследованием, раскрывающим духовные основы коренных этносов Сибири в терминах когнитивной лингвистики, в рамках которой язык, будучи наследием тысячелетнего творчества народа, раскрывает пути осознания самих себя, демонстрирует общие опоры своего существования, способствует осмыслению своего жизненного пространства в этом огромном мире.

Информация об авторе

Замира Касымбековна Дербисшева, доктор филологических наук, профессор Кыргызско-Турецкого университета «Манас» (Бишкек, Кыргызстан)

Information about the author

Zamira K. Derbisheva, Doctor of Philology, Professor, Kyrgyz-Turkish Manas University (Bishkek, Kyrgyzstan)

Статья поступила в редакцию 16.03.2023;

одобрена после рецензирования 20.03.2023; принята к публикации 20.03.2023

The article was submitted on 16.03.2023;

approved after reviewing on 20.03.2023; accepted for publication on 20.03.2023

Научная жизнь

Краткое сообщение

УДК 83.3(2)

DOI 10.17223/18137083/86/19

Международная научная конференция «Жизнь и судьба Николая Заболоцкого (1903–1958): к 120-летию со дня рождения»

**Игорь Евгеньевич Лоцилов¹
Татьяна Васильевна Игошева²**

¹ Институт филологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

² Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской академии наук
Санкт-Петербург, Россия

¹ loshch@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3642-2590>

² tigosheva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7988-204X>

Аннотация

Рассматриваются итоги Международной научной конференции «Жизнь и судьба Николая Заболоцкого (1903–1958): к 120-летию со дня рождения», прошедшей 20 и 21 сентября 2023 г. в Институте русской литературы РАН (Санкт-Петербург). Отмечается новизна исследовательских подходов в процессе изучения творчества Н. Заболоцкого, а также анализа и интерпретации его отдельных произведений. Подчеркивается, что ряд докладов раздвигает привычные контексты, в которых традиционно исследовалось творческое наследие Заболоцкого.

Ключевые слова

Н. А. Заболоцкий, биография, поэзия, заболоцковедение, анализ, интерпретация, комментарий

Для цитирования

Лоцилов И. Е., Игошева Т. В. Международная научная конференция «Жизнь и судьба Николая Заболоцкого (1903–1958): к 120-летию со дня рождения» // Сибирский филологический журнал. 2024. № 1. С. 253–257. DOI 10.17223/18137083/86/19

© Лоцилов И. Е., Игошева Т. В., 2024

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2024. № 1. С. 253–257
Siberian Journal of Philology, 2024, no. 1, pp. 253–257

International scientific conference
“The life and fate of Nikolai Zabolotsky (1903–1958):
on the 120th anniversary of his birth”

Igor E. Loshcholov¹, Tatyana V. Igosheva²

¹ Institute of Philology
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

² Institute of Russian Literature (Pushkin House)
of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russian Federation

¹ loshch@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3642-2590>

² tigosheva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7988-204X>

Abstract

This paper discusses the results of the international scientific conference “The life and fate of Nikolai Zabolotsky (1903–1958): on the 120th anniversary of his birth.” The conference was held at the Institute of Russian Literature (St. Petersburg) on September 20 and 21, 2023. The novelty of research approaches for studying the work of Nikolai Zabolotsky and analyzing and interpreting his works is noted. It is to be noted that several reports broaden the conventional contexts in which the creative heritage of Zabolotsky has traditionally been explored.

Keywords

Nikolai Zabolotsky, biography, poetry, Zabolotsky studies, analysis, interpretation, commentary

For citation

Loshcholov I. E., Igosheva T. V. International scientific conference “The life and fate of Nikolai Zabolotsky (1903–1958): on the 120th anniversary of his birth”. *Siberian Journal of Philology*, 2024, no. 1, pp. 253–257. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/86/19

20 и 21 сентября 2023 г. состоялась Международная научная конференция «Жизнь и судьба Николая Заболоцкого (1903–1958): к 120-летию со дня рождения», которую организовал Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург) совместно с Институтом филологии СО РАН (Новосибирск). Участники конференции прослушали более 20 докладов о жизни и творческом наследии поэта.

В докладе **А. А. Кобринского** (Санкт-Петербург, ИРЛИ РАН) была сделана убедительная расшифровка одного из самых загадочных стихотворений Заболоцкого – «Дуэль» (1926). Судя по всему, это стихотворение представляет собой не столько ребус, в котором нужно угадать имена и события из истории и литературы, а ироническую игру с читателем, своего рода обэриутскую «загадку без разгадки».

А. В. Белобородов (Новосибирск) предложил вспомнить, что Заболоцкий определял себя как поэта «голых конкретных фигур, придвинутых вплотную к глазам зрителя». Забытые или полузабытые реалии быта, литературы и культуры 1920-х гг. были соотнесены в сообщении с текстами «Столбцов» 1929 г.

Выступление **Л. О. Зайонц** (Москва, ИМК МГУ) было сосредоточено на стихотворении Заболоцкого «Сквозь волшебный прибор Левенгука» (1948). Имя

ученого было рассмотрено в ряду «антропонимических загадок» поэта («башня Эйнштейна», «птицы Хлебникова», «лик Сковороды»). Были предложены также контексты русской поэзии XVIII в., натурфилософии, философии русского космизма, стихотворений о микромире В. Нарбута, С. Петрова, Н. Морозова.

Ф. В. Кувшинов (Липецк, ЛГПУ) в докладе «Некрасивая бабочка Николая Заболоцкого» показал, что истинная красота для Заболоцкого – неизменно ускользающая, беззвучная, еле улавливаемая сущность бытия. Все попытки постигнуть ее механически, а не интуитивно, нелепы и обречены на провал.

Доклад **Л. Н. Кротовой** (Новосибирск, НГПУ) был посвящен вопросам перевода поэзии Заболоцкого на английский язык. Автор рассмотрел вопросы сохранения семантики оригинала при переводе «Столбцов», обращаясь к основным направлениям переводческих трансформаций при переводе текстов на английский язык. Особую сложность, по мнению исследовательницы, представляет передача индивидуально-авторских парадигм.

В сообщении **А. А. Чевтаева** (Санкт-Петербург, РГГМУ) рассмотрена специфика нарративной организации текста поэмы «Торжество Земледелия». Был сделан вывод о событийно явленном в поэме воплощении поэтической утопии Заболоцкого.

В докладе **И. П. Смирнова** (Констанц, Германия) «Николай Заболоцкий и Дзига Ветров» была прослежена реакция поэта в «Столбцах» и примыкающих к ним произведениях на авангардистский документальный кинематограф, полемизировавший с игровым фильмом. В позднейшей поэме «Торжество земледелия» ориентация на документалистику Вертова сменяется перекличкой со «Старым и новым» Эйзенштейна и Александрова.

В выступлении «Две вселенные двух стихотворений: Заболоцкий contra Пастернак» **И. Н. Сухих** (Санкт-Петербург, СПбГУ) сопоставил стихотворения Н. Заболоцкого «Когда вдали угаснет свет земной...» (1948, публ. 1956) и Б. Пастернака «Ночь» (1956). С точки зрения докладчика, принадлежащие к повествовательной лирике тексты объединены космическим мотивом. Если вселенная Пастернака одомашнена, то Заболоцкий фиксирует уникальную ситуацию, в чем-то предвосхищая роман С. Лема «Солярис»: контакт между людьми в разных углах вселенной возможен, диалог – нет.

Сообщение **М. М. Гельфонд** (Нижний Новгород, ВШЭ) было посвящено рассмотрению стихотворения Заболоцкого «Где-то в поле возле Магадана...» как в контексте творчества самого автора, так и в контексте русской поэзии в целом. В первом аспекте была отмечена смысловая и, вероятно, генетическая связь со стихотворениями «Ходоки» и «Журавли» (оба – 1948 г.); во втором – метрические, образные и сюжетные параллели с произведениями М. Ю. Лермонтова, Е. А. Баратынского, Н. А. Некрасова.

Доклад **Ю. Б. Орлицкого** (Москва, РГГУ) был посвящен стихотворным вставкам в переложении книги Шарля де Костера о Тиле Уленшпигеле (1867), сделанном Заболоцким (1936), а также Мандельштамом (1928). Заболоцкий перевел лишь одну из стихотворных вставок, Мандельштам – шестнадцать. Работы поэтов были рассмотрены в контексте истории переводов книги де Костера на русский язык, а кроме того – в сравнении с оригиналом, где их функция близка к оперным ариям.

И. Е. Лоцилов (Новосибирск, ИФЛ СО РАН) рассказал о подготовке полной публикации материалов «Дела № 43838 по обвинению Заболоцкого Николая Алексеевича, в 2 томах» (1938–1963) – документа, который до сего времени из-

вестен исследователям лишь фрагментарно. Были воссозданы основные вехи вхождения в печатную литературу советского времени сведений о годах заключения поэта, а также истории публикации документов, начало которой было положено в 1989 г. С. С. Лесневским. Проясняется место опубликованных им и Н. Н. Заболоцким документов в общей структуре дела.

В докладе **Василисы Шливар** (Белград, Сербия, Университет у Београду) были представлены главные выводы исследования поэзии Г. Гора в контексте творчества Н. Заболоцкого и органики первых десятилетий XX в.

Сообщение **А. М. Мирзасва** (Санкт-Петербург) было посвящено вопросу о творческих взаимовлияниях Заболоцкого и И. Бахтерева. Предпринято «некоторое количество сопоставлений» поэзии Заболоцкого и Бахтерева, с учетом долгой истории публикации наследия Заболоцкого и частично изданного впервые 10 лет назад наследия И. Бахтерева.

Выступление **А. Г. Разумовской** (Псков, ПсковГУ) было посвящено раскрытию эволюции темы осени в творчестве Заболоцкого, начиная с периода экспериментального сборника «Столбцы», через стихи на натурфилософскую тему к лирике 1950-х гг. «Осенние размышления» в картине мира поэта выражают его сложный и неповторимый путь исканий, завершившийся синтезом осмысления и переживания бытия природы в единстве с человеком.

Точкой отталкивания для сообщения **Д. М. Бекетовой** (Тюмень, ТюмГУ) стала одна из публикаций времен Перестройки; речь шла о контекстах стихотворения Заболоцкого «Сохранение здоровья» на страницах детского журнала «Трамвай» (1990, № 2). Доклад вызвал развернутую и насыщенную дополнительными наблюдениями и обобщениями реплику А. А. Кобринского.

Е. М. Солонович (Москва) рассказал об истории переводов итальянского поэта Умберто Сабы (1883–1957) и дал высокую оценку переводов, сделанных Заболоцким. В выступление было удачно вмонтировано чтение перевода стихотворения У. Сабы «Три улицы».

В докладе **Ю. М. Валиевой** (Санкт-Петербург, СПбГУ) «Рецепция Н. Заболоцкого в кругу поэтов “Филологической школы”» шла речь о специфике восприятия и творческого осмысления поэзии Заболоцкого представителями ленинградского неоавангарда 1950–1960-х гг. Были представлены архивные материалы: фрагменты переписки участников группы с отбывавшим заключение М. М. Красильниковым и поэтический цикл А. М. Кондратова «ОБЭРИУ (корни)».

Доклад **С. В. Кековой** и **Р. Р. Измайлова** (Саратов, СГК) был посвящен проблеме воплощения метафизических смыслов в поэзии Заболоцкого. Анализ стихотворения «В этой роще берёзовой» (1946) подводит к мысли о том, что оно является своеобразным ключом к поэзии Заболоцкого позднего периода.

В выступлении **Т. В. Игошевой** (Санкт-Петербург, ИРЛИ РАН) было выдвинуто предположение о том, что дидактическая поэма английского натуралиста и поэта XVIII в. Эразма Дарвина «Храм природы» является источником для целого ряда произведений Н. Заболоцкого 1930–1950-х гг. Эта гипотеза была подтверждена демонстрацией целого ряда параллельных мест у двух авторов. Наиболее убедительными они выглядели в отношении «Людейникова».

В заключение двухдневной работы конференции поэт и режиссер **Татьяна Данильянц** (Москва) рассказала о своей работе над посвященным Заболоцкому документальным фильмом «Твердый свет», показала трейлер будущего фильма и поделилась с участниками конференции соображениями на тему «Н. Заболоцкий-космист: взгляд из XXI века».

Прошедшая конференция не обладала чисто юбилейным характером. Она прошла в рабочей обстановке, при активном обсуждении прослушанных докладов. Были подведены определенные итоги изучению творчества Н. Заболоцкого, а также намечены дальнейшие исследовательские перспективы.

Информация об авторах

Игорь Евгеньевич Лоцилов, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора литературоведения Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия)

Татьяна Васильевна Игошева, доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Отдела новейшей русской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург, Россия).

Information about the authors

Igor E. Loshchilov, Candidate of Philology, Leading Researcher, Department of Literary Studies, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

Tatyana V. Igosheva, Doctor of Philology, Leading Researcher, Department of Recent Russian Literature, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation)

Статья поступила в редакцию 26.09.2023;

одобрена после рецензирования 30.09.2023; принята к публикации 30.09.2023

The article was submitted on 26.09.2023;

approved after reviewing on 30.09.2023; accepted for publication on 30.09.2023

Сибирский филологический журнал

Научный журнал

2024. № 1

Учредители

Сибирское отделение РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия

Институт филологии СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия

Алтайский государственный университет
пр. Ленина, 61, Барнаул, 656049, Россия

Иркутский государственный университет
ул. Карла Маркса, 1, Иркутск, 664003, Россия

Кемеровский государственный университет
ул. Красная, 6, Кемерово, 650000, Россия

Новосибирский государственный педагогический университет
ул. Виллюйская, 28, Новосибирск, 630126, Россия

Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия

Томский государственный педагогический университет
ул. Киевская, 60, Томск, 634061, Россия

Томский государственный университет
пр. Ленина, 66, Томск, 634050, Россия

Главный редактор
член-корреспондент РАН И. В. Силантьев

Адрес редакции, издателя
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-77938 от 04.03.2020

Ответственный за номер В. А. Горбунова
Редактор И. А. Похорукова
Корректор текста на английском языке Е. В. Давыдова

Сдано в набор 10.02.2024. Подписано в печать 05.03.2024
Дата выхода в свет 20.03.2024. Бумага офсетная № 1. Формат 70×108/16
Гарнитура Times New Roman. Печать цифровая
Подписная цена 1000 руб.
Уч.-изд. л. 32,25. Тираж 121 экз.
Заказ № 47

Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре НГУ
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия

ISSN 1813-7083

9 771813 708308

00001

